

ТИРАНИЯ

РОМАНОВЫ

ПОСЛЕДНЯЯ
ГЛАВА

Роберт К. Масси

ТИРАНИЯ

Роберт К. Масси

РОМАНОВЫ
ПОСЛЕДНЯЯ
ГЛАВА

Смоленск
Русич
1997

УДК 947

ББК 63.3 (0) 62

М 32

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского

Т. С. Бушуевой, И. С. Соколова

Художник А. А. Шуплецов

Масси Роберт К.

М 32 Романовы. Последняя глава /Пер. с англ.
Т. С. Бушуевой, И. С. Соколова; Худож.
А. А. Шуплецов – Смоленск: «Русич», 1996. –
448 стр. («Тирания»).

ISBN 5–88590–637–8

Новая книга Роберта Масси, лауреата Пулитцеровской премии, автора известных исследований по российской истории, таких как «Петр Великий» и «Николай и Александра», – драматическое описание последних часов жизни Николая II, а также рассказ о поисках останков семьи Романовых и установлении исторической и научной истины.

На основании новых фактов автор повествует о судьбах потомков династии Романовых, о самозванцах и истинных претендентах на престол. Перед читателем предстает широкая галерея действующих лиц – государственные деятели, коронованные особы, ученые из США, Великобритании, России.

М 9470000000

ББК 63.3 (0) 62

ISBN 5–88590–637–8

© «The Romanovs. The Final Chapter» by Robert
K. Massie, 1995

© Перевод. Т. С. Бушуева, гл. 1–14, 1996

© Перевод. И. С. Соколов, гл. 15–20, 1996

© Составление, разработка серии. «Русич», 1996

© Оформление. А. А. Шуплецов, 1996

К ЧИТАТЕЛЮ

Новая книга Роберта Масси, лауреата Пулитцевской премии, автора известных исследований по российской истории, таких как «Петр Великий» и «Николай и Александра», рассказывает о трагической судьбе семьи последнего русского царя, расстрелянной в 1918 году по приказу большевистского правительства. Выстрелы в екатеринбургском доме купца Ипатьева уничтожили династию Романовых, правившую в России более трехсот лет.

В чем только не обвиняли русских царей их недоброжелатели — и в жестокости, и в стремлении угнетать подвластный им народ, и в неспособности править страной. И есть какая-то злая ирония судьбы в том, что последний русский император, высокообразованный и мягкий по натуре человек, во время правления которого страна находилась на пороге экономического процветания, и которого тем не менее русские революционеры прозвали «кровавым», пал жертвой новой тирании — диктатуры пролетариата.

В трагедии, постигшей семью Николая II, потрясает жестокость самого времени — «века-волкодава», когда во имя торжества абстрактной идеи разменной монетой становилась человеческая жизнь. Поражает жестокость нераздумывающих палачей, уверенных в непогрешимости дела, которому они служили. А уже в наши дни равнодушие официальных лиц к судьбе

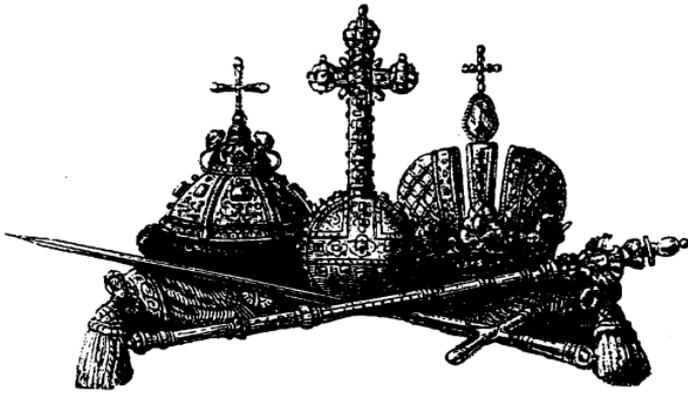
последнего царя просто изумляет. Не может не вызывать чувства уважения самоотверженность тех, кто зачастую бескорыстно занимался поисками истины.

Судьба царской семьи давно интересует российских исследователей, и в последние три-четыре года появилось много публикаций в периодической печати, а также книг, в числе которых обстоятельный труд Эдварда Радзинского «Господи... спаси и усмири Россию», «Царствование императора Николая II» С. С. Ольденбурга, многочисленные мемуары приближенных царя.

Книга «Романовы. Последняя глава» — это попытка по-новому взглянуть на судьбы людей, отношение к которым сегодня варьируется от безраздельного восхищения до глубокого равнодушия. На основании новых фактов Р. Масси рассказывает о судьбах многочисленных потомков династии Романовых, о самозванцах и истинных претендентах на российский престол.

Автором была проделана огромная работа по поиску новых свидетельств и фактов, просмотрено огромное количество документов, книг, периодических изданий. Все это и легло в основу данной книги.

Цель издающейся с 1993 года книжной серии «Тирания» — знакомит читателя с малоизвестными страницами, наиболее драматическими эпизодами в судьбах различных стран и народов. Поэтому издательство «Русич» и решило предоставить российской общественности возможность познакомиться с новой своеобразной точкой зрения автора-иностранца на столь важную для нашего сегодняшнего общества проблему, хотя, несомненно, трактовка тех драматических событий устроит далеко не всех.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОСТАНКИ

ГЛАВА 1

ДВАДЦАТЬ ТРИ СТУПЕНИ ВНИЗ

Ровно в полночь Яков Юровский, возглавляющий команду палачей, спустился вниз, чтобы разбудить своих узников. В карман он засунул кольт с семью патронами, а за пазухой у него имелся еще маузер с деревянным ружейным прикладом и десятью патронами.

На стук в дверь откликнулся доктор Евгений Боткин, семейный врач царской семьи, который оставался с Романовыми на протяжении всех шестнадцати месяцев ареста и заточения. Боткин не спал — он писал последнее, как потом оказалось, письмо своей семье.

Юровский спокойным тоном объяснил причину своего неожиданного вторжения. «В городе неспокойно, вам необходимо спуститься в подвал, — произнес он, — пребывание в верхних комнатах становится опасным, особенно если на улицах начнут стрелять».

Боткин все понял. Белогвардейцы при поддерж-

ке нескольких тысяч чехов, бывших военнопленных, находились на подступах к Екатеринбург, где на протяжении семидесяти восьми дней в заточении большевики держали царскую семью. До пленников уже доносилась отдаленная канонада, а в последнее время по ночам на улицах то и дело раздавался треск револьверных выстрелов. Юровский велел пленникам поскорее одеться. Боткин направился будить остальных.

На это потребовалось минут сорок. Бывший император Николай, пятидесяти лет, и его тринадцатилетний сын Алексей, бывший царевич и наследник престола, надели простые армейские гимнастерки, брюки, сапоги и фуражки. Бывшая императрица Александра, сорока шести лет, и ее дочери — Ольга двадцати трех лет, Татьяна, которой исполнился двадцать один год, Мария девятнадцати и Анастасия семнадцати лет, были в простых платьях, без шляпок и шалей.

Юровский встретил их на площадке за дверью и повел вниз по лестнице во внутренний двор. Вслед за ним двинулся Николай с сыном на руках, потому что тот был не в состоянии идти сам. Страдавший гемофилией Алексей, худощавый мускулистый подросток, весил восемьдесят фунтов, но царь, неся сына, даже ни разу не споткнулся.

Николай, хотя и среднего роста, был крепок телом, широк в плечах. Императрица спускалась следом, с трудом передвигая ноги — мучимая ишиасом, последние годы она провела лежа в шезлонге или постели, а в заключении — в инвалидной коляске. За ней шли дочери, две из них несли по небольшой подушечке, самая младшая, Анастасия, держала в руках своего любимца — спаниеля Джемми.

Вслед за царскими дочерьми шли доктор Боткин

и трое слуг, разделивших заключение с царской семьей: лакей Николай Трупп, горничная Александры Анна Демидова и повар Харитонов. Демидова также прижимала к груди подушечку, в которой, как потом оказалось, среди пуха и перьев находилась шкатулка с драгоценностями. Демидовой было велено ни на минуту не выпускать ее из рук.

Юровский не заметил, чтобы пленники что-либо заподозрили и пытались тянуть время. «Никаких слез, никаких рыданий, никаких вопросов», — заявил он позднее. С нижней площадки лестницы он повел их через внутренний дворик в небольшое полуподвальное помещение в углу дома. Размером оно было всего одиннадцать на тринадцать футов (3,7×4,3 м), с единственным небольшим окошком во внешней стене, загороженным тяжелой железной решеткой. Всю мебель оттуда заранее вынесли. Здесь Юровский попросил их подождать.

Александра, увидев, что в комнате нет мебели, тотчас поинтересовалась: «Как? Здесь нет стульев? Так, значит, нам и сесть нельзя?». Юровский распорядился, чтобы принесли пару стульев. Один из его подчиненных, которого отправили с этим поручением, сказал товарищу: «Наследнику нужен стул... не иначе как он собрался помереть сидя на стуле».

Принесли два стула. На один села Александра, на другой усадили Алексея. Дочери подложили одну подушку под спину матери, вторую — брату. После чего Юровский принялся отдавать распоряжения: «Прошу вас встать сюда, а вас сюда, вот так... в ряд». Расставляя таким образом своих пленников вдоль стены, он пояснил, что ему нужно их сфотографировать — в Москве, видите ли, некоторые опасаются, что бывший император бежал. Закончив объяснения, он выстроил одиннадцать человек в два ряда. Николай

стоял рядом с сыном в центре первого ряда, Александра сидела на стуле возле стены, дочери выстроились позади нее; остальным велели встать позади Николая и царевича.

Удовлетворенный тем, как ему удалось выстроить пленников, Юровский позвал не фотографа с треногой и черной накидкой, а одиннадцать человек, вооруженных револьверами. Пятеро, как и Юровский, были русские, шестеро — латыши. Накануне двое латышей отказались стрелять в юных девушек, и Юровский заменил их двумя другими.

Когда в двери позади него ввалились вооруженные солдаты, Юровский встал напротив Николая, правую руку засунул в карман брюк, а в левой сжал клочок бумаги с постановлением Совета, которое и принялся зачитывать: «Ввиду того, что ваши родственники продолжают свои нападки на Советскую Россию, Уральский Совет постановил вас казнить». Николай, обернувшись, быстро окинул взглядом семью, а затем, снова повернувшись к Юровскому, переспросил: «Что? Что?». Юровский торопливо повторил только что сказанное им, а затем, выхватив из кармана кольт, в упор выстрелил в Николая, прямо в сердце.

Его взвод тотчас начал стрельбу. Каждому солдату заранее сказали, в кого стрелять, причем целиться было велено в самое сердце, дабы избежать излишнего кровопролития и быстро покончить с жертвами. Двенадцать человек стреляли из пистолетов, причем некоторым пришлось это делать из-за плеч стоявших в первом ряду, поэтому многие из палачей получили пороховые ожоги и частично оглохли.

Императрица и княжна Ольга попытались осенить себя крестным знаменем, но, увы, слишком поздно. Александра скончалась в считанные секунды,

сидя на стуле. Ольга была убита одной пулей, попавшей ей в лоб. Боткин, Трупп и Харитонов также скончались на месте. Алексей, три младшие княжны и Демидова все еще оставались живы. Пули, казалось, отскакивали от корсетов царских дочерей и катались по помещению, словно градины.

Не понимая, в чем дело, а затем и попросту испуганные и доведенные едва ли не до истерики, палачи продолжали свою безумную пальбу. Княжон уже почти не было видно из-за пелены порохового дыма. Мария и Анастасия, присев на корточки, прижались к стене; защитив головы руками, но вскоре пули скосили и их. Алексей, лежавший на полу, пошевелил рукой, словно пытаясь заслониться от пуль, а затем вцепился в отцовскую гимнастерку. Один из палачей пнул царевича в голову тяжелым сапогом. Алексей застонал, Юровский сделал шаг вперед и дважды выстрелил из револьвера прямо в ухо мальчику.

Демидова осталась жива после первого шквала огня. Вместо того чтобы перезаряжать пистолеты, палачи взяли из соседнего помещения винтовки и набросились на нее со штыками. Надрываясь от крика, Демидова металась вдоль стены, пытаясь отбить нападавших своей «бронеподушкой». Затем, выронив подушку, она обеими руками ухватилась за штык, пытаясь отвести его от себя. Штык оказался тупым, и поначалу нападавший никак не мог проткнуть им свою жертву. Когда же несчастная женщина наконец пала замертво, разъяренные палачи нанесли ей еще более тридцати штыковых ран.

В помещении, наполненном едким пороховым дымом, неожиданно стало тихо. Повсюду была кровь, которая, стекая ручейками, собиралась в лужицы. Юровский быстро принялся переворачивать тела и

проверять пульс. Грузовик, поджидавший у парадных дверей ипатьевского дома, должен был успеть выехать с трупами далеко за город, прежде чем начнет светать. Все следовало сделать до первых проблесков июльской сибирской зари. Простыни, сорванные с постелей четырех великих княжон, пригодились для переноски тел, чтобы не забрызгать кровью полы и внутренний двор. Первым перенесли тело Николая. Неожиданно, когда на простыню клали одну из княжон, девушка издала стон. Банда палачей в тот же миг набросилась на нее, кто со штыком, кто с прикладом. Спустя мгновение несчастная затихла.

Когда всю семью перенесли в обтянутый брезентом кузов грузовика, на глаза солдатам попалась собачонка Анастасии. Животному разmozжили голову прикладом, а потом тоже забросили на грузовик.

«Вся процедура, — как позднее назвал происшедшее Юровский, — включая ошупывание пульса и погрузку на грузовик, заняла двадцать минут».

За два дня до казни Юровский и еще один участник экзекуции, Петр Ермаков, местный большевистский комиссар, выбрались в лес, чтобы подыскать подходящее место для захоронения жертв. Примерно в двадцати километрах к северу от Екатеринбурга, среди заболоченных торфяников и заброшенных горных выработок, находилось урочище «Четыре Брата», названное так потому, что когда-то над ним высились четыре могучие сосны. Вокруг пней, оставшихся от этих старых исполинов, среди разросшихся там берез и сосен имелось несколько пустых ям, одни помельче, другие поглубже — когда-то из них добывали уголь и торф. Самая большая из них называлась Ганинской ямой, по имени одного крестьянина-ста-

рателя. Другие вокруг нее, помельче и поглубже, оставались безымянными. Именно в это место и привез Юровский тела своих жертв.

Уже заехав глубоко в лес, трясясь в темноте по избитой грязной колее, грузовик Юровского неожиданно наткнулся на отряд, в котором было двадцать пять человек верхом и еще несколько в крестьянских телегах. Большинство из них оказались пьяны. То были екатеринбургские рабочие, некоторые из них — члены Уральского Совета, узнавшие от своего товарища Петра Ермакова, что по этой дороге провезут императорское семейство. Правда, они ожидали увидеть царя и его домочадцев живыми — Ермаков якобы пообещал им для забавы четырех великих княжон, а также — вот удача-то! — участие в расстреле Николая.

«Вы почему не привезли их живьем?» — недовольно закричали они.

Юровский, прекрасно владея ситуацией, быстро утомил недовольных и приказал им перегрузить тела с грузовика на телеги. Занявшись перегрузкой, рабочие начали срывать с мертвецов одежду и обшаривать карманы. Юровский тотчас положил этому конец, пригрозив расстреливать мародеров на месте. Однако не все тела поместились на небольшие телеги, и какие-то оставили на грузовике. Жуткая процессия двинулась дальше в лес.

В темноте, среди густых зарослей березняка и молодых сосен, палачи не смогли обнаружить Четырех Братьев. Юровский послал верховых в обе стороны вдоль дороги, чтобы те попытались найти развилку, ведущую к нужному месту. Занимался рассвет, в лесу стало светлее, и только тогда удалось обнаружить требуемое место. Дорога превратилась в тропу, и вскоре грузовик застрял меж двух деревьев и не мог сдви-

нуться с места. Пришлось перенести оставшиеся тела на телеги. В шесть утра кровавая процессия наконец достигла Четырех Братьев. Ганинская яма, в глубину около трех метров, была почти на полметра заполнена водой. Невдалеке в другой, более узкой, горной выработке, уходившей вглубь метров на десять, вода стояла еще выше.

Юровский приказал разложить трупы на траве и раздеть. Развели два костра. Когда снимали платье одной из дочерей, наткнулись на пробитый пулями корсет. Сквозь порванную одежду блеснули зашитые в корсет плотными рядами бриллианты — та самая «броня», которая во время казни защищала девушек и напугала их палачей. Увидев бриллианты, «могильщики» снова потеряли голову. И снова Юровский был вынужден вмешаться и отправил почти всех в город, оставив лишь нескольких. Раздевание трупов продолжилось. Всего собрали восемнадцать фунтов бриллиантов — главным образом из корсетов княжон. На императрице, как оказалось, был надет жемчужный пояс, сделанный из нескольких зашитых в полотно ожерелий. У каждой княжны на шее висел амулет с изображением Распутина и молитвой, сочиненной «святым старцем». Эти драгоценности, амулеты и все, что представляло хоть мало-мальскую ценность, сложили в мешки, а все остальное, включая одежду, сожгли.

Мертвые тела лежали на траве. Все они были ужасно обезображены. В какой-то момент кровопролития, то ли в приступе маниакальной ярости, то ли преднамеренно желая изуродовать жертвы до неузнаваемости, палачи крушили лица прикладами. Тем не менее, когда мертвых женщин — четырех из них юных и двенадцать часов назад таких прекрасных, — разложили на земле, к ним потянулись мужские руки.

«Я тоже ощупал императрицу, она была еще теплой», — вспоминал позднее один из присутствующих. Другой сказал: «Теперь я могу спокойно помереть, ведь я тискал императрицу за...» — последнее слово в этой фразе вычеркнуто.

После того как мертвых раздели, драгоценности собрали, а одежду сожгли, Юровскому оставалось сделать последнее дело. Он приказал сбросить тела в меньшую по размерам, но более глубокую шахту. Затем, пытаясь замести следы, бросил в нее несколько ручных гранат. К десяти утра он управился со всеми делами и вернулся в Екатеринбург доложить Уральскому Исполнительному Комитету.

Восемь дней спустя после убийства царской семьи Екатеринбург перешел в руки белых, и группа офицеров бросилась в ипатьевский дом. Здание оказалось практически пустым. На полу были раскиданы зубные щетки, булавки, расчески и разбитые иконы. В шкафах болтались пустые вешалки. Отыскалась Библия Александры с густо подчеркнутыми страницами и полная засушенных цветов и листьев. Нашлись и другие религиозные книги, а также издание «Войны и мира», три тома Чехова, биография Петра Первого, том пьес Шекспира и «Басни» Лафонтена. В одной из спален офицеры нашли гладко оструганную дощечку, на которой прикованный болезнью к постели царевич ел или играл. Рядом обнаружился самоучитель игры на балалайке. В столовой рядом с камином стояла инвалидная коляска.

Комната в подвале наводила на мрачные подозрения. Кое-где на полу были заметны пятна засохшей крови. На желтых досках, выскобленных и выдраенных, виднелись царапины и зазубрины от пуль и

штыков. Стены тоже были изрешечены пулями, а от той из них, вдоль которой палачи выстроили перед экзекуцией царскую семью, отвалились крупные куски штукатурки.

Предпринятые немедленно поиски царской семьи ни к чему не привели. И лишь спустя шесть месяцев, в январе 1919 года, когда адмирал Александр Колчак, «Верховный правитель» белого правительства Сибири, поручил Николаю Соколову, тридцатилетнему профессиональному следователю, взяться за это дело, было проведено тщательное расследование. Как только растаял снег, Соколов взялся за работу в урочище «Четыре Брата». Лесная тропа все еще хранила глубокие отпечатки, оставленные телегами и грузовиком. Земля вокруг ям была утоптана лошадиными копытами.

На поверхности Ганинской ямы и узкой шахты плавали обломанные ветки и обугленные поленья. Стены более глубокого колодца носили на себе следы взрывов гранаты. Обнаружились также и два кострища — одно у края шахты, другое на лесной дороге.

Соколов распорядился выкачать воду из Ганинской ямы и безымянной горной выработки и приступил к раскопкам. В Ганинской яме он ничего не обнаружил, а вот из соседней извлек несколько десятков предметов. Во время этих горестных трудов ему помогали два наставника покойного царевича: Пьер Жильяр, учитель французского языка, и Сидней Гиббс, учитель английского. Они оба оставались в Екатеринбурге после того, как императорскую семью перевели в ипатьевский дом. Среди обнаруженных этими потрясенными людьми и тщательно зарегистрированных улик оказалась пряжка с ремня императора, пряжка детского военного ремня, который носил царевич; обгорелый изумрудный крест,

подаренный императрице Александре вдовствующей императрицей Марией; жемчужная связка из тех, что носила императрица; Ульмский Крест, юбилейный знак, украшенный сапфирами и бриллиантами, преподнесенный Ее Величеству уланскими гвардейцами; металлическая коробочка, в которой Николай неизменно хранил портрет супруги; три небольшие иконки, принадлежавшие когда-то великим княжнам; футляр для очков императрицы, шесть дамских корсетов, ключья двух фуражек — Николая и Алексея, пряжки туфель великих княжон, очки доктора Боткина и верхняя искусственная челюсть с четырнадцатью зубами. Обнаружили также несколько обгорелых костей, частично разрушенных кислотой, но все еще с ясными отметками лезвия топора, отрезанный человеческий палец — тонкий и со следами маникюра как у Александры.

Соколов также собрал множество гвоздей, фольги, медных монет и небольшой замок, находка которого поначалу озадачила его, пока он не показал эту вещицу Жильяру. Учитель тотчас узнал в ней один из предметов, которыми вечно были набиты карманы царевича. Наконец, на дне ямы следователь обнаружил полуразложившийся труп спаниеля Анастасии Джемми, изуродованный, но не обгоревший.

Однако, не считая пальца и обугленных костей, Соколов не обнаружил в яме ни человеческих тел, ни костей. Он допросил одного из участников экзекуции и еще нескольких свидетелей и установил, что в ипатьевском доме были расстреляны одиннадцать человек. Кроме того, ему стало известно, что тела затем отвезли к Четырём Братьям. Соколов выяснил также, что на следующий день после убийства еще два грузовика с тремя бочками отправились в лес по дороге на Коптяки. Следователю также удалось выяснить, что

две из них были с бензином, а третья — с серной кислотой. На основе этих фактов Соколов пришел к заключению, что 18 июля, на следующий день после убийства, Юровский уничтожил тела, изрубив их топором, облил бензином и серной кислотой и сжег на кострах возле заброшенных выработок. Эти кости и пепел Соколов и объявил останками императорской семьи, а месторасположение костров — их захоронением.

С величайшей почтительностью Николай Соколов положил все обнаруженное во время своего расследования — обгорелые кости, палец и основные из личных вещей — в небольшой чемоданчик. Летом 1919 года, когда Красная Армия снова захватила Екатеринбург, Соколов проделал путешествие через всю Сибирь к Тихому океану и пароходом прибыл в Европу. Его чемоданчик, ставший впоследствии предметом всяческих домыслов и ожесточенных споров, проделал путешествие вместе с ним. Когда в 1924 году Соколов опубликовал свои выводы, скептики утверждали, что было невозможно уничтожить на костре одиннадцать трупов. Тем не менее, версия Соколова получила простое и на первый взгляд однозначное подтверждение — тела так и не были найдены.

И на протяжении большей части двадцатого столетия мир верил именно в версию Соколова.

ГЛАВА 2

СОГЛАСОВАНО С МОСКВОЙ

С самого начала казнь Романовых была согласована с Москвой. Еще в июне 1918 года большевистские лидеры не знали, что им делать с императорской семьей. Уральский Совет, непосредственный ее тюремщик в Екатеринбурге, яростно отстаивал идею казни. Лев Троцкий, вездесущий красный военный комиссар, мечтал, чтобы бывший царь предстал в Москве перед публичным судом, который можно было бы транслировать на всю Россию. Себя на нем Троцкий видел в роли обвинителя. Однако Ленин, неисправимый прагматик, предпочитал держать царскую семью в качестве заложников, используя как пешку в игре, которую он вел с Германией. В апреле Советская Россия подписала с кайзеровской Германией Брестский договор — долгожданный мир оказался достигнут ценой передачи Германии третьей части Европейской части России и всей Западной Украины. Миллионы русских подобное решение повергло в ужас, и они по праву посчитали его изменой. В течение некоторого времени Ленин надеялся, что ему

удастся уговорить Николая подписать или хотя бы одобрить договор, чтобы тем самым, хотя бы частично, придать документу видимость законности и уменьшить всеобщее возмущение. Еще одна проблема заключалась в том, что императрица Александра, будучи немкой по крови, приходилась кайзеру Вильгельму кузиной. Сразу после выхода России из войны и заключения перемирия новый германский посол в Москве, граф Мирбах, сделал недвусмысленное заявление о том, что его правительство беспокоится о судьбе Александры и ее четырех дочерей. Ленин не желал осложнять отношения с Германией — особенно в такой момент.

К началу июля над властью большевиков нависла угроза гражданской войны и иностранной интервенции. Вдобавок к немцам, угрожавшим с юга и запада, высадились на севере, в Мурманске, американские морские пехотинцы и британская армия. В левобережной Украине генералы Алексеев, Корнилов и Деникин создали Белую Добровольческую Армию. В Сибири чешский корпус численностью в сорок пять тысяч человек, состоящий из бывших военнопленных австро-венгерской армии, взял Омск и начал продвигаться на запад, угрожая Екатеринбургу. Когда большевики заключили мир, они дали разрешение чехам покинуть Россию через Дальний Восток, чтобы, вернувшись морем в Европу, те могли дальше сражаться за родную Чехию. Эшелоны с чехами уже находились в Сибири, растянувшись на огромном расстоянии, когда германский генштаб выразил несогласие с этим решением и потребовал от большевиков, чтобы те остановили дальнейшее продвижение чехов и разоружили их. Большевики предприняли такую попытку, но чехи ее отбили при поддержке антибольшевистски настроенных русских офицеров и солдат, и начали

одерживать верх. Именно приближение армии белочехов и вынудило Ленина и его заместителя Якова Свердлова (Троцкого к тому времени отозвали назад на фронт) изменить планы относительно бывшего государя и его семьи, содержащихся под стражей в ипатьевском доме.

6 июля большевики пережили еще один удар. В Москве двое левых эсеров, яростных противников Брест-Литовского договора, совершили покушение на германского посла. Ленин со Свердловым опасались, что германские войска двинутся на столицу. В гуще всей этой суматохи показательный суд над Николаем, а также уговоры подписать соглашение и использование царской семьи в качестве разменной монеты, потеряли всякий смысл. Романовы начали казаться чем-то второстепенным, некой досадной помехой.

Свердлов обрисовал ситуацию своему другу Филиппу Голощекину, члену Уральского Областного Совета, в тот момент почти неделю гостившему у Свердлова в Москве. 12 июля Голощекин вернулся в Екатеринбург и рассказал своим товарищам по Уральскому Совету, что правительство не видит в Романовых никакой дальнейшей пользы и поэтому поручает Совету по своему усмотрению решить, когда и как избавиться от царской семьи. Уральский Совет тотчас принял решение казнить всех ее членов. Юровский получил приказ расстрелять всех пленников до единого, а затем замести следы происшедшего.

В дни, непосредственно последовавшие за казнью, Москва тщательнейшим образом контролировала всякую информацию о екатеринбургских событиях. В девять часов вечера 17 июля Кремль получил от Ураль-

ского Областного Совета телеграмму, в которой говорилось:

«Передайте Свердлову, что всю семью постигла та же участь, что и ее главу. Официально семья погибнет во время эвакуации».

Свердлов, давно ждавший это сообщение, телеграфировал в ответ: «Сегодня (18 июля) я доложу о вашем решении Президиуму ВЦИК. Оно несомненно будет одобрено. Сообщение о казни должно исходить от центральных органов. Воздержитесь от газетных сообщений, пока его не получите». Свердлов, занимавший пост Председателя ВЦИК, информировал Президиум и, как и предполагал, получил одобрение.

В тот же вечер Москва продолжала делать вид, будто ей ничего не известно о казни, даже тогда, когда уже совсем поздно ночью Свердлов прибыл на заседание Совета Народных Комиссаров. Ленин председательствовал во время дискуссии по вопросам организации народного здравоохранения. Свердлов вошел, сел на стул позади Ленина и, наклонившись вперед, что-то прошептал ему на ухо. Прервав речь наркомздрава, Ленин произнес: «Слово предоставляется товарищу Свердлову, для одного важного объявления».

«Мы получили информацию, — недрогнувшим голосом объявил Свердлов, — что в Екатеринбурге по решению Уральского Областного Совета расстрелян бывший царь Николай. Александра Федоровна и дети находятся в надежных руках. Николай планировал побег. Чехи были на подступах к городу. Президиум ЦИК дал свое согласие».

Когда Свердлов закончил, в зале воцарилось молчание. После некоторой паузы Ленин произнес: «А теперь мы продолжим наши обсуждения, статью за статьей».

В официальном сообщении, составленном Свердловым и отправленном в «Правду» и «Известия», опять-таки и словом не упоминалось о том, что супруга Николая, его сын и дочери разделили участь царя. Лишь 20 июля газеты в Москве и Петрограде вышли со следующими заголовками: «В Екатеринбурге расстрелян бывший царь! Смерть Николая Романова!». В этот же самый день Уральский Совет составил проект сообщения и попросил разрешения Москвы на его публикацию: «Бывший царь и самодержец Николай Романов расстрелян вместе с семьей... Тела преданы земле». Кремль запретил публикацию этого сообщения, поскольку в нем говорилось об убийстве всей семьи. Лишь 22 июля редакторы екатеринбургских газет получили разрешение на публикацию составленного Москвой сообщения о событиях, имевших место в их городе. В тот день по всему городу расклеили газеты, в которых сообщалось следующее:

«Решение Президиума Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов Урала.

Ввиду того, что чехословацкие банды угрожают столице Красного Урала — Екатеринбургу, а также ввиду того, что коронованный палач может бежать от народного трибунала (только что был раскрыт белогвардейский заговор, имевший целью побег всей императорской семьи), Президиум Совета во исполнение воли всего народа постановил, что бывший царь Николай Романов, виновный перед народом в бесчисленных кровавых преступлениях, должен быть расстрелян.

Семья Романовых переведена из Екатеринбурга в более надежное место».

25 июля, спустя восемь дней после кровавой бойни, в Екатеринбург вошли белочехи.

В 1935 году Лев Троцкий опубликовал свой «Дневник в изгнании». Бывший большевистский вождь, который покинул Россию, чтобы спастись от ареста Сталиным, так описывал переговоры между Лениным и Свердловым, главным организатором екатеринбургской бойни, и Уральским Советом, определившим время и способ казни.

«В следующий раз я приехал в Москву (Троцкий до этого находился на фронте) вскоре после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я мимоходом спросил:

— Да, а где царь?

— Кончено, — ответил он, — расстрелян.

— А семья?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я не без удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции.

— А кто решил?

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять им (белым) живое знамя, особенно в нынешних трудных условиях.

Я не стал задавать дальнейших вопросов, и без того все было понятно. Собственно говоря, решение было не только своевременным, но и необходимым. Суровость этого высшего правосудия показала миру, что мы намерены и дальше продолжать беспощадную борьбу и ничто не способно нас остановить. Казнь царской семьи была необходима не только для того, чтобы запугать врага, вселить в него ужас и сомнения, но также для того, чтобы встряхнуть наши собственные ряды, чтобы показать, что назад пути нет, что впереди нас ждет или окончательная победа, или

окончательный разгром. Ленин это очень хорошо уловил».

Весть о том, что Николай мертв, что его расстреляли по решению Уральского Совета, но царская семья по-прежнему жива, быстро распространилась по всему миру. В Москве советник германского посольства, выполнявший обязанности посла вместо убитого Мирбаха, официально осудил казнь царя и выразил озабоченность по поводу дальнейшей судьбы немки-императрицы и ее детей. Советское правительство принялось рассказывать иностранцам всяческие небылицы, и так продолжалось еще восемь лет.

20 июля Карл Радек, глава Европейского Бюро Большевицкого Наркоминдела известил германского советника, что не исключен вариант, когда оставшимся в живых членам царской семьи будет дарована свобода из соображений гуманности.

23 и 24 июля начальник Радека, глава Наркоминдела Георгий Чичерин, заверил германского посланника, что Александре и ее детям ничто не угрожает. На протяжении августа и почти всего сентября германское правительство продолжало свои запросы и в ответ получало новые заверения. 29 августа Радек предложил произвести обмен императорской семьи на военнопленных, которые содержались в Германии, а спустя несколько дней Чичерин снова выступил с заявлениями, будто императрица и ее дети находятся в безопасности. 10 сентября Радек снова рассуждал о возможности обмена военнопленных, а в третью неделю сентября Берлину было сообщено, что «советское правительство рассматривает вопрос» о перемещении всей императорской семьи в Крым.

Тем временем до британского правительства доходила более зловещая информация. 31 августа британская военная разведка получила донесение, переданное затем Военному Кабинету и в Виндзорский замок Королю Георгу V, что императрица Александра и все пятеро ее детей, по всей видимости, были убиты одновременно с царем. Георг V не усомнился в достоверности этого донесения и тотчас уселся за письмо своей кузине, принцессе Виктории Баттенбергской, доводившейся Александре родной сестрой.

«Моя дорогая Виктория, позволь мне выразить глубокое сочувствие по поводу трагического конца твоей дражайшей сестры и ее ни в чем не повинных детей. Хотя кто знает, может, для нее так даже и лучше, ведь вряд ли ей захотелось бы жить после гибели дорогого Ники. А ее красавицы дочери, возможно, избежали худшей участи, приняв смерть от рук этих ужасных палачей. Мое сердце рвется к тебе...»

Несмотря на выраженное королем соболезнование, Министерство иностранных дел решило провести дальнейшее расследование. Сэр Чарлз Эллиот, британский военный комиссар в Сибири, был послан из Владивостока в Екатеринбург, и 15 октября в Лондон поступило его первое конфиденциальное донесение, адресованное непосредственно министру иностранных дел Артуру Бальфуру. Деша Эллиота, казалось, вселяла надежду.

«17 июля, — писал он, — из Екатеринбурга в неизвестном направлении вышел поезд с зашторенными окнами, и, как полагают, в нем находились оставшиеся члены императорской семьи. В Екатеринбурге распространено мнение, что императрица, ее сын и дочери избежали расстрела».

После чего оставшиеся в живых — если таковые имелись, — бесследно исчезли. Спустя четыре года на

Генуэзской конференции какой-то иностранный журналист спросил Чичерина, правда ли, что большевики расстреляли четырех дочерей царя. Чичерин отвечал: «Судьба царских дочерей мне неизвестна. Помнится, я читал в газетах, что в настоящее время они находятся в Америке».

В 1924 году эту загадку, казалось, разрешил следователь Николай Соколов, в ту пору живший в Париже. Он представил все свои находки и выводы в книге «Судебное расследование убийства русской императорской семьи», которая сначала вышла на французском, а затем и на русском языке. В ней содержались свидетельства очевидцев, рассказывавших о том, как на залитом кровью полу подвала ипатьевского дома лежали одиннадцать тел. Соколов также поместил в своей книге фотографии костей, отрезанного пальца, драгоценностей, корсетов, искусственных зубов и других предметов, собранных им в горной выработке у Четырех Братьев. Соколов не только дал леденящее душу описание кровавой бойни, но и подробное и, на первый взгляд, вполне правдоподобное объяснение тому, как при помощи костров и серной кислоты были уничтожены тела. Тела, по его мнению, разрубили на куски, «а затем уничтожили при помощи серной кислоты и сожгли на кострах, в которые плеснули бензина. Жировые ткани трупов растопились и растеклись по земле, где смешались с листвой».

Доказательства тому, что погибла вся семья, казалось, не вызывали никаких возражений.

Нельзя сказать, что работа Соколова проходила гладко. Ему пришлось оставить расследование, когда в июле 1919 года Екатеринбург снова перешел в руки Красной Армии. Уезжая на Восток по Транссибирской магистрали, Соколов захватил с собой, вместе с

сундуком, в котором лежали обугленные кости и другие вещественные доказательства, еще и семь толстых томов письменных материалов. Оказавшись на Западе, он постоянно что-то к ним добавлял, беспрестанно опрашивая эмигрантов, которые могли что-либо знать — даже самую малость — о гибели и исчезновении императорской семьи. Мало кто изъявлял желание помочь ему. Его внешность и манеры отталкивали от него людей. Невысокого роста, с редкими темными волосами, он вдобавок ко всему был обладателем треснувшего стеклянного глаза, придававшего его нервическому лицу еще более зловещее выражение. Разговаривая, Соколов имел привычку раскачиваться из стороны в сторону, а также то и дело потирал руки или дергал себя за жидкие усы. Однако ни его внешность, ни нервозность не имеют отношения к тому, с какой враждебной холодностью он был встречен самой важной фигурой среди русских эмигрантов — матерью Николая Марией Федоровной. Вдовствующая императрица оказала Соколову финансовую поддержку, когда тот проводил свое расследование в Сибири. Но как только ей стало известно, что в живых никого не осталось, она отказалась принять как самого следователя, так и собранное им досье и коробку с находками. До самой своей смерти, последовавшей в октябре 1928 года, Мария Федоровна продолжала настаивать на том, что ее сын и его семья живы.

Одержимый расследованием, Соколов продолжал расспрашивать и записывать. В течение какого-то времени он получал поддержку от князя Орлова, тот даже переселил следователя вместе со всеми его бумагами из отеля «Дю Бон Лафонтен» в Париже в квартиру в Фонтенбло. Именно здесь Соколов наконец-то завершил свою книгу. Через несколько меся-

цев после ее публикации, в возрасте всего сорока двух лет, он скончался от сердечного приступа. Вознаграждение Соколов получил посмертно: на протяжении шести с половиной десятилетий, вплоть до 1989 года, его труд являлся общепринятым историческим объяснением гибели русского императорского семейства и того, что случилось с их телами.

Публикации и международное признание исследований Соколова вынудили советское правительство изменить свою версию судьбы императрицы и ее детей. К 1926 году, после того как на протяжении восьми лет Москва отрицала, что ей что-либо известно об их местонахождении, правдоподобность этих отрицаний затрещала по швам после публикации сделанных Соколовым фотографий и собранных свидетельств.

К тому же и времена настали другие. Германия больше не проявляла озабоченности по поводу судьбы бывшей германской принцессы. Ленин был мертв. Сменивший его на посту Сталин еще выше ценил жестокость и безжалостность. Соответственно получила одобрение советская версия книги «Последние дни Романовых». Написана она была Павлом Быковым, новым председателем Уральского Совета, и по большому счету оказалась не чем иным, как плагиатом исследований Соколова. В ней признавалось, что Александра вместе с сыном и дочерьми была убита в одно время с Николаем.

Теперь уже и «красные», и «белые» сошлись во мнении, что в живых не осталось никого из императорской семьи. Но к данному Соколовым описанию уничтожения мертвых тел Быков добавил небольшую, на первый взгляд, редакторскую поправку:

«Немало было сказано об отсутствии трупов... Но останки трупов, после того как их сожгли, увезли на значительное расстояние от шахт и захоронили в болотистой местности, там, где не копали ни добровольцы, ни следователи. Там трупы и остались и на сей день наверняка уже разложились».

Всего в одном единственном предложении Быков предложил пять новых зацепок: имелись останки «полностью не уничтоженных тел», эти «останки были захоронены», причем захоронены «на значительном расстоянии от шахт», «в болотистой местности», «где не копали ни добровольцы, ни следователи». Другими словами, нечто было спрятано, но вовсе не поблизости от Четырех Братьев, то есть того места, где проводил свои поиски Соколов.

Большевики все крепче сжимали Россию в своих железных объятиях, и революция казалась бесконечной. Знаменитые города были переименованы в честь новых вождей: Петроград превратился в Ленинград, Царицын стал Сталинградом, а Екатеринбург — Свердловском. Менее знатные люди искали признания своего революционного героизма в том, что увековечивали свое личное участие в кровавой бойне екатеринбургского подвала.

В 1920 году Яков Юровский дал советскому историку Михаилу Покровскому подробный отчет о том, что было содеяно в Екатеринбурге в июле 1918 года, — «в назидание истории». В 1927 году он передал Музею Революции на Красной площади два своих револьвера — кольт и маузер.

Петр Ермаков, местный уральский комиссар, иногда оспаривал слова Юровского, утверждая «что честь расстрелять последнего царя» принадлежит именно

ему. Он даже передал Свердловскому музею Революции свой маузер. В начале тридцатых годов Ермаков любил появляться в окрестностях Свердловска среди мальчишек, собиравшихся у летних пионерских костров. Подогретый бутылкой водки, он взахлеб рассказывал о том, как убивал царя.

«В ту пору мне было лет двенадцать или тринадцать, — вспоминает один из тех слушателей, побывавший в 1933 году в пионерском лагере Челябинского тракторного завода. — Нам представили его как героя. Ему вручили цветы. Я смотрел на него и завидовал. Он закончил свой рассказ словами: «Я лично застрелил царя».

Иногда Ермаков видоизменял свое повествование. В 1935 году Ермакова, якобы умирающего от рака горла, навестил в его свердловской квартире журналист Ричард Хэллибертон.

«На низкой грубо изготовленной русской кровати... укрытый красными ватными одеялами... огромный, заплывший жиром мужчина пятидесяти трех лет... беспокойно ворочался, лихорадочно хватая ртом воздух. Его челюсть отвисла, и из одного угла рта сочилась струйка крови. На меня в упор смотрели налитые кровью безумные черные глаза». В разговоре, продолжавшемся около трех часов, Ермаков признался Хэллибертону, что Николая застрелил все-таки Юровский. Его же жертвой, сказал он, стала Александра. «Я выстрелил в царицу из маузера, всего с двух метров — тут не промахнешься. Попал ей прямо в рот. Через две секунды она была уже мертва».

Свидетельства Ермакова о том, как были уничтожены трупы, подтверждали точку зрения Соколова. «Мы устроили из поленьев погребальный костер, таких размеров, чтобы на нем в два слоя поместились тела. Мы вылили на трупы пять канистр бензина и два

ведра серной кислоты и подожгли бревна. Я стоял рядом и следил, чтобы целым не осталось ни единого пальца, ни единой косточки. Нам пришлось довольно долго жечь костер, пока не сгорели черепа». В заключение Ермаков сказал: «Мы не оставили на земле ни щепоточки пепла. Я поставил канистры с пеплом снова на грузовик и приказал шоферу, чтобы он вывез меня на шоссе. Там я рассеял пепел по воздуху — ветер подхватил его, словно пыль, и понес дальше по лесам и полям».

Вернувшись к себе в Нью-Йорк, Хэллибертон опубликовал интервью, данное ему Ермаковым на смертном одре. В Свердловске, однако, Ермаков, восстал со своих красных одеял и прожил еще семнадцать лет.

В 1976 году, сорок один год спустя после выхода в свет книги Хэллибертона, двое журналистов, работавших на телевидении Би-Би-Си, поставили несколько новых вопросов относительно исчезновения Романовых. В своей книге «Досье на царя» Энтони Саммерс и Том Менгольд оспорили утверждения Соколова, подчеркивая, что за два дня, даже принимая во внимание большое количество имевшегося у них бензина и серной кислоты, палачи никак не могли уничтожить более полутонны плоти и костей и развеять пепел, как заявил Ермаков, по ветру. Профессор Фрэнсис Кэмпс, судебный патологоанатом из Британского министерства внутренних дел, специалист с тридцатилетним стажем, объяснил авторам, как трудно, оказывается, сжечь человеческое тело. «Огонь обугливает тело, — пояснил он, — а затем этот обугленный слой предохраняет оставшееся от разрушения». Профессиональная кремация, производимая в

закрытых газовых печах при температуре около двух тысяч градусов, способна превратить тело в пепел, однако в сибирском лесу этот метод вряд ли был применим из-за отсутствия необходимого оборудования. «Что касается серной кислоты, — заявил авторам доктор Эдвард Рич, американский эксперт из академии Вест-Пойнт, — то имея одиннадцать взрослых тел, вряд ли возможно, просто облив их серной кислотой, нанести им слишком большой вред, если не считать обезображенной поверхности».

«Наиболее бросающиеся в глаза противоречия в находках Соколова, — в один голос заявили оба эксперта, — это отсутствие человеческих зубов». «Зубы являются единственным практически неразрушимым компонентом человеческого тела, — писали Саммерс и Менгольд. — И если одиннадцать трупов — членов семьи Романовых и их слуг — действительно были сброшены в шахту, то в таком случае не хватает около трехсот пятидесяти зубов». Вестпойнтский эксперт рассказал журналистам, как однажды ради эксперимента он погрузил несколько зубов в сосуд с серной кислотой, причем не на два дня, а на три недели. Когда он их вынул, зубы были в сохранности.*

* Хотя «Досье на царя» привлекло к себе широкое внимание, книга и ее авторы подверглись сильной критике. Частично это произошло оттого, что авторы во всеуслышание объявили, будто ими открыты «новые свидетельства, которые намеренно скрывались на протяжении шестидесяти лет». Злоумышленником в данном случае был выставлен Соколов: согласно обвинениям авторов, он «тщательнейшим образом нарочно отобрал ту информацию, которая поддерживала его версию, будто в ипатьевском доме была уничтожена целиком вся семья, и опустил улики, намекавшие или недвусмысленно указывавшие на то, что там имело место нечто другое. Это «нечто другое» заключалось в том, что императрицу с дочерьми якобы переправили в Пермь, где они содержались под арестом с июля по ноябрь, после чего женщины бесслед-

В годы второй мировой войны Свердловск превратился из небольшого города в промышленный гигант. По мере того как германская армия продвигалась все дальше вглубь территории России и Украины, целые фабрики и заводы вместе с тысячами занятых на них рабочих эвакуировались за Урал. К концу войны в Свердловске производились танки и минометы «Катюша». После войны, когда Советский Союз раскрыл секрет производства атомной бомбы, вокруг Свердловска и лежащего чуть к югу от него Челябинска, словно грибы после дождя, выросли новые секретные города, обнесенные колючей проволокой и сторожевыми башнями. Оба промышленных центра и весь регион были объявлены закрытыми для иностранцев. В результате на Урале выросло целое поколение людей, в глаза не видевших человека из другой страны. Именно для разгадки секретов Свердловска и Челябинска и совершил в 1960 году свою разведывательную миссию пилот шпионского самолета У-2, агент ЦРУ Гэри Пауэрс.

На протяжении всего этого времени ипатьевский дом то становился то Музеем Революции, то в нем

но исчезли. Информация эта якобы исходила от одной свидетельницы из Перми, заявившей буквально следующее: «В слабом свете свечи я сумела разглядеть бывшую императрицу Александру Федоровну и четырех ее дочерей. Они спали на подстилках на полу, без простыней и одеял. Единственным освещением комнаты было слабое пламя восковой свечи». Соколов, в свое время проводивший расследование, читал это заявление, как и несколько десятков других о якобы имевших место случайных «встречах» с Романовыми, но не стал включать их в свои выводы, поскольку посчитал фальшивками. Однако он сохранил упоминания о них в своих бумагах. Саммерс и Менгольд обнаружили это свидетельство в Хьютонской библиотеке в Гарварде.

размещался совет общества научного атеизма, то облпартархив, то ректорат Уральского университета марксизма-ленинизма. Стены его украшали портреты старых большевиков, а в стеклянных витринах выставлялись шапки, пальто и медали революционеров уроженцев Урала. Плакаты и диаграммы вещали о славных достижениях коммунизма, наглядно показывая, насколько больше тракторов, аэропланов, тонн стали и комплектов нижнего белья было произведено при Сталине, чем при царе. Одна из комнат второго этажа была посвящена Романовым. Тут имелись отрывки из дневника Николая II, страницы из дневника Алексея и передовица екатеринбургской газеты с крупным заголовком: «Казнь Николая Кровавого, коронованного убийцы. Расстрелян без буржуазных формальностей в соответствии с нашими новыми демократическими принципами».

Подвальное помещение не считалось частью музея — заваленное до потолка старыми ящиками и коробками, оно было превращено в склад.

Посетители ипатьевского дома, волею судьбы исключительно советские граждане, глазели на картины, плакаты и дневники, а затем неспешно выходили на площадь Народного Мщения. Они не высказывали особой симпатии к Романовым; императорская семья стала частью истории и была предана проклятию, а царские дневники, выставленные за стеклом, мало кого интересовали. Однако партия и КГБ никогда ничего не забывали. В 1977 году председатель КГБ Юрий Андропов убедил стареющего генсека Леонида Брежнева, что ипатьевский дом превратился в место паломничества скрытых монархистов. Из Кремля тотчас последовала телеграмма первому секретарю Свердловского обкома КПСС Борису Ельцину. Ему предписывалось в течение трех дней сровнять

ипатьевский дом с землей. В ночь на 27 июля 1977 года перед домом появился кран с гигантской чугунной бабой и несколько бульдозеров. К утру здание превратилось в груды кирпича и битого камня, которые затем свезли на городскую свалку. Впоследствии, хотя непосредственными инициаторами этого приказа были Брежнев и Андропов, все обвинения свалились на голову Ельцина. В своей биографии «Исповедь на заданную тему» Ельцин частично возложил на себя вину за содеянное: «Я прекрасно могу себе представить, что раньше или позже нам будет стыдно за это варварство».

Когда книга вышла в свет, госсекретаря Киссинджера спросили: «А как насчет спасения Романовых и прочих сенсационных документов?». Госсекретарь не без раздражения ответил: «Вся эта история — не больше чем куча дерьма». Гарвардский профессор Ричард Пайпс в своей рецензии на книгу в «Нью-Йорк Таймс» также возмущался заявлениями Саммерса и Менгольда о том, будто они нашли свежие свидетельства, и с презрением отозвался о пермской свидетельнице, разглядевшей Романовых «при слабом свете восковой свечи». Более того, он присоединился к общему отзыву Киссинджера.

Тем не менее оба автора все же сослужили свою службу, задав несколько вопросов профессору Кэмпсу из министерства внутренних дел и доктору Ричу из вестпойнтской академии. Ведь вовсе не было необходимости обвинять Соколова в нечестности или верить заявлению женщины из Перми, чтобы задаться вопросом, куда же подевались зубы и кости, которые не поддаются уничтожению кислотой и огнем.

«ТОЛЬКО БЫ Я НИЧЕГО НЕ НАШЕЛ!»

«Мне и в голову не могло прийти, что я смогу обнаружить останки Романовых. Я никоим образом не собирался ввязываться в эту историю. Но тем не менее это неожиданно случилось само собой».

Александр Авдонин говорит сущую правду, но далеко не всю. Верно, что пятьдесят лет назад, когда он отправился в путешествие, ознаменовавшееся позже замечательным историческим открытием, он еще не знал, куда приведут его поиски. Но находка девяти скелетов в неглубокой могиле в четырех с половиной милях от Четырех Братьев произошла не сама по себе. Это был целенаправленный поиск, растянувшийся на многие годы и завершившийся успехом, несмотря на все препятствия и преграды. Результат оказался плодом коллективных усилий, хотя поисковая команда была небольшой движущей силой являлся всего один человек — Александр Авдонин.

Авдонин, которому сейчас далеко за шестьдесят, — седовласый мужчина среднего роста, с голубыми гла-

зами, смотрящими на вас из-за толстых стекол в стальной оправе. Он коренастый, загорелый и очень подвижный, что неудивительно: в свое время, до пенсии, он был геологом — и почти всю свою жизнь провел на открытом воздухе, шагая по лугам и лесам вокруг своего родного города. Авдонин родился и вырос в Екатеринбурге, который в ту пору назывался Свердловском. Еще подростком, учась в школе, он проявил интерес к естественным наукам — геологии и биологии, — а также к истории и фольклору своего родного Зауралья. Но в местной истории имелись и белые пятна. Просачивались слухи о том, что лесная почва хранит в себе бесчисленные тела расстрелянных чекистами. В городе ходили легенды о судьбе Романовых, об их кровавом убийстве, о Соколове, о регулярно появляющихся самозванцах. Еще в детстве Авдонину довелось видеть гулявшего по улицам его родного города Петра Ермакова. Мучимый любопытством, юный Авдонин ходил осматривать Ипатьевский дом, посетил другие музеи и прочел о Романовых всю доступную ему литературу.

«Когда мне доводилось слышать что-нибудь новое, я обязательно запоминал это, хотя бы ради расширения собственных знаний, а не для каких-либо других целей. Но по мере того, как у меня накапливались информация, документы, вещественные доказательства и другие исторические факты, мои мысли приняли другой оборот. Наша советская история была столь ограниченной и скучной, что я начал подумывать о восстановлении белых пятен в истории моего родного края, и не для того, чтобы этим пользовались в наше время, а так, на будущее».

Поскольку данная тема относилась к разряду запретных, большая часть того, что выяснил Авдонин, передавалась из уст в уста. Авдонин разговаривал с

племянницей одного из охранников ипатьевского дома, с женой члена Уральского Совета, проголосовавшего за расстрел Романовых, с репортером газеты «Уральский рабочий», который будучи подростком помогал Соколову в его расследовании. В 1919 году этот человек, Геннадий Лисин, один из двадцати детей и подростков, собранных Соколовым, вместе со следователем побывал у Четырех Братьев. Соколов, выстроив их шеренгой на расстоянии двух метров друг от друга, заставил прочесать лес, собирая при этом все, что попадет на глаза. Возле Ганинской ямы подростки обнаружили пуговицу, обрывок небольшого шарфика и еще один кусок ткани. Что оказалось особенно важно для Соколова, — в других местах им ничего не удалось обнаружить, и именно по этой причине следователь сосредоточил свои дальнейшие изыскания возле Ганинской ямы и открытой шахты.

В 1919 году Лисину было пятнадцать, а в 1964-м, в возрасте уже шестидесяти лет, он повез Авдони́на к Четырем Братьям и рассказал все, что помнил о Соколове и его расследовании. Ни один из них никогда не видел книги Соколова, поскольку та была запрещена. Авдонин читал книгу Быкова, в которой говорилось, что останки бросили в огонь, но они до конца не сгорели, а были увезены на какое-то расстояние от Четырех Братьев и захоронены в «болотистой местности».

Со временем Александр Авдонин, благодаря своим интересам и знаниям, стал у себя в Свердловске довольно известной фигурой, однако работа его затормозилась.

«В шестидесятые и семидесятые годы собирать информацию было делом нелегким, — говорил позднее Авдонин. — Никаких магнитофонов не было и в

помине, все передавалось устно. А люди боялись сказать лишнее слово».

Затем, совершенно неожиданно, у Авдонины появился влиятельный союзник. Гелий Рябов был важной фигурой в Москве, известным кинорежиссером и сочинителем увлекательных детективных историй. Одно из его творений, знаменитый десятисерийный фильм «Рожденная революцией», повествовал о работе МВД, а точнее советской милиции, которая ведет борьбу с преступлениями не политического характера (в отличие от зловещего КГБ, искоренявшего любое политическое инакомыслие). В 1976 году Рябов приехал в Свердловск на премьеру своего фильма. Из «чистого человеческого любопытства» он пошел посмотреть Ипатьевский дом, в ту пору закрытый для посетителей (это случилось за год до его сноса). Рябов уговорил милицию, чтобы его пропустили внутрь. Там он спустился в подвал. «Выйдя наружу, — вспоминает Рябов, — я решил обязательно расследовать эту историю. Я чувствовал некий моральный долг, некое предначертание, которое останется со мной до самой смерти. У меня появилось убеждение, что я должен написать о том, какая судьба постигла этих людей».

Рябову требовалась исходная точка. Он поинтересовался у местного милицейского начальства, нет ли в городе человека, которому было бы что-то известно о судьбе Романовых. «Все знает конечно же Авдонин», — прозвучало в ответ. Через год они познакомились. Первой реакцией Авдонины был отказ («предосторожность», — поясняет он). Краевед сказал Рябову, что найти что-либо попросту невозможно, поиски — лишь напрасная трата времени, поскольку там, где все произошло, давно высятся новые дома и завод. Но потом Авдонин, чьей первой реакцией на незна-

комых людей и по сей день остается натянутая вежливость, постепенно оттаял. По его собственным словам, он нашел Рябова «весьма интеллигентным и интересным человеком»: «Мне он понравился».

Наконец они заговорили о побудительных мотивах — почему все-таки они обязаны заняться поисками останков. «Мы оба поставили перед собой благородную цель, — вспоминает Авдонин. — Нам хотелось сделать это ради того, чтобы восстановить утраченную страницу нашей истории. В принципе, вопрос дальнейшей судьбы царских останков должен был решаться правительством. Но правительство попросту снесло Ипатьевский дом. Мы опасались, как бы кому-нибудь не пришло в голову уничтожить и сами останки. Мы не знали, где они находятся, но подумали, что если найдем это место, то их легко могут уничтожить. И мы решили, что просто обязаны заняться поисками».

Следовало, однако, обсудить еще один момент. Авдонин рассказывал: «Это очень опасно, — предупредил я Рябова. — Если кому-нибудь станет об этом известно, если дойдет до органов (то есть КГБ), все это может кончиться для меня довольно плачевно. А у меня семья, двое сыновей. Рябов заверил меня, что работал по заказу самого Щелокова, министра внутренних дел, и поэтому нам нечего опасаться. «Я всегда тебя прикрою», — сказал он. И тогда я согласился: «Что ж, в таком случае приступим. Вы снабжаете меня архивными материалами, а я осуществляю поиски на месте».

Возвратившись в Москву, Рябов сообщил Щелокову, что для того чтобы продолжить работу над историей советской милиции, ему требуется доступ к закрытым архивным материалам — книгам, мемуарам, документам. Щелоков написал разрешительное

письмо и «после того, — улыбается Рябов, — я получил все, что мне требовалось». Одной из полученных им книг оказалась работа Соколова, которую Рябов захватил с собой в Свердловск. Авдонин привез Рябова к шахтам у Четырех Братьев.

Если верить краеведу, это место произвело на кинорежиссера потрясающее впечатление. Вдвоем они обнаружили еще несколько находок — пуговицы, монету, проволоку, стекло, пулю — все это Авдонин отдал Рябову. «Мы относились к Рябову с величайшим уважением, как к человеку образованному, старшему по возрасту и к тому же писателю», — вспоминает Авдонин.

Они еще несколько раз прошлись по отчетам Соколова и Быкова. Быков писал, что останки имелись, но затем были увезены от Четырех Братьев. Но куда? Довольно любопытно, что именно Николай Соколов, в чьей книге однозначно отрицалось существование каких-либо останков, сам навел исследователей на догадку.

В книге имелась фотография, сделанная во время расследований в 1919 году, — на ней изображена простая платформа или мост, сделанный из свежесрубленных бревен и железнодорожных шпал, уложенный на каких-то участках дороги на Коптяки. На этой фотографии рядом с настилом снят сам Соколов. Его собственное объяснение относительно этого сооружения было следующим: «В ночь с 18 на 19 июля, то есть спустя два дня после казни, из Екатеринбурга по дороге на Коптяки выехал грузовик. В половине пятого утра (то есть уже 19 июля) этот грузовик завяз в грязи. Стрелочник-железнодорожник с небольшого полустанка, расположенного у

переезда, рассказал, что к нему пришли какие-то люди и сказали, что у них застрял грузовик, и попросили железнодорожных шпал, чтобы соорудить над топким местом настил. Они сделали нечто вроде моста, и грузовик уехал дальше. К девяти часам утра он уже вернулся в гараж в Екатеринбург.

Изучив труд Соколова, Авдонин с Рябовым пришли к выводу, что следователь упустил нечто важное. «Из леса, от того места, где застрял грузовик, до гаража езды не более получаса, — рассуждал Авдонин. — И если грузовик застрял и им его пришлось толкать, то это тоже не слишком долго — солдаты могли легко управиться с этой работой за полчаса. Так что же делал в лесу грузовик более четырех часов? Там наверняка что-то происходило! И хотя Соколов сфотографировался, стоя на этом импровизированном мосту, следователю почему-то не закрались в голову новые вопросы».

Значит, решили Авдонин и Рябов, именно им предстояло разыскать то место, где через топкое место по дороге на Коптяки был перекинут мост из железнодорожных шпал.

Поскольку Рябову надо было возвратиться в Москву, Авдонин начал поиски, прибегнув к помощи своего знакомого геолога Михаила Качурова. «Мы стали искать мост», — говорил Авдонин. Неподалеку от железнодорожной ветки по дороге на Коптяки имелось четыре низких места, где в июле 1918 года вполне могло быть очень топко и где пришлось соорудить мост. Но в 1978 году, когда мы проводили наши поиски, никакого моста, разумеется, не осталось и в помине. С тех пор как Соколов здесь сделал свое фото, прошло более пятидесяти лет, по настилу ездили машины, его топтал скот, на него оседала грязь, и со временем он врос в землю и просто

перестал существовать. Сверху он порос травой, а в конце концов и сама дорога прекратила свое существование. И вот однажды мы вышли к глубокому оврагу. Качуров взобрался на высокое дерево и крикнул оттуда: «Саша, я вижу старую дорогу и две низины, где вполне могли быть захоронены тела!».

Из заостренных водопроводных труб мы с ним соорудили два незамысловатых инструмента, чтобы брать образцы почвы — это устройство напоминало собой больших размеров штопор. Мы шли вдоль тропинки, что осталась от старой дороги, и время от времени в низинах бурили нашим инструментом почву. Если там ничего не было, то он проходил свободно. Если же натыкался на камень, то я немного отклонял его в сторону, и он проходил мимо камня».

Когда Качуров оглядел участок неподалеку от Поросенкова Луга, Авдонин начал сверлить через более короткие промежутки. «Мы натолкнулись на нечто мягкое, — вспоминает он, — нечто вроде дерева, залегавшего на глубине сорока сантиметров. Скоро мы обнаружили участок примерно метра три на два, где под поверхностью почвы явно ощущалось дерево. Именно тогда я написал Рябову, что нами обнаружено нужное место».

Тем временем Гелий Рябов сделал еще одно выдающееся открытие. С помощью одного уральца — знакомого Авдонина, ему удалось обнаружить старшего сына главного палача императорской семьи Якова Юровского. В 1978 году Александр Юровский (вице-адмирал, вышедший на пенсию) проживал в Ленинграде. Когда Рябов пришел поговорить с ним, младший Юровский совершил нечто из ряда вон

выходящее. Он передал кинорежиссеру копию отчета о расстреле Романовых и уничтожении их тел, того самого документа, который его отец в свое время отправил советскому правительству. Оригинал хранился в засекреченных папках Центрального архива Октябрьской Революции в Москве. Еще одна копия досталась советскому историку Михаилу Покровскому, которому было строжайше запрещено опубликовать оттуда хотя бы единое слово. Причины, побудившие Александра Юровского расстаться со своим экземпляром — написанной от руки копией, которую он передал Рябову, — заключались в том, что он искал покаяния за ужаснейшую страницу в биографии своего отца. Донесение Якова Юровского восполнило пробелы и исправило неточности, допущенные Соколовым и Быковым. Ниже приводится краткое изложение этого отчета, скрытого от людских глаз на протяжении шестидесяти лет и прочитанного в конце 1970-х годов Рябовым и Авдониным.

Утром 17 июля 1918 года, бросив тела убитых Романовых в шахту у Четырех Братьев, Юровский вернулся в Екатеринбург, чтобы доложить о содеянном. К своему ужасу, он обнаружил, что город наводнен слухами о том, где спрятаны тела убиенного царя и его семьи. Судя по всему, люди Ермакова так и не смогли удержать язык за зубами. Срочно требовалось место для перезахоронения, тем более что белая армия наступала. Не обращая внимания на Ермакова, Юровский запросил помощи у местных официальных лиц. Ему было сказано, что вдоль Московского шоссе в двадцати верстах от города имеется несколько глубоких шахт. Юровский отправился на разведку. Вскоре у него сломалась машина, и ему пришлось проделать оставшийся путь пешком, однако в конце концов он обнаружил три глубокие шахты, до краев наполнен-

ные водой. Юровский решил перевезти тела именно сюда, чтобы, привязав к ним камни, сбросить затем в шахту. Будь у него достаточно времени, он бы сначала их сжег, а затем, изуродовав до неузнаваемости серной кислотой все, что осталось, сбросил бы останки в воду.

Когда Юровский вернулся в Екатеринбург — путь свой он начал пешком, а затем отнял у какого-то несчастного крестьянина лошадь, — было уже около восьми утра. Он немедленно приступил к подготовке операции по перезахоронению, а главное — к поискам бензина и серной кислоты. Он и его люди снова отправились в путь не раньше половины первого в ночь на 18 июля. Вернувшись к Четырем Братьям, они при свете факелов осмотрели первоначальную шахту. Один из подручных Юровского спустился вниз и, стоя по грудь в ледяной воде, оказался в окружении мертвых тел. Ему бросили веревку. Он обвязывал ею трупы один за другим и отправлял наверх.

Юровский поначалу подумывал о том, не закопать ли ему мертвецов в землю прямо возле шахты, и даже начал рыть могилу, но затем отказался от этой затеи, поняв, как легко можно будет обнаружить это место. К тому времени большая часть дня уже была потеряна. К 8 часам вечера 18 июля телеги с телами двинулись к глубоким шахтам. Однако вскоре телеги начали ломаться. Юровский приказал остановиться и снова отправился в город — на сей раз за грузовиком.

Когда грузовик прибыл на место, на него перегрузили тела и процессия двинулась дальше. Грузовику пришлось нелегко — он то подпрыгивал на ухабах, то скользил колесами по глинистой колее, то несколько раз буксовал в заполненных водой колдобинах.

«Примерно в половине пятого утра 19 июля, —

писал Юровский, — машина застряла намертво». Поскольку мы никак не могли добраться до глубоких шахт, нам оставалось одно из двух — либо закопать тела, либо сжечь. Мы хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но вместо нее по ошибке сожгли ее камер-даму (Демидову) и Алексея. Мы закопали останки прямо здесь же, под костром, затем засыпали их глиной, а сверху забросали пеплом и тлеющими угольями, чтобы полностью скрыть следы того, что здесь копали. Тем временем для остальных вырыли большую могилу. Примерно к семи утра была готова квадратная яма около двух метров в глубину и три метра в ширину. Трупы свалили в яму, лица и тела облили серной кислотой, чтобы в случае чего их никто не узнал и чтобы предотвратить запах разложения. Мы набросали поверх веток извести, затем сверху положили доски и несколько раз проехали по ним — чтобы от могилы не осталось ни малейшего следа. Секрет не был раскрыт — белые так и не обнаружили места захоронения».

В конце своего доклада Юровский добавляет, где конкретно находится потайная могила. «Коптяки, 12 верст к северо-западу от Екатеринбурга. Железнодорожная ветка проходит в шести верстах от города, между Коптяками и Верх-Исетским заводом. От того места, где железнодорожная ветка пересекает дорогу, они захоронены примерно в трехстах метрах по направлению к Исетскому заводу».

Именно в этом месте Авдонин с Качуровым бурили старую заброшенную дорогу и наткнулись в глубине на слой дерева.

Уверенные в том, что обнаружили искомое, Авдонин и Рябов тем не менее были вынуждены ждать до

следующей весны, прежде чем приступить непосредственно к поискам самих останков. В конце мая 1979 года Авдонин с женой Галиной и Рябов с женой Маргаритой вернулись в район поисков. С помощью самодельного бура, сделанного из водопроводной трубы, они пробурили глубокие шурфы для забора образцов почвы. Почти на полтора метра во всех образцах попадались аллювиальные почвы, галька и слои темно-коричневой и темно-зеленой глины. Но в других случаях обнаружилось нечто иное — все слои были перемешаны, а на дне находилась черная, грязная, скользкая глина («черная, как сажа» — вспоминает Рябов), маслянистая на ощупь, с неприятным битумным запахом. Искатели взяли образцы домой, чтобы проверить наличие кислоты, и обнаружили, что ее содержание в обоих образцах слишком высоко. Юровский писал, что облил тела кислотой, Авдонин же знал, что кислота способна сохраняться в почве — особенно в глине, которая как бы запечатывает ее, — более шестидесяти лет. Вот почему он был уверен, что могила найдена.

Искатели сгорали от нетерпения. На следующий день, 30 мая, рано утром они приступили к раскопкам. Всего поисковиков было шестеро. Рябов и Авдонин, их жены, знакомый Авдонина, геолог, по фамилии Васильев и армейский друг Рябова Пысоцкий (Качуров не смог принять участие в раскопках, а вскоре после описываемых событий утонул в одной из северных сибирских рек). На протяжении периода раскопок Авдонин приложил все усилия, чтобы обеспечить меры конспирации. До начала работ он не стал знакомить Рябова со своими друзьями или коллегами. Рябов никогда не встречался с Качуровым и познакомился с Васильевым лишь за день до начала работ. «Я сделал это потому, что опасался чего угод-

но, — говорит Авдонин. — Ведь это было страшным делом. Мы все боялись».

В мае в районе Екатеринбургa солнце встает в пять утра. В шесть часов предпоследнего майского дня исследователи, захватив лопаты, двинулись в лес. Они были совершенно одни, если не считать редких грибников, бродивших неподалеку и оглашавших лес своим «ау». Как только Авдонин со своими спутниками начали копать, они наткнулись на железнодорожные шпалы, а прямо под ними обнаружили человеческие кости. На небольшой площади, всего в три-четыре квадратных метра, исследователи нашли три человеческих черепа. Все участники поисков были ужасно напуганы: «Я признаю, что наше вмешательство в это захоронение было просто варварским, — говорит Рябов. — Это было чудовищно. Но мы не располагали достаточным временем, у нас не было нужного инструмента и, разумеется, все мы были объяты страхом... страхом, что в один прекрасный день нас накроют. Конечно, когда мы сделали свои находки, то перепугались еще сильнее!»

Авдонин также был испуган. «Я всю свою жизнь искал это или каким-то образом к этому стремился. И вдруг, когда мы начали поднимать настил, я подумал про себя: «Господи! Только бы я ничего не нашел!».

Тем не менее они продолжали копать. «Мы извлекли три черепа, — говорит Авдонин. — Нам было известно, что потребуется провести ряд исследований — правда, мы еще не знали каких. Мы достали черепа из могилы. Затем закрыли яму и снова положили все обратно — так, как было, и сверху укрыли травой. Мы должны были сделать все как можно скорее. Мы начали копать в шесть, а закончили в девять или десять».

Вернувшись в город, искатели пребывали в состоянии эмоционального шока. В тот вечер некоторые из них пошли в церковь и попросили священника отслужить панихиду за себя и императорскую семью. (Не доверяя священнику, они составили длинный перечень имен в дополнение к именам Николая, Алексея, Александры, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, в надежде, что священник примет тех за их собственных теток, дедов и двоюродных сестер и братьев.) Эта служба не принесла Авдониному душевного спокойствия, и он целых два месяца ощущал недомогание.

На следующее утро черепа омыли водой и как следует рассмотрели. Они были серыми или черными, в некоторых местах было заметно воздействие серной кислоты. Центральные лицевые кости у всех трех черепов отсутствовали. В левом виске одного виднелось крупное круглое отверстие, по-видимому оставленное пулей. Слева в нижней челюсти другого черепа имелся золотой мост. Рябов знал, что у Николая были плохие зубы, и поэтому он предположил, что данный череп принадлежал именно царю (впоследствии оказалось, что это череп горничной Анны Демидовой). Далее Рябов предположил, что другой череп принадлежал Алексею, а третий — кому-то из дочерей.

Перед исследователями встал вопрос — что им делать с черепами, и они решили поделить их. Авдонин оставил себе череп, который, по их мнению, принадлежал царю. Рябов вспоминает, как дальше развивался их диалог: «Авдонин сказал, что поскольку он, житель Екатеринбурга, является организатором экспедиции, право оставить у себя череп императора принадлежит ему». Рябов забрал оставшиеся два с собой в Москву, надеясь воспользоваться сво-

ими связями в Министерстве внутренних дел и провести неофициальную судебно-медицинскую экспертизу силами специалистов Минздрава. Но получил отказ. В течение года он хранил черепа в своей московской квартире, а затем, так и не сумев найти какого-либо ученого или лабораторию, где были готовы помочь ему, привез черепа назад в Екатеринбург. Авдонин ничего не делал со своим черепом — находка в течение всего года пролежала у него под кроватью.

Летом 1980 года Авдонин и Рябов, не зная, что делать дальше, и все еще опасаясь последствий своего открытия, решили вернуть все три черепа в могилу. Исследователи положили их в деревянный ящик, прикрыв медной иконой, и отвезли обратно в лес. Там, вновь раскопав могилу, наткнулись еще на один череп, который они на полчаса подняли на поверхность. В этом черепе имелись искусственные зубы из белого металла. (Впоследствии стало известно, что данный череп принадлежал императрице и что виденный ими «дешевый» белый металл был не чем иным, как платиной.)

Перед тем как предать земле ящик с черепами, Авдонин с Рябовым подробно обсудили, что им делать дальше с полученной информацией. Поделиться ею было не с кем, в тот период советской истории интерес к Романовым не приветствовался, не говоря уже о таком сенсационном открытии. За три года до этого дом Ипатьева сровняли с землей. «Мы поклялись, что не обмолвимся об этом ни словом до тех самых пор, пока ситуация в стране не изменится, — говорил Авдонин. — А если никаких изменений не произойдет, мы передадим все наши материалы и информацию следующему поколению. В ту пору мы могли лишь оставить все это нашим наследникам. У

Рябова детей не было. Значит, речь шла лишь о трех моих детях. Поэтому мы решили, что передадим эту историю следующему поколению через моего старшего сына».

В 1982 году умер Леонид Брежнев, вслед за которым вскоре последовали в могилу Юрий Андропов и Константин Черненко. В 1985 году лидером Советского Союза стал Михаил Горбачев, который постепенно начал проводить политику гласности и перестройки. В начале 1989 года Гелий Рябов, полагая, что настало время раскрыть исторический секрет, хранимый им и Авдониным, попробовал обратиться к Горбачеву «с просьбой о помощи на правительственном уровне, с тем чтобы провести работы как положено». Горбачев не удостоил его ответом, но об этой истории стало известно редактору либерального еженедельника «Московские новости». Тот связался с Рябовым. 10 апреля 1989 года в газете появилось сенсационное интервью. На следующий день все крупные западные газеты опубликовали историю о том, как десятью годами ранее кинорежиссер Гелий Рябов обнаружил останки императорской семьи в болотистой местности в окрестностях Свердловска.

Рябов — невысокий, худощавый мужчина с загорелым лицом, темно-кариими глазами, седыми волосами и усами. У него нервные манеры, разговаривая, он то и дело барабанит пальцами по столу. В отличие от Авдонины, чей взгляд тяжел, а голос суров, Рябов частенько посматривает в сторону, говорит мягко и никогда не прерывает собеседника. Выступая по телевидению, он заявил зрителям следующее: «Я типичный пролетарий. Мой отец во время Гражданской войны был комиссаром Красной Армии, и

поэтому его руки запятнаны кровью. Моя мать простая крестьянка. Я же — верующий и монархист».

Рябов рассказал, что откопал три черепа, и показал фотографии как самих черепов, так и места раскопок. На то, чтобы их обнаружить, заявил Рябов, ему понадобилось три года.

«В 1918 году были приложены немалые усилия, чтобы скрыть как личности погибших, так и место их захоронения, — продолжает он, — потому что уже тогда моральная сторона внушала сомнения». Тем не менее Рябов уверен в подлинности своих находок: «Даже мне не составило особого труда идентифицировать их».

Несмотря на Горбачева и гласность, продолжал далее Рябов, он не был готов поделиться этим открытием с другими и не стал раскрывать конкретного места захоронения. «Я могу показать найденные мною останки, а также саму могилу, любой группе специалистов, — заявил он в интервью «Московским новостям», — но только при условии, что будет дано разрешение на похороны, достойные человека и христианина».

Это заявление произвело международный фурор. Одни верили Рябову, другие — нет, одни превозносили его, другие — поносили. Но самый любопытный аспект его признания состоял в том, что ни в одном из интервью, ни в последующей пространной статье, написанной им для журнала «Родина», Рябов даже словом не обмолвился об Александре Авдонине.

«Моей реакцией был ужас, — говорит Авдонин, вспоминая, какие чувства охватили его, когда он узнал, что Рябов нарушил клятву. — Верно, в 1989 году в стране наступили перемены, и я понимал, что

Рябов — писатель и он не стал бы изливать душу в бессмысленных статьях и письмах. До интервью и публикации статьи я навестил его. Он сказал мне, что пишет о нашем открытии и даже дал почитать отрывки. Мне понравилось. Я сказал ему, что у него хорошо получилось. Но я также сказал, что он должен немного повременить с этой статьей и пока не публиковать ее. Мы должны увидеть, чтобы убедиться, как дальше будет развиваться политическая ситуация».

Когда же Рябов все-таки решил опубликовать материалы, спрашивал ли он разрешения Авдонины?

«Нет, — отвечает тот, — и в своем заявлении он даже не упомянул о том, что во всем этом участвовали и другие люди. Мне до сих пор непонятно, почему он так поступил».

В ответ на это Рябов говорит, что Авдонин не хотел, чтобы о нем упоминали, поскольку его жена работала преподавателем английского языка в школе МВД в Екатеринбурге. «Для него это до сих пор опасно, — пояснил Рябов. — Он не желал, чтобы о нем говорили. Он считал, что все еще не время публиковать эту информацию». Вот почему Рябов в своем намерении объявить об открытии решил взять на себя весь риск — а также и присвоить себе всю заслугу.

В некотором отношении Рябов последовал совету, данному ему когда-то Авдониным. В своей статье, опубликованной в журнале «Родина» три месяца спустя после интервью в «Московских новостях», Рябов указал место захоронения. Однако, следуя совету Авдонины, описал место, находившееся в полумиле от действительного. В один прекрасный день после того, как экземпляры журнала появились в Свердловске, в лес прибыла целая армия машин и при-

нялась копать землю вокруг указанного места, а затем куда-то увезла снятый слой почвы. «Это дело рук КГБ», — утверждает Авдонин. С тех пор Авдонин и Рябов больше не разговаривают друг с другом. Пользуясь своей славой первооткрывателя могилы, Рябов написал королеве Великобритании Елизавете II, как родственнице Романовых, с просьбой поспособствовать перезахоронению тел по христианскому обряду. Королева не удостоила его ответом. В 1991 году сменивший Горбачева Борис Ельцин распорядился провести вскрытие места захоронения. Авдонин в последний раз повстречался с Рябовым, и у него вырвалось: «Давай с нами! Мы их откопаем!». Рябов отказался. «Возможно, его мучила совесть», — говорит Авдонин. Рябов не собирается критиковать Авдонина. Наоборот, он заявляет: «Не может быть никакого сомнения относительно той общественной роли, которую в данной истории сыграл Александр Николаевич Авдонин. В этом нет ни малейшего сомнения. Он сыграл монументальную роль. Ведь именно он откопал останки».

На этом можно было бы поставить точку. Если не считать того, что в полутьме летней сибирской ночи Авдонин скороговоркой выплеснул свои истинные чувства: «Измена, предательство — вот что совершил Рябов».

ГОГОЛЕВСКИЙ ПЕРСОНАЖ

К осени 1989 года распад советской империи шел полным ходом. 9 ноября пала Берлинская стена. Спустя несколько недель Вацлав Гавел стал президентом Чехословакии. Не прошло и года, как Польшу возглавил Лех Валенса. В течение двух лет по всей Восточной Европе пали сами или же были сброшены коммунистические правительства. 12 июня 1991 года впервые за всю тысячелетнюю историю России в стране прошли общенациональные выборы ее политического лидера. Президентом был избран Борис Ельцин. 10 июля в Кремле состоялось его вступление в должность, причем Ельцин лишил эту церемонию всякой коммунистической символики. Вместо гигантского портрета Ленина, который на протяжении десятилетий маячил за спинами президиума, он развернул бело-сине-красный флаг, данный России Петром Первым. Патриарх православной церкви благословил Ельцина. Осенив его крестом, он произнес: «Волей Божьей и выбором русского

народа вам вверяется высшая должность в России». Михаил Горбачев также присутствовал на этой церемонии, все еще в должности президента Советского Союза и генерального секретаря Коммунистической партии. Спустя месяц Горбачев едва усидел в своем кресле, и лишь благодаря тому, что Ельцин сумел сорвать попытку организованного армией и КГБ военного переворота. В декабре 1991 года Горбачев остался не у дел. Центральный Комитет КПСС был распущен. Украина, Беларусь, Казахстан, прибалтийские государства, а также другие бывшие советские республики заявили о своей независимости. В России относительно мирно закончился семидесятичетырёхлетний период коммунистического правления.

За последние годы бурные перемены до неузнаваемости изменили самые отдаленные уголки Советского Союза, в том числе и Свердловск. Уже к 1990 году в городском Совете не осталось ни одного коммуниста. Вскоре после этого место бывшего ипатьевского дома — пустырь, заваленный осколками битого кирпича и камня, — был передан местному главе православной церкви. Заговорили о том, что на этом месте будет построена часовня. Местная монархическая группа, «Союз Возрождения России», воздвигла тут деревянный крест. Вскоре он оказался снесен неправительственными коммунистами. В конечном итоге его место занял двухметровый бетонный крест, украшенный изображением царя, императрицы и царицы. Коммунисты, однако, не до конца утратили свое влияние в городе, когда-то известном как «столица Красного Урала». Городу вернули бывшее название Екатеринбург, однако область сохранила старое название — Свердловская. Центральная улица города по-прежнему носила имя Ленина, а на одном

из главных перекрестков все так же высился памятник Якову Свердлову.*

После новых президентских выборов екатеринбургские власти поспешили выполнить просьбу Александра Авдонины. Глава областной администрации Эдуард Россель запросил разрешения Ельцина на эксгумацию останков Романовых. Ельцин дал добро. Ведущего профессора археологии Уральского Государственного университета Людмилу Корякову посетила делегация высших официальных представителей. Ее попросили помочь в раскопках «неизвестной могилы советского периода». И хотя гости отказались сообщить какие-либо подробности, Корякова догадалась, о чем идет речь. Однако она не торопилась ответить согласием, главным образом из научных соображений. «Времени на подготовку не оставалось, — сказала она впоследствии в интервью лондонской «Санди Таймс». — Не было ни инструментов, ни приборов, ничего из того, что обычно требуется для правильного проведения раскопок». Тем не менее, под давлением университетских властей, она была вынуждена согласиться. 11 июля 1991 года, на следующий день после вступления в должность Бориса Ельцина, из Екатеринбурга выехал конвой военных грузовиков. В них находилось, по выражению Людмилы Коряковой, «как в Ноевом ковчеге — каждой

* Этот памятник представляет собой фигуру, стоящую на вершине огромного камня, и хотя по замыслу она должна символизировать героизм, на самом деле здесь изображен невысокий человек в очках, ужасно сердитого вида, в мешковатом пальто, которое ему явно не по размеру. Он уверенно шагает в будущее, выкинув одну руку вперед, словно указывая путь. На голове у него часто сидят голуби. Местные монархисты пытались добиться сноса статуи. Не добившись своего, они продолжают «украшать» пьедестал надписями.

твари по паре: два полковника милиции, два детектива с камерами и видеоаппаратурой, два судмедэксперта, два эпидемиолога, городской прокурор со своей секретаршей и два милиционера, каждый с автоматом». И, разумеется, Александр Авдонин.

Через полчаса конвой достиг леса, а точнее небольшой поляны на заброшенной дороге на Коптяки, примерно в двухстах метрах от железнодорожной ветки Екатеринбург — Пермь. Когда исследователи прибыли на место, оно было уже оцеплено. Вокруг него соорудили высокий временный забор, а для защиты от непрекращающегося дождя над могилой натянули брезент. Под брезентом землю освещали мощные прожекторы. Прокурор произнес речь об «ответственности» каждого из присутствующих, затем установили камеры, которые стали записывать происходящее. После этого все взялись за лопаты и начали копать.

Яма оказалась глубиной лишь один-полтора метра, ниже этого уровня залегал скалистый слой, что делало невозможными дальнейшие раскопки. Искатели быстро обнаружили ящик с тремя черепами, который одиннадцать лет назад перезахоронили Авдонин и Рябов. Он оказался в целости и сохранности. Копнув глубже, искатели наткнулись на еще несколько черепов, ребер, костей верхних и нижних конечностей и позвончиков. Скелеты лежали вперемешку, один на другом под разными углами, как если бы тела не глядя, наугад побросали в яму. Сами кости имели различные оттенки серого и коричневого, некоторые — слегка зеленоватого цвета. То, что они сохранились относительно неплохо, объяснялось тем, что могила была выкопана в слое глины, и это предотвратило доступ к ним воздуха. Скелет на самом дне ямы пострадал больше других. В данном случае объяснение заключалось в том, что рядом валялись че-

репки крупных керамических емкостей с закрывающимися пробками, в которых, по всей видимости, хранилась серная кислота. Когда-то емкости опустили в яму и разбили вдребезги выстрелами, и серная кислота разлилась по дну ямы, разъедая на своем пути человеческую плоть и повреждая кости.

В могиле не было обнаружено никаких следов одежды, что совпадало с показаниями как Соколова, так и самого Юровского. И тот и другой писали, что всю одежду жертв сожгли, перед тем как тела сбросили в шахту у Четырех Братьев. Из могилы были также извлечены 14 пуль. Некоторые из них застряли в костях, другие, по всей видимости, попали сюда, когда выстрелами разбивали емкости с кислотой.

Но еще более ужасным оказалось свидетельство того, что сделали с теми людьми, чьи скелеты и кости обнаружили в этой яме. «Некоторые из жертв были застрелены, когда уже лежали на полу», — говорит Людмила Корякова (в висках видны стреляные раны), их кололи штыками, их лица крушили ружейными прикладами, им перебили челюсти (лицевые кости черепов уничтожены), многие из костей оказались сломаны. Кроме того, похоже, что «по ним несколько раз проехали грузовиком». За годы своей деятельности, профессор Корякова откопала немало доисторических поселений Западной Сибири, извлекла из-под земли десятки человеческих скелетов. «Но никогда, — заявила она в интервью «Санди Таймс», — они не были в таком ужасном состоянии, так сильно изуродованы. Мне стало не по себе».

Раскопанная яма подарила еще одно открытие, которое стало очевидным лишь после трех дней работы и предварительного сбора костей: эти останки представляли собой лишь девять скелетов, четыре мужских и пять женских. Двоих представителей им-

ператорской семьи (которая, как известно состояла из обоих родителей, их пяти детей, врача и трех слуг) в могиле не оказалось. Несмотря на эту загадку, 17 июля губернатор Россель заявил представителям прессы, что найденные кости с «большой долей вероятности» принадлежат императору Николаю II, его жене, детям и слугам.

Кто же, конкретно, найден, а кто нет, сказал он, будет в дальнейшем установлено российскими и зарубежными специалистами.

Спустя две недели за дело взялся доктор Владислав Плаксин, ведущий специалист Минздрава, к которому обратились с просьбой начать освидетельствование костей. Он быстро откомандировал в Екатеринбург своего ведущего антрополога-судмедэксперта Сергея Абрамова. А в России тем временем разразился политический кризис. Армия и КГБ решили свергнуть Горбачева.

«Когда мы покидали Москву, в нее уже входили танки», — вспоминает Абрамов.

Приехав в Екатеринбург, он увидел, что извлеченные из земли кости поджидают его, разложенные горками на полу милицейского тира. На протяжении трех месяцев он идентифицировал и составил 700 костей и их фрагментов. И тем не менее еще многих костей не хватало, и Абрамов откомандировал к могиле команду, чтобы поисковики обследовали там все тщательнейшим образом. В результате было обнаружено еще 250 костей и их фрагментов, которые Абрамов затем вставил в составленные им скелеты. Сначала он просто присвоил им номера: тело №1, тело №2 и так далее. После этого его задача заключалась в том, чтобы при помощи видеокамер, компьютеров и фотографий жертв, когда те еще были живы, и последних достижений математики определить, была

ли это в действительности императорская семья, и если да, то кто из Романовых был найден, а кого не смогли найти.

«У нас не было денег, и по этой причине исключалась любая возможность провести анализы ДНК, — заявил Абрамов летом 1994 года, оглядываясь назад на эту тяжкую страницу своей жизни. «Было решено определить личность каждого из них своими собственными методами. При помощи видеокамер мы засняли черепа в фас и профиль. А затем, при помощи компьютерной программы, мы сличали строение черепов с фотографиями, рассчитывали вероятное сходство и возможности такового. К сожалению, оборудование, каким мы располагали в то время, было несовершенным с технической точки зрения и программа, сравнивавшая черепа, продвигалась крайне медленно. Вот почему мы были вынуждены ограничиваться контрольной группой из шестидесяти черепов».

«До этого еще никто в мире не прибегал к подобному методу, — заявил Абрамов. — Мы изобрели его! Мы! Здесь, у меня в отделе, в соседней комнате, сидит замечательный математик. Я рассказал ему, что нам нужно. Он сказал, что это возможно. И он своего добился! Этот метод позволил нам рассчитать вероятность того, что данная группа скелетов не является единственной в своем роде, что каким-то образом у них могли иметься двойники. Этот математический прием называется комбинаторикой. Мы взяли четыре фактора: пол, возраст, расу и рост. Если мы имеем дело лишь с одним индивидуумом, то этим мы ничего не докажем. Когда их два — у нас появится большая уверенность. С тремя будет еще более убедительно и

так далее. А в данном случае у нас их было девять. Для каждого из девяти имелись взятые нами четыре фактора. Каждый из них математически добавляется в общий статистический «котел». В совокупности комбинация дает неопровержимое доказательство, насколько велика возможность того, что эти девять скелетов из общей могилы могут иметь двойников при других обстоятельствах. А затем мы добавили к этому другие факторы, те, которые получили путем наложения — широкое лицо, узкое лицо, выдающийся вперед подбородок, слабый подбородок. Когда мы сложили все это, нам стало ясно, что возможность существования другой группы скелетов с тем же самым сочетанием факторов равна 3×10^{-14} , то есть три случая из ста триллионов. Но на земле никогда не жило такое количество людей. Далее, когда мы производили наши первичные расчеты, то пользовались при этом информацией лишь о семи людях из этой могилы. Мы не располагали фотографией Харитонов (повара) и Труппа (лакея), поэтому мы их исключили. Если же добавить этих двоих, то шансы бы равнялись 10^{-18} . А если мы в придачу ко всему начнем измерять длину носа, форму головы, то тогда получим 10^{-20} , а то и в 10^{-30} степени. Речь идет об астрономических цифрах, которые выходят за рамки необходимости. Мы ничуть не сомневались, что перед нами останки Романовых».

Но кто из Романовых оказался в могиле? В подвале было расстреляно одиннадцать пленников, из захоронения извлечено лишь девять скелетов. Абрамов объясняет, как был найден ответ на этот вопрос. «В процессе наложения фотографий, — говорит он, — важно произвести сличение черепа как можно с большим количеством снимков данного человека». Отыскивая совпадения под разными уг-

лами, Абрамов пользовался видеокамерой и компьютером, с тем чтобы повернуть череп под тем же углом, что и лицо на фотографии. «Вот так и вот так, вот так, — демонстрирует он, — в фас, в профиль, под разными углами. Чем больше наложений мы производим, тем больше можем быть уверены в результате». Абрамов и его команда начали с Николая, «потому что, — сердито говорит он, — какие-то идиоты уже заявили, будто череп №1 принадлежит не какой-то там Демидовой, а самому царю». Абрамов имеет в виду не Рябова и не Авдонина, а других российских ученых, критиковавших его самого и его методику, заявляя, будто она ненадежна, а ее результаты сомнительны. «Эти люди, — говорит он, — из числа тех, кто пытается делать выводы не при помощи науки, а — власти. Когда мне приходилось объяснять им сущность нашего метода, казалось, что разговариваешь с полными идиотами — сплошная трата времени».

«Итак, для того чтобы дать отпор этим идиотам, — продолжает Абрамов, — мы начали с того, что сличали две фотографии Николая, одну в фас, другую в профиль, с черепом №1. Мы перепробовали три позиции, все дали отрицательный результат. Наконец, мы сличали фотографии с черепом №4. Мы испробовали восемь положений. И получили восемь положительных результатов. Теперь мы знали, что царю принадлежал череп №4». Абрамов и дальше продолжил свою работу по исследованию и сравнению оставшихся восьми черепов из могилы. Ему не пришлось тратить много времени на череп №2, то есть череп доктора Боткина, поскольку у того не было верхних зубов. «У всех остальных имелись верхние зубы, — объяснил Абрамов, — а нам было известно, что Боткин носил вставную челюсть. По-

этому мы знали, кому принадлежит этот череп, и нам не требовалось дополнительных доказательств. Оставшиеся шесть черепов мы исследовали методом наложения со всеми имеющимися фотографиями. То есть при помощи компьютера мы закладывали черепа внутрь головы на каждой из фотографий. Первое время мы сопоставляли семьдесят шесть факторов, искали разницу в возрасте, строении черепа, определяли, насколько точно совпадают наши отметки, совпадают ли внутренние измерения, сопоставляли даже выражения лиц и посадку головы. Мы принимали во внимание толщину мягких тканей, лежащих поверх костей черепа. Мы изучали положение черепа под лицом. Мы проверяли, не слишком ли тонок слой мягких тканей на подбородке, на том ли месте находился нос, правильно ли ложатся брови. Вот взгляните, мы накладываем череп №4 — то есть череп Николая II — на фото Харитонова. Видите, некоторое сходство имеется, но вот в данном случае череп выдается слишком далеко. Значит, этот череп не может принадлежать Харитонову. В каждом случае, когда нам не удавалось объяснить все эти расхождения, мы категорично заявляли, что данный череп и данное фото принадлежат разным людям. Было достаточно иметь всего одно несовпадение, которое не поддавалось объяснению, чтобы отвергнуть сходство». Особенно тщательно Абрамов работал над установлением останков каждой из трех великих княжон, которые не только имели небольшую разницу в возрасте, но и их физические характеристики, принимая во внимание состояние их черепов, плохо поддавались определению. Абрамов сравнил все имеющиеся у него фотографии девушек с черепами трех молодых женщин — №3, №5, №7. Он сравнил три фотографии великой княжны Татьяны с

черепом №3 и черепом №6. Результат оказался отрицательным. Сравнив эти же фотографии с черепом №5, он получил положительный результат. Соответственно Абрамов определил, что череп №5 принадлежит Татьяне. Он также располагал четырьмя фотографиями великой княжны Анастасии. Сравнил их с черепом №3 — результаты отрицательные. Когда же Абрамов сравнил фотографии Анастасии с черепом №6, все наложения дали положительный результат.

«Вот так, видите. Череп Ольги шире. У Анастасии он уже. Здесь недостаточно мягких тканей. А вот фото Анастасии с черепом №5, Татьяной. Видите? Возникают проблемы. А вот Анастасия с черепом №6. Видите, все полностью совпадает. Итак, череп №6 принадлежит Анастасии».

По мнению Абрамова, недостающей дочерью оказалась Мария, третья из сестер. У Марии [sic!] самый высокий свод черепа (то есть ее череп закругляется в верхней части). Ее фотографии не совпадают с черепом №6 — это Анастасия. Лицо Анастасии более узкое, чем у Марии. Они не совпадают с черепом №5 (это Татьяна). Ни один из черепов не совпадает с фотографией Марии. Значит, Марии нет среди этих останков. В могиле ее не оказалось.

Процесс опознания останков был и без того труден, но для Абрамова и его московских коллег эта научная задача осложнялась двухлетними бюрократическими стычками. Даже после того, как работа была выполнена, Абрамов расстраивался всякий раз, когда речь заходила о том, что произошло. В обычной обстановке Абрамов — приятный в общении человек, поглядывающий на собеседника поверх оч-

ков. Он то и дело одной рукой поглаживает свою небольшую бородку, держа в другой сигарету. Но в данном случае, сидя у себя в московском кабинете, он то начинает трясти головой, то нервно смеется, то стучит кулаком по столу. «Я бы сказал, что все это было весьма интересно и запутанно, — говорит он. — Впрочем, я бы поскорее назвал это мучением. Это исследование царской семьи — ничего худшего в моей жизни не было». «С самого начала, — говорит Абрамов, — екатеринбургские власти вели себя так, словно останки Романовых принадлежали им и только им». Считая себя владельцами останков, они желали расследовать убийство царской семьи как сугубо местное дело. Во всем мире неотъемлемой частью любой судмедэкспертизы является фотографирование, когда запечатлевают работу над человеческими останками. Тем не менее на протяжении нескольких месяцев следователь Волков из Свердловской областной прокуратуры отказывался выдать Абрамову разрешение фотографировать что-либо из того, что он делает.

«Я подписал документ, запрещающий мне делать снимки, — с негодованием вспоминает Абрамов. — Я подписал документы, в которых говорилось, что в любой момент меня могут отстранить от расследования!»

Прибыв в Екатеринбург, он обнаружил, что первичные работы по эксгумации останков были проведены некомпетентно.

«Мне сказали, что профессор Корякова, главный археолог, три раза покидала место раскопок в знак протеста против варварских методов, с помощью которых они проводились», — говорит Абрамов.

Он тотчас же увидел, что недостает многих костей. На его первое обращение к местным властям с

просьбой вернуться к могиле и копать еще раз ответили отказом. В конечном итоге он добился своего и, как мы уже знаем, собрал еще 250 костей и их фрагментов.

Далее Абрамов попросил разрешения отвезти останки в Москву, где процесс их исследования и проверки пошел бы намного быстрее. Екатеринбургские власти сказали «нет». В этот момент никто из центрального руководства Российской Федерации, начиная с самого Ельцина, не желал идти на конфликт с администрацией Свердловской области, а тем более отменять ее решение.

Вот почему Абрамову предстояло провести всю работу в Екатеринбурге. Денег на соответствующие расходы у него не было. Бюджет для его команды устанавливался год назад, и никто не мог предвидеть истинные масштабы исследований. И поэтому на протяжении всей осени 1991 года Абрамов был вынужден неоднократно выезжать в Екатеринбург, жить в гостинице и питаться, частично оплачивая все эти расходы из своего кармана. Авдонин, которого Абрамов называет «добрым человеком», обещал помочь из своего фонда «Обретение», однако оказалось, что у того тоже с деньгами не густо. Местные судмедэксперты были слишком заняты на службе, чтобы помогать Абрамову в рабочее время — «у них хватало своих забот с постоянными убийствами», — говорит Абрамов. Некоторые из них изъявили желание работать сверхурочно по субботам или воскресеньям, но только за плату, а Абрамову нечем было им платить.

В декабре Абрамов сказал следователю Волкову, что он не может продолжать работу по финансовым причинам. Волков предложил Абрамову подыскать себе спонсоров. Тот начал поиски и нашел телеком-

панию «Русь» из города Владимира, которая выразила согласие частично оплатить его расходы, если ей будет позволено снять останки на пленку. Другой спонсор, благотворительный фонд под названием «Фонд Потенциала России», был готов оплатить работу и все дорожные расходы при условии, что он будет признан официальным спонсором проекта. Абрамов остался доволен. Обзаведясь спонсорами, он трижды весной 1992 года приезжал в Екатеринбург и даже сумел захватить с собой из Москвы несколько человек технического персонала.

Телевизионщики оказали Абрамову неожиданную услугу не только тем, что выделили средства, но и потому, что привезли с собой видеокамеры. «В Екатеринбурге у нас не было ни единой камеры, а в нашей работе по положению без нее никак нельзя». Впоследствии будет заявлено, будто невозможно идентифицировать черепа методом наложения, поскольку Абрамов не делал фотографий в процессе их реконструкции.

«Верно, — соглашается он, — фотографий моей работы за 1991 год нет. Но причина заключается в том, что мне было запрещено их делать. Лишь в мае 1992 года, когда нам стали помогать телевизионщики, мы наконец-то начали делать снимки».

«Но, — лицо Абрамова снова мрачнеет, — как только они сняли свой фильм, им стало на нас наплевать. Они бросили нас и попытались продать отснятый материал».

«И тогда, — всплескивает он руками, словно голевский персонаж, угодивший в лабиринт бюрократического произвола и обмана, — администрация Екатеринбурга потребовала, чтобы все эти фильмы и пленки не покидали пределов города. Более того, власти потребовали, чтобы все, что было записано на

бумагу, также осталось в городе. А потом эти екатеринбургские представители накинулись на меня, заявив, будто я обманом привез сюда телевизионщиков, и те, несмотря на все запреты местной администрации, взяли и продали свой фильм».

Летом 1992 года, все еще разрываясь между Екатеринбургом и Москвой и пытаясь завершить начатое дело, Абрамов случайно встретил на первый взгляд совершенно незаинтересованного человека, барона Эдуарда фон Фальц-Фейна, богатого русского эмигранта из Лихтенштейна, которому в ту пору было уже за восемьдесят. Фальц-Фейн уже слышал о методе Абрамова и, будучи в Москве, пришел познакомиться с ученым. «Когда он узнал, что люди у меня работают бескорыстно, — вспоминает Абрамов, — что у нас не хватает дискет, не хватает того, не хватает сего, он молча сунул руку в карман и отсчитал десять сотенных долларовых купюр и протянул их мне. Я тотчас сообщил об этом моим начальникам. У них загорелись глаза... биологам нужна сыворотка, кому-то что-то еще. Но я сказал «нет». Эти деньги пойдут только на исследование останков императорской семьи. Первое, что я сделал, это заплатил тем, кто у меня работал. Я заплатил им долларами. Мой талантливый математик, который пришел к нам из космических исследований, проработал целый год без какой-либо платы. Он был первым, кому я заплатил из тех денег, что дал мне барон Фальц-Фейн».

К лету 1995 года Сергей Абрамов и его коллеги были убеждены, что обнаружили останки Николая, Александры, Ольги, Татьяны, Анастасии, доктора Боткина, Демидовой, Харитоновой и Труппа. Алек-

сандр Блохин, заместитель губернатора Свердловской области, публично оказал им поддержку, созвав 22 июня пресс-конференцию. На ней было объявлено, что компьютерное моделирование, сличение старых фотографий царя и императрицы, решительным образом доказало, что найденные останки — это останки царской семьи. Всем было известно, что останки царевича так и не были обнаружены. И все российские специалисты согласились с выводами Абрамова, что девятый из изученных им скелетов принадлежал младшей из царских дочерей, великой княжне Анастасии. Все пребывали в уверенности, что не доставало останков Марии.

ГОССЕКРЕТАРЬ БЕЙКЕР

В феврале 1992 года госсекретарь США Джеймс А. Бейкер, пребывая последний год в своей должности, колесил по бывшему Советскому Союзу. За три года его работы в администрации президента Буша Советский Союз распался на несколько независимых государств, каждое из которых было заинтересовано в привлечении американского капитала и получении доступа к технологическому «ноу-хау». Соответственно, Бейкер удостоился радушного приема в Молдавии, Армении, Азербайджане, Туркменистане, Таджикистане, Узбекистане и, разумеется, в России. 14 февраля его бело-голубой лайнер приземлился в Екатеринбурге — это была его последняя остановка по пути в Москву. Собственно говоря, посещение Екатеринбурга вовсе не являлось основной целью этой остановки. Бейкер направлялся в засекреченный центр ядерных исследований под названием Челябинск-70. Сам факт приезда Бейкера служил мерилом того, какое расстояние преодолели обе сверхдержавы в своих отношениях. На протяжении десятилетий

Челябинск-70 считался засекреченным, и весь этот небольшой городок окружал высокий забор из колючей проволоки со сторожевыми башнями. На многие километры вокруг не было ни единой живой души. Цель визита Бейкера состояла в том, чтобы воочию убедиться, как ученые, которые совсем недавно создавали ядерное оружие, используют свои технологии для выращивания искусственных алмазов. Американцам предложили эту поездку в качестве наглядного примера того, как русские способны перевести свои военные мощности в мирное русло. Бейкер, его свита и группа американских репортеров совершили поездку в Челябинск-70, где госсекретарь пообщался с учеными, а затем американцы на ночь вернулись в Екатеринбург.

На следующее утро, по выражению госдепартамента, получился «простой» — то есть никаких официальных встреч и визитов. Президент Ельцин, с которым Бейкеру предстояла встреча в Москве, должен был возвратиться в столицу не раньше второй половины дня и поэтому возражал против того, чтобы Бейкер прибыл туда до него. Так получилось, что Маргарет Татуайлер, главный пресс-секретарь Бейкера, уже подумывала о том, чем занять свободное время в Екатеринбурге. На протяжении многих лет Татуайлер питала интерес к Романовым и много читала по данному вопросу. Ей было известно, что дома Ипатьева больше нет, однако она надеялась на то, что ей удастся посмотреть то место, где он стоял. Еще до приезда в Екатеринбург она сказала об этом Бейкеру. По возвращении из Челябинска-70, накануне вечером, Бейкер обедал с губернатором Эдуардом Росселем в его небольшой квартире. Бейкер, сам заядлый охотник, с восхищением отозвался об охотничьем ружье Росселя и огромной голове лося, укра-

шавшей стену. Он также выслушал, как Россель описывал перспективы делового сотрудничества, поджидающие американцев в этой части Урала. Затем, как он и обещал Маргарет Татуайлер, Бейкер спросил, нельзя ли ему посмотреть место бывшего ипатьевского особняка. «Разумеется, — ответил Россель, — а если вас так интересуют Романовы, то почему бы заодно и не посмотреть их останки?» Бейкер спросил, можно ли ему прихватить с собой еще одного человека.

Наутро Бейкер и Татуайлер вместе с Росселем направились к месту, где когда-то стоял ипатьевский особняк. «Земля была припорошена снегом, у основания бетонного креста лежали красные и белые гвоздики, все время подходили люди и зажигали свечи, — вспоминает Татуайлер спустя два года. — Бейкер подошел к кресту, наклонился и коснулся его затянутой в перчатку рукой. После этого они проехали в здание морга, где хранились останки Романовых. Гости посмотрели, как осуществляются компьютерные наложения, а затем осмотрели сами останки. В какой-то момент Бейкер даже взял в руки одну из костей царя. От него не ускользнула исключительность происходящего. В начале 1994 года, сидя в своей вашингтонской адвокатской конторе, он вспоминал охватившие его тогда чувства: «В той комнате ощущалось истинное дыхание истории. Когда мы — представители администрации Буша — вошли в кабинет, перед нами все еще маячила угроза нашему существованию в лице Советского Союза и его способности уничтожить США в ядерной войне. Я помню, какую осмотрительность мы проявляли еще в мае—июне 1989 года. И вот, спустя всего каких-то три года, госсекретарь США собственной персоной стоит посреди города, в свое время считавшегося одним из самых засекреченных в Советском Союзе,

причем только что вернувшись из ядерного центра под Челябинском, и рассматривает останки царя. Это был разительный пример того, как изменились обстоятельства».

Татуайлер вспоминает еще один момент того удивительного дня. В морге ей и госсекретарю Бейкеру сказали, что среди скелетов лежавших перед ними на столах, не хватает останков царевича и одной из царских дочерей.

«Анастасии?» — тотчас спросила Татуайлер. Кто-то — она точно не знала, кто там присутствовал из русских, — решительно ответил: «Анастасия находится в этой комнате!».

Когда Бейкер все еще находился в морге, Россель попросил его об одном одолжении. Он сказал, что екатеринбургские ученые уверены, что останки принадлежат Романовым, но им известно, что для признания подлинности этого открытия на Западе требуется заключение западных судмедэкспертов.

«Вы не знаете, кто бы мог нам помочь?» — поинтересовался Россель. Бейкер отвечал, что по возвращении в Вашингтон он постарается что-нибудь предпринять. Сопровождавшие госсекретаря репортеры записали это его высказывание, и на следующий день оно появилось во многих газетах.

Бейкер сдержал слово. Еще находясь в Москве, он дал указание американскому посольству установить прямой контакт с екатеринбургскими властями. А вернувшись в Вашингтон, велел помощнику секретаря по европейским вопросам «выяснить, чем мы можем помочь». Татуайлер тоже не сидела сложа руки — из ее офиса полетели телеграммы, в которых подчеркивалось, «что госсекретарь весьма в этом заинтересован».

К исследованиям пригласили две главные патоло-

гоанатомические лаборатории правительства Соединенных Штатов — Институт патологии Вооруженных Сил при госпитале им. Уолтера Рида (ИПВС) и ФБР. Институт Вооруженных Сил располагал широким опытом опознания костей, извлеченных из земли через много лет. Образцы костей и зубов американских военнослужащих, погибших во Вьетнаме, если их невозможно было опознать на Гавайях с помощью стандартных антропологических и радиологических методов, отсылались в ИПВС для анализа на ДНК. Точно так же и лаборатория ФБР является для федеральной и местной полиции главным авторитетом при опознании личности преступников, жертв и пропавших без вести.

Была собрана объединенная команда, возглавляемая доктором Ричардом Фреде, в ту пору судмедэкспертом Вооруженных Сил, а в прошлом президентом Американской академии судмедэкспертизы. Доктор Фреде был судебным патологоанатомом, то есть имел дело с останками, когда они все еще представляли собой мертвые тела. Его помощником по запланированной поездке стал доктор Билл Родригес, судебный антрополог, чья специальность — костные останки. Участвовал в проекте и доктор Алан Робильяр из ФБР, его специальностью, как и у москвича Сергея Абрамова, было графическое компьютерное реконструирование. Всего команда насчитывала восемь специалистов, и все как один состояли на службе у администрации США. Предполагалось, что все расходы возьмет на себя американское правительство, в знак своего вклада в развитие дружественных отношений с Россией (по правде говоря, жалование членов команды было заложено в федеральный бюджет, так что дополнительные расходы сводились главным образом к покупке авиабилетов).

Команда несколько раз собиралась в Вашингтоне и уже приступила к подготовке материалов и оборудования. Для радиографического сравнения приобрели две стеклянные пластинки с рентгенологическими снимками царя и царицы, а также собрали ручные рентгенологические аппараты, специально оборудованные для лазерного сканирования и компьютерной графики, способные работать от разных источников питания. Все эти приготовления проводились в сжатые сроки, так как русские постоянно подчеркивали, что эксперты должны приступить к работе уже в мае. Все было готово вовремя — оборудование упаковали в ящики, ученые получили на руки паспорта с российскими визами и авиабилеты, им даже сделали прививки от брюшного тифа и дифтерии. И вдруг, совершенно неожиданно, за пару дней до отлета поездку отменили. Из американского посольства в Москве пришла телеграмма, в которой говорилось, что екатеринбургские власти предпочли другую американскую команду, возглавляемую доктором Уильямом Мейплсом, судебным антропологом из университета штата Флорида.

Члены объединенной команды ИПВС и ФБР были в шоке и, конечно, ужасно расстроились — некоторые из них злятся и до сих пор. «Я ничего не могу сказать против Билла Мейплса — он отличный специалист, — говорит об этом случае один из участников несостоявшегося эксперимента. — Но ведь нас предложил России госсекретарь Бейкер, и наша команда представляла правительство США. С точки зрения судебно-медицинского исследования мы, пожалуй, лучшее, что есть в нашей стране. Мы бы могли предложить гораздо больше, особенно, если говорить об анализе ДНК, ведь Мейплс не мог его выполнить, и в конечном итоге его провели англичане. Мы распо-

лагаем одной из немногих лабораторий в мире, где можно провести исследование митохондрических ДНК, и могли бы сделать это прямо на месте. Ведь наша лаборатория патологии располагает мощным потенциалом и высококласным оборудованием, как здесь, так и в ФБР. Будучи правительственной командой, мы полагали, что представляем именно Соединенные Штаты. И никто даже не сказал «спасибо» или «извините». Это еще долго оставалось для нас большой темой».

«ТАЙНЫ СМЕРТИ МАНИЛИ ЕГО»

Гейнсвиллский кампус Университета штата Флорида раскинулся на территории в несколько квадратных миль посреди изумрудной зелени Центральной Флориды. Поделенный на квадраты сеткой улиц, он настолько велик, что студенты иногда вынуждены на машине добираться с одних лекций на другие. Некоторые из этих кварталов совершенно пусты, другие — лишь наполовину. На одном из таких плоских, почти незастроенных участков линию горизонта неожиданно прерывает высокая бамбуковая роща. С асфальтированной улицы куда-то вбок уходит ухабистая разъезженная колея, ведущая мимо импровизированного огорода к высокому сетчатому забору, поверх которого протянута колючая проволока. За забором, среди бамбуковых зарослей, спряталось светло-зеленое металлическое строение без окон, с бесчисленными вентиляционными трубами на крыше. Это и есть лаборатория имени С. А. Паунда по опознанию человеческих останков, детище и рабочая мастерская доктора Уильяма Мейплса.

Само здание довольно приземистое. Дверь от-

крывается в небольшую приемную, позади которой располагается кабинет доктора Мейплса. Здесь также имеется небольшой конференц-зал и душевая. А также лаборатория, которую доктор Мейплс разработал лично на компьютере «Макинтош». Никто не смеет входить в это помещение без разрешения. Дверной замок снабжен затворами, и ни университетская полиция, ни университетский специалист по замкам не располагают его уникальными ключами. Попастись в лабораторию с крыши тоже невозможно. Здание оборудовано изощренной системой высокочувствительной сигнализации. За три года существования лаборатории эта система еще ни разу не отключалась.

Однако вряд ли многим захотелось бы войти в это помещение. На рабочих столах разложены человеческие черепа, скелеты и их части, которые ждут своего исследования. Вдоль задней стены находятся полки, уставленные коробками с аккуратно наклеенными этикетками, в которых хранятся разнообразные человеческие кости. Есть здесь компьютеры, рентгеновские установки, процессоры к ним и видеокамера; имеется здесь и верстак с дрелью, небольшая наковальня; отвертки, гаечные ключи и пилы с алмазными гранями, а также холодильники и морозильные камеры. Вдоль боковой стены расположились три огромных чана из нержавеющей стали, каждый из которых накрыт прозрачным плексигласовым кожухом, присоединенным к вентиляционным трубам на крыше. В этих чанах доктор Мейплс и его помощники «мацерируют* останки».

* Мацерация (*лат.* maceratio размягчение, смачивание водой) — размягчение или распадение на отдельные клетки тканей животных или растений в результате растворения межклеточного вещества. *Здесь* «мацерируют» употреблено вместо грубого выражения «сваривают мясо с костей».

Доктор Мейплс — судебный антрополог и имеет дело с костями. И если кости поступают к нему все еще покрытые мясом, то перед началом работы он должен их очистить от остатков мышечной ткани. Для этого он кладет их в один из своих чанов, наполненный кипятком, и варит содержимое, пока не получит скелет. Собственно говоря, эту работу за него выполняют кто-нибудь из студентов или ассистентов, которые посменно дежурят у чанов, меняясь каждые два часа.

«Требуется огромное внимание, ведь нужно добиться того, чтобы мягкие ткани сошли как можно быстрее, — поясняет Мейплс. — Необходимо добиться, чтобы кости не размякли от слишком долгого лежания в горячей воде, а также чтобы вода не выкипела полностью, иначе кости могут обгореть. Кожух предохраняет от брызг — мы предохраняем себя от гепатита В, СПИДа, туберкулеза и, по крайней мере частично, от запаха. Разумеется, работа эта не из приятных, но, как мне припоминается, с ней не смогли справиться лишь один-два студента».

Расположенный по-соседству кабинет доктора Мейплса — более веселое место. И хотя наверху на трех шкафах расположились восемнадцать черепов, сами шкафы выкрашены в веселый оранжевый цвет. Стол доктора Мейплса беспорядочно завален документами, корреспонденцией, фотографиями и рентгеновскими снимками. Однако сам Уильям Мейплс, лысеющий мужчина в синем блейзере, серых фланелевых брюках и очках без оправы, неизменно подчеркнута опрятен. Голос его звучит низко и по-техасски монотонно, выдавая его происхождение. Его речь, как и методы исследования, уверенна и точна. Мейплсу почти всегда известно, каков будет его следующий шаг и почему он поступит так, а не иначе.

«Всю мою жизнь меня манили тайны смерти», — говорит он. Учась в Техасском университете, где он изучал филологию и антропологию, Мейплс зарабатывал деньги на свое обучение тем, что разъезжал на машине скорой помощи, принадлежавшей одному из похоронных бюро. Ночь за ночью он носился на скорости в сто миль в час, лишь бы попасть к месту происшествия первым и получить работу. Ему довелось видеть «ужасные вещи», однако к двадцати годам он научился есть чизбургер в морге, сразу после вскрытия. В двадцать четыре года он вместе с женой отправился в Кению отлавливать бабуинов для лабораторных исследований. Когда один старый бабуин впился зубами Мейплсу в руку и порвал ему артерию, исследователь оказался на волосок от смерти. В 1968 году Мейплс, получив степень доктора философии, переселился в Гейнсвилл, где получил должность преподавателя антропологии. Спустя шесть лет он оставил преподавание и перешел на работу в антропологическое отделение университетского музея, где и поныне числится профессором.

«Область моих научных интересов — человеческий скелет, его изменения на протяжении всей жизни, его изменения за целые эпохи и его многообразие», — говорит доктор Мейплс. Взглянув на различные кости человеческого скелета, Мейплс без труда тотчас определит пол, возраст, рост и вес его бывшего владельца. Благодаря этим уникальным знаниям Мейплс превратился в бесценного специалиста, консультирующего местную и федеральную полицию, если тем необходимо опознать жертву, а также определить, что конкретно с нею случилось на месте преступления и кто в этом виноват. С 1972 года, когда Мейплс

принял участие в своем первом расследовании, его практика разрослась до двухсот-трехсот случаев в год. Среди тех, чьи преступления расследовались с помощью Мейплса, был маньяк Тед Банди, убивший (до того как был пойман) по меньшей мере тридцать шесть женщин и осужденный здесь, во Флориде, на смертную казнь.

Дважды в год Мейплс прилетает в Центральную лабораторию по опознанию останков, расположенную в Гонолулу и находящуюся в ведении Вооруженных Сил США, чтобы помочь в проведении опознания останков американских солдат, поступающих из Вьетнама.

Обычный гонорар доктора Мейплса за подобные консультации составляет двести долларов в час. Частично он также получает жалование от университета штата Флорида. Однако, даже вместе взятые, эти доходы не покрывают расходов на содержание лаборатории, и Мейплс был вынужден обратиться за помощью к спонсорам. Расходы на создание лаборатории имени С. А. Паунда взял на себя уроженец Гейнсвилла Цицерон Эдисон Паунд-младший, человек преклонных лет (ему уже за семьдесят), который в молодости, будучи морским летчиком, принимал участие в поисках Амелии Эрхарт. Паунд разбогател на сделках с недвижимостью и пожертвовал деньги на строительство лаборатории. Мейплс нашел щедрого благодетеля также и в лице гейнсвиллского адвоката Уильяма Гозы. Возглавляемый им фонд имени Уэнтворта финансирует университет и в частности проекты, в которых участвует Уильям Мейплс. Благодаря оказанной Гозой финансовой поддержке, Мейплс сумел провести ряд судебно-медицинских исследований. Все эти случаи так или иначе были связаны с историей, и в них не осталось других

свидетелей, кроме самой музы истории Клио, а основным движущим мотивом была попытка разгадать задачу и установить историческую истину, тем самым удовлетворив свое любопытство. (Верно и то, что успех этих на шумевших исследований приносил с собой такую неоценимую вещь, как престиж. Для обвинителя весьма удобно обратиться, стоя перед присяжными, к своему искушенному в науке свидетелю: «Я полагаю, вы тот самый доктор Мейплс, который?..».)

Мейплс участвовал в четырех случаях установления исторической истины. В 1984 году он доказал, что мумифицированные останки, традиционно считавшиеся принадлежащими Франсиско Писарро (испанскому конкистадору, павшему в 1541 году в Лиме от рук наемного убийцы) и на протяжении четырех столетий торжественно хранившиеся в мраморном саркофаге собора города Лимы, на самом деле принадлежат кому-то другому. Более того, Мейплс доказал, что другой древний скелет, захороненный под двойным деревянным настилом в соборе, и есть не кто иной, как Писарро. В 1988 году Мейплс исследовал скелет Джона Меррина, знаменитого человека-слона, жившего в XIX веке, который в наше время получил известность благодаря постановщикам Бродвея и Голливуда (буквально накануне приезда Мейплса поп-звезда Майкл Джексон, если верить газетным сообщениям, предложил музею лондонского королевского медицинского колледжа приобрести скелет Джона Меррина за миллион долларов). Задача Мейплса состояла в том, чтобы определить, насколько гротескный уродливый гигантизм Меррина был последствием опухолей мягких тканей и насколько — результатом изменений в структуре костей. Мейплс обнаружил, что Меррин страдал от того и другого. В

1991 году Мейплс, эксгумировав останки Захарии Тейлора, доказал, что этот бывший президент Соединенных Штатов вовсе не был отравлен, как неоднократно заявлялось, а умер от несварения желудка. А в 1992 году Мейплс участвовал в исследовании останков Романовых.

Уильям Мейплс впервые познакомился с российской императорской семьей много лет назад, прочитав две книги. В сороковые годы, еще будучи ребенком, живя в Далласе, он прочитал книгу Ричарда Хэллибертона «Семимильные сапоги», в которой содержалось интервью, взятое у находившегося на смертном одре Ермакова, участника расстрела царской семьи. Позже Мейплс прочитал «Николая и Александру». В феврале 1992 года он находился в Новом Орлеане, где присутствовал на ежегодной встрече Американской академии судебно-медицинских наук. Именно здесь ему попала на глаза газетная заметка, в которой говорилось, что русские попросили госсекретаря Бейкера, чтобы Америка оказала им помощь в опознании скелетных останков, извлеченных из одной могилы в Сибири. Мейплс подошел тогда к доктору Фреде, судмедэксперту из Вооруженных Сил, и поинтересовался, не обращался ли Бейкер к нему за помощью. Фреде ответил, что нет, он вообще ничего об этом не слышал. «Я тогда сразу решил, что нам стоит попробовать, — говорит Мейплс. — И пока встреча все еще продолжалась, я собрал, на мой взгляд, исключительно сильную команду. В нее входил доктор Майкл Баден, судебный патологоанатом, доктор Лоуэлл Левин, эксперт-дантист, доктор Уильям Хэмилтон, наш местный гейнсвиллский судмедэксперт, и Кэтрин Оукс, специалист по волосам и тканям из

полиции штата Нью-Йорк. Я участвовал в роли судебного антрополога, а также возглавлял команду».

Вернувшись к себе в Гейнсвилл, Мейплс составил письмо от имени президента Университета штата Флорида, Джона Ломбарди, чтобы тот подписал его и отправил в Екатеринбург Александру Авдони-ну. В этом письме были описаны заслуги собранной Мейплсом команды, а также говорилось, что все ее участники готовы прибыть в Екатеринбург за свой собственный счет. По правде говоря, финансирование взял на себя возглавляемый Биллом Гозой фонд. Далее в письме Ломбарди говорилось, что он намерен провести в Америке научную конференцию, чтобы обсудить полученные результаты. «Поэтому представителю вашей команды тоже будет необходимо принять участие в этой конференции, — писал он Авдонину. — Собранные доктором Мейплсом средства позволяют оплатить транспортные расходы ваших представителей».

Наступил апрель, а Мейплс все еще не получил никакого ответа. Каким-то образом до него дошло, что Авдонин ждет его телефонного звонка. Мейплс тотчас ему позвонил и на следующий день в Гейнсвилл по факсу пришло приглашение за подписью Александра Блохина, заместителя губернатора Свердловской области. Команду из Флориды приглашали приехать в середине июля, чтобы несколько дней провести за изучением останков, а затем принять участие в международной конференции, посвященной находке.

Когда Мейплс узнал, что доктор Фреде и доктор Родригес из совместной команды ИПВС и ФБР все еще переживают, что их отстранили от участия в проекте, он заявил следующее: «Нам лишь впоследствии стало известно, что госсекретарь обращался с

просьбой к Фреде. Я уверен, что когда я встречался с ним в Новом Орлеане, он еще ничего не знал. Ведь тогда Бейкер еще не вернулся из России. Как бы там ни было, когда я его спросил, Дик сказал «Нет!». Мейплс признает, что в Америке, как и в России, среди ученых существует жесточайшая конкуренция. «Я бы не назвал себя пробивной личностью, — говорит он, — однако поскольку никто не собирался ничего предпринимать, то я решил, а почему бы мне не взяться за это дело».

По мнению Мейплса, совместный проект ИПВС и ФБР провалился из-за недостатка финансирования, а также потому, что из правительственной команды вышел такой заслуженный судебный антрополог, как Дуглас Убекер из Смитсоновского института. Русские, считает Мейплс, взвесили научные заслуги обеих команд и выбрали его.

Действительно, доктору Мейплсу удалось собрать сильную команду. Доктор Майкл Баден, судебный патологоанатом, ранее являлся главным судмедэкспертом Нью-Йорка. Он также возглавлял судебно-медицинскую комиссию, созданную комитетом Конгресса по политическим убийствам для расследования дел о покушении на жизнь Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Он также являлся содиректором отдела судебной медицины полиции штата Нью-Йорк. Доктор Лоуэлл Левин, его содиректор по подразделению нью-йоркской полиции, имел не менее славный послужной список. Он также в свое время сотрудничал в комитете по расследованию убийств Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. По заданию Госдепартамента он ездил в Аргентину для опознания останков пропавших без вести мужчин и женщин, таинственным образом исчезнувших во время военной диктатуры. Спустя несколько лет, уже в Бразилии, Левин

оказывал помощь в опознании черепа и зубов Йозефа Менгеле, врача-изверга из Освенцима. Кэтрин Оукс, одна из ведущих специалистов по волосам и тканям, также являлась сотрудником судебно-медицинского подразделения полиции штата Нью-Йорк.

25 июля 1992 года Мейплс со своей командой прибыл в Екатеринбург и поселился в гостинице «Октябрь», некогда предназначавшейся исключительно для высших партийных чинов. Все американцы полностью оплачивали свое проживание, причем в долларах. Местные власти ограничились тем, что предоставили в их распоряжение машину с шофером. Рано утром на следующий день после прибытия исследователи отправились в один из екатеринбургских моргов, в котором хранились останки Романовых. Здесь они познакомились с директором морга Николаем Неволным, Александром Авдониным, его женой Галиной, хорошо говорившей по-английски, и другими. Неволин сказал им: «Идите вниз и сделайте что хотите». Морг, по словам Мейплса, своим устройством напоминал такое же заведение в любом американском городе подобных размеров; на первом этаже находились комнаты для проведения вскрытия и хранилище трупов, а на втором — кабинеты персонала. А еще им показалось знакомым нечто другое. «Запах, — говорит Мейплс. — Типичный запах морга, его ни с чем не спутаешь».

На втором этаже в конце длинного коридора находилась железная дверь. Она вела в небольшую прихожую, а оттуда, через еще одну дверь, также закрытую на замок, они прошли в помещение, где хранились кости. Помещение это имело примерно восемнадцать футов в длину и шестнадцать в ширину, то есть имело размеры типичной гостиной в любом среднем американском доме. Комната была угловой, с двумя окна-

ми, каждое из которых закрывалось ставнями, тем не менее пропускавшими свет. Стены выкрашены светло-зеленой краской. В центре комнаты — большой стол с компьютером и микроскопом. Вдоль стен с четырех сторон стояли металлические столы. Именно на них в форме скелета разложены кости — то есть они не соединены, но череп лежит вверху, от него тянутся, образуя позвоночный столб, отдельные позвонки, по сторонам их лежат ребра, по бокам от ребер — кости рук, затем тазовые кости, бедренные и берцовые, и в самом низу — голеностопные. К своему ужасу, Мейплс увидел, что некоторые из костей конечностей переломлены пополам — ведь это затрудняло работу по определению роста жертв. Когда американцы вошли в помещение, столы были ничем не прикрыты и любой из присутствующих легко мог взять с них любую кость — как, например, несколько месяцев назад это сделал госсекретарь Бейкер. Отсутствовал здесь и нужный температурный режим — когда Мейплс и его коллеги вошли в помещение, в комнате, поскольку это была середина лета, стояла духота и им пришлось снять пиджаки.

Мейплс открыл сумку с камерами и вытащил одну из них. «Нет, — произнес кто-то из находившихся в комнате русских. — Вам нельзя ничего снимать». Мейплс спокойно убрал камеру и вместе с Баденом, Левином и Оукс в течение трех часов осматривал останки. Для Мейплса определить личность каждой жертвы не составляло никакого труда. «Это Демидова, — произнес он. — А это Боткин. А это одна из дочерей, скорее всего Ольга. А вот еще одна дочь, по-видимому Татьяна. А вот третья, скорее всего, Мария. Это — Николай. Это — Александра. А эти двое — слуги мужского пола».

К середине дня Мейплс и его команда снова

упаковали свои сумки и направились по коридору в кабинет Неволлина. «Мы все закончили и уходим», — заявил Мейплс. «Вы уходите на обед?» — переспросил Неволлин. «Нет, — возразил Мейплс. — Мы все закончили и отправляемся домой». Неволлин не верил своим ушам: «Но вы не можете...» — запротестовал он. «Мы обязаны документировать все, что делаем, — пояснил Мейплс. — И если нам это не позволяют, мы вам больше не можем помочь. Я еще ни разу не проводил экспертизы, когда мне было бы запрещено документировать все мои действия. И если мы не получим разрешения на фотосъемку, то нам ничего другого не остается. Я уже сделал свои выводы». Мейплс говорил ровным тоном, но было видно, что он взбешен. «В нас клокотала ярость», — признался он позже Галине Авдониной.

Неволину потребовалось время. «Идите на обед, а когда вы вернетесь, мы все обсудим и дадим вам ответы на ваши вопросы», — пообещал он. Американцы вернулись к себе в гостиницу, поспешно, по-русски, пообедали, а затем вернулись в морг. Неволлин с порога заявил им: «Снимайте что хотите». («По всей видимости, — вспоминал впоследствии Мейплс, — он позвонил Блохину, и Блохин сказал: «Пусть делают что хотят».) Поэтому мы остались до конца недели и задокументировали все, что требовалось. Но в первые часа два мы сделали кое-какие открытия. Мы точно знали, что имеем дело с останками императорской семьи, а также кто из них есть кто».

Девять скелетов, лежащих в морге на столах, были помечены только номерами. Мейплс — которому в тот момент еще ничего не было известно о сделанных ранее Абрамовым выводах, — продолжал использо-

вать эту же систему обозначения. Пять скелетов принадлежали женщинам, четыре были мужскими. Все четверо мужчин умерли в зрелом возрасте, среди останков не нашлось ни одного подростка. Из пяти женских скелетов три принадлежали юным женщинам. У всех у них были сильно повреждены лица. Зубы всех женских скелетов носили следы врачебного вмешательства. Один из мужчин, по всей видимости, был обладателем верхней искусственной челюсти.

Легче всего оказалось опознать останки — российские исследователи поместили их №7 — женщины средних лет, чьи ребра несли на себе явные следы штыковых ран. Однако внимание доктора Левина мгновенно привлекли прекрасно, просто мастерски, выполненные зубо врачебные протезы. Две коронки на нижней челюсти были сделаны из платины. На остальных зубах стояли либо фарфоровые коронки, либо изящно сработанные золотые пломбы. Иными словами, в глаза бросались последние достижения стоматологической науки, полученные в конце прошлого века в Америке, а затем широко применявшиеся в Германии, то есть на родине императрицы Александры. Увидев все это, Левин и Мейплс одновременно заявили, что череп и другие костные останки принадлежат императрице Александре.

Опознать Николая II тоже не представлялось сложным. Останки за №4 принадлежали довольно невысокому мужчине средних лет. Его бедренные кости носили следы износа и деформации, возникающей вследствие длительной верховой езды, этого характерного для русских царей занятия. У черепа был широкий покатыстый лоб, выступающие надбровные дуги и широкое плоское небо. Зубы были на редкость плохи. На нижней челюсти явственно виднелись следы тяжелого периодонтита, а в оставшихся зубах не

было никаких пломб. Лицевые кости у черепа отсутствовали, все, что находилось между глазницами и нижней челюстью, было смято в лепешку.

Держа в руках череп Николая II, Мейплс пережил леденящие душу секунды. «Мы передавали череп из рук в руки, и неожиданно услышали, что внутри него что-то глухо постукивает. Направив луч фонарика на основание черепа и заглянув в отверстие, к которому крепится позвоночный столб, мы разглядели что-то небольшое и сморщенное, размером с небольшую грушу. Этот комок, который перекатывался внутри черепной коробки, был не что иное, как высушенный мозг Николая II.

Американская команда без труда определила принадлежность останков четырех взрослых. Тело №1 было опознано по тазовым костям как принадлежавшее зрелой женщине. На нижней челюсти черепа имелся сделанный из золота зубной мост, довольно грубой работы, и с его помощью установили, что это горничная, Демидова.

Скелет №2 принадлежал взрослому грузному мужчине с покатым лбом. У единственного из всех скелетов, у этого неплохо сохранился торс, который был как бы склеен адипоцере — серовато-белесой вязкой субстанцией, которая образуется в трупах из жировой ткани при соприкосновении с влагой. Из этой массы российские исследователи извлекли две пули — одну из области таза, вторую из позвоночника. На черепе, в левой части лба, виднелось отверстие от пулевого ранения. На нижней челюсти сохранилось несколько зубов, но на верхней не осталось ни одного. Зная о том, что более семидесяти лет назад вставная челюсть доктора Боткина была обнаружена Соколовым у Четырех Братьев, Мейплс и Левин смогли без труда опознать его останки.

Скелеты №8 и №9 были опознаны соответственно как останки повара Харитонова, которому к моменту гибели исполнилось 48 лет, и лакея Труппа, которому был шестьдесят один год. Скелет Харитонова из всех девяти оказался в самом плохом состоянии, поскольку именно он был первым брошен на дно ямы и почти целиком лежал в кислоте. Тело Труппа лежало непосредственно над останками Николая. По мере разложения обоих трупов кости их перемешались. Сегодня, полагает Мейплс, из-за невозможности провести анализ ДНК каждого костного фрагмента, соответственно нельзя с уверенностью определить, какие из костей принадлежали царю, а какие лакею.

Три оставшихся скелета — №3, №5 и №6 — принадлежали трем юным, совсем недавно достигшим зрелости женщинам; все имели общий друг с другом, а также с телом №7 (императрицей Александрой) необычный костный выступ в задней части черепа. Эта характерная особенность, известная как вормиева кость, встречается лишь у 5–6 процентов людей и поэтому недвусмысленно свидетельствует о единоутробном родстве всех трех тел с телом №7. Кроме того у всех у них во рту имелись многочисленные пломбы одинаковой работы, и это наводило на мысль, что всех лечил один и тот же дантист.

Старшей из этих трех молодых женщин (тело №3) на момент смерти было года двадцать два-двадцать три. И хотя у черепа отсутствовала половина лица и целиком вся нижняя челюсть, зато имелся слишком выпуклый лоб, подобный тому, что отличал великую княжну Ольгу. Это была уже взрослая женщина. На момент гибели Ольге исполнилось двадцать два года и девять месяцев. Кости нижних конечностей оказались сломаны, но, судя по длине костей рук, Мейплс

определил рост жертвы в пять футов и пять дюймов. Доктор Левин обнаружил развитые корни третьих моляров, или зубов мудрости, и это также подтверждало вывод Мейплса о том, что исследователи в данном случае имели дело со взрослой женщиной. Огнестрельные раны свидетельствовали, что пуля вошла под нижней челюстью, а вышла в области лица. «Подобная траектория, — заметил Мейплс, — может иметь место, если выстрел произведен вверх, из оружия, упирающегося под подбородок, или же если стреляли в тело, уже лежащее на полу».

Следующая из дочерей — останки под №5 — была, по мнению Мейплса, женщиной лет восемнадцати-двадцати. «Мы с доктором Левином сошлись во мнении, что она была самой младшей из пяти женщин, чьи скелеты лежали перед нами». Исследователи сделали этот вывод исходя из того, что корни ее третьих моляров были еще не полностью развиты. Ее крестцовые кости в задней части таза еще не развились до конца. Было видно также, что кости верхних и нижних конечностей лишь недавно прекратили свой рост. Спина также свидетельствовала о недостаточной зрелости, однако вполне могла принадлежать восемнадцатилетней девушке. По нашим прикидкам, рост ее составлял пять футов и семь с половиной дюймов». И хотя у черепа отсутствовала половина лица, Мейплс сделал вывод, что эти останки принадлежали великой княжне Марии, отметившей свое девятнадцатилетие за пять недель до смерти. Третья из этих молодых женщин, чьи останки были помечены №6, была убита выстрелом в затылок — пуля вошла слева, а вышла через правый висок. Эта женщина также уже достигла зрелости, а особенности зубов и скелета свидетельствовали о том, что по возрасту она была средней из трех.

Концы корней ее третьих моляров еще не оформились, что характерно для женщин в возрасте девятнадцати-двадцати лет, но никак не для семнадцатилетней девушки. Мейплс оценил ее рост в пять футов и пять с половиной дюймов, не обнаружив при этом свидетельств недавно закончившегося роста. Ее крестец и тазовые кости уже вполне оформились, а значит, ей было не меньше восемнадцати. Ее ключица принадлежала взрослой женщине, не меньше двадцати лет от роду. В момент казни великой княжне Татьяне было двадцать один год и два месяца. Исходя из этого Мейплс приписал тело №3 Ольге, тело №5 — Марии и тело №6 — Татьяне.

Доктор Мейплс был убежден, что ни один из этих трех скелетов не мог принадлежать Анастасии, так как не носил признаков незрелости, а как известно, младшей из княжон на момент убийства исполнилось лишь семнадцать лет и один месяц. Другой причиной был рост. На многочисленных фотографиях Анастасии, стоящей рядом с остальными сестрами, — а они делались вплоть до 1917 года, то есть за год до их гибели — хорошо видно, что Анастасия ниже Ольги и намного ниже, чем Мария с Татьяной. В сентябре 1917 года, за десять месяцев до убийства, императрица Александра писала в своем дневнике: «Анастасия очень толста, как когда-то Мария — большая, с толстой талией, а ножки коротенькие — надеюсь, она еще подрастет». Неужели Анастасия за последний год жизни неожиданно вытянулась на целых два дюйма? «Возможно, — говорит Мейплс, — но мало вероятно».

Другой причиной было развитие третьих моляров у останков трех дочерей. Доктор Левин, который тщательнейшим образом исследовал зубы каждого черепа, поддерживает точку зрения Мейплса. «Он сделал свои выводы, исходя из фактов антропологии,

я же — по зубам. И затем, независимо друг от друга, мы записали примерный возраст каждой из жертв, — говорит Левин. — Оказалось, что наши оценки совпадают».

Наиболее важным для окончательных выводов Мейплса было состояние позвоночников всех трех девичьих скелетов. По мнению исследователя, ни один из них не имел характерных особенностей скелета семнадцатилетней. Впоследствии, уже в лабораторных условиях, Мейплс пояснил, что человек растет, когда его кости удлиняются на концах. На них образуется мягкий, хрящеобразный материал, который постепенно затвердевает, превращаясь в костную ткань, в результате чего сама кость — а вместе с ней и человек — становится крупнее и выше. В позвоночнике — столбе из круглых костей — кость увеличивается (а главное, становится выше), когда хрящ формируется, а затем затвердевает по краям верхнего и нижнего отверстий.

«У более старшего по возрасту человека, — поясняет Мейплс, — или же иногда у молодого мы имеем оформившееся кольцо по верхнему и нижнему краю позвонков. Но если данный отрезок позвоночника еще не оформился, то это наводит на мысль, что мы имеем дело с более юным индивидуумом».

Разумеется, со смертью процесс изменения хряща в кость прерывается, и в скелетах молодых людей хрящ превращается в желтоватую вязкую субстанцию, которая при малейшем прикосновении к ней крошится. В лаборатории у Мейплса имелось несколько скелетов подростков — с их помощью он продемонстрировал свои выводы. «У этого человека на позвонках имеется кольцо, но, как вы видите, оно еще в процессе сращения и вот здесь отслоилось... А вот оно почти сформировалось, а вот здесь все еще

открыто... а вот в этом месте оно практически все отслоилось. И вот на этом оно практически все отслоилось. А вот на этом оно отсутствует в основании, почти сросшись, и лишь впереди небольшой шрам, но на сторонах все еще видно отверстие». Мейплс воспользовался полученными в лаборатории данными и опытом для исследования позвончиков в Екатеринбурге. «В одной и той же возрастной группе женщины взрослеют быстрее мужчин, — говорит он. — У семнадцатилетней девушки вы можете увидеть неполные позвонки вроде этого. Но ни один из трех екатеринбургских скелетов не имел позвонков с неполными или частично сформировавшимися кольцами, что было бы характерно для семнадцатилетней девушки. По крайней мере, так мне известно по опыту. С того времени один из моих ассистентов защитил по этой теме диссертацию, и ни разу у семнадцатилетней девушки нам не встретились позвонки с полностью сросшимся кольцом».

Доктор Мейплс отдавал себе отчет в том, что его выводы частично противоречат выводам Абрамова. «Я считаю, что там нет Анастасии, он же полагает, что отсутствует Мария, — говорит Мейплс. — Я не изменю своего мнения, а он своего». Но почему Мейплс так уверен в собственной правоте? На этот вопрос он отвечает без обиняков: применявшаяся Абрамовым техника по восстановлению поврежденных черепов путем склеивания отдельных фрагментов не выдерживает никакой критики. Эта работа была проделана крайне небрежно, продолжает он, и любая попытка наложить череп на фотографии может привести к искажению фактов.

По мнению Мейплса, подобная реконструкция вполне возможна, при условии, что производится с величайшей тщательностью. «Я сам нередко восста-

навливаю черепа путем склеивания фрагментов и посему прекрасно знаю, что даже в том случае, если наличествуют все до единого костные фрагменты, небольшое угловое отклонение при склейке двух кусков может привести к разнице в несколько миллиметров, а то и в целые полсантиметра. И затем, при попытке приклеить еще один фрагмент, оказывается, что он не подходит. И у вас образуется дырка. Она или на полсантиметра больше, или меньше, чем требуется для соединения фрагмента. И тогда у вас никак не получается со всеми остальными кусками, и все потому, что в самом начале вы что-то приклеили не под тем углом».

«В случае же с Романовыми у черепов отсутствовали отдельные части лица — у некоторых дочерей либо целиком вся правая или левая половина». Кстати, когда в какой-то момент Мейплс, обсуждая этот вопрос с Абрамовым, задал русскому ученому вопрос «Что вы делаете, если у вас отсутствуют недостающие фрагменты?», тот ответил: «Мы прикидываем на глазок». Мейплс считает это совершенно неприемлемым. «Русские здорово потрудились над телом №6, пытаясь восстановить лицевые кости, щедро замазывая клеем зияющие отверстия, — говорит Мейплс. — Снова и снова, собирая имеющиеся фрагменты, они были вынуждены «прикидывать на глазок», причем большинство фрагментов не соприкасались друг с другом. Это был поистине изобретательный метод, но для меня он слишком неточен, а потому неприемлем. Увидев, что они там натворили, я проникся еще большей уверенностью, что отсутствует именно Анастасия».

Кроме того, доктор Мейплс не согласен с применявшейся Абрамовым методикой компьютерного наложения. «Мы тоже делаем видеоналожения, — гово-

рит Мейплс, — но в нашем случае мы располагаем фотографию под одной видеокамерой, череп кладем под другой и накладываем оба изображения при помощи одного и того же монитора. Тогда мы можем изменить положение черепа, его размеры, мы можем вообще изменить весь его размер целиком по отношению к фотографии и таким образом поменять его положение по отношению к лицу, но я не в состоянии изменить пропорции. Мне просто не дано манипулировать с заложенными в компьютер данными. Я могу сделать это только при помощи видеокамер. Если вы пользуетесь камерами, затем добавляете к этой системе компьютер, то получаете возможность манипулировать данными и сделать так, чтобы у вас совпало. А системы Абрамова задуманы таким образом, что все начинается с черепа, который он записывает в трех измерениях, исходя всего из нескольких точек. После чего он начинает манипулировать компьютером до тех пор, пока череп не впишется в фотографию».

Собственно говоря, еще до приезда в Екатеринбург Мейплс планировал вернуться назад, захватив с собой свои собственные наложения и оборудование. «Но из-за того ущерба, что был нанесен лицам, я решил во время моего первого визита, что бесполезно делать какие бы то ни было наложения с тем, чтобы установить, что это действительно Романовы, а тем более понять, кто есть кто из сестер. А затем я узнал, что Абрамов, устанавливая личности девушек, исходил из реконструкции их черепов. Когда же сделанные им выводы целиком и полностью разошлись с нашими возрастными оценками, сделанными мною по их скелетам, а Лоуэллом — по зубам, я просто не мог согласиться с тем, что среди прочих останков якобы имеются и останки Анастасии».

В целом Мейплс абсолютно согласен с Абрамовым в том, что останки несомненно принадлежат Романовым. Все девять скелетов соответствуют возрасту, полу, весу и росту девяти узников Ипатьевского дома. «Если бы вы решили наугад собрать еще одну группу людей, которая бы целиком и полностью соответствовала тем же историческим и физическим особенностям, вам пришлось бы как следует поискать, а найдя, умертвить девять совершенно одинаковых людей», — говорит Мейплс. По его мнению, это настолько мало вероятно, что практически невозможно.

Что же случилось с двумя недостающими телами? Долгий опыт Мейплса по изучению обстоятельств насильственной смерти вынуждает его полагать, что убиты были все одиннадцать узников. Принимая во внимание всю жестокость постигшей Романовых участи, трудно поверить, что в подвале Ипатьевского дома хотя бы одной живой душе было позволено избежать смерти. Дальнейшее объяснение Мейплс находит в отчете Юровского, которому он склонен верить. Юровский писал о том, что сжег два тела. Одно принадлежало царевичу, другое было женским, которое Юровский поначалу принял за Александру, а затем решил, что все-таки это Демидова. Это женское тело, по мнению Мейплса, принадлежало Анастасии. Но как мог Юровский принять тело семнадцатилетней девушки за останки зрелой женщины, будь то императрица, которой было сорок шесть, или сорокалетняя горничная?

Ответ, по мнению Мейплса, заключается в том, какие внешние изменения влечет за собой разложение человеческого тела. Члены императорской семьи были убиты в середине июля, когда среднесуточная температура достигала 70 градусов по Фаренгейту.

Лица жертв были жестоко изуродованы прикладами. Их волосы, пропитавшиеся кровью, высохли и запеклись в черную, непроницаемую массу. Пока трупы, с которых сорвали одежду, лежали на земле, определить их пол не составляло труда, но что касается остального, то все до единого обнаженные тела раздулись до неузнаваемости. Мейплсу за годы его практики не раз доводилось видеть тела девочек-подростков, которые через несколько дней после смерти раздувались до невероятных размеров, внешне напоминая заплывших жиром немолодых женщин. О процессе разложения можно заметить еще и следующее. На открытом воздухе мухи быстро слетаются на свежие трупы. Насекомые откладывают яйца в глаза, ноздрях и, как в случае с Романовыми, — в кровавой массе изуродованных лиц и тел. В течение двух дней при подобной температуре яйца вызревают в личинки. Рассказывать, что происходит дальше, нет необходимости, за исключением того, что Мейплсу понятно, почему Юровский так и не был до конца уверен, тело какой именно женщины он сжег.

В апреле 1993 года доктор Уильям Хэмилтон, судмедэксперт из Гейнсвилла, сопровождал Мейплса во время его поездки в Екатеринбург. Впоследствии я спросил их обоих: исходя из их опыта, что должно твориться в мозгу палача, который стреляет, колет штыком, крушит прикладом лицо своей беспомощной жертвы? Первым ответил Хэмилтон: «По-моему, это вполне типично для подобного рода убийства. Вы не воспринимаете свою жертву как личность, — наоборот, он или она представляется вам неким символом, не имеющим ничего общего с конкретным человеком. То есть вы убиваете режим, самодержца, вы

избавляетесь от всего ненавистного прошлого, и создается новый мировой порядок. То же самое характерно для маньяков-убийц. Как правило, в их сознании жертва дегуманизируется, после чего они способны на зверства, которые простому человеку даже трудно себе представить». Мейплс разделяет это мнение: «Как только было принято решение их убить, при тех обстоятельствах, что имели место той ночью в Ипатьевском доме, я подозреваю, что большинство участников экзекуции хотели убедиться, что свое дело они довели до конца. Вот почему я уверен, что в живых там не осталось никого».

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Окончив за три дня дела, Мейплс со своей командой не стал сразу торопиться домой. Вместо этого он остался в Екатеринбурге на двухдневную конференцию, организованную администрацией Свердловской области под названием «Последняя страница истории императорской семьи». Присутствовало на ней около ста человек, было представлено двадцать два доклада, главным образом учеными из разных уголков России и бывшего Советского Союза. Открыл конференцию губернатор Свердловской области Эдуард Россель. Александр Авдонин и Гелий Рябов рассказали о том, как им удалось обнаружить останки царской семьи. Профессор Крюков из Москвы осудил «грубые нарушения археологических и судебно-медицинских норм», имевшие место при эксгумации останков. Николай Неволин проанализировал состояние извлеченных из-под земли останков. Профессор Попов из Санкт-Петербурга описал ущерб, причиненный костям пистолетными пулями. Представительница Минздрава

Гуртовая, из отдела доктора Плаксина, докладывала о том, что на телах №5 и 7 обнаружены лобковые волосы, а на теле №4 — «нечто напоминающее волосы». Все эти находки, по ее заявлению, «оказались чрезвычайно хрупкими и ломкими и при прикосновении практически рассыпались в прах». Доктор Абрамов поделился своей методикой опознавания останков, основанной на принципе компьютерного наложения. Доктор Филипчук из Киева объяснил, как путем исследования черепов, длинных трубчатых костей и таза жертв определялись их пол, возраст и рост.* Виктор Звягин из Москвы настаивал, что тело №1 (доктор Абрамов и Мейплс опознали в нем горничную Демидову) принадлежало мужчине. Филипчук деликатно поправил Звягина: «Согласно нашим данным, этот скелет принадлежит крупной женщине».**

Доктор Павел Иванов из Московского института молекулярной биологии имени Гумбольдта размышлял о той информации, что еще можно будет получить в будущем после проведения, скорее всего, в Англии, исследования ДНК.

* Выводы Филипчука относительно останков великих княжон сравнимы с выводами Мейплса и Абрамова. Он полагал, что тело №5 принадлежало самой высокой из дочерей, которая погибла в возрасте двадцати лет. Это тот самый скелет, который Мейплс опознал как Марию, а Абрамов — как Татьяну. Далее Филипчук заявил, что тело №6 принадлежит второй по росту сестре, погибшей в возрасте между двадцатью и двадцатью четырьмя годами. Мейплс определил тело №6 как Татьяну, Абрамов — как Анастасию.

** Публично выраженное несогласие с данными исследования Мейплса, по всей видимости, порадовало Абрамова, который тоже присутствовал в зале. Именно Звягина Абрамов в первую очередь и имел в виду, когда с гневом обрушился на «идиотов», критиковавших проводимую им в Екатеринбурге работу и опекавших его всю предыдущую осень, зиму и весну.

Некоторые из выступающих не были учеными. Один рассуждал по поводу того, как военная форма, которую носил Николай, отражала его личность. Какой-то монархист из Московского дворянского собрания заявил, что он якобы представляет «Их Императорские Высочества, великую княгиню Марию Владимировну и вдовствующую великую княгиню Леониду Георгиевну». Слово предоставили даже лихтенштейнскому миллионеру, барону фон Фальц-Фейну. Барон говорил исключительно о собственной персоне и упомянул, что имение, в котором он родился — Аскания-Нова, — было крупнейшим в России, добавив при этом, что навсегда искренне предан российской истории и культуре.

Первоначально выступления американских исследователей не были включены в программу, однако в конце конференции Мейплсу тоже предоставили слово, чтобы он поделился своими выводами.

Во время пресс-конференции, завершавшей программу их пребывания в России, Мейплсу был задан вопрос:

— Каков же тогда уровень российской судмедэкспертизы, если вам удалось за три дня сделать то, на что у наших людей ушел целый год?

Мейплс постарался дать дипломатичный ответ:

— Не следует забывать, что они затратили немало времени на составление скелетов, на реконструкцию повреждений черепов.

Тем не менее, хотя американцы не знали ни слова по-русски, от них не ускользнуло, что среди съехавшихся на конференцию российских ученых, к их удивлению, отсутствовала какая бы то ни была согласованность. Создавалось впечатление, будто каждый из присутствующих специализировался на разных частях человеческого тела и применял исключительно свои

методы. Один ученый из Саратова был специалистом по запястьям и посему определял все, что касалось костных останков, включая возраст, путем изучения мелких костей запястья. Наилучший способ определения возраста, говорит Майкл Баден, это комплексное исследование черепа, зубов, позвонков и таза.

Кроме того, создавалось впечатление, будто российские исследователи держат результаты своих исследований за семью печатями, зорко охраняя уникальную, по их мнению, информацию. Мейплс и его коллеги привыкли к принятому на Западе стилю проведения научных конференций, основная цель которых заключается в обмене новой информацией с ее дальнейшим распространением.

— До начала любой конференции, — говорит Мейплс, — западные ученые готовят наброски, специально как можно более расплывчатые, поскольку авторы еще не завершили своих исследований.

Но к моменту проведения встречи требуется, чтобы доклад содержал результаты, анализ и выводы. В этом отношении особенно показательно вела себя московский специалист-серолог* Гуртовая, чей доклад, посвященный определению группы крови по остаткам волос, вызвал у Мейплса особый интерес. Исследовательница сообщила собравшимся, что она подвергла кости и волосы из захоронения анализам на предмет определения группы крови, в частности А, В и 0, но в конечном итоге умолчала о полученных результатах. Мейплс, сидевший в зале рядом с говорящим по-английски историком, наклонился к соседу:

— Спросите, удалось ли им определить группу крови останков.

* Серология — область исследований, изучающая сыворотки, в особенности их специфические иммунные свойства.

Русский ученый выполнил его просьбу, пояснив при этом, что вопрос исходит от сидящего рядом с ним американца.

«В ответ докладчик сказала: «Да». И все. Я сказал: «Спросите ее, как они получили свои результаты — по волосам или по костям», — вспоминал Мейплс.

— И по тому и по другому.

— Спросите ее, одинаковыми ли оказались результаты, полученные по волосам и костям.

Сосед перевел вопрос, и она снова сказала: «Да». И тогда я попросил:

— Поинтересуйтесь у нее, какова же оказалась группа крови.

И она ответила:

— Ну, должны же быть у нас маленькие секреты.

Что тотчас заставило Мейплса вспомнить одну цитату: «В России секретно абсолютно все, даже то, что не секретно».

— Собственно говоря, — продолжает Мейплс. — через пятнадцать минут кто-то сказал мне эти результаты: группа А, резус — положительный.

Кэтрин Оукс, специалист по волосам и тканям из команды Мейплса, тоже не удалось достичь взаимопонимания с Гуртовой. Оукс специально прилетела из Америки, узнав, что в могиле были обнаружены человеческие волосы. Соответственно, прилетев в Екатеринбург, она тотчас поинтересовалась:

— Могу я взглянуть на волосы?

— Они в Москве, — прозвучал ответ.

Однако, продолжал ее собеседник, через несколько дней в Екатеринбург приедет Гуртовая, специалист из Москвы, которая и привезет с собой волосы.

Когда Гуртовая прибыла в Екатеринбург, Оукс представилась ей и спросила:

— Могу ли я взглянуть на волосы?

— Разумеется, — ответила Гуртовая, но не показала ни единого волоска.

Во время их следующей встречи Гуртовая сказала Оукс, что «эти волосы ни на что не годятся».

Даже теперь, спустя несколько лет, Оукс не знает, чему верить.

— Такое впечатление, что у нее с собой не было этих волос. Или же были, но ей не хотелось мне их показывать. Во всяком случае, мне ничего не показали, и я ничего не делала.

Кэтрин Оукс отказалась участвовать в дальнейших исследованиях Мейплса и его команды и больше не приезжала в Екатеринбург.

Мейплс и предположить не мог такой ситуации, но, как оказалось от Плаксина и Абрамова даже скрывали тот факт, что он и его коллеги будут присутствовать на конференции.

«Они ничего не знали о нашем прибытии до самого последнего момента, пока не вошли в зал, — вспоминает Кэтрин Оукс. — И явно не обрадовались».

«Они были в шоке, — соглашается Лоуэлл Левин. — Между Москвой и Екатеринбургом словно соревновались в перетягивании каната. В Екатеринбурге хотели, чтобы останки оставались у них. В какой-то момент борьбы Екатеринбург понял, что скорее всего перевес будет на стороне Москвы. И если они желают сохранить контроль, им срочно требуется своя собственная научная команда. Но в самом Екатеринбурге не нашлось специалистов-судмедэкспертов такого калибра. Вот почему было решено обратиться за помощью к Госсекретарю США Бейкеру. В результате мы оказались в Екатеринбурге и стали «местной командой», сами того не подозревая».

Именно в подобной атмосфере обоюдного непо-

нимания и плохо скрытой враждебности Уильям Мейплс, полагавший, что среди останков отсутствует Анастасия, впервые встретился с Сергеем Абрамовым, считавшим, что не найдена Мария.

«Участие в конференции профессора Мейплса было организовано исключительно властями Екатеринбургa, — сказал впоследствии Абрамов. — Мы узнали об этом совершенно случайно. Как ни странно, однако, ему было позволено фотографировать кости, а нам — российским ученым — в этом отказали. Я ничего не имею против доктора Мейплса. Я глубоко его уважаю. Но его роль во всем этом озадачила нас. Если он проводит свои исследования независимо от нас, то зачем тогда мы? А если же он проводит исследования вместе с нами, тогда почему его прячут от нас? Мне так и не довелось стоять с ним бок о бок у этих костей».

Во время конференции, после того как Мейплс объявил, что, согласно их выводам, среди дочерей отсутствует Анастасия, Абрамов подошел к нему и посоветовал, чтобы Мейплс не распространял это свое мнение, когда вернется в Америку.

— Я сделал это, чтобы защитить его, — поясняет Абрамов. — Ведь он с останками провел всего три дня. Мы же провели с ними целый год. Ради него самого я бы не хотел, чтобы в конечном итоге выяснилось, что мы оказались правы, а он — нет.

Разумеется, Абрамову не было известно, что Мейплс уже решил объявить на пресс-конференции, которой завершилась екатеринбургская встреча, что по его мнению, среди дочерей отсутствует великая княжна Анастасия.

Спустя год, в июле 1993-го, Мейплс вернулся в

Екатеринбург, где снялся в научно-документальном фильме для «Нова» — популярной телепрограммы Пи-Би-Эс. По пути домой Мейплс на пару дней задержался в Москве и впервые нанес визит Абрамову, придя к нему на работу.

— Доктор Мейплс валился с ног от усталости, — говорит Абрамов. — Он встал в четыре утра, чтобы вылететь из Петербурга в Москву. С ним были его телевизионщики — они сфотографировали нас, когда мы по-дружески пожали друг другу руки.

Мейплс объяснил Абрамову, что применяемый им метод исследования и замера костей доказывает, что ни один из женских скелетов не мог принадлежать семнадцатилетней девушке.

— И тогда выяснилось, — говорит Абрамов, — что мы с ним измеряли разные кости. Мы измеряли бедренные кости, а он измерял кости предплечья, локтевые и лучевые кости, которые при определении роста дают менее точные результаты.

— Но, — возразил Мейплс, — вы же распилили бедренную кость пополам.

— Да нет же, мы этого не делали, — возразил я. — Это сделал кто-то другой. Мы измерили останки до того, как эту кость разрезали пополам. И, откровенно говоря, мы вовсе не ожидали, что приедут другие эксперты.

Во время этого разговора Абрамов обратил внимание Мейплса еще на одну проблему относительно костей предплечья, которая, кстати, уже не давала ему покоя:

«Эти кости могли оказаться перемешаны. Ведь их извлекли из земли не самым осторожным образом. И как только они оказались на столах в морге, любой мог взять их, а затем по ошибке положить не туда, куда надо. Там бывал профессор Потапов — без нас.

Звягин тоже был там без нас. И вот теперь там побывал профессор Мейплс — тоже в наше отсутствие».

К концу встречи Мейплс, желая достичь примирения, сказал Абрамову, что, хотя полученные его командой результаты несколько отличаются, если Абрамов сумеет доказать с абсолютной достоверностью, что среди скелетов присутствует Анастасия, то «я буду рад за вас». Абрамов, отвечая вполне дружелюбно, поинтересовался у Мейплса, не известен ли тому какой-нибудь западный ученый с заслуженным именем, который, используя метод наложения, мог бы решить эту проблему. Мейплс назвал такое имя — профессор Рихард Хельмер из Боннского института судебной медицины в Германии, возглавлявший отдел черепнолицевого опознавания Международной Ассоциации судмедэкспертов. Абрамов, которому была известна репутация Хельмера (он читал его монографии), тотчас пригласил немецкого ученого в Москву. Одна коммерческая компания взяла на себя расходы, и в начале сентября 1993 года Хельмер провел пять дней в Москве, изучая применяемые Абрамовым методы и их результаты. Хельмер сказал Абрамову, что тот располагает лучшей из когда-либо виденных им программ наложения — а ему известны все существующие программы. Далее, заявил немецкий ученый, он согласен с полученными Абрамовым результатами и полагает, что среди найденных в Екатеринбурге скелетов присутствует Анастасия.

После этой встречи Абрамов по-прежнему предлагал решить эту проблему, пригласив в Екатеринбург для работы над царскими останками обоих — Хельмера и Мейплса. Он также пригласил бы из Киева доктора Филипчука. А так как подобное совместное исследование так и не было проведено,

Абрамов придерживается собственных выводов, тем более что его поддержал такой авторитет, как профессор Хельмер. И еще потому, что имя Хельмера ему назвал сам доктор Мейплс.

«Все дело в том, что при существующих методах, а также основываясь на том сравнительном материале, которым мы располагаем, я считаю невозможным определить, кто отсутствует — Мария или Анастасия».

Это говорит Николай Неволин, директор Свердловского областного бюро судебной медицины, он же заведующий екатеринбургским моргом, в котором на протяжении трех с половиной лет хранились останки. «Неволин живет в многоэтажном доме по соседству с моргом, и именно туда мы направились искать его, поскольку приехали поздно. Мы сидели под шелестящими тополями в лучах заходящего солнца, наблюдая, как во дворе играют дети, а Авдонин пошел внутрь, чтобы отыскать его. Вскоре к нам вышел Неволин, крепкого сложения мужчина с негромким голосом, на вид лет за сорок. На нем была черная с оранжевым американская футболка, подарок Лоуэлла Левина». Неволин — судебный антрополог, и ему ежедневно приходится иметь дело с насильственными убийствами, совершаемыми его соотечественниками-уральцами. Однако он страстно увлекся поисками царских останков. Он работал как с Абрамовым, так и с Мейплсом и тщательнейшим образом изучил методику обоих. По его мнению, они оба неправы.

«Мейплс заявляет, будто способен настолько точно определить возраст, что может с уверенностью сказать, что ни один из скелетов не мог принадлежать семнадцатилетней девушке. Да, можно говорить о

средних показателях. Но ведь любому профессионалу известно, что по костям невозможно определить развитие и возраст конкретного подростка. Зубы являются лучшим мерилем. Судмедэксперты-дантисты говорят, что, изучая рост зубов, они способны определить возраст с разницей плюс-минус два с половиной года. Это еще куда ни шло. С этим я готов согласиться».

В своей критике Неволин никого не защищает и ни на кого не нападает. Ему известно, что квалификация Мейплса и Абрамова выше, чем у него самого. Однако он спокойно придерживается собственного мнения и не собирается принимать на веру заявления Мейплса, будто тот способен точно определить возраст, исходя из нароста по верхнему и нижнему краю позвонков.

«Я вовсе не хочу сказать, будто отверждение позвонков, о котором говорит доктор Мейплс, вообще не встречается. Разумеется, оно всегда имеет место. Но этот процесс не связан ни с каким определенным возрастом, например, с шестнадцатью или семнадцатью годами. Медицинской науке подобные вещи неизвестны. Существуют только интервалы — скажем, от четырнадцати до восемнадцати лет, — то есть когда происходит рост. Как мне кажется, Мейплс ввел в заблуждение тот факт, что эти кости пролежали в земле более семидесяти лет. Их поверхность слегка разрушилась; они сильно отличаются от свежих костей, с которыми он — да и мы — обычно имеем дело в наших лабораториях. Наконец, я должен сказать, что этот метод определения возраста по позвонкам никогда не считался надежным, ни у нас, ни за границей. Самым надежным методом определения возраста считается метод Хансона — исследование структуры верхних частей длинных трубчатых костей. Это те основ-

ные методы, которые позволяют нам наиболее точно определить возраст. Позвонки при этом не используются. Американцы, европейцы, русские — все мы одинаковы. И если кто-то пытается определить эти останки по росту — такое просто не пройдет. И не стоит перекладывать трудность на то, что кости, мол, были распилены пополам. Даже будь они целы, все равно невозможно точно определить рост. Так что если кто-то исключительно по росту заявляет, что, мол, эта жертва — та, а вот эта — эта, то, по-моему, мягко говоря, этот человек говорит не совсем правду».

Неволин переключается на результаты Абрамова, полученные методом наложения.

«Это уже немного лучше, — говорит он. — Поскольку здесь мы идем методом элиминации.* Мы берем фотографию человека, сделанную как можно ближе к моменту его смерти. У нас есть изображение его черепа. Мы их накладываем друг на друга. Если изображение черепа вписывается в лицо человека на фотографии, то мы можем сказать, что данный череп может принадлежать человеку на фотографии. Этот метод еще лучше срабатывает в отрицательном смысле. Если череп не вписывается в изображение на фотографии, мы можем утверждать, что данный череп не принадлежит человеку на фотографии. Возможно, череп не впишется в некоторые из фотографий, или, наоборот, может вписаться в одну из них. Не следует, однако, принимать это за категорический метод, особенно в данном случае. Подобная методика также не слишком надежна, и особенно в данном случае, поскольку практически у всех черепов отсутствовала лицевая часть, а у некоторых свод поврежден пулями».

* Элиминация — исключение, удаление, устранение.

Свои личные заключения Неволин высказал с кривой улыбкой: «Русским ученым кажется так, американским — иначе. Я верю в третий путь. Я полагаю, что спор о том, кто это, Мария или Анастасия, не имеет окончательного решения. Разница в возрасте была у них невелика, рост они имели почти одинаковый, так что судмедэксперты, будь то наши или иностранные, вряд ли могли точно установить их личность». Окончательное решение, утверждает Неволин, может быть найдено проверенным временем способом — постараться найти свидетельства о состоянии их здоровья и затем сравнить их зубы, мосты, коронки, пломбы, переломы костей и другие особенности скелетов с письменными данными и, по возможности, рентгенограммами». Неволин считает, что где-нибудь в архивах должны сохраниться письменные свидетельства о состоянии здоровья императорской семьи. «Я ни за что не поверю, будто документы о состоянии здоровья Романовых утеряны, — говорит Неволин. — Такое обычно не теряется. Но в нашей стране много чего произошло, и одному богу известно, где в конечном итоге оказались эти бумаги. Я уверен, что со временем они найдутся. И если это произойдет, то никаких вопросов не останется. И мы узнаем, кто есть кто».

НА ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Из представленных в июле 1992 года на екатеринбургской конференции семнадцатый по счету доклад прочел веселый темноволосый мужчина сорока лет — профессор Павел Иванов, специалист из Московского института молекулярной биологии Российской Академии Наук. Темой его сообщения был анализ ДНК. Ученый известил участников конференции, что в конце 1991 года главный судмедэксперт России Владислав Плаксин обратился к нему с просьбой попытаться применить недавно изобретенный им метод для опознания останков, найденных Александром Авдониным и Гелием Рябовым. Иванов знал, что в России эту работу провести невозможно. В России «никто не обладает опытом работы с костным материалом, — пояснил он, — а кроме того, в стране отсутствует необходимая научно-техническая база. Тем не менее, находясь в декабре 1991 года в Лондоне, Иванов посетил, как он выразился, «главный центр криминалистических исследований» британского Министерства внутренних дел, расположенный в

Олдермастоне, в графстве Беркшир, и там начал переговоры о совместном российско-британском проекте изучения останков.

В начале июля 1992 года, спустя всего две недели после конференции, было подписано соглашение Минздравом России и британским Министерством внутренних дел. В Олдермастоне будут проведены совместные исследования, в которых примут участие директор Центра молекулярных исследований Службы судебно-медицинской экспертизы британского Министерства внутренних дел доктор Питер Гилл, первооткрыватель «отпечатка ДНК», сэр Алек Джеффрис из Лестерского университета, а также специалист по молекулярно-генетическому анализу костных останков доктор Эрика Хагельберг из Кембриджского университета. Российских ученых должен представлять сам Иванов. Все расходы, кроме авиабилетов, взяла на себя британская Служба судмедэкспертизы, транспортные расходы (главным образом авиабилет Иванову туда и обратно) — администрация Свердловской области, одоббившая подобное решение. «Проведенные в Англии исследования, — заявил на конференции Иванов, — позволят ученым определить, действительно ли среди девяти извлеченных из земли скелетов имеются родственники. Далее, если из останков удастся извлечь неповрежденную ДНК и если кто-то из здравствующих ныне кровных родственников бывшей императорской семьи согласится дать образцы для проведения анализов, то можно будет доказать, принадлежат ли найденные в могиле останки семье Николая II».

Тот факт, что останки Романовых предстояло отправить в Англию, поскольку Россия не располагала

для этого необходимой технологией, несколько озадачил российских ученых.

«Одно время мы занимались молекулярно-генетическими исследованиями, — говорит Николай Неволин с невеселой улыбкой. — Этот метод начал применять еще академик Вавилов. Однако затем Сталин перестрелял всю его команду. И вот вам результат — мы начали отставать».

Когда в 1953 году умер Сталин, Павлу Иванову было всего два года. Спустя двадцать лет, уже в брежневские времена, Иванов был на пути к получению ученой степени по молекулярной биологии в МГУ — «лучшем университете России, высокоуважаемом в Европе». Иванов начинал как чисто академический исследователь — в ту пору он работал в институте молекулярной биологии, где участвовал в международном проекте человеческого генома. В 1987 году возглавляемая им группа, пытавшаяся прочесть генетический код человека, изобрела технику снятия отпечатка ДНК, подобную, но не идентичную той, которая впервые была разработана в Англии Алемом Джеффрисом. Иванов, оставаясь академическим исследователем, начал, однако, исследовать и развивать эту технику. Его работой заинтересовались «обычные, работающие» организации, такие как, например, лаборатория криминалистической судмедэкспертизы и КГБ.

«Они проявили интерес к практическому применению моих методов и предложили мне создать криминалистическую лабораторию по ДНК, — говорит Иванов. — Я согласился, поскольку судебная медицина меня интересовала, а также потому, что при том уровне преступности, захлестнувшей Москву, я решил, что смогу хоть чем-то помочь. Но я не работал на КГБ. Я никогда не состоял в партии. Но зато я

понимал, что изобретенный мною метод может быть использован для борьбы с преступностью. С тех пор у меня две работы. Я оставил за собой свой пост в институте молекулярной биологии и одновременно стал консультантом по ДНК у главного судмедэксперта России профессора Плаксина. Позднее, когда возникла проблема Романовых, Генеральный прокурор России назначил меня ведущим следователем по ДНК».

Иванов работал в двух местах ради денег. Зарплата его жены, кандидата биологических наук, невелика. Иванов также помогал матери, в прошлом экономисту, а ныне пенсионерке, живущей на мизерную пенсию. Кроме того, у него двое детей. Несмотря на такую нагрузку, он считает, что ему повезло. Иванов разъезжал по свету гораздо больше других российских ученых, пару раз даже довелось побывать на конференциях в Австралии и в Арабских Эмиратах. Работая в лаборатории ФБР в Вашингтоне, он исколесил вдоль и поперек все Соединенные Штаты. В середине девяностых, благодаря исследованию царских останков, Иванов превратился в самого известного специалиста молекулярной биологии в России. Летом 1994 года он проехал на своем «вольво» от Москвы до Ульма на юге Германии, где провел ДНК-анализ останков недавно скончавшегося русского эмигранта, утверждавшего, что он якобы не кто иной, как царевич Алексей. Как-то раз летним вечером, сидя в немецком ресторанчике, он рассказал о своем участии в исследовании царских останков.

«Когда Плаксин обратился ко мне за рекомендациями, именно я решил, что нам надо ехать в Англию, — говорит Иванов. — Лаборатория ФБР в Вашингтоне и ИПВС — и в том и в другом великолепно выполняют анализы ДНК. Но я выбрал Питера Гилла, потому что знаком с ним, а кроме того, британ-

ская Служба судмедэкспертизы обладает богатейшим опытом работы в этой области — то есть опытом использования митохондрической ДНК. Кроме того, я, разумеется, намеревался обратиться за помощью к герцогу Эдинбургскому. Я знал, что он наверняка согласится помочь нам в том случае, если работа будет проводиться в Англии. Но нам предстояло изыскать деньги. Для российского ученого деньги — это извечный вопрос, особенно сегодня. Да, сейчас нет политических барьеров, но зато существуют финансовые. А значит, вы не в состоянии ехать туда, куда вам хочется».

14 сентября 1994 года Павел Иванов сел в Москве в самолет. Вместе с ним, в дорожной сумке компании «Бритиш Эруэйз», путешествовали образцы бедренных костей каждого из девяти лежащих в екатеринбургском морге скелетов. В аэропорту Хитроу Иванова встретил продюсер телевидения Би-Би-Си Нейджел Мак-Крери, который также в свое время принял активное участие в переговорах по доставке костей в Англию.

Мак-Крери — шумный говорливый человек. До того как заняться в Кембридже изучением русской истории, он работал полицейским. Ему, несомненно, следует отдать должное за его активное участие в организации российско-британского проекта. Узнав о том, что на Урале обнаружили останки царской семьи, он тотчас позвонил в Екатеринбург Авдониной, и тот помог ему связаться с Павлом Ивановым. Иванов сказал Мак-Крери, что лучшей лабораторией в мире по исследованию ДНК является Олдермастон и назвал ему имя Питера Гилла. Мак-Крери позвонил Гиллу и тот, по его словам, «ужасно обрадовался, однако не был уверен, как к этому отнесется Министерство внутренних дел. К счастью, глава министер-

ства Кеннет Кларк живет в двух шагах от меня, и мы с ним давно знакомы. Он мой депутат в парламенте. Поэтому я связался с ним, подчеркнув при этом, сколь престижным является участие в данном проекте его Службы судмедэкспертизы.

— Вы дадите свое согласие?

И Кларк ответил:

— Это великолепная идея!

И тогда я снова позвонил Иванову, и тот сказал:

— Но как я приеду к вам? Ведь у меня нет денег.

И тогда я сказал:

— Положитесь на меня.

Правда, в конечном итоге кто-то взял на себя расходы Иванова на эту поездку, но я все равно связался с компанией «Аплайз Биосистемз», производящей генные сканеры и прочее оборудование для анализов ДНК, и спросил, не согласятся ли они взять на себя расходы по пребыванию Иванова в Англии. Мне ответили положительно и выделили что-то от трех до пяти тысяч фунтов, на которые Иванов смог бы жить здесь в течение десяти месяцев. Так что он прилетел и привез кости».

Мак-Крери, по мнению которого «негоже перевозить останки русского императорского семейства в багажнике «вольво», нанял в похоронном бюро лимузин «бентли». Таким образом Иванов, Мак-Крери и останки Романовых с шиком доехали до дома Питера Гилла, расположенного в лесах неподалеку от Олдермастона, где все трое и запечатлели на пленку данное событие.

На следующее утро Гилл и Иванов пронесли кости сквозь контрольно-пропускной пункт в высоком, затянутом колючей проволокой заборе, протянувшимся вокруг принадлежащего Министерству обороны знаменитого олдермастонского центра ядерных вооруже-

ний. Внутри этого комплекса Службе судмедэкспертизы в качестве исследовательской лаборатории было выделено небольшое здание, стоящее несколько в стороне от остальных строений. В течение последующих десяти месяцев Иванов и Гилл вместе с целой командой исследователей пытались сравнить и сопоставить ДНК екатеринбургских скелетов между собой, а также с образцами ДНК, взятыми у ныне живущих родственников русского императорского семейства.

Если представить, что центральную криминалистическую лабораторию ФБР превратили в частную лавочку, которой предписано развивать «коммерческий, сосредоточенный на клиенте, хозрасчетный подход, стараясь при этом не остаться внакладе, а по возможности приносить прибыль, взимать плату за услуги, которые, кстати, доступны любому желающему, — то у вас получится примерно то же, что недавно произошло с британским аналогом лаборатории ФБР, Службой судмедэкспертизы Министерства внутренних дел.

На протяжении пятидесяти лет, начиная с тридцатых годов, Служба судмедэкспертизы функционировала в роли источника профессиональной криминалистической помощи для всех без исключения местных отделений полиции Англии и Уэльса. Эксперты из ССМЭ помогали расследовать убийства, изнасилования, поджоги, кражи со взломом, злоупотребление наркотиками, отравления и подлоги. Они осматривали место преступления, снимали отпечатки пальцев, исследовали тела жертв, оружие, пули, пятна крови, содержание алкоголя в крови, образцы почерка и даже старые пишущие машинки. Щедрыми раздатчиками этой единственной в своем роде помо-

щи являлись королевские прокуроры — именно от их имени ССМЭ давала экспертные показания в суде. Население Британии платило за эти услуги налогами из своего кармана.

В апреле 1991 года политика Тэтчер наконец коснулась и ССМЭ: служба с шестью сотнями занятых там людей — научно-исследовательский, технический и вспомогательный персонал — неожиданно для себя превратилась в этакое бюро проката. ССМЭ перешла на самокупаемость, и теперь ей предстояло бороться за существование, взимая с клиентов плату. Ее двери открылись всем и каждому — на современном языке это называлось «расширение клиентуры». Адвокаты, иностранные правительства, страховые компании, представители местных органов здравоохранения и частные граждане — все без исключения являлись желанными клиентами.

«Трансформация протекала бурно», — была вынуждена признать генеральный директор ССМЭ Джанет Томпсон. — Для большинства работающих здесь исследователей шаг «в мир бизнеса до сих пор кажется радикальным». В 1991—92 годах оказанная полиции помощь сократилась на 18 процентов, и было объявлено о дефиците в 1 млн. 100 тыс. фунтов. Но через год дела пошли на лад. Полицейские снова начали обращаться за помощью и платили положенные гонорары. В результате ССМЭ получила прибыль, равную прошлогодним убыткам. Что особенно впечатляет, — летом того года ССМЭ и ее ведущий молекулярный биолог Питер Гилл прогремели не только по всей Британии, но и по всему миру.

Доктор Гилл, возглавлявший в ССМЭ отдел биологических исследований, — щуплый мужчина сорока

лет, ростом около шести футов, с бледным лицом, взъерошенными волосами, каштановыми усами и пронизательным взглядом глаз за толстыми стеклами очков. У него есть темно-синий парадный костюм, который он надевает на пресс-конференции, но в лаборатории обычным нарядом ему служит поношенный свитер, бесформенные вельветовые джинсы и выдавшие виды мокасины. Уроженец Эссекса, Гилл получил степень бакалавра по зоологии в Бристольском университете, затем защитил диссертацию по генетике в Ливерпульском университете и пять лет занимался генетикой в Ноттингемском. В 1982 году он перешел на работу в лабораторию ССМЭ в Олдермастоне, где темой его исследований стало криминалистическое применение традиционных методов определения группы крови. В 1985 году, несмотря на сильное противодействие со стороны Службы, он начал исследования по применению в криминалистической практике образцов ДНК. Осознавая всю важность исследований Алека Джеффри, он некоторое время сотрудничал с лабораторией Джеффри и в том же году издал в соавторстве с последним научную статью, в которой доказал, что сличение образцов ДНК может быть успешно использовано в криминалистической практике. Описанные в этой статье методы теперь повсеместно используются во всем мире. Сам Гилл опубликовал в различных журналах более семидесяти статей.

И хотя он по натуре застенчив и неохотно вступает в разговор с незнакомыми ему людьми, существует такая вещь, о которой Гилл говорит спокойно, но непреклонно: его лаборатория — лучшая в своем роде во всем мире.

«Мы сохраним наше первенство», — так он обычно выражается. По его мнению, вполне понятно,

почему Павел Иванов высказал желание привести кости именно в Олдермастон.

«Иванов уже давно спрашивал меня, не желаем ли мы провести эти исследования, — говорит Гилл. — Когда он спросил, я должен был проконсультироваться в Министерстве внутренних дел. Они взвесили все возможные политические последствия и в конечном итоге дали нам добро».

Между прочим, возможные политические последствия изучались на многих уровнях. Наиболее явным было несомненное улучшение отношений между консервативным правительством Джона Мейджора с президентом России Борисом Ельциным. Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы наконец осуществить один давно обсуждавшийся проект — а именно визит в Россию английской королевы. Ни один британский монарх не приезжал в Россию с 1908 года, когда король Эдуард VII и его супруга на личной яхте посетили Таллинн (в ту пору Ревель), чтобы встретиться с Николаем II и императрицей Александрой.* И Михаил Горбачев, и Борис Ельцин — оба не раз приглашали королеву посетить Россию, и ее величество и британское Министерство иностранных дел ответили согласием на это приглашение.

Однако, во-первых, еще имелось неоконченное историческое семейное дело. Русское императорское и британское королевское семейство состояли в близком родстве. Король Георг V, дед королевы Елизаветы II, приходился Николаю II двоюродным братом. Действительно, сходство между братьями было столь

* В действительности службы безопасности обоих монархов настолько опасались возможных случаев терроризма, что король Эдуард так и не ступил на землю Российской империи. Все встречи проходили на двух яхтах.

поразительным, что на свадьбе Георга Николая часто принимали за жениха.

Георг также приходился кузеном императрице Александре. Весной 1917 года, после отречения Николая, Александр Керенский и Временное правительство, пытаясь обеспечить неприкосновенность императорскому семейству, предлагали отправить их за границу. Король Георг поначалу положительно отнесся к предложению морем отправить семью своего русского кузена в безопасное место, в Британию. Затем король, опасаясь, как бы непопулярность, которой пользовался в стране бывший царь, не легла черным пятном и на Британскую монархию, — пошел на попятную и наотрез отказался принять у себя родственников. Этот поступок, по сути дела, обрек Романовых на гибель: Николая, его жену и детей. Когда британская дверь захлопнулась, Керенский отправил семью в Сибирь, надеясь тем самым уберечь их от большевиков. Там они и оставались еще семь месяцев до падения Временного правительства, после чего к ним протянулась вездесущая длань Ленина.

Эта катастрофа повлекла за собой многочисленные взаимные обиды. Сумевшие спастись члены русского императорского семейства, эмигранты-аристократы и тысячи поселившихся за границей белогвардейцев резко осуждали короля Георга, его семью и родственников. На протяжении свыше семидесяти лет многие русские относились к Англии с глубоким подозрением и обидой. И британское королевское семейство ничуть не заблуждалось насчет причин этой враждебности. Долгие годы официальные представители Букингемского дворца пытались обелить роль короля в трагедии Романовых. Официальным биографам Георга V было рекомендовано

«опустить события и факты, способные опорочить монарха». В 1992 году тот факт, что останки Романовых, вероятно, совершат путешествие в Британию для окончательного опознания британскими учеными при содействии представителей королевского семейства, давал редчайшую возможность наконец-то забыть старые обиды.

Согласно заявлению официального представителя ССМЭ, близкого доктору Гиллу настолько, чтобы отвечать даже на вопросы ненаучного характера, решение привезти кости в Олдермастон было принято на относительно низком уровне, а именно генеральным директором ССМЭ Джанет Томпсон.

«Разумеется, — говорит представитель, — принимая во внимание международные масштабы данного проекта, мы поставили вопрос перед министром иностранных дел. При желании он мог бы нам все запретить».

Представителю ССМЭ неизвестно, обсуждал ли Кеннет Кларк данный проект с министром иностранных дел или премьер-министром. Или собирался ли кто-нибудь проконсультироваться по данному вопросу с членами королевского семейства? Однако если это не было сделано, то та историческая и дипломатическая ответственность, которая ложится на доктора Томпсон и секретаря Кларка, намного превосходит их профессиональные и исторические полномочия.

Существует одна область, в которой Томпсон — разумеется, не без поддержки Кларка, — наверняка приняла одно самостоятельное решение: проигнорировать новое тэтчеровское постановление, предписывавшее ССМЭ взимать плату за предоставляемые услуги и пытаться получить прибыль. ССМЭ израсходовала на романовский проект колоссальные суммы.

«Мы исследовали всех девятерых — всю их компанию, — говорит Питер Гилл. — Работа влетела нам в копеечку».

«Да, проект оказался дорогостоящим», — соглашается все тот же официальный представитель ССМЭ, добавляя при этом, что точная цифра не известна. Однако приблизительно сумму можно подсчитать.

Романовский проект повлек за собой анализ и сопоставление костных фрагментов девяти российских людей плюс анализ крови по меньшей мере трех ныне здравствующих родственников. Двенадцать анализов ДНК стоят по меньшей мере 60 тысяч фунтов (более 100 тысяч долларов). Министерство внутренних дел и ССМЭ провели в бухгалтерских отчетах эти деньги как истраченные на чисто исследовательские цели.

Тело любого взрослого человека состоит примерно из шестидесяти триллионов клеток, и тем не менее, при всей их непохожести и разнообразии, у них имеется поразительная одинаковость — любая из этих клеток содержит полностью всю генетическую информацию, необходимую для того, чтобы произвести на свет уникальную человеческую особь. Эту наследственную память несут в себе хромосомы. У нормального человека в ядре каждой клетки их насчитывается сорок шесть — двадцать три от матери и двадцать три от отца. Хромосомы состоят из молекул ДНК (дезоксирибонуклеиновой кислоты), которая использует свою собственную химическую структуру для хранения генетической информации и подачи команд.

Молекулы ДНК состоят из четырех основных химических блоков-кирпичиков, и последовательность, в которой располагаются эти блоки, обеспечивает

информацию, необходимую для создания человеческого тела. Простоты ради ученые описывают эти четыре кирпичика-блока по их начальным буквам А, Г, Ц и Т (аденин, гуанин, цитозин и тимин). Эти кирпичики всегда встречаются парами, связанные при помощи водорода. А всегда связан с Т, Г — с Ц; эти комбинации никогда не меняются и известны как базовые пары.

В 1953 году Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком была открыта мельчайшая молекулярная структура ДНК. Эти ученые обнаружили длинные туго закрученные нити, каждая из которых напоминала винтовую лестницу со ступеньками-перекладами. Эти переклады составляли базовые пары А, Ц, Г и Т. Уотсон и Крик окрестили свое открытие двойной спиралью. Универсальная структура тела каждого человека определяется различными комбинациями в ДНК этих четырех базовых пар.

Каждая клетка с ее набором в сорок шесть хромосом содержит около 3,3 миллиардов базовых пар, связанных между собой в галактических скоплениях двойных спиралей. Примерно 99,9 процента из 3,3 миллиарда базовых пар одной клетки у всех людей встречаются в одной и той же последовательности. Они отвечают за то, что все люди обладают одинаковыми чертами: то есть имеют два глаза, два уха, один нос, десять пальцев, кровь, слюну, желудочный сок и т. д.

Однако оставшаяся 0,1 процента (то есть 3,3 миллиона пар) составляют базовые пары, расположенные у разных людей в разной последовательности.

В начале восьмидесятых доктор Алек Джеффри из Лестерского университета впервые догадался, какую неопределимую роль может сыграть разнообразие ДНК в определении личности конкретного индиви-

дуума. Он определил наиболее изменчивые участки и при помощи радиоактивных изотопов сумел запечатлеть на пленку нити ДНК, извлеченные у разных людей.

Эти видимые символы ужасно напоминают штриховой код, который наносится на упаковку товаров в каждом супермаркете. Образцы ДНК — Джеффри назвал их «отпечатками пальцев ДНК» — могут быть использованы для сличения ДНК одного человека с другими. Поскольку дети наследуют половину базовых пар ДНК от матери, а половину — от отца, то нетрудно установить или опровергнуть родственные отношения. Возможность случайного совпадения равняется одному случаю на тридцать миллиардов.

Меньше чем за десять лет анализ ДНК превратился в самый мощный инструмент криминалистики.

ДНК сумели извлечь и идентифицировать даже у египетской мумии трехтысячелетней давности и у семитысячелетнего мамонта. И если правильно провести исследование, то этот метод не дает погрешностей. Ни прокурор, ни историк, ни приверженец какой угодно религии или политической идеологии не осмелится усомниться в главной информации ДНК — что каждый человек отличается от другого. Данные анализа ДНК, по образному выражению одного из американских прокуроров, — «это как перст Божий, указующий на кого-то и говорящий: «Вот он».

Из-за возраста и плачевного состояния костей Романовых доктору Гиллу и Павлу Иванову предстояло решить весьма сложную задачу. Они начали с того, что вынуждены были сточить в стерильной среде один миллиметр загрязненного поверхностно-

го слоя — делалось это при помощи точильных кругов, приводимых в движение скоростной электродрелью. Оставшуюся кость заморозили в жидком азоте, а затем измельчили в мелкий порошок и растворили в разнообразных растворах. После чего ее подвергли действию центрифуги, чтобы выделить микроскопическое количество ДНК. Столь ничтожными и обрывочными оказались полученные образцы, что Гилл и Иванов были вынуждены применить недавно изобретенный метод, называемый ПЦР (полимерная цепная реакция). Состоит он в том, что выбранные отрезки нитей базовых пар многократно редуцируются* химическим способом в пробирке, и таким образом ученые получают для своих исследований достаточное количество материала.

Используя ядерные ДНК, олдермастонская команда первым делом определила пол каждого из девяти скелетов. В результате антропологические выводы Абрамова и Мейплса получили свое подтверждение: четыре скелета были мужскими, пять — женскими. Затем Гилл и Иванов подвергли все девять останков анализу на наличие родственных связей.

По словам Гилла: «Если останки эти принадлежат Романовым, то данные анализов указывают, что в могиле отсутствовали царевич Алексей и одна из дочерей». При помощи других тестов было установлено отцовство. Подтвердилось предположение, что взрослый мужчина, в котором опознали Николая, действительно является отцом трех молодых женщин. Но это, пожалуй, было и все, что могли сказать Гилл и Иванов, располагавшие столь мизерным количест-

* Редупликация — биол. удвоение молекулярных и субклеточных структур, лежащее в основе деления клеток, роста и размножения организмов.

вом скверного лабораторного материала. Для того чтобы опознать этих мужчин и женщин — назвать их имена, — нужно было попытаться пройти по новому следу.

К счастью, в человеческих клетках имеются ДНК еще одного вида — так называемые митохондрические. Они присутствуют в огромном количестве вне ядра, функционируя в качестве энергетических станций клетки. Митохондрические ДНК наследуются независимо от ядерных, и в то время как ядерные ДНК наполовину передаются от матери, наполовину от отца, митохондрические ДНК наследуются только от матери. От матери к дочери они передаются без каких-либо изменений, «и так из поколения в поколение, словно некая машина времени, — говорит Гилл. — Один и тот же генетический код будет одинаковым у матери, бабушки, прабабушки, пра-прабабушки и так далее». Во всех звеньях этой цепочки, сыновья наследуют от матерей митохондрические ДНК, однако не могут в свою очередь передать их своим детям. Таким образом, как инструмент опознания митохондрические ДНК могут быть использованы для установления личности женщины в любом звене вертикальной цепочки нескольких поколений женщин. А вот в мужской линии это невозможно, ибо она всегда обрывается на сыновьях.

Гилл и Иванов извлекли митохондрические ДНК из девяти образцов привезенных из России костей. Извлеченные ДНК были увеличены до требуемого количества методом ПЦР.

«К радости исследователей, качество полученных образцов ДНК, — говорил Гилл, — в целом сравнимо с тем, что получается из свежих образцов крови».

Сосредоточив внимание на двух различных отрезках ДНК, которые у разных людей обычно демон-

стрируют наибольшее разнообразие, ученые определили для каждого из девяти образцов отличительное строение их ДНК.

На следующем этапе им для сравнения требовались ДНК ныне здравствующих людей. Начался активный поиск живых родственников. Сотрудники ССМЭ и Министерства внутренних дел, получив в библиотеках необходимые книги, принялись изучать одну за другой ветви генеалогического древа. В результате был составлен список имен — эти люди подходили по всем научным критериям, и к ним можно было обратиться за помощью. Что касается императрицы Александры, то поиски ее генетически полезного родственника оказались делом несложным. Старшая сестра Александры, принцесса Виктория Баттенбергская, имела дочь, которая впоследствии стала греческой принцессой Алисой. Эта принцесса, в свою очередь, произвела на свет двух дочерей и сына. В 1993 году из этих дочерей в живых оставалась только одна — принцесса София Ганноверская. Сыном же был не кто иной, как принц Филипп, герцог Эдинбургский, супруг королевы Великобритании Елизаветы II. Принц Филипп, внучатый племянник императрицы Александры, прекрасно подходил для проведения сравнительного анализа останков казненной русской императрицы. Исходя из этих соображений, доктор Томпсон, директор ССМЭ, обратилась в Букингемский дворец с письменной просьбой к принцу Филиппу, спрашивая, не согласится ли тот помочь. Филипп ответил согласием, и наполненная его кровью пробирка вскоре проделала путь из Лондона в Олдермастон, где был проведен анализ. К ноябрю у Гилла и Иванова уже были готовы результаты. Сопоставление оказалось превосходным — последовательность базовых пар ДНК у матери и трех дочерей Романовых

и принца Филиппа оказалась идентичной. Тем самым Гилл с Ивановым подтвердили, что найденные женские останки действительно принадлежат Александре Федоровне и ее дочерям.

Подтвердить наличие останков Николая II оказалось куда более сложным делом. Поиск сравнительного лабораторного материала для сопоставления с ДНК, извлеченными из бедра тела №6, оказался долгим, а в ряде случаев затруднительным и даже противоречивым. Первые попытки были сделаны Павлом Ивановым. Он вспомнил, что младший брат Николая II, великий князь Георгий, скончавшийся от туберкулеза в 1899 году в возрасте всего двадцати восьми лет, похоронен в фамильном склепе Романовых в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Сравнение ДНК двух братьев оказалось бы идеальным вариантом. Находясь в Англии, Иванов связался с мэром Петербурга Анатолием Собчаком, а также со следователем Владимиром Соловьевым, которого назначил для расследования дела Романовых сам Генеральный прокурор России.

«И тот и другой возражали, потому что это влетело бы им в копеечку», — вспоминает Иванов.

Иванов пытался добиться своего в течение восьми месяцев. В какой-то момент Мстислав Ростропович, знаменитый виолончелист и дирижер, близко знакомый с Собчаком, уже собрался было заплатить за эксгумацию тела великого князя Георгия.

Но прежде чем это сделать, Ростропович сказал Иванову, что собирается совершить поездку в Японию. Иванов, все еще пребывая в Англии, вспомнил, что в 1892 году Николай, еще будучи царевичем, посетил Японию. В Оцу на наследника российского престола напал размахивающий мечом японец. Удар, нацеленный царевичу в голову, пришелся по лбу — в

результате открылось довольно сильное кровотечение, но сама рана, к счастью, оказалась неглубокой, и ее перевязали платком. На протяжении ста лет в музее города Оцу в небольшой шкатулке хранился этот пропитанный кровью платок. С точки зрения проведения сравнительного анализа ДНК ничто не могло дать более точных и надежных результатов, чем сопоставление костного материала неизвестного происхождения и крови вполне определенного лица. Иванов горел желанием отправиться в Японию, но, как всегда, «не было денег». Англичане сказали: «С какой стати мы будем платить за эту поездку?». Русские же заявили: «У нас нет денег». В конечном итоге за эту поездку заплатил Ростропович. «Это были те самые деньги, которые мы собирались израсходовать на то, чтобы выкопать Георгия».

Японцы не горели особым желанием расставаться с платком или даже потревожить его, но Ростропович поговорил со своим другом императором Японии, а тот в свою очередь — с высокопоставленными чиновниками... Когда Иванов прибыл в их страну, ему позволили отрезать и увезти с собой небольшой кусочек платка — полоску в три дюйма в длину и один в ширину. К сожалению, уже вернувшись в Англию, Иванов столкнулся с новыми трудностями. «Платок побывал в руках у многих людей, — говорит исследователь, — а от пальцев отслаиваются клетки. Он сильно пропитался кровью, но кто скажет, сколько ее пролилось из раны, нанесенной Николаю? А еще на платке собралось много пыли и грязи. Так что полученные результаты было бы просто невозможно назвать надежными. Слишком много имелось на платке различных посторонних следов».

Потерпев неудачу с Георгием и Японией, Иванов отыскал третий источник лабораторного мате-

риала для проведения сравнительного анализа с костным материалом останков, якобы принадлежащих Николаю II. Великая княгиня Ольга вышла замуж за полковника Николая Куликовского, человека незнатного происхождения. От Куликовского у Ольги было двое детей — сыновья Тихон, 1917 года рождения, и Гурий, родившийся в 1919 году. В 1948 году Ольга с семьей переехала в Канаду, где Куликовский приобрел ферму и разводил крупный рогатый скот и свиней. Гурия Куликовского уже не было в живых, но в 1992 году, когда Гилл и Иванов начали свое сотрудничество, Тихон, семидесятипятилетний пенсионер, жил в Торонто. К тому времени он был единственным из оставшихся в живых племянников Николая и в качестве такового являлся наиболее доступным источником сравнительного лабораторного материала. И если бедренная кость из тела №4 действительно принадлежала Николаю II, то полученные из нее ДНК должны совпадать с ДНК Тихона Куликовского.

Господин Куликовский, однако, оказался несговорчивым. Когда Иванов написал ему, разъяснив при этом цели их исследования и попросив образец крови, Тихон даже не удостоил его ответом. Иванов предпринял новую попытку, на этот раз через Василия Родзянко, епископа Русской православной церкви в Америке, и наконец через митрополита Виталия, главу Русской православной церкви за границей. В конечном итоге Куликовский все-таки написал Иванову.

«Он написал мне: «Как можете вы, русский человек, работать в Екатеринбурге, оказавшемся столь жестоким к царю и русской монархии? По политическим причинам я никогда не дам вам ни крови, ни волоса, ничего», — вспоминает Иванов, — и еще

сказал, что твердо уверен в том, что эта история с костями не более чем уловка.

Иванов пал духом, но сдаваться не собирался.

— На тот момент ситуация была критическая, — говорит Иванов. — Он (Тихон) являлся ближайшим родственником. Я истратил кучу денег, разговаривая с ним и его женой по телефону. И они мне ответили: «В таком случае единственная цель вашего расследования — это доказать, будто Тихон Николаевич не царских кровей», когда я пытался убедить их, что вовсе не являюсь агентом КГБ.

Иванов махнул рукой. «Да ладно, мы оставили этого Тихона в покое, — говорит он. — А уже после того, как мы опубликовали наши результаты, кто-то написал, что де наш анализ якобы ненадежен, потому что мы не исследовали кровь Тихона Куликовского. Но дело в том, что мы больше не нуждаемся в его крови».

Чтобы обнаружить двух других родственников, олдермастонские интеллектуалы снова взялись за изучение генеалогического древа Романовых. Поскольку цепочка аналогичных ДНК повторяется бесчисленное количество раз, передаваясь из одного женского поколения в другое, исследователи сосредоточили свое внимание на ближайших кровных родственницах Николая II. Начав с его матери, вдовствующей императрицы Марии, ученые смогли воссоздать непрерывную линию из пяти поколений матерей и дочерей, ведущую к одной ныне здравствующей особе, изъявившей желание помочь.

Сестра Николая великая княгиня Ксения имела дочь, княжну Ирину, которая вышла замуж за Феликса Юсупова — того самого, что убил Распутина. У Феликса и Ирины был ребенок, дочь, тоже по имени Ирина. Эта вторая Ирина вышла замуж за

графа Николая Шереметьева, от которого родила дочь Ксению. Выйдя замуж, Ксения Шереметьева превратилась в Ксению Сфирис. Сейчас ей уже за пятьдесят, а живет она попеременно в Париже и в Афинах. Находясь в столице Греции, она на просьбу ССМЭ оказать им помощь в разрешении загадки тотчас ответила согласием. Следуя данным ей инструкциям, она уколола палец, капнула несколько капель крови на бумажный носовой платок, а когда тот высох, положила его в целлофановый пакет и отнесла в посольство Великобритании. Оттуда с дипломатической почтой его доставили в Олдермастон.

Второй донор лабораторного материала для опознания останков Николая II отыскан на весьма далекой ветви густо разросшегося генеалогического древа европейских монархов. Тем не менее на протяжении шести поколений эта связь была столь же надежной и продуктивной, как и в случае с миссис Сфирис. Джеймс Джордж Александр Баннерман Карнеги, третий герцог Файфский, граф Макдафф и лорд Карнеги, шотландский аристократ в возрасте шестидесяти шести лет и по совместительству фермер, происходит от общей с Николаем родственницы. (Это была Луиза Гессен-Кассельская, немецкая принцесса, вышедшая замуж за короля Дании Кристиана IX. Одна из его дочерей стала впоследствии российской императрицей Марией Федоровной, то есть матерью Николая II. Старшая же ее дочь, Александра, вышла за принца Уэльсского, впоследствии короля Эдуарда VII. Дочь королевы Александры, Луиза, вышла замуж за герцога Файфского. В 1929 году дочь Луизы, Мод, произвела на свет Джеймса, к которому в 1959 году перешел герцогский титул.) Герцог изъявил готовность предоставить образец крови; однако, не желая

привлекать к себе излишнего внимания прессы, поставил одно условие — чтобы его анонимность была гарантирована. Разумеется, со временем сведения просочились в прессу, что неизбежно при расследовании случая такого масштаба.

Как и ожидали Гилл и Иванов, митохондрические ДНК Ксении Сфирис полностью совпали с ДНК герцога Файфского. Однако, когда 782 базовые пары ДНК гречанки и шотландского пэра сравнили с тем же отрезком митохондрических ДНК, извлеченных из предполагаемых останков русского царя, обнаружилось одно несоответствие. Николай, по всей видимости, обладал двумя видами митохондрических ДНК (это явление известно как гетероплазмия), один из которых полностью совпадал с ДНК его родственников, другой же (всего в одной точке) — нет.

Это несовпадение вызвало в Олдермастоне глубокое беспокойство. В своей статье оба ученых дали объяснение обнаруженного ими явления: «По нашему мнению... митохондрические ДНК, извлеченные из останков царя, были генетически гетероплазмическими. Это затрудняет интерпретацию, поскольку сила доказательств зависит от того, примем ли мы аргумент о наличии произошедшей у царя мутации».

Гилл понимал, что несовпадение ставит под сомнение все его выводы. По соображениям ученого, мутация действительно имела место, хотя он был готов признать, что вероятность мутации в любом наугад взятом поколении ничтожно мала.

«Считается, что мутации имеют место (в одной семье) один раз на триста поколений», — говорит Гилл. Однако он настаивает, что в первую очередь имеет в виду гетероплазмия, которая, как он обнаружил, не является мутацией как таковой.

В июле 1993 года, после девяти месяцев упорной работы, Гилл и Иванов были готовы объявить миру о полученных результатах. ССМЭ созвала пресс-конференцию, и 10 июля просторный зал безликого современного здания Министерства внутренних дел «Куин Эннз Гейт» был до отказа набит репортерами, фотографами и телеоператорами. Конференцию открыла генеральный директор ССМЭ доктор Джанет Томпсон. Предвидя возможные расспросы насчет того, кто взял на себя расходы на проведение исследования, Томпсон начала с выражения надежды, что «ССМЭ в скором будущем сумеет поставить на службу всем криминалистическим исследованиям все те новые методы, которые хорошо зарекомендовали себя, что несомненно пойдет на пользу всей уголовно-судебной системе».

Гилл объяснил, что он со своими коллегами сделал за это время. Он описал, каким образом был установлен пол останков, наличие среди них внутрисемейных связей; как благодаря предоставленному герцогом Эдинбургским образцу крови опознали останки Александры Федоровны и ее дочерей и как обнаруженная у царя гетероплазмия затруднила получение однозначного ответа о принадлежности останков. Тем не менее олдермастонские исследователи заявили, что, принимая во внимание данные анализа ДНК в совокупности с историческими и антропологическими данными других исследований, они на 98,5 процента уверены, что обнаруженные останки принадлежат Романовым. Это процентное соотношение, сказал Гилл, основывается на самой приблизительной интерпретации данных анализа ДНК. Более широкая интерпретация увеличивает вероятность до

99 процентов. Павел Иванов смотрел на проделанную работу еще более широко. Он заявил: «Мы приблизились к разгадке одной из величайших тайн двадцатого века и одной из величайших загадок моей страны, России».

Пресс-конференция вызвала многочисленные отклики: «Загадка останков Романовых разрешена» («Файнэншэл Таймс»), «По анализу ДНК опознан скелет царя» («Таймс»), «Опознаны останки царя Николая» («Вашингтон Пост»). РИА сообщило российским читателям, что «Британские ученые почти не сомневаются в том, что найденные в Сибири останки принадлежат Николаю II и его семье». Спустя семь месяцев, в феврале 1994 года, Питер Гилл, Павел Иванов и работавшие с ними исследователи опубликовали полученные выводы. Они дали подробное описание проделанной работы в журнале «Природная генетика» — ведущем научном издании в их области знаний. С тех пор сделанные ими выводы и содержание статьи ни разу не вызвали никаких нападок и даже мягкой критики — будь то устно или в печати — со стороны других ученых, работающих с ДНК.

ДОКТОР МЕЙПЛС ПРОТИВ ДОКТОРА ГИЛЛА

После того как Уильям Мейплс провел свои исследования и представил сделанные выводы на екатеринбургской конференции в июле 1993 года, ему ужасно не хотелось оставлять начатую им работу. На конференции он выступил с предложением провести на месте захоронения повторные археологические раскопки, а сами останки подвергнуть анализам ДНК и подробно задокументировать на фотопленку. Судя по всему, он намеревался сам сделать все это почти полностью — или, по крайней мере, руководить этими действиями.

В апреле 1993 года Мейплс с женой и доктор Уильям Хэмилтон вернулись в Сибирь — телепрограмма «Неразгаданные тайны» любезно согласилась взять на себя их авиарасходы. В Екатеринбурге Мейплс заново перефотографировал все скелеты — причем более тщательно, нежели ему это удалось сделать во время его предыдущего визита. Кроме того, он извлек по одному зубу из каждого черепа, за исключением

доктора Боткина, у которого оставалось слишком мало зубов, и Харитонова, у которого сохранился лишь свод черепа. Поэтому у двух последних Мейплс взял фрагменты костей ног. Зубы, по мнению Мейплса, представляли собой более надежный материал для проведения анализов ДНК с целью опознания императорского семейства, нежели осколки бедренных костей, привезенные Павлом Ивановым в Англию. Кроме зубов Мейплс увозил с собой из Екатеринбурга постановление Свердловской областной прокуратуры, дающее ему право на вывоз останков и проведение в США анализа ДНК, с тем чтобы затем властям Свердловской области был представлен отчет о проведении исследования. Как ни странно, однако никто не удосужился поставить об этом в известность Владислава Плаксина, главного судмедэксперта России, или Павла Иванова, который в ту пору седьмой месяц трудился с Питером Гиллом в Олдермастоне.

Вернувшись во Флориду, Мейплс хранил привезенные им зубы два месяца у себя в лаборатории, после чего «передал их на хранение» Лоуэллу Левину, который доставил их в Калифорнию и в июне 1993 года передал доктору Мэри-Клэр Кинг. Эта исследовательница занимала две профессорские должности в университете штата Калифорния в Беркли — одну по эпидемиологии в Школе государственного здравоохранения, другую — по генетике в Отделе молекулярной и клеточной биологии. По словам Мейплса, доктор Кинг — «ведущий ученый в области генетической криминалистики во всех Соединенных Штатах и одно из наиболее уважаемых имен в данной области науки во всем мире».

Она составила для Национальной Академии Наук доклад о возможности использования ДНК в криминалистической практике в целях опознания. Вместе с

представителями ООН в Аргентине Кинг участвовала в опознании похищенных детей и помогала им воссоединиться с семьей. Она также помогла ООН в Сальвадоре — там в деревне Эль-Мозота была проведена попытка опознания жертв массового террора. Мейплс, Левин и Баден познакомились с ней во время совместной работы по опознанию останков американских военнослужащих, доставленных из Вьетнама. По словам Мейплса, к 1993 году Кинг обладала большим опытом работы с митохондрическими ДНК, чем Британская ССМЭ. А еще она располагала более широкой базой данных. По словам Мейплса, база данных доктора Кинг по митохондрическим ДНК содержала информацию о тысяче человек. Питер Гилл в Олдермастоне располагал данными только о трехстах.

«В данной области, — говорит Мейплс, — с доктором Кинг просто некого сравнить».

Майкл Баден и Лоуэлл Левин придерживаются того же мнения.

Мейплс и его коллеги особенно не задумывались о возможном участии Питера Гилла; они слыхом не слыхивали о Павле Иванове, пока не встретились с ним в 1992 году на екатеринбургской конференции. Не зная русского языка, они толком не поняли, что конкретно Иванов сказал присутствующим о возможном лабораторном исследовании останков в Англии. Тем не менее Иванов держался дружелюбно и, чем мог, пытался помочь. Тем летом возвращение американской команды в Москву оказалось малоприятным: в самолете «Аэрофлота» на протяжении всего рейса по проходу взад-вперед бегала чья-то собака; в московском аэропорту гости оказались в людской толчее, а кто-то их даже обругал. Но тут появился Иванов, к счастью бегло говорящий по-

английски, и отвел американцев в безопасное место. На следующий день, щеголяя в майке академии ФБР, Иванов показал гостям Красную площадь. Он рассказал им о своей работе, о том, как вышел на доктора Гилла и теперь договаривается о проведении в Англии анализов ДНК. Американцы попытались изменить его планы.

«Мы предложили ему возможность приехать, чтобы поработать в американской лаборатории, — говорит Баден, — но он отправился в Англию, потому что туда быстрее добираться и они согласились оплатить ему дорогу».

«Иванова привлекало, — по словам Левина, — что он лично собирался отвезти останки в Англию и должен был оставаться там на время исследований».

Уильям Мейплс впервые встретился с Питером Гиллом и Павлом Ивановым в июле 1993 года, вскоре после того как Гилл объявил на пресс-конференции об опознании останков Романовых. Мейплс оказался в Англии по пути домой после своего третьего приезда в Екатеринбург, куда он прибыл для записи телепередачи, посвященной исследованию останков. Из Лондона Мейплс с женой на машине отправился в Олдермастон и даже пригласил Гилла и Иванова на ленч.

Разговор за ленчем велся предельно вежливо — обе стороны старались не касаться болезненных тем. Мейплса раздражало заявление Гилла, что он, Гилл, уверен на 98,5 процента в том, что исследованные им кости принадлежат Романовым. Это событие произошло как раз тогда, когда доктор Мейплс прибыл в Россию, чтобы сняться для телепередачи. Иванов же злился из-за того, что Мейплс с разрешения свердловских властей предпринял проведение повторных анализов ДНК в лаборатории доктора Кинг в Кали-

форнии, не поставив в известность олдермастонскую команду, в то время как их с доктором Гиллом исследования шли полным ходом. За столом они не стали также заводить дискуссию об обнаруженной Гиллом гетероплазмии последнего русского царя и вероятности имевшей у него место мутации. Ученые обменялись парой фраз о том, что у трех молодых женщин митохондрические ДНК оказались идентичными ДНК женщины средних лет, а значит, это, несомненно, мать и дочери.

До той их встречи в июле 1993 года Питер Гилл лишь понаслышке знал о существовании доктора Мейплса. Однако всего за полгода ситуация изменилась на прямо противоположную, поскольку именно Мейплс обрушился с резкими нападками на сделанные Гиллом выводы и применявшиеся им методы и даже подверг сомнению его компетентность как ученого.

Доктор Мейплс, полагая, что именно Екатеринбург, а не Москва, является главным распорядителем романовских останков, начал с того, что заявил, будто проведенные в Олдермастоне исследования противоречат российскому законодательству. На самом же деле, когда Павел Иванов отвез останки Романовых в Москву, он сделал это по поручению российского Минздрава и согласно специальным инструкциям главного судмедэксперта России Владислава Плаксина. Еще раньше, в июле 1992 года на екатеринбургской конференции, когда Иванов заявил о своей предстоящей поездке в Англию, никто из присутствующих русских, включая представителей Екатеринбурга, не высказал никаких возражений. Тем не менее доктор Мейплс полагал, что здесь не обошлось без правонарушений.

«Я понятия не имел, что за разрешение получил Иванов, официальное или неофициальное, — говорит Мейплс, — но так или иначе он заполучил образцы, и мне неизвестно, кто дал ему право отвезти их в Англию для проведения анализа ДНК. У них в Москве имелись образцы для проведения серологических анализов, определения группы крови, так что вполне возможно, что они воспользовались теми же самыми образцами для проведения анализов ДНК. И мне неизвестно, обращались ли они в Екатеринбург за разрешением на вывоз их из страны».

Доктор Левин разделял уверенность Мейплса в том, что именно Екатеринбург, а не Москва, является законным владельцем останков и поэтому только он был наделен правом требовать проведения анализов ДНК.

«По моему убеждению, только человек, в чьей юрисдикции находится земля, в которой были найдены останки, — только он наделен законным правом проводить их опознание и подписать свидетельство о смерти, — говорит Мейплс, имея в виду свердловского губернатора. — В настоящий момент налицо девять случаев убийств, имевших место в районе Свердловской области — и это все. Именно он и есть тот человек, к которому должны стекаться все данные проводимого исследования».

У Левина имелась еще одна жалоба. По его мнению, даже если допустить, что он ошибается относительно права собственности и проведенные в Олдермастоне исследования не противоречат российскому законодательству, тот факт, что Гилл обнародовал свои выводы на пресс-конференции в Лондоне, явился нарушением установленной научной процедуры.

«Его доклад должны были отослать тому, кто заказывал все эти исследования», — заявил Левин. — Если

это Плаксин, то доклад следовало отправить в Москву, в Министерство здравоохранения, и там опубликовать. Ведь, согласитесь, если вы предоставляете мне какие-то улики, чтобы я для вас провел их исследование, то мой научный доклад поступает именно к вам. И я не посылаю его в «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Тайм», «Ньюсуик» и на Си-Эн-Эн. После чего я вправе ожидать, что вы, как тот, кто предоставил мне первичные материалы, опубликуете результаты исследований. Именно так мы и поступили в случае с Менгеле. Мы показали наш доклад бразильцам. И уж они сами организовали пресс-конференцию. А Гилл, по сути дела, поторопился. Как только он осмелелся опубликовать доклад, в котором говорится: «Я провел анализ ДНК, и это действительно царь. Я уверен в этом на 98,5 процента»! Но ведь это курам на смех. Он был обязан отослать отчет в Москву, где его выводы следовало сравнить с другими данными. Когда же Гилл опубликовал свой отчет, ему следовало сказать лишь следующее: «Я провел исследования ДНК и пришел к следующим выводам». А то, как Гилл поступил в Лондоне, было не больше чем работа на публику, желание прославиться».

Еще более серьезные обвинения американцы бросили в адрес всей олдермастонской команды, усомнившись в ее научной компетенции. Прежде всего Мейплс поставил под сомнение самое главное — использовали ли Иванов и Гилл для своих исследований нужные кости.

«В качестве источника ДНК Иванов привез в Англию образцы длинных костей, — говорит Мейплс. — Мне по опыту известно, что в екатеринбургском морге длинные кости могли оказаться вовсе не на тех столах. Именно по этой причине я воспользовался извлеченными из черепов зубами. Черепа нелегко перепутать, и

я извлек зубы непосредственно из челюстей Николая, Александры, их трех дочерей и одного из слуг. А так как у Боткина на нижней челюсти сохранилось лишь несколько зубов, я взял у него образец с длинной кости».

Но самое серьезное обвинение против Гилла и Иванова было направлено в связи со сделанным в Олдермастоне открытием — а именно гетероплазмией митохондрических ДНК Николая II. В ноябре 1993 года Уильям Мейплс подготовил и подписал свидетельские показания для использования в суде штата Вирджиния. В своих показаниях он изложил все претензии к олдермастонским исследованиям.

Спустя десять месяцев в одном разговоре Мейплс еще сильнее раскритиковал Гилла и Иванова.

«Они утверждали, будто обнаружили у царя Николая гетероплазмю, но это, по всей видимости, не что иное, как результат использования загрязненного материала. Подобное явление встречается довольно часто. Никто из других ученых не истолковал это как гетероплазмю. Поэтому я скорее предположил бы, что в буквенном коде ДНК, вопреки заявлениям Гилла, вовсе не было никакого сбоя.

— И значит, Гилл оказался неправ?

— Именно так».

Баден и Левин того же мнения, что и Мейплс.

«Но это же глупо, — заявил Баден о представленной Гиллом оценке вероятности в 98,5 процента». «С ДНК это либо 100 процентов, либо ничего, — соглашается Левин и язвительно продолжает: — 98,5 процента — это полнейшая бессмыслица. В Америке такие цифры отказался бы принять любой суд. Знаете ли, если хорошенько поразмыслить над этим, то 98,5 процента означают, что трое из двухсот повстречавшихся вам стариков вполне могут оказаться царем».

Доктор Уолтер Роу из университета Джорджа Ва-

шингтона, профессор судебной медицины, сотрудничавший с лабораториями по проведению анализов ДНК в институте патологии Вооруженных Сил и в ФБР, с крупнейшей коммерческой лабораторией «Селлмарс диагностик» в Бетезде, штат Мэриленд, нередко дает в судах показания от имени и по поручению той или иной организации. Он восхищен достижениями профессора Мейплса в области судебной антропологии и одновременно глубоко уважает Питера Гилла за его достижения в области исследования ДНК. Что касается опознания останков Романовых, Роу никак не может согласиться с утверждением доктора Лоуэлла Левина, будто вероятность 98,5 процента не будет признана никаким судом.

«Знаете, я сказал бы доктору Левину, что суды привыкли иметь дело с такими цифрами, — говорит доктор Роу. — Мы нередко обращаемся в суд, располагая куда меньшими данными. Я уверен, что доктор Левин в курсе некоторых аспектов патологоанатомической науки, но я сомневаюсь, что он настолько в курсе, как ему кажется. Я замечаю, что он частенько отпускает такие заявления, которые идут вразрез с моим личным опытом свидетельствования в суде. Многие химики (у Роу — степень) довольствуются вероятностью в 95 процентов, когда производят свои исследования, так почему же 98,5 процента должны кого-то волновать?»

Нападки Мейплса оказались для Питера Гилла полной неожиданностью. Прочитав свидетельские показания заокеанского коллеги, он никак не мог взять в толк, с какой стати этот увенчанный лаврами судмедэксперт рискнул выйти за пределы своей области знаний, в которой он является признанным авторитетом.

тетом. Даже принимая во внимание естественное стремление к научной точности и профессиональную ревность, Гилл никак не мог понять, почему Мейплс подвергал критике результаты исследований исключительно на основе пресс-релиза и газетных сообщений. Ведь когда в ноябре 1993 года Мейплс подписал свое свидетельство, то до публикации статьи Гилла в журнале «Природная генетика» оставалось еще три месяца.

Тем не менее, еще до публикации статьи, Гилл энергично опроверг два пункта в нападках американца — будто обнаруженная у царя Николая гетероплазмия митохондрических ДНК была вызвана загрязненностью образцов и что вероятность в 98,5 процента, установленная для олдермастонских результатов, якобы является недостаточной, ненаучной и «глупой».

«Вероятность того, что мы имели дело с загрязненными образцами, практически равна нулю, — заявил Гилл, нарочно выбирая такие слова, которые бы не вызвали споров. — Мы подвергли анализам два различных типа ДНК, митохондрические и ядерные. Да, нам удалось извлечь ядерные ДНК из всех образцов; не исключено, что это самые древние образцы, из которых когда-либо были извлечены ДНК. Затем мы протестировали эти ядерные ДНК на КТП (короткое тандемное повторение), чтобы подтвердить отцовство царя. Это оказалось весьма сложным делом, куда более сложным, чем работа с митохондрическими ДНК. Однако для нас это было чрезвычайно важно с точки зрения подтверждения того, что это одна семья, что отцовские ДНК присутствуют и у дочерей. Это первое крупное историческое расследование, в котором в качестве доказательства использовались КТП и митохондрические ДНК. Мы подробно осветили этот аспект исследова-

ний в нашей статье в журнале «Природная генетика». Нет, в пресс-релизе мы не упоминали о КТП. Я не думаю, что кому-то было понятно, что мы прибежали к КТП».

Этот документ в первую очередь направлен против брошенных Мейплсом в их адрес обвинений о якобы имевшем место загрязнении образцов. Гилл поясняет: «Использованные нами ядерные ДНК были извлечены из тех самых костных сегментов, что и митохондрические. Если бы загрязнение действительно имело место, его заметили бы как в ядерных ДНК царя, так и в митохондрических. Однако ничего подобного не было замечено». Доктор Гилл помолчал, улыбнулся и добавил: «А это в пух и прах разбивает теорию загрязненности». К тому же, продолжает Гилл, Олдермастонская команда подкрепляла свои выводы рядом дополнительных тестов: «Мы сами неоднократно перепроверили наши результаты, получив их повторно от разных костей — и так несколько раз».

Далее, в качестве меры предосторожности против лабораторного загрязнения, в котором, кстати, их и обвиняли, Гилл и Иванов отослали образцы костных фрагментов каждого из девяти скелетов доктору Эрике Хагельберг в Кембриджский университет. Хагельберг — специалист по использованию метода полимерной цепной реакции для извлечения ДНК из древних костей, найденных в ходе раскопок. Например, у себя в лаборатории она извлекла, увеличила и выстроила ДНК всех девяти скелетов. Ее результаты целиком и полностью совпали с выводами олдермастонских ученых.

Гилл ничуть не сомневался в своей правоте, пользуясь цифрой 98,5 процента для определения вероятности того, что останки принадлежат Романовым.

Надежность опознания может быть подкреплена

результатами других исследований, продолжает Гилл, что наверняка увеличит вероятность за рамки 98,5 процента. «Мы на сто процентов уверены в том, что касается женщин. Мы имеем мать и ее трех дочерей. Мы имеем отца и тех же самых трех дочерей. Мать приходится родственницей принцу Филиппу. Кроме ДНК, у нас имеются еще и антропологические свидетельства. Еще не имея на руках результатов анализа ДНК, мы знали, что доктор Хелмер (и доктор Абрамов) оценили вероятность того, что это действительно царская семья, в десять к одному. Мы имеем полное право помножить эту вероятность на вероятность, вычисленную на основе анализа ДНК. Так что если в случае с ДНК мы остановились на соотношении семьдесят к одному и плюс еще десять к одному по антропологическим данным, то вы перемножаете эти два соотношения и в результате получаете вероятность семьсот к одному, что это действительно царские останки». Короче говоря, заявил Гилл, цифра 98,5 процента была названа из соображения осторожности.

В феврале 1994 года Питер Гилл и его лаборатория переехали из Олдермастона в новое просторное помещение в Бирмингеме. К этому времени Гилл уже знал, что доктор Мейплс сотрудничает с Мэри-Клэр Кинг и что доктор Кинг производит анализы ДНК привезенных из Екатеринбурга зубов и костей.

Вот что Гилл думает о Мейплсе: «Я воздержусь от комментариев по этому поводу. Насколько я понимаю, лично он не производит анализов ДНК».

Что ему известно о Мэри-Клэр Кинг и как он относится к тому, что она проводит вторичные исследования ДНК Романовых?

«Что в этом такого? — говорит Гилл. — Помню, я как-то раз встречался с ней. У нее довольно неплохая репутация в этой области. В принципе, у ученых не возникает проблем, если кто-то повторяет их опыты, чтобы перепроверить результаты. Так что если кому-то захочется снова взглянуть на наши результаты, что ж, милости просим. Не следует также забывать, что доктор Хагельберг уже повторила и независимо от нас проверила наши тесты у себя в лаборатории. Так что Мэри-Клэр Кинг станет третьей, кто проделает те же самые опыты».

Павел Иванов, как основной коллега Гилла по олдермастонским исследованиям и единственный российский участник, глубоко оскорбился критикой со стороны Мейплса. Частично его возмущение адресовано самому Мейплсу, частично — екатеринбургским властям, которые, по мнению Иванова, способствовали незаконным — или, по крайней мере, неэтичным действиям Мейплса, — а именно вывозу из России зубов Романовых.

«Мейплс никогда не получал официального приглашения от российского правительства, — говорит Иванов. — Его пригласили местные власти. А между ними столько ревности! Это неприятная история, совершенно неприятная. Как это похоже на Россию. Поймите, — Иванов начинает сердиться еще сильнее, — ведь это же официальное расследование. Это уголовное дело. И оно подпадает под юрисдикцию российского законодательства. Но вдруг появляется Мейплс, и местные власти начинают творить собственные законы — для самих себя. Они просто взяли образцы зубов и костей и передали их Мейплсу. А он положил их себе в карман и провез их через

границу. А вот я, российский ученый, чтобы только отвезти образцы в Англию, обязан получить официальное разрешение от самого Генерального прокурора. Для Мейплса же все обстоит совершенно иначе. Плаксин ничего не знает. Никто ничего не знает.

Это печальная история. И для меня и для России. Потому что перед моей поездкой в Англию англичане сказали: «Да, мы заплатим за поездку доктора Иванова. Мы заплатим за все анализы». А ведь это стоит немалых денег. Единственная просьба, с которой они обратились к Плаксину, нашему главному координатору, имела целью исключить всякую конкуренцию и запретить проведение параллельных исследований, пока мы не получим свои результаты. Плаксин сказал: «Хорошо, я согласен. Иванов, согласно российскому законодательству, будет нашим официальным представителем. Он приедет в Англию и до тех пор, пока вы не выскажете своего мнения, не станет перепроверять ваши данные». Затем по своим каналам англичане узнали, что Мейплс привез из России образцы, чтобы провести новые исследования в лаборатории Мэри-Клэр Кинг. Британцам было наплевать, кто дал Мейплсу эти образцы. Я позвонил Плаксину и спросил: «Зачем вы это сделали?». Я здесь, в Англии, попал в ужасную ситуацию. Британским властям стало известно, что несколько образцов попали в Америку. И они интересуются, каким образом это случилось. Я был вынужден честно сказать, что мне ничего об этом не известно. Плаксину послали из Англии официальный запрос. Он чувствовал себя крайне неловко, поскольку был вынужден признаться: «Я не знаю, почему это произошло. Это вне моей компетенции. Это выше меня».

Все это показалось британцам весьма странным, ведь с ними разговаривал сам главный судмедэксперт

России. Причина как раз в том и заключалась, что это Россия. Но англичане — не русские и поэтому не поняли».

Иванов пришел в ярость от того, что Мейплс объяснял обнаруженную у царя гетероплазмию:

«Странно, что Мейплс делает подобные заявления, ведь он не является специалистом в данной области. Он просто не знает этих вещей. Наша статья в «Природной генетике» была подробно изучена специалистом. Мейплсу следовало бы дождаться публикации статьи, прежде чем кидаться на нас с нападениями».

Особенно Иванова расстроил тот факт, что обвинения в некомпетентности последовали вскоре после ленча в Олдермастоне:

«Он приехал к нам, мы так хорошо поговорили, мы объяснили ему наши методы. И после этого он делает свое заявление, будто мы пользовались загрязненными образцами. Он ничего не понял. Это все равно как, если бы я упрекнул Мейплса в некомпетентности.

Верил ли Иванов, что подобная конкуренция является нормальным явлением, коль речь идет о таком высокопрестижном исследовании? Он отвечает:

«Но не до такой же степени. Мейплс — не более чем дурной пример. Ничего не могу сказать о докторе Кинг. Я с ней не знаком».

Самая странная часть истории Уильяма Мейплса, связанная с Мэри-Клэр Кинг и зубами, отвезенными в Калифорнию для повторных исследований ДНК, заключается в том, что доклад так и не был опубликован. В ноябре 1993 года, когда Мейплс подписал свое письменное свидетельство для Вирджинского

суда, он также заявил, что Кинг и сотрудники ее лаборатории вот уже на протяжении пяти месяцев трудятся над извлечением митохондрических ДНК. «В своих исследованиях, — заявил Мейплс суду, — доктор Кинг, в отличие от Гилла и Иванова, не обнаружила никакой гетероплазмы в митохондрических ДНК царя и поэтому не нуждалась в околону-учных спекуляциях о редком генетическом явлении (то есть мутации) для того, чтобы с высокой степенью вероятности установить наличие родственных отношений». Кинг якобы занималась подготовкой доклада, который, согласно утверждениям Мейплса, сначала собирались представить властям Свердловской области, а лишь затем сделать достоянием гласности.

В декабре 1993 года доктор Левин сообщил, будто «Кинг предоставит окончательные выводы в течение следующего месяца». В январе 1994 года доктор Мейплс заявил, «что доктор Кинг завершит свой доклад не позднее, чем через пару месяцев». В феврале он объявил, будто со дня на день ожидает созыва в Беркли научной конференции, а в середине апреля сказал: «Да-да, мы надеемся». К концу того же месяца Мейплс признался, что исследования проводила вовсе не сама доктор Кинг. Согласно Мейплсу, этим занимался в лаборатории доктора Кинг ее коллега, доктор Чарлз Гинтер. Как оказалось, тот после всего составил доклад на профессиональном языке, понятном только для посвященных. Доктор Кинг осталась недовольна этим докладом и временно его попридержала — до тех пор, пока не выкроит время, чтобы заново переписать в доступной свердловским властям форме, а также для публикации. По правде говоря, в этот момент Мейплс «совершенно расстроился» из-за доктора Кинг. Он только что получил приглашение в Москву для дачи показаний перед назначенной рос-

сийским правительством комиссией, и поэтому ему не терпелось привезти с собой полученные Кинг данные.

«Я посылаю ей факс, я втолковываю, что мне позарез нужен ее доклад, потому что если мы сейчас не сможем представить наши выводы, то это серьезнейшим образом подорвет доверие к нам».

Вышеупомянутый факс не принес никаких результатов, и в июне 1994 года, то есть спустя год после того, как доктор Кинг получила от Мейплса зубы и образцы костей, она все еще не опубликовала никакого доклада. Мейплс был вынужден отложить поездку в Москву. Он продолжал названивать ей, но безрезультатно. В конечном итоге Кинг позвонила ему сама. Она сказала, что у нее готовы результаты, и, если Мейплс не возражает, она согласна лететь вместе с ним в Москву, чтобы дать показания перед российской правительственной комиссией. К этому моменту, однако, у Мейплса истек срок годности приглашения.

ЕКАТЕРИНБУРГ СМОТРИТ В ЛИЦО СВОЕМУ ПРОШЛОМУ

Петр Великий, нетерпеливый гигант-мечтатель, основал два наиважнейших города в современной России. Один из них — Санкт-Петербург, названный им в честь своего святого-покровителя и построенный для того, чтобы обеспечить выход к морю. Другой — Екатеринбург, получивший имя в честь жены Петра, Екатерины, после смерти императора сменившей его на троне. Этот уральский город в тридцати милях к востоку от границы между Европой и Азией своим рождением обязан несметным богатствам края. Первой из найденных здесь руд была железная. В XVIII веке четыре пятых производимого в России железа добывались и выплавлялись именно здесь. Позднее в местных недрах обнаружили уголь, золото, серебро и другие металлы, причем в таком изобилии, что город стал богат, славен и горд.

В девяностые годы нашего века этот город с полуторамиллионным населением является одним из важнейших индустриальных центров современной

России. Огромные, изрыгающие дым и копоть предприятия оборонной промышленности на протяжении долгого времени олицетворяли индустриальное могущество Советской власти, а теперь постепенно переходят на производство мирной продукции. Город окружен кольцом металлургических и химических заводов, предприятий тяжелого машиностроения и электрооборудования. Жители издавна гордятся своим городом. В июне 1991 года 91 процент избирателей подал свои голоса за сына уральской земли Бориса Ельцина. В августе 1991 года именно в Свердловск предполагалось перевести российское правительство в том случае, если президент будет вынужден покинуть Москву. 4 сентября 1991 года город изменил свое название, вернул себе прежнее имя Екатеринбург.

К несчастью, все эти приятные вещи — богатство, слава, гражданская гордость — по-прежнему заслоняет одно мрачное событие. В то самое памятное лето 1991 года состоялась эксгумация останков Романовых. Когда это произошло и весь мир устремил свои взоры на Екатеринбург, городу пришлось честно взглянуть в лицо тому факту, что он есть и останется всемирно знаменит не благодаря своим несметным природным богатствам и промышленности, но из-за того, что произошло здесь в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

Жители Екатеринбурга по-разному относятся к этому самому знаменитому событию в истории их города. Некоторые настроены довольно резко.

«Разумеется, мы знали эту историю, но зачем ее раздувать?» — заявил последний секретарь обкома партии.

Других мучает любопытство, они чувствуют себя неловко, пытаются понять и примириться.

«Как человек, воспитанный в духе враждебности к монархии, я с детства усвоил, что расстрел Николая II был мстью народа за долгие годы угнетения, — вспоминает главный архитектор города. — Но репрессии против детей? Этого я никогда не мог понять».

Один двадцатисемилетний сборщик компьютеров привел своего четырехлетнего сына на то место, где стоял Ипатьевский дом.

«Я понятия не имел о том, что произошло. Я узнал правду лишь несколько лет назад. И вот теперь привел сюда сына, чтобы рассказать ему о нашей истории. Я рад, что мы наконец-то узнаем правду об этих вещах. Убийство царя — это величайшая трагедия для нашей страны, и мы должны знать о ней во всех подробностях».

«Мы должны помнить, — соглашается один металлург. — Мы не должны допустить, чтобы это варварство когда-нибудь повторилось».

С недавних пор у молодоженов вошло в обычай приходить в день бракосочетания к высокому белому кресту, воздвигнутому на месте снесенного бульдозерами Ипатьевского дома. Они опускаются на колени, возлагают цветы и фотографируются.

«Мы хотели сфотографироваться на фоне креста, — говорит один молодожен, двадцатипятилетний старатель. — Мы надеемся, что это принесет нам удачу, а еще мы приехали сюда, потому что это помогает нам ощутить себя по-настоящему русскими. Это частица происходящего в наши дни возрождения настоящей России».

Другая группа пришедших на это место, в большинстве своем люди старшего возраста, видят в кресте нечто большее, чем символ удачи.

«Говорят, будто это священное место, — призналась Лилия Субботина, пятидесятидвухлетняя учительница начальной школы; лекарства не помогли ей избавиться от головных болей и высокого давления. — Я слышала, будто люди приходили сюда больными, а уходили исцеленными».

Привлеченные подобными историями больные люди подходят к кресту, наклоняются над цветами и благоговейно прижимают ладони к холодному камню.

«Когда дотрагиваешься до креста, ощущаешь прилив положительной энергии, — говорит шестидесятилетний паломник из Владивостока, проделавший путь в три тысячи миль в надежде приостановить прогрессирующую слабость в ногах. — После трех дней, проведенных на этом святом месте, к моим ногам снова вернулась сила. Господь благословил этот крест, потому что на этом месте убили царя».

Русская православная церковь, искалеченная семидесятилетним компромиссом с атеистическим государством, все еще пытается определить свое отношение к казни Романовых. Если семья погибла как мученики, то их полагается канонизировать — что, собственно, и было сделано в 1981 году зарубежной Русской православной церковью. Если же Николай и его семья не заслуживают мученичества и канонизации, а рассматриваются всего лишь как жертвы политического убийства, церковь, по всей видимости, будет вынуждена как-то отреагировать на их насильственную гибель. В 1881 году Русская православная церковь не сочла политическое убийство царя Александра II мученичеством, однако воздвигла на месте убийства собор Спаса на Крови в знак увековечения памяти царя.

В Екатеринбурге, еще до эксгумации останков,

местный архиепископ намеревался возвести на месте Ипатьевского дома церковь.

«Именно с этого места начались все страдания русского народа, — говорит архиепископ Мелхиседек и поясняет: церковь, которую следовало бы назвать Собором на Пролитой Крови, символизировала бы раскаяние нашего общества, его очищение от беззакония и массовых репрессий, обрушившихся на страну в годы большевизма».

В 1990 году был объявлен конкурс на лучший проект церкви. К участию в нем были приглашены архитекторы со всей России. В октябре 1992 года конкурс выиграл сибирский архитектор Константин Ефремов. Он предложил соорудить высокую церковь из белого камня и стекла, сочетающую в себе элементы древнерусской и современной архитектуры, колокольню и поблизости гостиницу для паломников и туристов. К сожалению, архиепископ не располагает средствами: ни от епархии, ни от Екатеринбурга, ни от патриарха — главы православной церкви в России, ни от Русской православной церкви за границей. И лишь спустя годы после одобрения проекта мемориальный собор существует в чертежах.

В несколько ином смысле деньги не давали покоя кое-кому из жителей Екатеринбурга. С того самого момента, как кости эксгумировали, в городе поселилась надежда, что они принесут ему солидные барыши.

«По нашему мнению, эти останки представляют огромную ценность, — заявил представитель местных органов правопорядка. — Ходят слухи о вознаграждении. По крайней мере, люди думают, что они интересуют туристов».

В забавном, однако довольно широко распространенном смешении коммунистических и капита-

листических перспектив студент одного из местных вузов заявил следующее: «Сегодня мы гордимся тем, что царь был убит именно в нашем городе. И надемся, что из этой трагедии выйдет что-то хорошее».

Алчное стремление местных властей как следует заработать на царских останках во всей полноте проявило себя в июле 1992 года во время проведения в Екатеринбурге научной конференции. Ее организаторы первоначально попытались заломить с иностранных журналистов по тысяче долларов за «аккредитацию» на последовавшем за конференцией брифинге. Репортеры отказались, однако после недолгих препирательств все-таки были допущены в зал. А далее репортеров попросили заплатить по десять тысяч долларов с каждого за право взглянуть на кости и их сфотографировать.

Некоторые раскошелились, однако на куда меньшую сумму, чем с них потребовали. За этим коммерческим мероприятием стояла некая швейцарско-российская фирма под названием «Интерурал», которую екатеринбургские власти якобы наделили правами на публикацию материалов об останках и их фотографировании. Согласно заявлению, сделанному «Интеруралом» лондонской «Санди Таймс», ими двигали благородные мотивы.

«Мы делаем это из любви к нашей истории, — сказал директор компании Владимир Агентов, пояснив, что доходы пойдут на сооружение церкви на месте Ипатьевского дома. — У нас есть предложение от одной американской газеты, американцы готовы приобрести все права, связанные с останками, мы же в обмен получим долевые права в их синдикате. Сколько, по-вашему, это может стоить?»

Ключ ко всем этим надеждам лежит в убеждении, будто Екатеринбургу удастся так или иначе навсегда

оставить у себя останки. Исторический прецедент наверняка бы потребовал, чтобы они были захоронены в Петропавловском соборе Петербурга, где покоятся все остальные Романовы. Тем не менее в начале 1995 года Екатеринбург все еще не теряет надежды, что прецедент может быть пересмотрен. Такая позиция глубоко обеспокоила и даже возмутила многих жителей России.

«Сегодня, как и тогда (то есть до гибели) Екатеринбург не желает отпустить Романовых, — сказал Эдвард Радзинский, российский драматург, автор книги о последнем российском царе. — У них в Екатеринбурге появилась сумасшедшая мечта создать могилу Романовых как часть туристского комплекса. Это ужасно, это уму непостижимо. Романовы, которых казнили сами жители Екатеринбурга, должны будут лежать в той же самой земле и приносить екатеринбуржцам доход».

СЛЕДОВАТЕЛЬ СОЛОВЬЕВ

Борьба между Москвой и Екатеринбургом за контроль над останками Романовых началась с момента их эксгумации. Действительно, начиная с 1989 года, когда Гелий Рябов во всеуслышание заявил о сделанном им и Александром Авдониным открытии, Екатеринбург пребывал в убеждении, что обладает законным правом на эти останки. Состоявшаяся в 1991 году эксгумация была произведена по распоряжению главы администрации Свердловской области Эдуарда Росселя и его заместителя Александра Блохина. Сами раскопки проводились под непосредственным контролем следователя Волкова из Свердловской областной прокуратуры. Как только кости оказались в морге, Волков приступил к их опознанию. Именно Волков запретил московскому патологоанатому Сергею Абрамову делать фотоснимки скелетов. Он же, когда фотографии все-таки изготовили, потребовал, чтобы пленка и все письменные материалы были оставлены в Екатеринбурге. А сам Россель

обратился к Госсекретарю Бейкеру с просьбой оказать научную помощь.

В течение всего этого времени российское правительство неизменно отвергало тот довод, что убийство российского императора и находка его останков является сугубо местным делом. Но когда происходили эти события, политическое положение правительства оставалось довольно слабым. Президенту Ельцину удалось сохранить власть, несмотря на попытку государственного переворота, предпринятую коммунистами, а затем еще одну, на этот раз задуманную главой парламента и вице-президентом. Во время всех этих разразившихся в Москве пертурбаций и битв за выживание единственным правительственным учреждением, хоть как-то занимавшимся судьбой останков Романовых, был Минздрав, точнее его второстепенное подразделение — патологоанатомический отдел. Кроме того, екатеринбургские власти находились в полной уверенности, что пользуются неофициальной поддержкой своего земляка — президента Ельцина.

Это убеждение публично выразил заместитель свердловского губернатора Блохин на состоявшейся в 1992 году Екатеринбургской научной конференции, когда присутствовавший там в качестве наблюдателя следователь Владимир Соловьев из Прокуратуры России поинтересовался: «В настоящее время администрация Свердловской области приняла решение присвоить себе останки императорского семейства. Это открытие принадлежит России. Ставился ли перед российским правительством вопрос о захоронении останков?». Блохин на это спокойно ответил, что областная администрация вовсе не считает содеянное ею «присвоением». Свердловская область запросила у российского правительства официальное разрешение.

«Но, — сказал он, — вы, по всей видимости, информированы, что до начала каких-либо исследовательских и эксгумационных работ глава администрации позвонил президенту Борису Николаевичу (Ельцину) и доложил, что область рассматривает вопрос о проведении подобного рода действий».

Соловьеву дали отпор, но он не желал сдаваться. Ему по-прежнему казалось абсурдным, что провинциальный город пытается сколотить себе капитал на столь важном событии российской истории. Кроме того, от его взгляда не укрылись первые робкие попытки как следует нажиться на костях — они уже имели место на конференции, — что произвело на него крайне неприятное впечатление.

В августе 1993 года екатеринбургской монополии настал неожиданный конец, контроль над расследованием взяла российская прокуратура. Владимира Соловьева официально назначили главным следователем правительственной комиссии*, организованной в

* Комиссия представляла собой то, что американцы называют «комиссией голубой ленты» (то есть почетной). Двадцать два постоянных ее члена представляли широкий спектр российских политических, научных, исторических и культурных институтов. Председателем стал Юрий Яров, вице-премьер России, и заседания проходили в его кабинете в московском Белом Доме. Вице-председателем был назначен Анатолий Собчак, мэр второго по величине российского города, Санкт-Петербурга. Русскую православную церковь представлял митрополит Ювеналий. В комиссию также входили заместитель министра иностранных дел, заместитель министра культуры, заместитель министра здравоохранения и Владимир Плаксин, главный судмедэксперт. А также историк, художник, председатель московского Дворянского собрания и драматург-биограф Эдвард Радзинский. Из Екатеринбурга первоначально в состав комиссии входили трое — бывший губернатор Эдуард Россель, директор Екатеринбургского института истории и археологии Вениамин Алексеев и Александр Авдонин.

Москве. Ей было поручено получать от общественно-го обвинителя все имеющиеся сведения, касающиеся опознания костей, весомости доказательств, чтобы затем доложить правительству о сделанных выводах. И если комиссия придет к заключению, что останки вполне доказательны, то от нее требуется дать дальнейшие рекомендации относительно того, где, когда и согласно каким ритуалам они должны быть преданы земле.

Комиссия в своей работе руководствовалась принципом *ad hoc*, — то есть собиралась от случая к случаю. Не существовало никакого графика, заседания проводились лишь тогда, когда следовало рассмотреть вновь полученные данные, причем не все из ее участников присутствовали на всех заседаниях. Эдуард Россель, номинально числившийся членом комиссии, не появился ни разу. Вениамин Алексеев бывал лишь иногда. Из представителей Екатеринбурга только Александр Авдонин за свой счет ездил на все до единого заседания.

Случалось, что кого-то приглашали в члены комиссии, а затем забывали уведомить о времени заседания. Восьмидесятилетний епископ Василий Родзянко, человек, пользующийся в России глубоким уважением за то, что на протяжении четверти века вел религиозные радиопередачи из Лондона и Вашингтона, получив официальное приглашение от Анатолия Собчака, сказал, что с радостью примет участие. Однако на этом дело и закончилось, поскольку больше к епископу никто не обращался.

Владимир Соловьев, хотя и не являлся членом комиссии, потихоньку стал в ней главным действующим лицом. Ведь как представителю прокуратуры ему вменялось в обязанность снабжать комиссию все новыми доказательствами. Он был обязан разыс-

кивать ученых, историков, архивных работников, распорядиться проведением исследований, добывать результаты. Соловьев присутствовал на большинстве заседаний, поскольку ему приходилось отвечать на запросы о предоставлении дополнительной информации. Он был наделен широкими полномочиями.

Владимир Николаевич Соловьев — невысокий лысеющий мужчина со светло-кариими глазами и аккуратно подстриженной каштановой бородкой точь-в-точь в стиле Николая II. Своим сочным баритоном Соловьев поведал мне, что когда в ходе своего исследования он посетил императорские дворцы Царского Села под Петербургом, чтобы изучить военную форму, платье, шлемы и шляпы, которые в свое время носили члены императорской семьи, то обнаружил, что у них с царем одни и те же размеры. Один из выцветших мундиров Николая II — из чистого любопытства — он примерил. Мундир сидел на нем как влитой. Повседневной формой самого Соловьева является простая полувоенного вида рубашка, с погонами, но без знаков различия.

Владимир Соловьев родился в 1950 году в семье адвоката на Ставропольщине, неподалеку от знаменитых курортов Северного Кавказа — Пятигорска и Кисловодска. «Лермонтовские места» — как он их называет. В восемнадцать окончил школу, в течение года работал, два года служил в армии, а затем поступил на юрфак МГУ. По окончании университета в 1976 году он получил распределение в небольшой городок неподалеку от Москвы, в местную прокуратуру в качестве следователя. В круг его обязанностей входило расследование убийств, которые, как он вспоминает, «к сожалению, в то время случались

довольно часто — например, колхозники как-то раз сожгли тело прямо в печке — в общем, в таком роде». После двух лет работы Соловьева перевели в Московскую областную прокуратуру, где он работал в отделе, контролирующем работу милиции, после чего получил перевод в транспортную прокуратуру Московской области. Там он расследовал случаи, связанные с трагедиями на транспорте — авиакатастрофы, крушения поездов и снова «сплошные убийства — например, на поездах или поблизости от железнодорожных путей». Затем Соловьев вернулся в Московский университет, на этот раз в качестве руководителя лаборатории отделения криминалистики, где студенты обучаются криминалистическим премудростям. В 1990 году его перевели в Генеральную прокуратуру России, на должность прокурора-криминалиста. Его «специальностью» на этом посту тоже стали убийства. На протяжении всей своей карьеры Соловьев не имел никаких дел с КГБ. По его словам, «прокуратура не занимается политическими проблемами. У этих двух организаций совершенно разные задачи».

Соловьева всегда интересовали история и археология. Когда Гелий Рябов сделал свое первое заявление о том, что в Сибири им обнаружены останки Романовых, Соловьев не до конца поверил ему, однако заинтересовался. Как только останки были эксгумированы, Соловьева — поскольку он имел доступ к главному правительственному архиву (бывший Центральный архив Октябрьской революции, недавно переименованный в Государственный архив Российской Федерации) — попросили помочь заместителю главного следователя Свердловской области Волкову. В архивах Соловьеву удалось обнаружить массу полезных материалов — четыре тома

исследований Соколова, фотографии Харитонов и Труппа, материалы по Юровскому и великому князю Георгию Александровичу (младшему брату Николая II). Занимаясь этой работой, Соловьев ощутил, как возрастает его интерес к императорской семье. В августе 1993 года начальство от имени российского правительства возложило на него всю ответственность за проведение расследования по делу Романовых.

Взяв бразды правления в свои руки, Соловьев немедленно возбудил уголовное дело по факту убийства Романовых и начал расследование. Подобное определение наделяло его большими полномочиями. Теперь он мог по необходимости привлекать свидетелей для снятия показаний. Никто из российских граждан не имел права отказаться отвечать на его вопросы. Допрашиваемые несли ответственность за дачу ложных показаний. Поскольку расследование получило статус уголовного дела, оно тотчас приобрело совершенно иное измерение. Ведь следовало доказать не только факт убийства, возникал новый вопрос — об ответственности: кто же в таком случае убийцы?

«Нам следовало определить, имел ли место в Екатеринбурге факт убийства, или же там был приведен в исполнение приговор законного правительства. Именно с этой целью мы и завели уголовное дело, — поясняет Соловьев. — И если кто-то совершает преступление, за которое, согласно закону, полагается смертная казнь, то те, кто приводил приговор в исполнение, преступниками не являются. Так что я был обязан определить, имел ли право Уральский Совет в 1918 году выносить смертный приговор царю и его семье».

В этом контексте Соловьеву неизбежно следовало ответить на новые вопросы: кем являлся Свердлов? Кем являлся Ленин? Какова, с точки зрения закона, была их причастность к этому расстрелу? Можно ли их считать преступниками или же уважаемыми людьми?

Соловьев отдавал себе отчет, что подобный подход превращает его уголовное расследование в зондирование вопросов более высокого и более чувствительного политического и исторического уровня.

«Да, — был он вынужден признать, — от меня требуется больше, чем просто опознание одного или нескольких черепов. Это довольно трудное дело, однако истинные вопросы касаются чего-то иного. Под поверхностью этой тайны скрывается гигантский айсберг».

Соловьев кивает, соглашаясь, что эти вопросы имеют значительные политические и исторические последствия, и грустно улыбается: «Да, но слава богу, мое начальство еще об этом не догадывается. Я проведу расследование, и теперь никто не ставит мне палки в колеса. Собственно говоря, прокуратура это мало интересует. У моего начальства куда более неотложные проблемы. У них теперь от другого болит голова, ведь Россия догнала и перегнала Америку по уровню убийств».

Соловьев начал следствие так, как сделал бы любой следователь по уголовным делам, — то есть нашел и изучил оружие, из которого якобы были произведены те самые выстрелы. Когда музей предоставил ему пистолеты, специалисты по баллистике произвели из каждого несколько выстрелов, чтобы убедиться, что выпущенные из них пули обладают

теми же характеристиками, что и пули, извлеченные из могилы. К сожалению, последние были сильно разъедены ржавчиной, и те мельчайшие особенности, по которым обычно устанавливают сходство, сгладились временем. Кроме того, мрачно признался себе Соловьев, из этих пистолетов стреляли на протяжении многих лет, вследствие чего исчезли уникальные особенности ствола каждого из них. Тем не менее теперь он мог сказать:

«Хотя отсутствовали доказательства, что пули действительно были выпущены из этих пистолетов, не было доказано и обратное. То есть не исключалось, что эти пули выпущены именно из этих пистолетов».

Затем Соловьев попытался представить комиссии окончательное заключение о том, кому же все-таки принадлежат скелетные останки. И хотя лично сам он принимает выводы, полученные российскими, английскими, немецкими и американскими учеными, что это действительно Романовы — и православная церковь в России, и Русская православная церковь за границей все еще в этом сомневаются. Обе церкви по-прежнему были обеспокоены гетероплазмией, обнаруженной Гиллом и Ивановым в ДНК Николая II. Соловьев и российская правительственная комиссия по неофициальным каналам узнали, что в Беркли доктор Кинг и доктор Гинтер, исследуя привезенные Мейплсом в Америку зубы, подтвердили все сделанные Гиллом и Ивановым в Англии выводы, включая и гетероплазмию. Однако официальная комиссия не получила никакого отчета из Беркли. Вот почему Русская православная церковь, которая рассматривает вопрос о канонизации императорской семьи, настаивала на дальнейших исследованиях и даже угрожала отозвать из правительственной комиссии своего представителя, митропо-

лита Ювеналия, если только ее требование не будет выполнено. Поэтому-то Соловьев и был вынужден снова пустить в ход сделанное ранее предложение Павла Иванова об эксгумации останков младшего брата Николая II — великого князя Георгия, похороненного в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Эксгумация останков Георгия производилась в июле 1994 года. Труднее всего оказалось поднять мраморное надгробие, но как только это удалось, глазам присутствующих открылось покоящееся под ним тело. Верхняя часть все еще была одета в великолепно сохранившееся платье, а вот нижняя часть лежала на шесть дюймов в воде (вспомним о том, что Петербург построен на болоте, и вода всегда стоит близко к поверхности). С целью исследования ДНК ученые извлекли фрагмент черепной коробки великого князя и фрагмент ножной кости. Первоначально Соловьев намеревался отправить эти фрагменты доктору Гиллу в Англию, но как только информация об этом просочилась в печать, по словам Соловьева, «наши газеты наперебой принялись кричать о том, будто Гилл что-то там сфальсифицировал». В результате последовали затяжные переговоры с Институтом патологии Вооруженных Сил США и в конечном итоге получено согласие на проведение там бесплатных тестов.

«Так что, можно сказать теперь, мы доверяем расследование совершенно независимым от нас людям, — заметил Соловьев. — Хотя наш специалист, доктор Иванов, тоже будет там присутствовать».

Павел Иванов прибыл в сияющую чистотой новую лабораторию ИПВС в Роквилле, штат Мэриленд, в 1995 году. С собой он привез фрагмент бедренной кости великого князя Георгия. Миссия Иванова за-

ключалась в том, чтобы новыми доказательствами подтвердить, что тело №4, хранящееся в екатеринбургском морге, принадлежит именно Николаю II.

«Если два года назад в лаборатории Питера Гилла мы получили вероятность, равную 98,5 процента, — пояснил Иванов, — то теперь, в этой новой лаборатории, используя новые методы и более совершенную технологию, мы, по всей видимости, сумеем довести ее до 99,5 или даже 99,7 процента. Для того чтобы правительственной комиссии было легче принять решение, нам необходимо получить результат как можно ближе к ста процентам».

Иванов на всякий случай захватил с собой из Москвы еще два полезных доказательства. Во-первых, пропитанный кровью платок, привезенный им из Японии, из которого в лаборатории Гилла не удалось извлечь пригодных для исследования ДНК. Во-вторых, прядь волос царя, срезанных, когда Николаю было три года. Прядь сохранилась в медальоне в одном из Санкт-Петербургских дворцов, где и была обнаружена Соловьевым, который впоследствии передал ее Иванову.

«У этих волосков не хватает фолликул, и вообще в срединных волосах чрезвычайно мало ДНК, — говорит Иванов. — Но у ИПВС мощнейшее увеличительное оборудование. Мы сделаем все, что в наших силах».

Эти новые исследования ДНК — останков брата Николая II, крови последнего царя и его волос предполагалось завершить осенью 1995 года.

Следователю и правительственной комиссии не давало покоя местонахождение останков двух недостающих в могиле царских детей. Авдонин, присут-

ствовавший на всех до единой эксгумациях, постоянно призывал других членов комиссии:

«Если нам удастся обнаружить эти два пропавших тела, то все тотчас же прояснится, все станет на свои места и на всей этой истории можно будет поставить точку».

Соловьев согласен с Авдониным: «Если только мы их не найдем, — признался следователь, — то тогда души всех ученых и всех, кто связан с этим расследованием, по-прежнему будут мучить сомнения».

Задача по обнаружению недостающих тел еще более усложнилась, когда весной 1993 года — то есть до того, как расследование этого дела перешло под контроль московского прокурора, — один екатеринбургский ученый, профессор В. В. Алексеев из Уральского института истории и археологии, прибыл к открытой могиле в сопровождении тракторов с прицепными плугами. Заклятый враг Авдонина, Алексеев надеялся обнаружить недостающие тела, чтобы затем успеть представить свои находки на состоявшейся в июле 1993 года в Екатеринбурге научной конференции. Ничего, однако, он не обнаружил, зато оставил после себя перепаханную землю. Поступок Алексеева глубоко возмутил побывавшего тем же летом в Екатеринбурге доктора Мейплса. Мейплс заранее договорился о том, чтобы привести в Екатеринбург специальную машину, размером не более газонокосилки, способную зондировать землю звуковыми волнами, фиксируя при этом любые отклонения в структуре верхних слоев почвы. Мейплс еще в Америке видел, как при помощи подобной машины в земле отыскивали тела, и подумал, что она может пригодиться для поисков двух недостающих детей Романовых. Увидев, что натворил Алексеев, Мейплс помрачнел.

«Теперь уже безнадежно! — заявил он. — Все загублено!»

Соловьев согласен, что шансы отыскать два недостающих тела становятся все более мизерными. «Прошло слишком много времени, — говорит он. — Почва перепахана. Через эту местность прокладывали кабель».

Тем не менее он полагает, что все еще остается слабая надежда. «Юровский утверждает, что сжег два тела. Соколов нашел место, где это произошло. Он обнаружил кости и загустевший жир. Он также полагал, что все тела сожгли именно на этом месте. Кроме того, Соколов писал, что в те дни еще не существовало методов при помощи которых можно было бы определить, кому принадлежат останки — животным или людям. Теперь такие методы существуют. Нам остается только найти эти кости».

Рябов, как и Соловьев, верит записке Юровского и, значит, верит в то, что останки двух тел покоятся под кострищем. Если они там были и все еще находятся там, то их можно найти, однако, по прикидкам Рябова, поиски обойдутся в сумму примерно от 5 до 20 миллионов долларов. Но и в этом случае, опасается Соловьев, найденные кости, пролежав близко к поверхности, окажутся в куда более худшем состоянии, чем останки из массового захоронения, сохранившиеся благодаря защитному слою глины. Так что недостающие останки могут лежать там, где их и закопали, и все равно будут уже ни на что не годны.

В своем стремлении обнаружить искомые тела или, по крайней мере, выяснить, что же все-таки с ними случилось, Соловьев с удовольствием бы запо-

лучил свидетельства, которые пока что не давались ему в руки. Имеется в виду содержание ящика, привезенного в 1920 году из Екатеринбурга в Европу, следователем Николаем Соколовым после поражения белой армии в Сибири.

Спасаясь бегством от большевиков, одерживавших одну победу за другой, Соколов проехал через всю Россию. Следователь не выпускал из рук заветный ящичек, содержимое которого он именовал не иначе как «Великими Священными Национальными Реликвиями». Из Владивостока Соколов с женой вместе с русским офицером, полковником Семеном Нарышкиным и его супругой отплыли в Европу на борту французского судна «Andre le Bon». Во время этого плавания ящичек пропутешествовал восемь тысяч миль под судовой койкой мадам Нарышкиной. Судьба свела Соколова с Нарышкиной надолго. До первой мировой войны Соколов был членом городской управы в Пензе, где он и подружился с генералом Сергеем Розановым, командиром расквартированного там полка. Соколов нередко охотился вместе с Розановым в его имении. Когда же началась гражданская война, Розанов стал начальником генштаба у адмирала Колчака, объявившего себя «верховным правителем Сибири». Когда Екатеринбург перешел в руки белых, Розанов и его будущий зять Нарышкин стали первыми офицерами, которые бросились к ипатьевскому дому, взломали окружающий его забор и вошли в опустевший особняк. Спустя несколько месяцев в штабе Колчака появился Николай Соколов, пешком проделавший путь через заградительные позиции большевиков. Именно по рекомендации Розанова Соколова назначили расследовать обстоятельства странного исчезновения Романовых.

Когда судно «Andre le Bon» прибыло в Венецию, Соколов вместе с Нарышкиными отправились на французскую Ривьеру, с тем чтобы показать ящичек двоюродному брату Николая II, великому князю Николаю Николаевичу, бывшему главнокомандующему русской императорской армией, которого большинство находящихся в эмиграции русских считало наиболее подходящим правопреемником российского престола. К огорчению Соколова, великий князь, не желая оскорблять вдовствующую императрицу Марию, все еще верившую в то, что ее сын и его семья живы, отказался принять ящичек. Затем Соколов вместе с Нарышкиным отправились в Англию, где попытались вручить сундучок еще одному двоюродному брату Николая II, королю Георгу V. Король также ответил отказом. В конце концов Соколов отдал сундучок на хранение Русской православной церкви за границей.

На протяжении десятилетий она являлась хранительницей реликвии. До того как под Екатеринбургом состоялась эксгумация останков, было принято думать, что лишь в этом ящичке находились реликвии исчезнувшей императорской семьи. Все еще проникнутая глубоким презрением к российскому правительству, антагонистически настроенная к Московскому патриархату, главу которого и высшие слои духовенства она обвиняла в сотрудничестве с КГБ, Русская православная церковь за границей в лице митрополита и епископов до сих пор отказывается предоставить ящичек кому бы то ни было для осмотра и изучения его содержимого. В секрете пытаются держать даже его местонахождение, хотя всем известно, что он хранится в Брюсселе в православной церкви Святого Иова в честь великомученика Николая II и его семьи. Содержимое ящичка описано

несколькими свидетелями, но церковь отказывается разглашать эти сведения.

Отказ церкви дать свое согласие на изучение содержимого сундучка больше всего расстраивает домыслы о том, что все-таки в нем хранится.

Князь Алексей Щербатов, восьмидесятилетний глава Российского дворянского собрания Америки, летом 1994 года посетил Брюссель и, благодаря семейным связям с важными представителями духовенства, выяснил, что в ящичке хранится горсть праха, собранного на месте сожжения тел.

«...Небольшие кусочки костей, смешанная с кровью земля, две небольшие бутылочки загустевшего жира от тел и несколько пуль. И... — князь Щербатов отказывается говорить, от кого он это услышал и как вообще это стало известно, однако добавляет: — Да, да, безусловно. Все это от двух тел».

Тем не менее в апреле 1995 года зарубежная церковь упорно отказывалась выпустить из рук заветный ящичек. Ни Соловьев, ни кто либо из квалифицированных западных специалистов не имеют возможности изучить его содержимое, и, может быть, окончательно решить вопрос, что же все-таки произошло с оставшимися двумя детьми. Соловьеву остается только набраться терпения и ждать, когда в один прекрасный день ящичек все же появится. Он говорит: по моему, это снимет многие вопросы. Если там есть целые кости, тогда ученый вроде Мейплса сможет определить, принадлежат ли они молодой женщине или четырнадцатилетнему мальчику. Анализ ДНК поможет сопоставить эти кости с ДНК матери и дочерей — ведь они уже обнаружены. ДНК не сможет сказать нам, кто это из дочерей, но зато мы узнаем, что это четвертая дочь. Мы не сможем узнать, кто есть кто, но зато в наличии будут все четверо».

Находки Авдони́на и Рябова, а также исследовательская работа Соловьёва, на Западе, так же как и в России, имеют своих ярых противников. Русская эмигрантская община состоит из людей, проживших целую жизнь в ненависти к учению, правителям и всей бюрократической машине коммунистического государства. Их враждебность идет куда глубже обыкновенных различий в идеологии. Представители многих семей пали от рук красных палачей, все, чем они владели, было у них отобрано и затем объявлено государственной собственностью. На протяжении семидесяти лет эти люди наблюдали, как советские историки лгут о прошлом и о бывших советских политиках, а газеты, радио и телевидение лгут о нынешних. За это время они прониклись ко всему, что исходит из России, таким подозрением, которое не изжить в одночасье. Вот почему в 1989 году, когда Гелий Рябов заявил всему миру, что им обнаружено захоронение останков Романовых, многие русские эмигранты восприняли его слова довольно скептически. Одна группа, называющая себя «Экспертной комиссией русских за границей», взяла на себя обязанность следить за всем, что говорится и происходит в России в связи с останками. Председателем этой группы стал некий инженер из Коннектикута по имени Петр Колтыпин, вице-председателем — князь Алексей Щербатов. Секретарем стал бывший офицер ЦРУ по имени Евгений Магеровский. Коллективное мнение этой комиссии было таково, что рассказанная Рябовым история не более чем выдумка, а сама так называемая находка костей в могиле — не что иное, как хитро устроенная западня все еще не желающего сдавать былые позиции КГБ.

Александр Авдонин впервые встретился с Колтыпиным и Щербатовым в марте 1992 года в Петербурге на похоронах претендента на российский престол великого князя Владимира. Благодаря своей причастности к екатеринбургской находке Авдонин к тому времени был уже широко известен в русских эмигрантских кругах. После заупокойной службы многие хотели расспросить его, и поэтому Авдонин предложил собраться вместе, чтобы он мог поговорить одновременно со всеми желающими. Его выступление заняло целый час, после чего многие из слушателей разразились аплодисментами. Затем Колтыпин и Щербатов обрушили на него град вопросов.

«Я понимал, что они мне не поверили, ни единому моему слову, — говорит Авдонин. — То есть своими провокационными вопросами они давали понять, что убийство царя тщательно расследовал еще Соколов и, по их мнению, этого расследования вполне достаточно. Они полагали, что трупы были обезглавлены, головы увезены куда-то прочь, а тела сожжены. Они также полагали, что все мной рассказанное состряпано КГБ».

Когда Авдонин сказал своим оппонентам, что российские и украинские ученые продолжают исследование останков, Колтыпин со Щербатовым заявили, что никто в мире не поверит этим ученым. Когда же Авдонин сказал, что к участию приглашены американцы, Колтыпин и Щербатов расхохотались: «Так, значит, вы продались американцам!».

«Что ж, — продолжил Авдонин, — тогда вы сами выберите компетентных людей и пришлите их к нам».

«Нет, — возразил Колтыпин. — Вы все равно обманете».

«В таком случае, — пожал плечами Авдонин, — мы никогда не сумеем доказать вам истину».

«Нет, один выход все же имеется, — возразил Колтыпин. — Это ДНК. Но вы в России не знаете, как это делается».

И тогда Авдонин спросил, а кто же, по его мнению, знает.

«Англичане», — ответил Колтыпин.

Следующая встреча Авдонина с представителями эмигрантской экспертной комиссии состоялась в феврале 1993 года, в Найаке, штат Нью-Йорк. Авдонин с женой прилетели в Бостон по личному приглашению Мейплса. Екатеринбургский краевед должен был представить на ежегодной встрече Американской академии судмедэкспертизы доклад по результатам исследования останков Романовых. В Найаке Авдонин вторично выступил со своим сообщением, после чего удалился в библиотеку, чтобы ответить на вопросы. Там же присутствовали Колтыпин со Щербатовым, на этот раз к ним присоединился Магеровский. Как и в Санкт-Петербурге, эмигранты набросились на Авдонина.

«Возможно я слишком старый белоэмигрант, — заявил Магеровский. — Но я просто не верю вам».

«Мне не нравится Авдонин, — признался позднее Щербатов. — Он лжет. Он настоящий старый коммунист».

Эта атака со стороны приобрела официальный статус 25 декабря 1993 года, когда «Экспертная комиссия русских за границей» письменно обратилась к Юрию Ярову, заместителю премьер-министра России и председателю правительственной комиссии по изучению свидетельств гибели Романовых. Представители эмигрантской комиссии начали с того, что предупредили Ярова, чтобы тот остерегался любой информации, исходящей от лиц, имевших связи с «Коммунистической партией, КГБ и Прокуратурой»

(например, Соловьева). Они заявили, что «некоторые факты из биографии Гелия Рябова представляются довольно сомнительными. Он был связан с КГБ... а его знакомство с Авдониным тоже вызывает подозрение». Экспертная комиссия отказалась признавать подлинность записки Юровского, заявив, будто «это общеизвестный факт, что голова последнего императора была привезена в Москву». Следовательно, рассуждали члены комиссии, «если Рябов действительно нашел в могиле череп царя Николая II, то этот череп был положен туда позднее, по чьему-то указанию». И наконец, члены эмигрантской комиссии заявили следующее:

«Мы полагаем, что и другие кости были положены в могилу в 1979 году с тем, чтобы в июле 1991 года изобразить извлечение из нее останков».

Владимир Соловьев прочитал эмигрантское послание и однозначно отменил все обвинения против Рябова и Авдонины.

«Ходят слухи, особенно за границей, будто в этой могиле захоронены вовсе не члены царской семьи; будто вообще это захоронение было «устроено» КГБ или ЧК или «любыми другими «органами» былых времен, — заявил Соловьев. — Говорят, будто Рябов был и остается агентом КГБ. Но дело в том, что мы теперь получили доступ к архивам КГБ, и я официально проверил выдвинутые против Авдонины и Рябова обвинения. До 1989 года КГБ не располагает никакими материалами ни на одного из них. Но как только Рябов опубликовал свое интервью и статью в «Московских новостях» и «Родине», за обоими — Рябовым и Авдониным, было установлено наблюдение. И КГБ начал предпринимать попытки выяснить, где же все-таки располагается захоронение. По правде говоря, в КГБ имеется толстенное дело о предыду-

щих усилиях обнаружить могилу. Так что все слухи, будто эта находка — дело рук КГБ или других спецорганов, просто смехотворны. Я даю вам честное слово, зная те времена и те обстоятельства, что будь место захоронения известно КГБ или партии, оно бы просуществовало ровно столько времени, сколько требуется для того, чтобы собрать роту солдат и привести их на место».

Отвечая на нападки противников, Соловьев пытался понять точку зрения эмигрантов.

«Знаете, у всех людей свои стереотипы, — говорил он, — а когда люди стареют, им трудно менять свои взгляды. На протяжении десятков лет у них не было причин доверять тому, что здесь говорилось. Но теперь расследование закончено, и представленные нами по этому делу выводы были бы достаточны для любого другого уголовного дела. И ни у кого не возникло бы никаких сомнений ни в суде, ни где-либо еще. Но в данном случае мы обязаны сделать в пять, а то и в шесть раз больше, чем уже сделано. Чтобы вообще не возникло никаких сомнений. Они (Колтыпин, Щербатов и Магеровский) не верят в то, что мы говорим. С их точки зрения я — негодяй, Рябов с Авдониным — негодяи, все до одного негодяи. Правда известна одному только Колтыпину. Ему следовало бы приехать сюда и все увидеть своими глазами. Но он не соизволил это сделать».

Соловьев имел в виду отсутствие у эмигрантской комиссии каких-либо серьезных исследований.

«Когда я прихожу в архив, — говорит он, — то вижу список затребованных документов и фамилии тех, кто с ними работал. Там есть подпись Авдолина, там есть подпись Гелия Рябова, там есть подпись третья, четвертая, пятая и так далее. С этим кругом людей я могу вести дискуссию. Это те люди, которые

лично ознакомились с первоисточниками и в состоянии сказать что-то значимое. В то время как другие не хотят ничего видеть, не хотят ничего знать, не хотят ничего изучать».

Соловьев убежден, что эмигранты набросились на него потому, что безоглядно верят в выводы Соколова семидесятилетней давности.

«Нередко пишут, — говорит Соловьев, — будто я провожу свое расследование, не ознакомившись с материалами Соколова, будто я не заинтересован в них, будто я не считаю Соколова выдающимся следователем. Но это не так. Дело в том, что Соколов совершил ошибку, но подобную ошибку на его месте совершил бы любой следователь. И эта ошибка заключается в том, что он поверил, будто трупы были полностью сожжены и уничтожены. В то время все улики говорили в пользу этой теории. Теперь мы располагаем новыми данными. Тем не менее, по моему, это единственная ошибка Соколова».

Однако одно из выдвинутых эмигрантской экспертной комиссией обвинений имело под собой основание — дело в том, что российские архивы оставались не до конца открытыми. Соловьев был вынужден это признать, добавив, что он имел доступ ко всем архивам «за исключением Президентского», бывшего архива Политбюро. Вполне естественно, что эти ограничения возбудили подозрения в эмигрантских кругах, уверенных в том, будто самые важные факты по-прежнему скрываются. Помочь в этом деле сумел лишь Эдвард Радзинский. Являясь членом правительственной комиссии, он, независимо от других, писал биографию Сталина.

«Верно, Соловьев не может получить разрешение для работы в Президентском архиве, а у меня таковое имеется. Глава администрации президента лично выдал

мне разрешение работать там над материалами о Сталине. Когда я стал членом правительственной комиссии, я попросил позволить мне расширить круг моих исследований до Романовых. Теперь у меня есть специальный пропуск, дающий право проверять в Президентском архиве любые бумаги, касающиеся императорской семьи. Все согласны, что будет вполне разумно, если я буду этим заниматься».

Радзинский по собственному опыту убежден, что истинная причина недоступности материалов по Романовым заключалась не в том, что их нарочно скрыли от публики, а в том, что их было практически невозможно найти.

«Президентский архив — действующий, — поясняет Радзинский. — В нем хранятся секретные дипломатические документы не только бывшего Советского Союза, но и нынешнего Российского государства. Когда я начал там работать, я сразу понял, что на этой стадии у работников нет возможности отделить исторические документы от текущих государственных тайн. Мне было сказано: «Мы покажем вам бумаги от этого периода до этого. Мы не можем позволить вам просто копать в архиве». Так что там все перемешано. Они только приступили к сортировке и классификации документов. Папки обозначены неправильно или вообще никак не обозначены. В своей книге я напечатал материалы, о существовании которых они просто не догадывались. Они спросили меня: «Где именно вы откопали это в нашем архиве?», когда прочитали мою книгу.

Радзинский все-таки нашел один документ, представляющий собой еще одно доказательство циничной лживости Ленина по отношению к императрице и ее дочерям. Оно обнаружилось в мемуарах Адольфа Иоффе, советского дипломата, служившего в Берли-

не в то время, когда состоялось убийство. Не доверяя официальной версии, будто расстрелян только один Николай, Иоффе позднее решил выяснить правду у главы ЧК Феликса Дзержинского. Дзержинский признался, что в живых нет всей семьи, добавив при этом, что Ленин категорически запретил ставить Иоффе об этом в известность. «Пусть уж лучше Иоффе ничего не знает, — заявил Ленин. — Ему будет легче лгать».

Этот документ не удивил Соловьева.

— Позвольте мне привести еще один пример мышления Ленина. В 1912 или 1913 году имело место террористическое нападение на одного из второстепенных членов испанской королевской семьи. Ленин презрительно отозвался об этом событии. «Мы не должны заниматься индивидуальным террором, — заявил он. — Уж если уничтожать, то уничтожать всю династию, а не расстреливать — ее представителей поодиночке». И опять-таки — то, что в 1918 году об убийстве всех Романовых сообщили не сразу, не было связано ни с какими моральными критериями. Официально заявлялось, что казнен только Николай, причем вполне заслуженно. Давайте представим себе, будто они объявили, что Романовы казнены все до одного. В монархических кругах тотчас бы встал вопрос о новом царе. Ленину не хотелось, чтобы оппозиция кристаллизовалась бы вокруг единственного наследника российского престола. Вот почему он сделал так, чтобы все ломали головы, гадая, кто же все-таки остался в живых, а кто нет. И где могут находиться эти люди. Во время гражданской войны монархически настроенные предводители белой армии не знали, на ком им сфокусировать свое внимание. Таким образом, Ленин работал на два фронта: он уничтожил всех членов императорской семьи и

многих других Романовых, но одновременно оставил своим противникам надежду на то, будто кто-то из царской семьи остался в живых. Позднее, когда советская власть набрала силу, когда исчезла угроза со стороны монархической или любой другой контрреволюции, коммунисты осмелились открыто заявить о содеянном. Не только заявить, но и хвастать тем, что они убили детей.

В компетенцию правительственной комиссии по опознанию и захоронению останков Романовых не входило давать оценку подобным вопросам. Однако они по-прежнему остаются частью проводимого российской прокуратурой расследования.

ПОХОРОНЫ ЦАРЯ

Последние церемониальные похороны русского царя состоялись в 1894 году, когда в Петропавловском соборе Петербурга был погребен отец Николай II, царь Александр III. Спустя сто лет российская правительственная комиссия делала последние выводы и давала последние рекомендации относительно похорон Николая II. После чего Патриарх Всея Руси, правительство и президент Российской Федерации должны были принять собственное решение: церковь — о том, как, а правительство — где и когда хоронить последнего царя и его семью.

«Мы ждем, когда ученые завершат свою работу, — сказал Эдвард Радзинский. — Как только ученые окончательно убедят комиссию, что это царские останки, патриарх Русской православной церкви вынесет решение, согласно какому ритуалу состоится заупокойная служба. Если Николай будет объявлен святым, — то по одному, а если нет — то по другому. Зарубежная церковь уже объявила Николая святым. Так что наша церковь столкнулась с большой проблемой».

Александр Авдонин, чье тесное рабочее место заполнено портретами Николая II, попытался объяснить стоящую перед Московской патриархией дилемму.

«Не следует забывать, что в отличие от зарубежной наша церковь действует в той самой стране, где произошли эти события, — говорит он. — Здесь многие люди считают, что Николай II сам виноват в том, что допустил революцию и по крайней мере поэтому ответствен за собственную гибель. И если это так, то как можно его канонизировать? Как отреагирует на это народ? Ведь, в конце концов, не следует забывать, что отнюдь не все наши соотечественники в восторге от Николая II. За семьдесят лет уважение к нему полностью уничтожено. Дело в том, что царь оказался слабым правителем, а то, что он был добрым, хорошим человеком, любившим свою семью, — что ж, все это не снимает с него вины за никуда не годное управление страной. Что же касается других, погибших одновременно с ним — это совершенно иное дело. Они, это следует подчеркнуть, ни в чем не виноваты. Они воистину мученики».

Митрополит Ювеналий, представлявший в правительственной комиссии церковные власти, стал первым, кому был задан вопрос о канонизации. По словам Авдонова, Ювеналий «лично изучает все, что касается останков. Тем не менее, — выражение его лица меняется, — церкви известно об останках уже почти четыре года. За это время ни единый представитель Московской патриархии не пришел, чтобы просто взглянуть на них. Ни единый священник! Ни единый дьякон!».

Авдонин прав в том, что в современной посткоммунистической России отношение к Николаю II не-

однозначное, однако ошибся, говоря, что, согласно православной доктрине некомпетентность Николая как правителя каким-то образом влияет на вопрос о его мученичестве.

«Мученичество не имеет ничего общего с личными поступками человека, — поясняет отец Владимир Шишков, священник зарубежной православной церкви. — Оно имеет отношение только к тому, почему и как умер этот человек. В случае Николая II совершенно неважно, каким он был правителем, чего он достиг, а чего не достиг, будучи царем. Николай превратился в мученика, потому что был насильственно лишен жизни только за то, что правил страной».

Отец Шишков не стал порицать Московскую патриархию за то, что она не торопится с принятием решения.

«Дело в том, — признает он, — что до того как в 1981 году наша зарубежная церковь объявила Николая II святым, мы здесь столкнулись с сильным сопротивлением, даже со стороны священников. И они прибегали к тем же самым аргументам против канонизации царя Николая II».

Как только останки были научно освидетельствованы, перед российской правительственной комиссией встал вопрос о том, где их хоронить. Официально решение оставалось за двумя городами: Екатеринбургом, где семья была расстреляна, а ее останки обнаружены, и Санкт-Петербургом, где на протяжении трехсот лет хоронили императоров и императриц династии Романовых. В расчет принимались многие факторы, включая вопросы религии и исторические традиции, но в конечном итоге все

свелось к демонстрации политического могущества. Неоспоримое преимущество принадлежало Санкт-Петербургу, мэром которого Анатолий Собчак был не только вице-председателем правительственной комиссии, но и сильным политическим союзником Бориса Ельцина. Однако и Екатеринбург не терял надежды, несмотря на то, что разговоры о гостиницах и ресторанах туристического комплекса постепенно утихли.

Вашингтонский епископ Василий Родзянко, посетивший Екатеринбург и видевший останки, настаивал, чтобы Романовых похоронили именно в этом городе, где они пролежали в общей могиле семьдесят три года. Это решение, считает он, уже принято самим Господом Богом: «Кости нельзя отделять от тел. Тела же лежат там, только в другой форме, они все равно находятся в земле. Следовательно, забрать кости и перевезти их в Санкт-Петербург равносильно расчленению тела. Для меня это святотатство».

Епископ осудил планы захоронения Романовых в Петропавловском соборе, который, по его словам, чисто земное, чисто светское место. Он не имеет никакого отношения к церкви или религии. Если похоронить их там — это будет означать лишь политическую реабилитацию. «Мы их не убивали», — говорит государство. — А теперь мы их реабилитируем и обвиним в этом преступлении Ленина и всех остальных». «Если же канонизировать всю семью, — поясняет дальше епископ Василий, — то это будет не погребальная служба, а православная служба прославления. И кости, вместо того чтобы их класть в гробы или склепы, превратятся в мощи, а фрагменты этих мощей будут розданы по православным церквям и выставлены в алтаре». Любая православная церковь хранит в алтаре чьи-нибудь мощи, без них невозмож-

но служить службу. Но если канонизация не состоится, по словам архиепископа, «их следует похоронить в Екатеринбурге. И всех их похоронить вместе».

Никого из потомков Романовых ни разу не приглашали на заседание комиссии, чтобы обсудить похороны их родственников. Романовы передали свое мнение президенту Ельцину, председателю комиссии Ярову, московскому патриарху и следователю Соловьеву, но голос семьи был ослаблен тем, что среди ее членов отсутствовало единство. Обе ветви семьи терпеть не могут друг друга, и каждая яростно возражала против того, чтобы преимущество было предоставлено соперничающей стороне. Живущая в Мадриде великая княгиня Мария Владимировна, которая видит себя претенденткой на российский престол, предложила — от своего имени, а также от имени ее четырнадцатилетнего сына Георгия — поделить останки на три группы: царь Николай вместе с императрицей Александрой должны быть похоронены вместе с другими российскими самодержцами в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга; останки трех дочерей должны быть захоронены среди великих князей в примыкающем к собору склепе, а доктора и четверых слуг следует предать земле в Екатеринбурге.

Это предложение шокировало даже двоюродных братьев Марии — многочисленных князей и княгинь Романовых, возглавляемых князем Николаем Романовым, ныне живущим в Швейцарии. По их мнению, все останки следовало оставить в Екатеринбурге и похоронить вместе.

«Было бы преступно разделять их, — заявил князь Ростислав Романов, лондонский банкир, приходящийся Николаю II внучатым племянником. — Они

умерли вместе и вместе должны быть переданы земле. Для комиссии и правительства было бы просто невыносимо вдруг ни с того ни с сего отвергнуть этих людей как ничего не значащих. Далее, есть смысл оставить их в Екатеринбурге. Если вы собирались канонизировать их, то почему бы не похоронить их там, где они были замучены? Если похоронить их в Петербурге вместе с другими царями, то вы притворяетесь, будто ничего не произошло. Кроме того, можно выдвинуть прекрасный аргумент, будто будущее России — на востоке, так что это было бы еще и весьма символично».

Глава семейства князь Николай Романов страстно настаивает на том, что останки нельзя разделять.

«Я дважды писал патриарху, я разговаривал с правительственными министрами и публично заявил по российскому телевидению: мы, Романовы, хотим, чтобы все, каждая жертва этого кровопролития, были похоронены вместе — в одном соборе и, я бы сказал, в одной могиле. Вы хотите похоронить царя в соборе Петропавловской крепости? Тогда хороните вместе с ним врача, горничную и повара! Они единственные, кто не предал их семью. Они достойны почестей в то же самое время и в том же самом месте. И если нынешние русские этого не поймут, то я откажусь присутствовать на похоронах — даже если и приедет кто-то из Романовых».

Николай Неволин, патологоанатом, на протяжении четырех лет охранявший останки в екатеринбургском морге, не теряет надежды, что они все-таки будут захоронены в его городе.

«Романовы были расстреляны здесь, и наш город хотел бы иметь что-то вроде мемориала. Но в стране есть два других города — Москва и Петербург, которые на протяжении семидесяти четырех лет суще-

ствования советского режима вечно тянули одеяло каждый на себя. И теперь они снова пытаются все забрать себе».

Когда Неволин узнал, что почти все потомки романовского семейства желают, чтобы останки были похоронены в Екатеринбурге, он был просто шокирован: «Я этого не знал. Случись это здесь, я бы чувствовал себя настолько обязанным, что даже не знаю, как это выразить. Знаете, я родился здесь, на Урале. Я патриот своего края».

Борис Ельцин тоже родился на Урале, однако переместился на более просторную арену, где его хрупкое президентство, однако, постоянно нуждается в поддержке. С политической точки зрения поддержка Анатолия Собчака для Ельцина жизненно необходима, а Собчак серьезно вознамерился похоронить царственные останки в Петербурге. Поэтому вероятнее всего, что Ельцин предпочтет держаться в тени, пока комиссия не вынесет своих рекомендаций. Однако как только это будет сделано, Ельцин займет свое место во главе российских политиков и представителей церкви, зарубежных монархов и других лиц, почтивших своим присутствием похороны.

Для похорон устанавливались уже три даты, и все три были пересмотрены. Первоначально церемонии назначили на 18 мая 1994 года, то есть день рождения Николая II. Эта дата, наступавшая через десять месяцев после того, как Гилл и Иванов провели в Олдермастоне опознание, давала, казалось, достаточно времени на подготовку похорон. Затем, в апреле 1994 года, Московская патриархия потребовала дополнительных исследований, включая эксгумацию Великого князя Георгия. Похороны были

перенесены на 3 июля 1994 года. Когда наступил этот день, Георгий, все еще ничем не потревоженный, покоился в своей могиле, и поэтому церемонию перезахоронения снова перенесли — на этот раз на 5 марта 1995 года. Эта дата с религиозной точки зрения представлялась наиболее приемлемой. В календаре русской православной церкви на нее приходится День Покаяния. Хороня царя и его семью в этот день, российское правительство, церковь и народ словно просили бы прощения — не только за убийство императорской семьи, но и за гибель миллионов других людей, замученных начиная с 1918 года. Подобное публичное покаяние, общенациональное очищение от исторической вины могло стать именно той церемонией, которую несомненно захотелось бы возглавить Ельцину. В ноябре 1994 года дату церемонии снова перенесли, новая пока еще не назначена.

Шли годы, а Александр Авдонин все продолжал ждать. Пока ученые спорили, комиссия размышляла, представители церкви требовали дополнительных доказательств, а эмигранты бросали друг другу обвинения, бранные останки последнего российского императора, его жены, трех дочерей и четырех верных престолу российских людей продолжали лежать на металлических столах в небольшой комнате на втором этаже екатеринбургского морга. Авдонин отказывается понимать, как такое возможно.

«Пока эта семья была жива, на нее клеветали, а затем с жестокостью умертвили, — говорит он. — На протяжении долгих лет они лежали в яме, и по ним ездили машины. И вот теперь их вытащили отсюда. Находка имеет величайшее историческое значение.

Эти останки должны были бы стать источником сплочения нашего народа, разъединенного революцией. Но они до сих пор вызывают раскол. Эти останки могли бы объединить церкви — нашу и зарубежную, но этого не происходит. Они могли бы объединить ученых, но все-таки и из этого ничего не вышло. Люди за границей не верят, Колтыпин, Щербатов и Магеровский только дают почву для различного рода дезинформации и домыслов. Все должно быть не так».

С момента эксгумации Авдонин добивался, чтобы то место, где были обнаружены останки, было объявлено заповедным. Его небольшой фонд «Обретение» пытается приобрести у местных властей землю, чтобы потом разбить тут парк и поставить памятник. Авдонин хотел бы установить каменный крест, мемориальную плиту и в конечном итоге, когда у него появятся деньги, часовню.

«Поймите, их плоть, их кровь по-прежнему здесь, в этой земле», — говорит он, указывая на разбросанный мусор, грязь и лужи мутной воды.

В ноябре 1894 года в Крыму скончался царь Александр III. И на всем пути, пока траурный поезд ехал по просторам Украины и России, крестьяне выходили к железной дороге и снимали шапки. В Харькове, Курске, Орле и Туле поезд останавливался и отправлялась церковная служба. В Москве гроб переставили на катафалк и доставили в Кремль. Серое ноябрьское небо было затянуто низкими тучами. В лица москвичей, пришедших проводить траурный кортеж, впились колючие снежинки. По пути в Кремль процессия несколько раз останавливалась и со ступенек десяти церковей провозглашалось моление. В Санкт-

Петербурге срочно задрапированные в черное придворные кареты уже поджидали на вокзале прибытия тела. На протяжении четырех часов кортеж медленно двигался через город к Петропавловскому собору, месту захоронения российских царей и императриц. По всему городу раздавались лишь приглушенная барабанная дробь, цоканье копыт, гроыхание металлических ободов колес и колокольный звон. Шестидесят один представитель августейших семейств со всей Европы, включая трех королей, прибыли в Петербург разделить семейное горе. Министры императорского правительства, командующие армией и флотом, губернаторы от провинции и 460 представителей больших и малых городов России приехали засвидетельствовать свою скорбь. На протяжении семнадцати дней тело императора было выставлено для прощания в открытом гробу, а мимо него вереницей тянулись десятки тысяч человек. 19 ноября 1894 года тело Александра III было предано земле.

Спустя неделю, лишь на пару дней сбросив с себя траур, без каких-либо торжественных приемов и церемоний, новый царь — двадцатилетний Николай II — женился на двадцатидвухлетней Александре Федоровне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АННА АНДЕРСОН

* * *

... смотрю — по тропе бегут опрёметью какие-то двое.

* * *

... Одному из бродяг было на вид лет семьдесят, а может, и больше: он был лысый, с седыми баками. На нем была старая, рваная шляпа, грязная синяя шерстяная рубаша, рваные холщовые штаны, заправленные в высокие сапоги...

... Другому бродяге было лет тридцать, и одет он был тоже неважно. После завтрака мы все легли отдохнуть, а из разговора первым делом выяснилось, что оба эти молодчика друг друга совсем не знают.

* * *

... — Господа, — очень торжественно начал молодой, — я вам открою мою тайну, я чувствую к вам доверие! По происхождению я — герцог!

Джим вытаращил глаза, услышав это; да и я, должно быть, тоже. А лысый сказал:

- Да что вы! Быть не может!

- Да-да! Мой прадед, старший сын герцога Бриджуотерского, в конце прошлого века бежал в Америку, чтобы дышать чистым воздухом свободы. Он женился тут и умер, оставив единственного сына; и почти в то же время умер его отец. Второй сын покойного герцога захватил титул и поместье, а младенец — настоящий наследник — остался в забвении. Я — прямой потомок этого младенца, я законный герцог Бриджуотерский, и вот я здесь — одинокий, лишенный своего высокого сана, гонимый людьми и презираемый холодным светом, в рубище, измученный, с разбитым сердцем — и принужден якшаться с какими-то жуликами на плоту!

Джиму стало очень его жалко, и мне тоже. Мы попробовали его утешить, но он сказал, что это бесполезно — утешить его невозможно; но если мы согласны признать его за герцога, это будет для него всего дороже и отраднее. Мы сказали, что согласны, пусть только он нас научит, как это сделать. Он сказал, что мы всегда должны обращаться к нему с поклоном и называть его «ваша светлость», «милорд» или «ваша милость»...

* * *

... Ну, все это было не трудно, и мы согласились.

* * *

... Зато старик надулся — совсем перестал разговаривать, и заметно было, что вся эта возня с герцогом ему очень не по вкусу.

* * *

... Вот немного погодя, после обеда, он и говорит:

— Послушайте-ка, герцог, мне, конечно, вас очень жалко, но только не вы один претерпели такие несчастья.

— Да?

— Да, не вы один. Не вам одному судьба жестоко дала по шапке.

— Увы!

— Да, не у вас одного имеется тайна рождения.

* * *

— Герцог, можете вы сохранить мою тайну? — говорит старик, а сам все рыдает.

— До могилы! — герцог взял старика за руку, пожал ее и говорит: — Скажите же мне тайну вашей жизни!

— Ваша светлость, я покойный дофин!

Ну, уж тут мы оба с Джимом вытаращили глаза. А герцог говорит:

— Вы... кто вы такой?

— Да, мой друг, это истинная правда — вы видите перед собой несчастного, без вести пропавшего дофина Людовика Семнадцатого, сына Людовика Шестнадцатого и Марии Антуанетты.

* * *

... Да, джентльмены, вы видите перед собой законного короля Франции, в синей холстине и в нищете, изгнанника, страждущего и презираемого всеми!

* * *

... Принялись было утешать его, как раньше утешали герцога, но он сказал, что это ни к чему, одна только смерть положит всему конец и успокоит его, хотя иногда ему все-таки делается как-то легче, если с ним обращаются соответственно его сану: становятся перед ним на одно колено, называют «ваше величество», за столом подают ему первому и не садятся в его присутствии, пока он не позволит.

Ну мы с Джимом и стали звать его «величеством», подавали ему то одно, то другое, и не садились, пока он сам не велит. Это ему очень помогло — он скоро совсем развеселился и утешился.

Зато герцог на него обиделся...

МАРК ТВЕН. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА
(ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО К. ЧУКОВСКОГО)

САМОЗВАНЦЫ

Загадочное исчезновение в июле 1918 года российской императорской семьи создало питательную почву для возникновения всякого рода заблуждений, мистификаций, обмана, притворства и откровенного надувательства. С тех пор на протяжении всего столетия возникала долгая, подчас живописная, а иногда жалкая, череда претендентов и самозванцев. Все их истории имеют одинаковое начало: среди екатеринбургских палачей якобы имелся некий человек (даже не один), сострадавший пленникам — на эту роль иногда прочили самого Юровского, — который тайком помог бежать одному или двум Романовым, а, возможно, и всей семье. Обычным мотивом почти в каждой такой истории была наивная вера в то, будто царь Николай II оставил после себя в одном из зарубежных банков целое состояние. Что касается заблуждения, то кто бы отказался от имени великого князя вместо того, чтобы в реальной жизни тянуть лямку узника Гулага, тренера конного спорта или даже знаменитого шпиона? Куда приятнее, когда в

тебе видят великую княжну, нежели фабричную работницу или шляпницу. Безусловно, в подобном маскараде как нигде нужна общественная поддержка. Долгие годы местное общество в городе Скотдейл, штат Аризона, украшал милейший человек по имени Алексей Николаевич Романов. Когда корреспонденту одной газеты из Феникса был задан вопрос — неужели жители Скотдейла и впрямь верили, будто человек, сидевший с ними за обеденным столом, действительно царевич, газетчик ответил: «Им так хотелось. Им самим так хотелось».

Эти легенды порождались, а затем и питались дезинформацией, устно, в газетах или по радио распространяемой ленинским правительством: Николай II казнен, но его жена и дети вне опасности; Алексей расстрелян вместе с отцом, о судьбе женщин Кремлю ничего не известно, они затерялись в хаосе гражданской войны. Советский нарком иностранных дел предположил, что дочери находятся в Америке. Этот поток дезинформации продолжался, как отметил следователь Соловьев, до тех самых пор, пока режим не ощутил себя достаточно прочным, чтобы во всеуслышание похваляться тем, что все, в том числе и дети, были замучены одновременно». А если учесть многочисленные изменения и поправки к этой истории, мало кто за пределами Советского Союза верил в то, что говорилось советским правительством.

Расследование Соколова и тот факт, что тела так и не были обнаружены, создавали почву для новых сомнений. Некоторые целиком и полностью разделяли убеждение Соколова, что все одиннадцать человек были убиты, а их тела уничтожены. Другие же, принимая находки в целом, не торопились с выводами. Третьи все безоговорочно отвергали. Русские эмигранты и западные газеты беспрестанно распростра-

ли слухи о том, что убийство якобы не более чем хитрая уловка. В 1920 году прошел слух, будто царя видели гуляющим по улицам Лондона. Волосы царя якобы были белы как снег. Согласно другой истории, Николая видели в Риме, где его приютил у себя в Ватикане сам папа римский. Или же рассказывали байки о том, будто вся семья отправилась в бесконечное плавание вдоль берегов Белого моря и отказывается сходить на землю.

Неразбериха по поводу гибели императорской семьи, множество взаимоисключающих версий, как в Советском Союзе, так и на Западе, неизбежно привели к тому, что случилось в дальнейшем. На протяжении десятилетий один за другим заявляли о себе все новые претенденты, выдававшие себя то за одного, то за другого из Романовых. Николай с Александрой не появились ни разу (хотя согласно одной версии они якобы бежали в Польшу), но все пять их детей порознь в то или иное время заявляли о своем существовании.

Советский Союз (а ныне Россия и другие страны СНГ) породили целый ансамбль лже-Романовых.

В 1920 году в Сибири появилась некая молодая женщина, по документам Надежда Ивановна Васильева, утверждавшая, что она и есть Анастасия. Она пыталась добраться до Китая, но была арестована и, сменив несколько тюрем в Нижнем Новгороде, Москве и Ленинграде, оказалась в Гулаге на одном из островов в Белом море. В 1934 году ее отправили в тюремный госпиталь в Казани, откуда она писала по-английски и по-французски письма королю Георгу («дяде Джорджу»), умоляя его о помощи. Во время своего недолгого пребывания в больнице она изменила свою историю, заявив, что является дочерью рижского купца. Васильева скончалась в психиатричес-

кой лечебнице в 1971 году, но по словам главврача казанской больницы, «за исключением ее утверждений, будто она и есть Анастасия, она была совершенно вменяема».

Не так давно Эдвард Радзинский проехал «день на поезде, день автобусом, день верхом» в отдаленную уральскую деревушку, жители которой утверждали, будто в далеком 1919 году приютили двух младших царских дочерей — Марию и Анастасию. Обе великие княжны, как было сказано Радзинскому, нашли приют у местного священника и жили вместе как монахини, «в жуткой нищете, в ежедневном страхе», до самой своей смерти в 1964 году. Жители деревни показали Радзинскому могильные плиты с надписями «Мария Николаевна» и «Анастасия Николаевна».

Сам Радзинский склонен до некоторой степени доверять рассказанной ему истории об одном бывшем узнике Гулага по имени Филипп Григорьевич Семенов, утверждавшем, будто он царевич Алексей. По словам видевших его, это был мужчина довольно высокого роста, несколько полный, с покатыми плечами, слегка сутулый, с длинным бледным лицом, голубыми или серыми слегка навывкате глазами и высоким лбом. Семенов служил кавалеристом в Красной Армии, изучал экономику в Баку и работал экономистом в Средней Азии. В 1944 году он оказался в психиатрической клинике, где ему в качестве диагноза поставили «острый психоз». Пока его допрашивали советские доктора, он, в отличие от последних, продемонстрировал поразительные знания об именах и титулах царской семьи, об императорских дворцах, о правилах придворного этикета и церемониях. У него также обнаружился крепторхизм, который, по словам осматривавшего его врача, якобы имелся у царевича. Гемофилия, судя по всему мало беспокоившая в годы службы

в красной кавалерии, по словам Радзинского, «вернулась к нему за два месяца до смерти».

История о Семенове привлекла внимание Владимира Соловьева и российской прокуратуры.

«Семенов был загадочной, весьма сомнительной личностью, — говорит Соловьев. — Его арестовали во время войны. Мужчинам, уходившим на фронт, выдавались деньги, и он эти деньги украл, сто тысяч рублей. Его приговорили к смерти, после чего он неожиданно вспомнил, будто он царевич. Его отправили в психиатрическую лечебницу, и таким образом он избежал смертного приговора. Семенов закончил на самой низшей ступеньке, подсобным рабочим в морге, перетаскивающим трупы».

У Радзинского имелась фотография Семенова, и тот, по мнению драматурга, имел сходство с тринадцатилетним царевичем. По мнению других, ни о каком сходстве не могло быть и речи.

У Александра Авдонины есть несколько толстых папок с письмами и фотографиями, присланными «детьми», а затем и «внуками» Николая II. Перебирая их, он замечает: «Это Алексей, а это его дочь, а это Мария Николаевна, а вот это дочь Ольги Николаевны, одна из двух ее дочерей, а вот Анастасия... А вот дочь Анастасии, а вот другая Анастасия, а вот ее внук».

Авдонин не насмехается над этими людьми, ведь они писали ему главным образом жалобные письма, и он им сочувствует: «Жаль, что мы не можем позволить себе провести анализы крови или ДНК у всех претендентов, — говорит он. — Тогда они смогли бы наконец узнать, кто же они такие».

В Европе появились свои претенденты на роли Романовых. Некая женщина по имени Марго Боадте,

живущая в Италии на вилле у озера Комо, объявила, будто она старшая дочь царя великая княжна Ольга, а средства, на которые она живет, якобы получены ею от папы римского и бывшего кайзера.

Другую «дочь, великую княжну Татьяну», якобы вывезли из Сибири на аэроплане агенты британской разведки. Они доставили ее во Владивосток, а оттуда на японском линкоре переправили через Тихий океан в Канаду, а оттуда, в свою очередь, через Атлантический океан в Англию, куда она и прибыла будто бы спустя месяц после екатеринбургского кровопролития. Еще одна история повествует о другой «Татьяне» — стамбульской проститутке, исполнительнице танца живота, которую вызволил из бедственного положения некий британский офицер, женившись на ней. Эта женщина, Лариса Федоровна Тюдор, умерла в 1927 году и похоронена на одном из кладбищ в Кенте.

Ходили слухи, будто третья дочь царя, Мария, бежала в Румынию, где вышла замуж и родила дочь по имени Ольга-Беата. Та, в свою очередь, родила сына, который впоследствии поселился в Мадриде под именем князя Алексея д'Анжу де Бурбона-Конде Романова-Долгорукого. В 1994 году этот князь провозгласил себя «его императорским и королевским величеством, наследным великим князем и цесаревичем российским, королем украинским и великим князем киевским». В 1971 году семья Долгоруких и Бельгийская ассоциация потомков русского дворянства подали в суд на «князя Алексея», обвинив его в том, что на самом деле он бельгийский гражданин по имени Алекс Бримейер. Суд приговорил Бримейера-Долгорукого-Романова к восемнадцати месяцам тюрьмы. В 1995 году он скончался в Испании.

После второй мировой войны «цесаревич Алек-

сей» объявился в Германии, в городе Ульм. Этот претендент, по собственному признанию, служил майором в советских военно-воздушных силах, дожидаясь момента, когда ему подвернется возможность бежать из Советского Союза. Оказавшись в Ульме, он несколько лет работал техником на одном из заводов, держа в секрете свое истинное имя до самого последнего момента.

Другие цесаревичи объявились в Северной Америке. Миссис Сандра Романова из Ванкувера, штат Британская Колумбия, полагает, что ее скончавшийся в 1977 году от лейкемии супруг, Алексей Таммет-Романов, приходился царю сыном. Она согласна эксгумировать его тело и провести анализ ДНК.

На протяжении тридцати лет в Скотсдейле, штат Аризона, до самой своей кончины в 1986 году жил пышущий здоровьем князь Алексей Романов. Этот царевич-предприниматель был владельцем парфюмерно-ювелирного магазина, а заодно торговал водкой «Алексей». Согласно этикетке, она производилась «по специальному заказу князя Алексея Романова, прямого потомка царя Николая Романова, государя всея Великой, Малой и Белой Руси». Князь Алексей вел бурную жизнь, крутил романы с кинозвездами, пять раз был женат и заработал себе репутацию заядлого игрока в поло. Поло — спорт для настоящих мужчин. По признанию «князя», на протяжении сорока лет он одиннадцать раз получал переломы костей. Его пятая, и последняя, жена влюбилась в него, когда впервые увидела «князя» гарцующим на лошади.

«Это самый элегантный наездник из виденных мною, — заявила она. — Они с лошадью смотрятся как единое целое. Когда он гарцевал на площадке рядом с «Хилтоном», машины не могли проехать, потому что собиралась толпа желающих поглазеть.

Совсем недавно в Вашингтоне появился еще один «сын царевича Алексея», утверждающий, будто его отец пал от рук КГБ в Чикаго. Он также говорит, что имел тайную встречу с вице-президентом Дэном Куэйлом и Госсекретарем Джеймсом Бейкером и те якобы сказали ему: «Нам известно, кто вы такой. Будьте наготове».

В начале шестидесятых годов в США объявились еще два претендента, которым удалось привлечь к себе внимание общенациональных газет и крупных издательств. В конечном итоге они встретились. Один оказался «Алексеем», другая — «Анастасией».

1 апреля 1958 года американский посол в Берне получил написанное по-немецки анонимное письмо с почтовым штемпелем Цюриха. Его автор, называвший себя старшим офицером контрразведки одной из стран советского блока, предлагал американскому правительству свои услуги и просил передать это письмо директору ФБР Дж. Эдгару Гуверу. На протяжении двух лет этот агент под кодовым именем Хекеншютце (что по-немецки значит «меткий стрелок», «снайпер») передал ЦРУ более двух тысяч микрофильмов с секретными документами. Не желая раскрывать свое имя и страну, этот шпион помог разоблачить нескольких агентов, внедренных КГБ в западные правительства и секретные службы, таких как Стиг Веннерстрем, Джордж Блейк, Гордон Лонсдейл, Израиль Беер, Хайни Фельфе и Джон Вассал.

Загадка имени этого секретного агента, казалось, разрешилась в декабре 1960 года, когда в американское консульство в Западном Берлине позвонил некий мужчина и по-английски заявил, что он и есть Хекеншютце. Сообщив, что его жизнь в опасности,

он добавил, что готов перейти на их сторону. На Рождество Хекеншютце перешел в Западный Берлин. Это был крепкий темноволосый человек с голубыми глазами, выступающей нижней губой и пышными гвардейскими усами. Перебежчик назвал себя и представил документы. Судя по ним, это был подполковник Михаил Голеневский, старший офицер польской военной разведки. Позднее Голеневский рассказывал:

«С 1957 по 1960 год я возглавлял научно-технический отдел польской секретной службы. Этот пост давал мне возможность выезжать из страны, что было крайне важно для моей подрывной деятельности. У меня были тесные связи с влиятельными людьми из КГБ, хотя сам я не принадлежал к этой организации».

Один офицер американских разведслужб поясняет: «Голеневский служил в польской военной разведке. Однако в то же время русские наняли его, чтобы он следил за деятельностью всех польских разведслужб, а также за государственными деятелями в Польше и на Западе».

Полковник Голеневский был крайне неприятно удивлен оказанным ему приемом. Он ожидал, что его встретят агенты ФБР. На протяжении всех двух лет службы он полагал, что имеет дело непосредственно с эфбээровским директором Эдгаром Гувером. И хотя ему было известно, что, согласно закону, за всю разведдеятельность за пределами США отвечает ЦРУ, Голеневский намеренно стремился не вступать в контакт с этой службой, поскольку пребывал в убеждении, что она нашпигована агентами КГБ. Его намеренно держали в заблуждении относительно сотрудничающих с ним партнеров: все отсылаемые ему сообщения заканчивались подписью «Гувер». Тем

не менее поджидавшие его в Берлине агенты оказались людьми ЦРУ. Полковнику Голеневскому так и не довелось лично встретиться с директором ФБР. Самое близкое к Гуверу место, куда он все-таки попал, — это здание ФБР в Вашингтоне, в котором ему показали экспонаты Диллинджера, Бонни и Клайда, витрину, посвященную криминалистике и дактилоскопии, и несколько портретов и фотографий Дж. Эдгара Гувера.

21 января 1961 года Голеневский самолетом ВВС США прибыл из Германии в Америку. Он получил от правительства Соединенных Штатов право на трудоустройство и денежное пособие и почти три года проработал по контракту с офицерами ЦРУ, описывая применяемые коммунистическими странами методы сбора разведанных данных и проведения операций, а также помогая выявлять коммунистических агентов в разных странах Запада. 30 сентября 1961 года у него состоялась часовая встреча с директором ЦРУ Алленом Даллесом. Агентство тогда еще не переехало в свою новую штаб-квартиру в Лэнгли и единственное, что запомнилось гостю, это то, что Даллес был озабочен отсутствием в своем новом рабочем кабинете достаточного свободного места для размещения по стенам его богатой коллекции трубок. Разговор, по словам Голеневского, оказался туманным и уклончивым. Поскольку польское правительство, узнав о предательстве Голеневского, заочно приговорило его к смерти, ЦРУ поселило своего нового сотрудника в охраняемой квартире в Нью-Гарденс, в Квинсе. А для того чтобы обеспечить Голеневскому надежное прикрытие в виде американского гражданства, агентство было вынуждено улаживать этот вопрос с комитетом конгресса по вопросам иммиграции.

«Бенефициарий* Михаил Голеневский, уроженец и гражданин Польши, родился 16 августа 1922 года в Несвиже, — докладывало ЦРУ на заседании подкомитета палаты представителей. — Он прослушал трехлетний курс права в Познаньском университете. В 1956 году Варшавским университетом ему было присвоено звание магистра в области политологии. Голеневский в 1945 году вступил в польскую армию и в 1955 году получил звание подполковника».

10 июля 1963 года был принят закрытый билль за номером 5507. В нем говорилось, что «бенефициарий Голеневский, сорокалетний уроженец и гражданин Польши, получает от американского правительства право постоянного проживания в Соединенных Штатах и трудоустройства. Его услуги Соединенным Штатам сочтены представляющими исключительную важность». Билль получил одобрение обеих палат конгресса, и Михаил Голеневский превратился в гражданина США. На этом, однако, дело не закончилось. В какой-то момент своей трудовой деятельности в ЦРУ Голеневский поведал своим новым коллегам еще одну историю. Голеневский, по его собственным словам, выбрал это имя в качестве прикрытия, пока жил в Польше и работал на польскую разведку. Его истинный титул, заявил перебежчик — великий князь Алексей Николаевич Романов; то есть он не кто иной, как российский цесаревич, якобы погибший, согласно официальной версии, в Екатеринбурге.

По версии Голеневского, Юровский, вместо того чтобы расстрелять в подвале всю царскую семью, помог им бежать. Он сопровождал их, переодетых нищими беженцами, до самой границы. Проски-

* Бенефициарий — лицо, получающее пенсию, страховую премию или пособие, ренту и т. п. (*прим. ред.*)

тавшись несколько месяцев по Турции, Греции и Австрии, они добрались до Варшавы. Почему до Варшавы?

«Мой отец все хорошенько обдумал, — заявил Голеневский. — Он выбрал Польшу, потому что там в городах и на крестьянских подворьях живет много русских. Он считал, что мы легко смешаемся с местным населением и не привлечем к себе внимания. Он сбрил бороду и усы, и никто его не узнал. В 1924 году мы переехали из Варшавы в небольшую деревушку под Познанью, то есть поближе к германской границе».

В тот же самый год, утверждал Голеневский, скончалась его мать, императрица Александра, и царь послал Анастасию в Америку, в Детройт, чтобы она сняла в банке их деньги. Анастасия в Польшу так и не вернулась. В конечном итоге Ольга и Татьяна переехали в Германию. На протяжении второй мировой войны Николай, Алексей с сестрой Марией оставались поблизости от Познани, и царь даже какое-то время принимал участие в движении Сопротивления. Голеневский вырос в Познани. В 1945 году, после войны, друзья помогли ему вступить в Войско Польское и он начал свою карьеру в разведке. В 1952 году, в возрасте восьмидесяти четырех лет скончался Николай II. На тот момент, когда он перешел на сторону американцев, заявил Голеневский, все его четыре сестры были живы и он находился с ними в контакте.

Сразу возникали два вопроса: каков истинный возраст Голеневского и в каком состоянии пребывает его гемофилия. Голеневский заявил ЦРУ и конгрессу США, что родился в 1922 году (в то время как цесаревич родился в 1904-м). Разницу в 18 лет не так-то легко скрыть, и в 1961 году на вид Голеневскому

скорее можно было дать его тридцать девять, нежели пятьдесят семь. Но у него нашлось объяснение. Его гемофилию якобы подтвердил доктор Александр С. Винер* из Бруклина, один из первооткрывателей резус-фактора. Свой молодежавый вид Голеневский приписал замедленному развитию в юности, кстати, также следствию болезни — по его словам, гемофилия стала причиной того, что его детство «растянулось вдвое».

Признавшись в своем августейшем происхождении, полковник Голеневский уже приготовился получить причитающееся ему наследство. «После войны с Японией, — заявил он, — мой отец начал размещать деньги в западных банках».

В Нью-Йорке Голеневский назвал «Чейз-Манхэттен», «Морган-Гаранти», «Дж. П. Морган энд К^о», «Ганновер и Мэньюфекчерерс Траст»; — в Лондоне — «Английский банк», «Бэринг Бразерс», «Барклейз-банк» и «Ллойдз-банк»; в Париже — «Французский Банк» и «Банк Ротшильда»; в Берлине — «Банк Мендельсона».

«Общая сумма равняется 400 тысячам долларов только в Соединенных Штатах, — заявил Голеневский. — И почти в два раза больше в других странах. Я не стану требовать все до последнего цента, а просто ограничусь достаточной суммой. Если же я не смогу добиться этих денег, то обращусь в суд, и тогда всплывут кое-какие важные имена».

* Доктор Винер скончался много лет назад, и все его папки исчезли. Один из его коллег, доктор Ричард Розенфилд, сказал: «Я вовсе не уверен, что Винер был достаточно компетентен, чтобы поставить такого рода диагноз. Это была совершенно не его область знаний. В клинической медицине он хватался за все, но как правило оказывался некомпетентен, за исключением определения группы крови — тут ему, можно сказать, не было равных».

Заявления Голеневского о том, что он якобы не кто иной, как цесаревич, ошарашило ЦРУ. Он настаивал, чтобы к нему обращались не иначе как «великий князь». «Алексей» оказался человеком донельзя вспыльчивого нрава. Шеф ЦРУ Даллес поспешил отречься от своего бывшего агента. Когда его спросили, что он думает о заявлениях Голеневского, Даллес отвечал: «Эта история может оказаться правдивой, а может и нет. И я не желаю дальше обсуждать эту тему».

В конце концов было принято решение: какими бы ценными ни оказались для ЦРУ услуги Голеневского, агентство не вправе позволить себе поддерживать его притязания на царское наследство. В конце 1964 года агентство отправило Голеневского на пенсию и прекратило с ним какие бы то ни было контакты.

Оглядываясь назад, на отношения ЦРУ и Голеневского, один из бывших старших офицеров агентства, ныне находящийся в отставке, вспоминает, что дважды встречался с перебежчиком-поляком: «Я пошел посмотреть, смогу ли хотя бы как-то утихомирить бурю. Бесполезно. У него явно были не все дома. Но скажу только одно — переданные им сведения нам весьма и весьма пригодились. Это вовсе не походило на плод больного воображения. Ценнейшая информация». Был ли Голеневский, как о нем писала «Нью-Йорк Таймс», наиболее продуктивным агентом за всю историю ЦРУ? — «Нет, это просто преувеличение. Однако с его помощью мы, действительно, четко выявили подсадных уток. И это привело к нескольким серьезным арестам».

Во время последних месяцев работы в ЦРУ Голеневский привлек к себе внимание прессы. На протяжении трех лет его историю пытались не допустить

на страницы газет, но когда закрытый билль о предоставлении ему гражданства проделал путь на Капитолийский Холм, подкомитет конгресса, ответственный за принятие решения, потребовал от ЦРУ, чтобы перебежчик предстал для допроса.

«Мы желаем видеть живого человека, — заявил председатель подкомитета.

Бывший шпион расвирепел и обратился к прессе. Его с удовольствием выслушал репортер «Нью-Йорк Джорнэл» Гай Ричардс. Он застал Голеневского расшагивающим взад-вперед по квартире. По словам Ричардса, поляк-перебежчик был крепким сорокалетним мужчиной привлекательной наружностью, своими манерами напоминавшим голливудского шпиона.

Тем временем Голеневский дважды получал повестку предстать перед закрытым заседанием сенатского подкомитета по внутренней безопасности, однако ни разу туда не явился. После нескольких переносов заседания подкомитет решил, что ему не стоит сажать Голеневского в свидетельское кресло. Вместо этого Джей Сауэрвайн, советник комитета, опросил свидетелей из Госдепартамента — все они без исключения дали показания о том, что предоставляемая Голеневским информация неизменно отличалась точностью и актуальностью. Сауэрвайн заявил, что самого Голеневского не допрашивали, поскольку он настаивал на том, что в первую очередь должен дать показания относительно своей личности. Сенаторы якобы сочли, что это было бы недопустимо.

Расстроенный тем, что сенат отказался выслушать его свидетельские показания, Голеневский вскоре оказался в эпицентре еще одной бури. 30 сентября 1964 года, за несколько часов до рождения дочери Татьяны, он женился на тридцатипятилетней Ирм-

гардт Кампф, немецкой протестантке, с которой жил в незарегистрированном браке. В брачном свидетельстве и церковном журнале регистрации он расписался как Алексей Николаевич Романов, сын Николая Александровича Романова и Александры Федоровны Романовой, урожденной фон Гессе. Дату рождения он записал как 12 августа 1904 года, место рождения — Петергоф, Россия. На бракосочетание из Германии приехали две пожилые женщины, которых он представил как своих сестер «Ольгу и Татьяну». Таинство свершил — между прочим, в квартире самого Голеневского — протопресвитер Синода епископов зарубежной Русской православной церкви граф Георгий Граббе, священник весьма высокого ранга, более известный как отец Георгий (отец Георгий приходился племянником генерал-майору Александру Граббе, командующему казаками личной охраны царя Николая II). В тот же день была сделана фотография, на которой изображен усатый Граббе, восседающий рядом с беременной невестой, женихом и двумя «сестрами», чье сходство с великими княжнами — даже если принять во внимание прожитые десятилетия — представлялось крайне сомнительным.

Буря разыгралась не столько вокруг самого Голеневского, чьи притязания на роль цесаревича уже давно были всем русским эмигрантским обществом признаны «абсурдными», «возмутительными» и «дурацкой фабрикацией большевиков», — сколько вокруг отца Георгия. На священника обрушились обвинения русско-американской прессы. Церковное начальство Граббе запретило ему крестить новорожденную Татьяну. Он был вынужден снова и снова повторять, что фамилия Романов — одна из самых распространенных в России, и как священник он не имел права отказать в таинстве людям, имевшим на

это полное право, ведь Голеневский вполне мог быть совершенно другим Алексеем Николаевичем Романовым, и что совершение брачного обряда ни в коей мере не свидетельствует о признании церковью притязаний жениха.

В то время доводы отца Георгия показались многим неубедительными, особенно когда злопыхателям стало известно — благодаря трем газетным колонкам в «Америкэн Джорнэл», написанным якобы самим полковником Голеневским, — что прежде чем дать согласие на совершение обряда, отец Георгий пять раз посещал Голеневского в его квартире в Квинсе. В результате подобных поступков от Граббе потребовали, чтобы он вышел из всех русских эмигрантских организаций, и в течение некоторого времени с ним никто не разговаривал.

Через тридцать лет отец Георгий, к тому времени епископ, находившийся уже на пенсии, объяснил, почему он тогда поступил именно таким образом. 30 сентября 1964 года примерно в пять утра ему позвонил Голеневский и сказал, что его жена вот-вот должна родить ребенка и что у него уже имеется брачное свидетельство. Отец Георгий отправился домой к Голеневскому, где поджидала супружеская пара и какой-то газетчик по имени Роберт Спеллер. Голеневский протянул священнику брачное свидетельство на имя Алексея Николаевича Романова и судебное постановление, в котором говорилось, что податель сего сменил свое имя с Михаила Голеневского на Алексея Романова.

«Я мог бы уйти, — признался епископ Георгий. — Видимо, так и стоило сделать. Но при данных обстоятельствах у меня просто не было выбора. Когда на свет вот-вот должен появиться внебрачный ребенок, на священника ложится ответственность. Его супруга

затем тотчас отправилась в больницу Манхэссет, где и родила».

Спустя много лет родившаяся в тот день девочка написала епископу Георгию письмо с просьбой помочь ей отыскать отца.

«Я не ответил ей, — говорит он теперь. — Я не хотел больше связываться с этой историей».

Нрав Голеневского и состояние его душевного здоровья все ухудшались. Он оборвал любые связи со всеми знакомыми ему американцами, заявив при этом: «Я больше в вас не нуждаюсь!».

Голеневский также обвинил Гая Ричардса в «преступной клевете». Претендент на роль Алексея по-прежнему жил в своей квартире в Квинсе на пенсию американского правительства, которая, как он жаловался, составляла всего пятьсот долларов в месяц, то есть равнялась пенсии любого польского полковника в отставке. В 1966 году он начал сочинять открытые письма на имя директора ЦРУ, Генерального прокурора Рамсея Кларка, в Американский Союз гражданских свобод и в Международный Красный Крест.

«Я более не в состоянии вносить ежемесячную квартплату за предоставленную мне ЦРУ квартиру, — жаловался он. — Я лишен столь необходимой мне, но дорогостоящей медицинской помощи. Я лишен каких бы то ни было возможностей выразить свое мнение через свободную прессу».

Он потребовал пятьдесят тысяч долларов в качестве возмещения за неуплату жалованья и сто тысяч долларов в качестве компенсации за оставленную в Польше собственность.

В семидесятые годы полковник Голеневский издавал у себя дома ежемесячный бюллетень под названием «Двуглавый Орел», посвященный национальной независимости и безопасности Соединенных

Штатов и сохранению христианской цивилизации. В этом бюллетене он величал себя не иначе как «его императорское величество, наследник российского императорского престола, цесаревич и великий князь Алексей Николаевич Романов, августейший атаман и глава русского императорского дома Романовых, рыцарь ордена Святого Андрея Первозванного, Святого Георгия, Святого Иосифа и прочая, прочая». Бюллетень насчитывал двадцать страниц, густо заполненных машинописными строчками и без всяких абзацев — сплошная лавина обвинений в адрес «лондонских евреев-банкиров», «заворовавшихся аристократов», «казнокрадов», «главарей банд» и «международных рэкетиров» и «каннибалов-узурпаторов». Согласно заявлениям полковника Голеневского, Рокфеллеры были «самыми отъявленными мошенниками за всю историю», а в переделанном будто бы им ЦРУ в 1961 году списке советских агентов значится университетский профессор по имени Генри Киссинджер.

В 1981 году Русская зарубежная православная церковь канонизировала всех ближайших членов последнего императорского семейства, включая царевича Алексея. Эта церемония, возможная только в том случае, если (как считала церковь) в числе принявших мученическую смерть были все члены царской семьи, вызвала бурю негодования со стороны полковника Голеневского. Он заявил, что зарубежная церковь, стоявшая на ярых антикоммунистических позициях, «нашпигована агентами КГБ» с тем, чтобы осуществить заговор, цель которого — лишить его, Голеневского, законного наследства. Впоследствии Голеневский немного поутих. В августе 1993 года некий бывший офицер польской разведки написал в одну из польских газет, что 12 июля 1993 года в Нью-Йорке

скончался его бывший коллега Михаил Голеневский. Центральному разведывательному управлению США неизвестно, что стало с его бывшим агентом Хекеншютце.

18 октября 1963 года обложку журнала «Лайф», крупнейшего и наиболее читаемого еженедельного издания США, украсило фото Николая II и его пяти детей. Заголовок гласил: «Новая Анастасия. Может ли женщина из Чикаго оказаться царской дочерью?». Внутри на десяти страницах «Лайф» цитировал недавно вышедшую книгу «Анастасия. Автобиография российской великой княжны». Ее автор подводил итог жизни некой женщины, называвшей себя Евгенией Смит. На протяжении сорока лет эта женщина жила в Иллинойсе, последние семнадцать — в качестве постоянной приживалки-гостьи одной зажиточной дамы, миссис Уильям Эмери, семья которой владела фирмой по выделке кож. Миссис Эмери была убеждена, что ее приживалка не кто иная, как великая княжна Анастасия. Миссис Эмери брала ее с собой в путешествия по Европе и неизменно 18 июля в торжественной обстановке отмечала день ее рождения как день рождения Анастасии. Миссис Смит прожила с миссис Эмери с 1945-го по июнь 1963 года. Получив от своей благодетельницы наследство, она переехала в Нью-Йорк, где начала готовить к публикации свою книгу.

Живя в Иллинойсе, миссис Смит не пользовалась особым вниманием прессы и публики. Она не получила абсолютно никакой поддержки от местного представителя Романовых, хотя виновата в этом была сама. Когда по штату пронесся слух, будто в Элмхарсте живет великая княжна Анастасия, выяснилось,

что в Чикаго проживает племянник Николая II, князь Ростислав. Князь развелся со своей женой, Александрой, которая вторично вышла замуж за банкира Лоренса Армура. Миссис Армур прослышала, что поблизости, в Эмихарсте, живет какая-то родственница ее бывшего мужа. Она позвонила миссис Смит и пригласила ее на ленч. В числе гостей, сказала она, будет и ее бывший муж, князь Ростислав, которому не терпится поскорее встретиться со своей кузиной Анастасией, подругой его детских игр и забав. Трижды посылала миссис Армур свое приглашение, и каждый раз у миссис Смит то болела голова, то находился другой повод отклонить приглашение — она якобы слишком нервничает из-за предстоящей встречи с кузенком.

Когда Евгения Смит впервые принесла свою рукопись в нью-йоркское издательство «Роберт Спеллер и сыновья», то не стала утверждать, будто она и есть великая княжна Анастасия. Вместо этого она заявила, будто является подругой детства великой княжны, умершей в 1920 году. Перед смертью та якобы доверила ей свои записки. Вскоре после этого миссис Смит внесла поправки в свою историю — теперь она сама превратилась в великую княжну, заявив, что сумела бежать из Екатеринбурга и России в Румынию. В октябре 1918 года — то есть спустя три месяца после екатеринбургской бойни — она вышла замуж за хорватского католика, — Марьяна Сметиско. Их единственный ребенок, девочка, умерла во младенчестве. В 1922 году муж дал ей свое согласие на переезд в Америку — в иммиграционных документах того года она значится как Евгения Сметиско. Евгения приплыла в Нью-Йорк, затем на какое-то время задержалась в Детройте и наконец обосновалась в Чикаго. Через несколько лет брак ее распался и она

Романовы

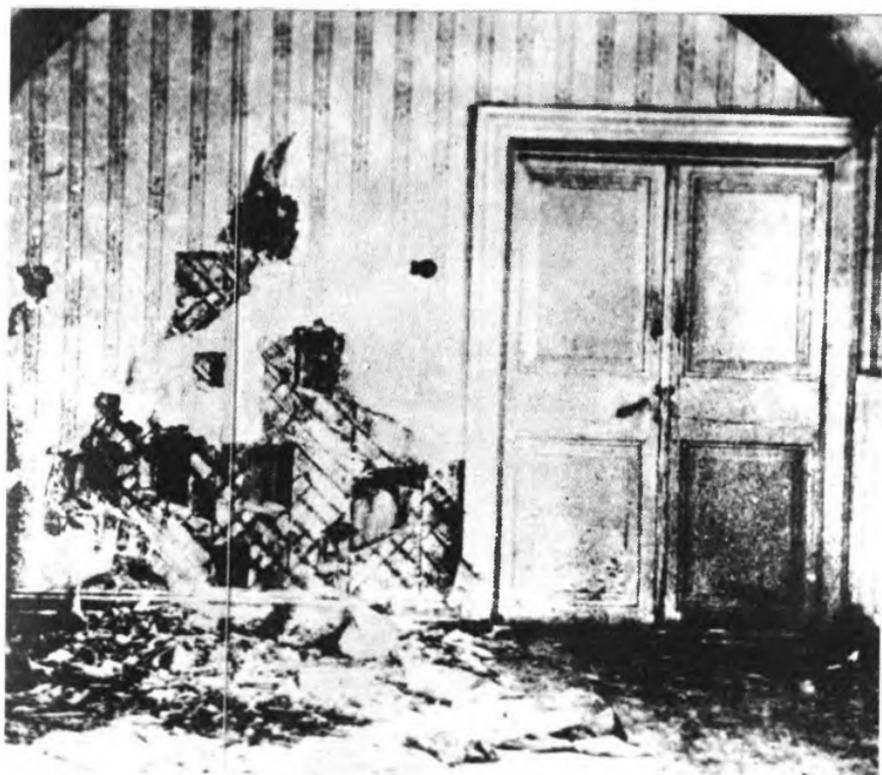
Яков Юровский — руководитель расстрела царской семьи

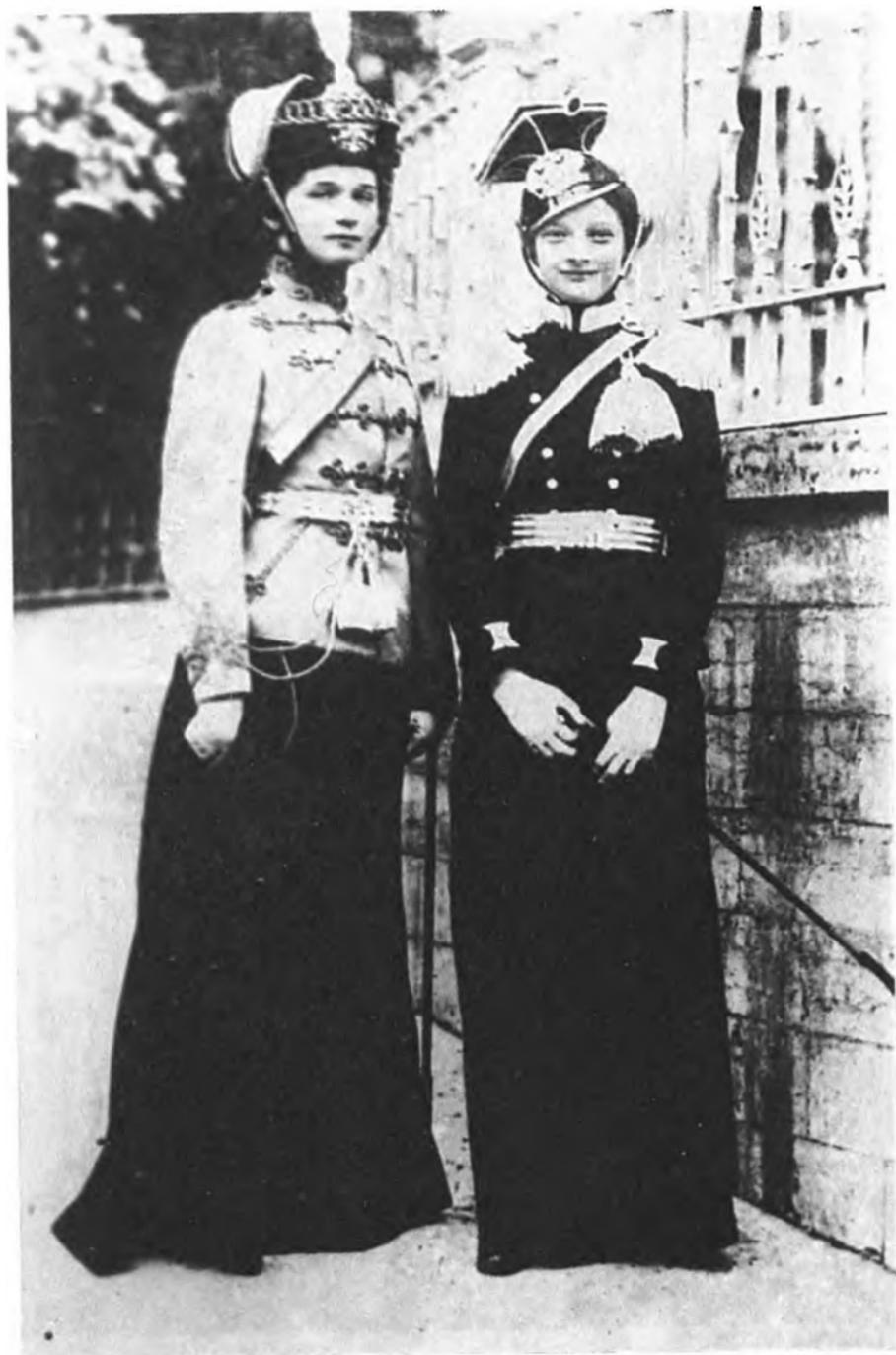
Дом купца Ипатьева

Череп императрицы (слева) и двух ее дочерей

Для казни Романовых убийцы избрали подвальное помещение ипатьевского дома

Ольга и Татьяна Романовы — старшие дочери царя

Императрица Александра Федоровна

Николай II со своим сыном Алексеем

Великая княгиня Анастасия

подрабатывала то продавщицей, то манекенщицей, то шляпницей, то бралась торговать духами. Во время второй мировой войны она получила американское гражданство и работала на оборонном заводе, а после войны поселилась в доме миссис Эмери.

«Лайф» представил ее историю как загадку, все еще требующую своего разрешения, и привел доводы за и против. Специально приглашенный журналом специалист по детекторам лжи допрашивал миссис Смит на протяжении тридцати часов, после чего объявил, что у него есть все основания верить, что это действительно Анастасия. Два антрополога, сравнив фотографии Анастасии и миссис Смит, заявили, что на снимках изображены разные женщины. Графолог, изучив образцы почерков, поддержал антропологов. Княгиня Нина Чавчавадзе, кузина, подруга детских лет Анастасии, близко знавшая ее до тринадцатилетнего возраста, встретившись с миссис Смит, пришла к выводу, что та — просто мошенница. Татьяна Боткина, дочь лейб-медика Николая II, погибшего вместе с царской семьей, прочитав сочинение миссис Смит, составила список характерных ошибок и неточностей объемом в двадцать страниц; кроме того, она указала на поразительное сходство между некоторыми абзацами в ее собственной книге об императорской семье и в опусе миссис Смит. Журналу «Лайф» по адресу, указанному в иммиграционных документах, удалось разыскать хорвата по имени Марьян Сметиско, однако тот заявил, что никогда не знал никакой Евгении и никогда не был ни на ком женат, кроме своей нынешней жены.

Через два месяца после публикации в «Лайфе» на пороге квартиры Евгении Смит объявился Михаил Голеневский. В то время Голеневский все еще находился под крылышком у ЦРУ, и никто в Америке,

вне стен разведывательного управления и ФБР и слыхом о нем не слыхивал.

28 декабря 1963 года он позвонил издателю миссис Смит и попросил устроить с ней встречу. Голеневский не стал называть свое настоящее имя, а представился как мистер Борг. Миссис Смит ответила согласием, и 31 декабря состоялась встреча между обоими претендентами, предположительно братом и сестрой. Голеневский заявил, что целых два года пытался добиться от ЦРУ, чтобы там ему оказали помощь в розыске живущей в Америке сестры. Он вкратце пересказал ей свою жизнь и просветил насчет остальных членов семьи: «Твоя сестра Мария живет в Варшаве... Мама умерла в Варшаве... В 1952 году я сам похоронил нашего отца. Это был добрый русский человек... Из-за болезни мое детство затянулось вдвое...»

Миссис Смит сначала сидела и слушала, а затем разразилась восклицаниями: «Он знает! Он все знает! Это мой брат Алексей! Мой дорогой! Мой дорогой!».

За этой трогательной встречей в ближайшие несколько недель последовали еще три, и все это время миссис Смит называла Голеневского не иначе, как «мой брат Алексей». Однако идиллию взаимоотношений нарушал один неудобный факт — в своей книге миссис Смит утверждала, что ей одной из всех Романовых удалось избежать екатеринбургского кровопролития. Ее издатель указал ей на то, что публичное признание этого человека братом потребует от миссис Смит и признания в том, что она говорила не всю правду. Миссис Смит отказалась изменить свою историю, и в результате отношения «брата и сестры» заметно ухудшились. Михаил Голеневский и Евгения Смит больше не виделись друг с другом, однако он по-прежнему утверждал, что это его сестра Анаста-

сия. Позднее он заявил, будто она умерла в Нью-Йорке в 1981 году.* По его словам, ее нашли убитой, после того как у нее побывали весьма влиятельные люди — двое из них были Рокфеллеры.

Все женщины, пытавшиеся выдать себя за великую княжну Анастасию, тотчас натыкались на опровержения родственников, уличавших их в неточностях, антропологов, измерявших им черепа, графологов, изучавших их почерки. Мужчин, пытавшихся выдать себя за царевича Алексея, поджидало куда более трудное испытание. Единственный сын Николая страдал гемофилией. Это наследственная неизлечимая болезнь, которая передается от матери сыновьям. Любая шишка или синяк, приводящие к подкожному разрыву сосуда, могут вызвать медленное истечение крови в окружающие ткани. Вместо того чтобы быстро свернуться, кровь будет и дальше сочиться, приводя к образованию опухоли или гематомы, иногда размером с апельсин или грейпфрут. Тогда еще не существовало переливания крови или отдельных ее составляющих, применяемых для остановки кровотечения. В конце концов кожа и ткани набухали, давление на поврежденный сосуд увеличивалось, кровотечение стихало и образовывался сгусток. Затем на протяжении нескольких недель происходит процесс обратной абсорбции, и кожа из блестящей и фиолетовой становится зеленовато-желтой. Обыкновенная царапина на пальце не представляла опаснос-

* На самом деле Евгения Смит была жива еще в 1995 году и проживала в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Когда ее спросили, не желает ли она сдать кровь для сравнения ее ДНК с ДНК императрицы Александры и трех великих княжон, она отказалась.

ти. Мелкие порезы и ссадины на поверхности тела излечивались при помощи давящей повязки или тугого бинтования — сосуды пережимались, и ранки постепенно затягивались. Исключение составляли кровотечения в полости рта или носа — то есть там, где невозможно было наложить давящую повязку.

Однако самые страшные последствия мучавшей Алексея болезни проистекали из кровотечения в суставы. То, что кровь наполняла тесные пространства сумки локтевого, коленного или голеностопного сустава, приводило к давлению на нервные окончания, вызывая нестерпимую боль. Иногда причина травмы была очевидной, иногда — нет. Так или иначе, Алексей, проснувшись поутру кричал: «Мама, сегодня я не могу ходить!» или «Мама, у меня не гнется локоть!». Поначалу, пока конечность сгибалась и в суставе оставалось достаточное пространство, куда могла бы стекаться жидкость, еще можно было терпеть. По мере наполнения сустава кровью боль возрастала. Когда она заслоняла собой все на свете, Алексей начинал кричать: «Мама, помоги мне! Помоги мне!». И тогда призывались доктора, накладывался лед, произносились молитвы. И ничего не помогало. Именно по этой причине к Александре как-то раз привели сибирского крестьянина Григория Распутина, наделенного якобы чудодейственной силой исцелять своей верой.

Каждое новое кровотечение наносило все больший вред организму. Попадая внутрь сустава, кровь оказывала поражающее воздействие, разрушая костную, хрящевую и мягкие ткани. Строение кости менялось, и конечность оставалась в согнутом положении. И не существовало никакого другого лечения, кроме как покой и терпение, пока гематома не рассосется. Лучшей терапией являлись физические

упражнения и массаж, однако одновременно возрастал риск повторного кровотечения. Когда Алексею исполнилось пять лет, к нему приставили двух матросов, которым вменялось в обязанность денно и нощно охранять цесаревича. Во время болезни они носили его на руках. Многие фотографии и киноленты тех лет, запечатлевшие дворцовые церемонии Николая II, изображают царя и императрицу — вот они идут, кланяются, а вслед за ними рослый матрос несет красивого шести-, восьми-, десятилетнего мальчика.

Когда же произошла революция, этой защиты не стало. Один из дядек-матросов дезертировал, другого в конечном итоге арестовали и расстреляли. В течение первых семи месяцев заключения, пока семья жила в Тобольске, Алексей чувствовал себя прекрасно. Но затем, в апреле, желая дать выход накопившейся энергии, он затащил санки на верхнюю площадку лестницы и съехал вниз по ступенькам. Он ушибся, и у него началось кровотечение в пах. На протяжении последних четырех месяцев жизни он не мог самостоятельно передвигаться. Когда же в Тобольск прибыл кавалерийский отряд с приказом доставить императорскую семью в Москву, Алексей был слишком болен и его оставили в Тобольске. Через три недели он приехал к родителям в Екатеринбург. В течение всего екатеринбургского заключения в доме Ипатьева Алексей большую часть дня проводил в постели в спальне родителей. В ночь 16 июля 1918 года, когда Юровский пришел за семьей, Николай лично на руках отнес сына вниз по ступенькам в подвал.

Трудно себе представить, чтобы страдавший гемофилией мальчик мог остаться в живых после разыгравшейся в Екатеринбурге кровавой бойни. Тем не менее, даже если предположить, что Алексей ка-

ким-то чудом спасся и его доставили за тысячи километров в надежное место, все равно дальнейшие перспективы оставались для него неутешительными. Гемофилики, появившиеся на свет в начале века, проводили большую часть жизни в постели и инвалидных колясках. А их конечности оставались искалеченными и искривленными постоянным кровотечением в суставы. Многие из них не доживали до двадцати, большинство не дотянуло до тридцати лет. Сегодня гемофилия лечится, но не излечивается.

ПРЕТЕНДЕНТКИ

Госпожа Чайковская – либо Великая княжна Анастасия, либо чудо.

ПОСОЛ СЕРГЕЙ БОТКИН, ПРЕЗИДЕНТ
СЛУЖБЫ ПО ДЕЛАМ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ; БЕРЛИН, 1962 г.

Одна из претенденток на имя Романовых стоит особняком. Начиная с ее появления в 1920 году и до самой смерти в 1984-м, истинное имя женщины, известной как фройляйн Унбеканнт (то есть неизвестная), миссис Чайковская, Анна Андерсон, Анастасия Мэнахэн и Франциска Шанцковска, оставалось одной из величайших загадок двадцатого столетия. Она настаивала на том, что якобы является младшей дочерью Николая II, великой княжной Анастасией. Люди, которым удалось пережить революцию, — кстати, некоторые из них лично знали Анастасию, — резко расходились во мнениях относительно обоснованности подобного заявления. Тетки и дядья, кузе-

ны и кузины, великие князья и княгини, бывшие камер-дамы, няни, наставники, армейские офицеры, офицеры с императорской яхты и даже бывшая любовница Николая II — все они добровольно или по требованию суда высказывали свое мнение. Они делали устные заявления, подписывали письменные показания, давали интервью и сочиняли книги. Требования этой женщины нашли поддержку у целого легиона сочувствующих ей, готовых пойти ради нее даже на личные жертвы. Одновременно эти требования навлекли на нее самое, на ее сторонников и противников гневное осуждение, бесконечные судебные тяжбы и, в ряде случаев, даже финансовый крах. Когда же она умерла, то разрешить ее тайну оказалось ничуть не легче, чем шестьдесят четыре года назад, когда она впервые заявила о себе.

В девять часов вечера 17 февраля 1920 года, то есть спустя семь месяцев после екатеринбургского кровопролития, некая молодая женщина спрыгнула с моста высотой в двадцать футов в Ландвер — берлинский канал. Ее увидел и спас полицейский, он же отвел ее в больницу. У нее не оказалось при себе ни сумочки, ни документов, ни какого-либо удостоверения личности. Когда девушка пришла в себя, ее допросили, но она отказалась сообщить, кто она такая, где живет и чем зарабатывает на жизнь. Когда полиция попробовала добиться у нее ответов, незнакомка просто натянула на лицо одеяло и отвернулась к стенке. Через шесть недель ее отправили в психиатрическую клинику Дальдорф под именем фройляйн Унбеканнт, где поместили в одной палате с четырнадцатью другими женщинами. В то время ее рост равнялся пяти футам и двум дюймам, а вес — ста

десяти фунтам. Медицинское обследование выявило у нее на теле многочисленные шрамы, и кроме того, врачи сделали вывод, что она уже давно не девственница. Зубы ее были в ужасающем состоянии, и дантисты клиники удалили ей семь или восемь корней. В Дальдорфе она провела более двух лет. Несколько месяцев пациентка хранила молчание, но затем начала разговаривать кое с кем из сестер. Позднее одна из них — говорящая по-русски немка — заявила, что больная говорила по-русски «как на родном языке».

Осенью 1921 года, листая иллюстрированный журнал с фотографиями Российской императорской семьи, пациентка спросила одну из сестер, не замечает ли та какого-либо сходства между ней и младшей дочерью царя. Сестра признала, что таковое имеется, и тогда пациентка заявила, что она и есть великая княжна Анастасия. Из больницы, однако, просочился слух, будто нашлась великая княжна Татьяна, и баронесса Буксгевден, бывшая фрейлина императрицы Александры, пришла на нее взглянуть. Пациентка отказалась с ней разговаривать и спряталась под одеялом. И тогда баронесса грубо сдернула с нее одеяло и тотчас в негодовании покинула палату, заявив: «Она слишком коротка для Татьяны».

Впоследствии загадочная пациентка вторично сказала сестрам, будто она Анастасия. В конце мая 1922 года фройляйн Унбеканнт покинула Дальдорф и поселилась в небольшой берлинской квартирке в семье одного прибалтийского барона. Вскоре его гостиная заполнилась другими русскими эмигрантами, желавшими взглянуть на «царскую дочь» и послушать ее историю.

По ее словам, когда трупы других Романовых перетаскивали из подвала наверх, один из солдат заметил, что она, хотя и лишилась чувств, была еще

жива. Этот человек, поляк по национальности, назвавшийся Александром Чайковским, отнес ее с помощью брата Сергея к себе домой, там же в Екатеринбурге. Вскоре Александр, Сергей, их мать и сестра, а также находящаяся в полубессознательном состоянии девушка бежали из Екатеринбурга в крестьянской телеге. Преодолев за четыре с половиной месяца более двух тысяч верст, они пересекли румынскую границу и обосновались в Бухаресте. Там, к своему ужасу, девушка обнаружила, что беременна. Чайковский сознался в совершенном насилии. Когда на свет появился внебрачный ребенок, мальчик, мать пожелала поскорее от него избавиться. В возрасте трех месяцев ребенка отдали на попечение матери Чайковского и его сестры.

«Моим единственным желанием было, чтобы его у меня забрали», — заявила мать младенца.

Ребенка поместили в приют, после чего он исчез из всей этой истории. В какой-то момент, согласно одной из версий, мать младенца и его отец сочтались браком, причем церемония, предположительно, состоялась по католическому обряду. Вскоре после этого Чайковский будто бы погиб во время уличных беспорядков в Бухаресте.

Молодая женщина заявила, что якобы решила направиться в Берлин, с тем чтобы просить помощи у сестры императрицы Александры, прусской принцессы Ирины — та приходилась великой княжне Анастасии не только крестной матерью, но и теткой. Поскольку у нее не было ни паспорта, ни денег, некий мужчина, по всей видимости Сергей Чайковский, помог ей незамеченной преодолеть европейские границы — обычно это делалось по ночам. Добравшись до Берлина, девушка пошла к принцессе Ирине в Голландский дворец. Стоя одна-одине-

шенька у ворот, она решила, что тети, по всей видимости, нет дома и поэтому никто во дворце ее не узнает. В момент отчаяния она бросилась с моста в воду канала.

Такова была история ее побега. Последующая проверка имен охранников ипатьевского дома не обнаружила никакого Александра Чайковского. Кроме того, в 1918 году в Екатеринбурге и его окрестностях не проживало семьи под такой фамилией. В 1920 году работавшие в Бухаресте исследователи не обнаружили никаких следов человека по имени Чайковский, никаких записей о регистрации брака или рождении ребенка с такой фамилией, никаких свидетельств о гибели человека в уличных беспорядках (вообще никого, кто носил бы такую фамилию). А по словам дочери румынской королевы Марии, не поддавался объяснению тот факт, что великая княжна Анастасия, которая якобы провела в Бухаресте несколько месяцев, так и не обратилась за помощью к королеве, — ведь та приходилась кузиной обоим ее родителям и даже виделась с ней в июне 1914 года, когда зашел разговор о возможности браков между российским и румынским августейшими семействами.

Претендентка впоследствии заявила, что не обратилась к румынской королеве потому, что была беременна и стыдилась своего положения. Тетка Анастасии великая княгиня Ольга отмела это оправдание, сказав при этом:

«В 1918 или в 1919 году королева Мария наверняка бы узнала Анастасию. Марию никогда бы ничего не шокировало, и моей племяннице это наверняка было бы известно. И моя племянница не могла не знать, что подобное состояние без сомнения шокировало бы Ирину».

То есть, по мнению Ольги, трудно себе предста-

вить, чтобы дочка царя отвернулась от королевы Марии и пустилась через всю Европу, чтобы встретиться с принцессой Ириной.

В целом же «спасение» было самой сомнительной главой в легенде Анастасии. Его просто следовало либо принять на веру — как делали те, кто поверил в эту историю, — или же начисто отместить, как невозможную по существу — как поступали ее противники. В конце концов это перестало играть какую-либо роль. Ни противников, ни сторонников уже просто не интересовало, каким образом «Анастасия» вырвалась из подвала. Им хотелось одного — узнать, кто она такая.

Анастасия Николаевна была четвертой и младшей из дочерей царя Николая II и императрицы Александры. Родилась она 18 июня 1901 года. Ее старшие сестры Ольга и Татьяна занимали среди остальных детей главенствующее положение, третья сестра, Мария, была восторженной мечтательницей и немного кокеткой; Анастасии — невысокому, пухлому, голубоглазому созданию — досталась репутация отъявленной проказницы. Когда вечерами на закате на императорской яхте пушка грохотала салютом, Анастасия в притворном ужасе забивалась в угол, затыкала пальцами уши, вытаращивала глаза и высывала язык.

Острая на язык и ужасно забавная, она подчас бывала упряма, хитра и даже дерзка. Тот же самый удивительный дар подражания, который помогал ей лучше остальных сестер усваивать тонкости иностранного произношения, использовался ею для того, чтобы передразнивать окружающих. Она тонко, порой жестоко, подмечала и высмеивала их манеру го-

ворить и вести себя. Анастасия любила лазить по деревьям и частенько отказывалась спуститься вниз, пока не получала приказ от самого отца. Ее редко можно было увидеть плачущей. Ее тетка, великая княгиня Ольга, вспоминала один случай, когда Анастасия так далеко зашла в своем передразнивании, что она не выдержала и отшлепала племянницу. Лицо девочки залилось краской, но вместо того чтобы расплакаться, она беззвучно выбежала из комнаты. Подчас шутки Анастасии заходили слишком далеко. Однажды она закатала в снежок камень и бросила им в Татьяну. «Снаряд» попал Татьяне прямо в лицо и сбил ее с ног. Испугавшись, Анастасия наконец-то расплакалась.

Будучи царскими детьми и поэтому не имея друзей и подруг, четыре великие княжны были ближе друг к другу, чем иные сестры. Ольга, самая старшая, лишь на шесть лет старше Анастасии, младшей из них. В юности все четверо объявили о своем единстве, выбрав для себя общий автограф ОТМА, состоящий из первых букв их имен. Им они подписывали письма, от этого общего имени они преподносили подарки. Воспитывались сестры по-спартански. Спали на жестких походных кроватях без подушек и каждый день начинали с холодной ванны. Вместе с горничными сами стелили свои постели. И вообще, они не столько раздавали распоряжения, сколько обращались с просьбой: «Если это вас не слишком затруднит, мама просит прийти к ней». В семье к ним никогда не обращались «ваше императорское величество», а просто по-русски, например, Ольга Николаевна или Анастасия Николаевна.

Между собой, с отцом и слугами они разговаривали по-русски. С матерью, получившей воспитание

в Англии при дворе королевы Виктории, общались по-английски.

Для тех, кто их близко знал, и внешне и по характеру каждая из четырех Великих княжон резко отличались друг от друга. Баронесса Буксгевден запомнила Анастасию такой: «Светлые волосы, прекрасные глаза, темные, чуть сросшиеся брови... Она была довольно низкого роста для семнадцатилетней девушки и... решительно толста... эта творительница всех проделок». Татьяна Боткина, дочь семейного врача, также погибшего в екатеринбургском подвале, вспоминает «лучистые голубые глаза» Анастасии, а также то, что эта девочка была «подвижной, необузданной проказницей». «Когда Анастасия Николаевна заливалась смехом, она обычно не поворачивала головы, чтобы открыто взглянуть на вас. Обычно она хитро наблюдала за вами краем глаза». Глеб Боткин, младший брат Татьяны, вспоминал волосы Анастасии: «светлые, с легким рыжеватым оттенком, длинные, волнистые и мягкие. Черты ее лица были неправильными. Нос был несколько длинноват, а рот чересчур широк. Подбородок небольшой, прямой». По его воспоминаниям, она отличалась своеволием и ее меньше всего интересовало, что о ней подумают другие. Принцесса Ксения, которая была всего на два года младше ее, вспоминает великую княжну как подругу своих детских игр — Анастасия была «страшно темпераментной, дикой и необузданной», именно она «жульничала в играх, лягалась, царапалась и таскала других за волосы».

На протяжении восьми лет после того, как ее вытянули из канала, претендентка жила главным образом в Германии. А начиная с 1922 года предста-

вители бывшего германского императорского семейства, Гогенцоллерны, стали наносить ей визиты с тем, чтобы окончательно выяснить, является ли сия особа их российской родственницей. Первой появилась тетка Анастасии, прусская принцесса Ирина, которая была замужем за братом бывшего кайзера. «Тетя Ирина» не видела племянницу с 1913 года — то есть в последний раз они встречались еще до войны, когда Анастасии было только двенадцать. С тех пор минуло девять лет — достаточный срок, чтобы затруднить любое узнавание, — особенно если речь шла о больном человеке, пережившем физическую и моральную травму. Однако госпожа Чайковская, как она теперь себя называла, лишила свою предполагаемую тетушку шанса узнать себя. Когда принцессу, под вымышленным именем, представили претендентке, «тетка» в упор уставилась на сидевшую на другом конце стола «племянницу». Испугавшись, госпожа Чайковская вскочила и опрометью бросилась из комнаты. Принцесса Ирина последовала за ней, но пациентка клиники отвернулась, зарылась лицом в ладони и отказалась разговаривать. «Она даже не ответила, когда я попросила ее произнести хотя бы слово или же знаком показать мне, что она меня узнала». Оскорбленная подобным поведением, принцесса удалилась.

«Я моментально поняла, что она не может быть ни одной из моих племянниц, — писала Ирина. — И хотя я не видела ее девять лет, отличительные черты лица никак не могли измениться до такой степени — в особенности положение глаз, ушей и тому подобное». Позднее принцесса Ирина в своих суждениях была уже не столь категорична: «Вряд ли я ошиблась, — тем не менее настаивала она в споре с одним из племянников, поверившим в претендентку. — У нее есть сходство. Но что это значит, если это не она?»

Принцесса Ирина больше ни разу не вернулась взглянуть на госпожу Чайковскую.

Постепенно за принцессой последовали и другие члены бывшего германского императорского семейства. В 1925 году претендентку посетила невестка бывшего кайзера, кронпринцесса Цецилия. Цецилия вспоминает, что «поначалу была поражена сходством юной женщины с матерью царя и самим царем, однако я не видела в ней ничего от царицы». И снова госпожа Чайковская не оказала никакой помощи.

«С этой юной особой было попросту невозможно общаться, — заметила Цецилия. — Она не проронила ни единого звука, то ли из упрямства, то ли потому, что была ошарашена».

Впоследствии Цецилия, как и принцесса Ирина до нее, заколебалась: «Я почти уверена, что это она».

Но поскольку принцесса Ирина и ее дядя Эрнст Гессенский не поверили претендентке, Цецилия решила, что «это не мое дело заниматься опознанием». К 1952 году, после трех визитов к претендентке, кронпринцесса изменила свое мнение. «Сегодня я убеждена, что она на самом деле младшая дочь царя», «Я замечая в ней материнские черты». В ответ на подарок ко дню рождения Цецилия писала: «Да благословит тебя Господь нежным поцелуем от любящей тебя тетушки Цецилии». Принцесса Цецилия сказала своей невестке, русской княжне Кире, бывшей замужем за ее сыном принцем Луи-Фердинандом, в то время — претендентом на трон Гогенцоллернов: «Это твоя кузина». Луи-Фердинанд и Кира отказались в это поверить. Внизу листа под письменным свидетельством Цецилии о законности требований претендентки Луи-Фердинанд набросал своим размашистым почерком: «Мы с Кирой не находим в ней никакого сходства».

Тем временем другой Гогенцоллерн, сын принцессы Ирины, прусский принц Сигизмунд, отправил претендентке из своего дома в Коста-Рике список из восемнадцати вопросов. По его словам, они касались секретов их детства, известных только его кузине Анастасии. Претендентка ответила на них довольно сносно, что позволило Сигизмунду, хотя он ее и в глаза не видел, заявить: «Это меня убедило. Она несомненно русская княжна Анастасия».*

Даже старый экс-кайзер Вильгельм II, живший в изгнании в Голландии, отправил свою вторую жену, императрицу Эрмину, навестить претендентку, которая в ту пору находилась в одном из германских санаториев. За этим визитом не последовало никакого заявления, однако молчание августейшей четы многие восприняли как одобрение.

Характер молодой женщины, представавшей взгляду ее предполагаемых родственников, нередко бывал просто отталкивающим. И если при встрече с русской баронессой или германскими принцессами, пришедшими навестить ее, она подчас вела себя враждебно и отказывалась говорить, то ее поведение по отношению к тем людям, что верили ей и пытались ей как-то помочь, было совершенно невыносимым. В их присутствии она становилась раздражительной, требовательной, деспотичной и до невозможности вспыльчивой.

«Временами она мечет такие громы и молнии, что просто становится страшно, — призналась одна

* Те несколько людей, кто впоследствии видел эти вопросы и ответы на них, неизменно отказывались обсуждать их содержание.

из приютивших ее дам. — Ее глаза приобретают свирепое выражение, а саму ее начинает бить дрожь».

В такие моменты она, случалось, угрожала «вымостить улицы черепами своих врагов», а всех родственников «перевешать на столбах за измену». У нее не имелось ни дома, ни денег, однако именно она первой обрывала визит — громко топая, направлялась вон, выкрикивая на ходу оскорбления. И каждый раз ей было куда направить свои стопы. Она беспечно порхала от семьи к семье, из дома в дом и под конец из замка в замок. На протяжении шестидесяти четырех лет, прожитых претенденткой после того, как ее вытащили из берлинского канала, она неизменно полагалась на чье-то расположение и благотворительность.

Состояние ее здоровья частично объясняло странности ее поведения. В ранние годы она постоянно хворала, попеременно попадая то в больницу, то в психиатрическую клинику, то в санаторий. В 1925 году она едва не умерла от костного туберкулеза. Ее душевное здоровье также отличалось непостоянством. Нервы у нее были никуда не годными, а кроме того, у нее замечались провалы памяти. Именно по этой причине, говорили те, кто поверил в нее, она забыла и русский, и английский и разговаривала исключительно по-немецки. Татьяна Боткина дала этому следующее объяснение: «У нее замашки ребенка, и вообще к ней трудно относиться как ко взрослому человеку, ответственной за свои поступки личности, — нет, ее следует вести и направлять, как ребенка. Она не только забыла языки, но и в целом утратила способность связно говорить, чего, однако, не скажешь о ее способности мыслить. Даже простейшие истории... она излагает невнятно и сбивчиво — это просто набор слов, связанных вместе по-

немецки без каких-либо грамматических правил. Ее дефект, по всей видимости, лежит в области памяти и плохого зрения. Она говорит, что после болезни разучилась определять по часам время и с трудом заново этому научилась».

Неспособность претендентки — или же ее отказ — говорить по-русски являлись главным камнем преткновения в ее стремлении выдать себя за Анастасию. Находились такие, кто подобно медсестре из Дальдорфа, утверждали, будто слышали, как она говорила по-русски «как на родном языке... используя полные, законченные, связные предложения, без каких-либо затруднений». В заключении врача за этот период говорится:

«Во сне она говорит по-русски, с хорошим произношением; главным образом ничего не значащие вещи».

Чаще, однако, создавалось впечатление, что она понимает по-русски; хотя и не говорит на этом языке. Русский хирург, оперировавший ее по поводу костного туберкулеза в 1925 году, заявил: «Перед операцией я говорил с нею по-русски и она ответила на все мои вопросы, хотя и по-немецки».

Сторонники претендентки разошлись во мнениях; некоторые, подобно Татьяне Боткиной, объясняли ее неспособность говорить по-русски травмами мозга и последующей потерей памяти. Другие же утверждали, что ее отказ объясняется на родном языке вызван психологическим барьером, который в свою очередь является следствием моральной травмы, нанесенной пережитым заключением и кровавой ночью в подвале. Сама претендентка поясняла, что в Екатеринбурге их семью силой заставляли говорить по-русски, чтобы вездесущие охранники могли подслушивать их разговоры; язык самих охранников был

груб, грязен и нередко непристойен. Последние услышанные ею в подвале слова прозвучали по-русски. Вот почему русский стал для нее языком унижения, ужаса, смерти. Среди противников претендентки, разумеется, бытовало мнение, будто она не говорит по-русски, потому что не умеет.

Эта загадка так и осталась неразгаданной. В 1965 году некий немецкий судья, не знающий, что ему делать дальше, принялся исполнять перед ней русские песни, пытаясь определить, понимает она или нет. Однако претендентка слушала его, не проронив ни звука.

Главными потенциальными свидетелями были, разумеется, основные члены семьи, принадлежность к которой она пыталась доказать, то есть Романовы. Бабушка Анастасии, вдовствующая императрица Мария, пережила революцию и нашла пристанище в родной Дании. Эта старая женщина, старшая из уцелевших членов династии, отказалась слушать какие-либо сообщения о смерти своего сына и его семьи, а также не проявляла ровно никакого интереса к историям вроде этой, героиня которой, якобы родив внебрачного ребенка, объявилась затем в Берлине. Старшая дочь императрицы, великая княгиня Ксения, жившая в Лондоне в качестве постоянной гостьи короля Георга V, также осталась безучастной. А вот младшая из двух дочерей Марии, великая княгиня Ольга, не пожелала, даже не взглянув, оставить в беде страдалицу, которая могла оказаться не кем иной, как ее дорогой «малышкой».

В своей юной тетушке Ольге Александровне четыре юные великие княжны обрели преданного друга и благодетельницу. Каждую субботу она приезжала из

Петербурга в Царское Село, чтобы провести день с племянницами. Убежденная в том, что юным женщинам необходимо время от времени уезжать из дворца, она уговорила императрицу Александру, чтобы та разрешила ей брать с собой племянниц в город. Каждое воскресенье поутру тетушка и четверо ее радостных племянниц садились в поезд, идущий в столицу. Первой остановкой был чинный завтрак в обществе их бабушки, вдовствующей императрицы. Оттуда они отправлялись на чай, игры и танцы с другими детьми дома у Ольги Александровны.

«Девочки наслаждались буквально каждой минутой, — писала через пятьдесят лет великая княгиня. — Особенно моя дорогая крестница (Анастасия). Я до сих пор слышу, как в комнате звенит ее смех. Танцы, музыка, игры — и всему этому она отдавалась до самозабвения!»

Сама Ольга Александровна пережила в молодые годы немало страданий. В девятнадцать лет ее выдали замуж за принца Петера Ольденбургского, человека, совершенно равнодушного к женщинам, и лишь спустя пятнадцать лет Ольга получила разрешение брата на признание этого брака недействительным. В 1916 году она вышла замуж за любимого человека, полковника Николая Куликовского. После революции Ольга, ее супруг и двое их сыновей, Тихон и Гурий, поселились в Дании вместе с ее матерью, вдовствующей императрицей. Когда до них дошла весть о появлении претендентки, великая княгиня Ольга написала Пьеру Жильяру, бывшему придворному учителю французского языка:

«Пожалуйста, немедленно поезжайте в Берлин, чтобы посмотреть на эту несчастную. А вдруг она и вправду окажется нашей малышкой... Для нее это было бы просто позором, если бы она одна прозябала

в нищете. И если это действительно она, пожалуйста, дайте мне знать телеграммой, и я тотчас приеду в Берлин».

Жильяр как никто другой подходил для выполнения этой миссии. Он знал детей русского императора лучше всех тех, кто уже приезжал взглянуть на претендентку. На протяжении тринадцати лет его жизнь протекала среди членов императорской семьи, несколько раз в неделю он давал уроки французского для великих княжон и наследника-цесаревича. Преданность Жильяра царской семье была абсолютной. Он последовал за ними в Сибирь и провел в Тобольске всю зиму — там он продолжал давать уроки, репетировал со своими подопечными пьесы на французском языке и даже вместе с царем и наследником пилил во дворе дрова. Затем он последовал за царской семьей в Екатеринбург, однако там его по приказу Уральского Совета насильно разлучили с ними и не дали поселиться в ипатьевском доме. После жуткого кровопролития в подвале, вскоре после которого город перешел в руки к белым, Жильяр помогал Николаю Соколову проводить расследование. Перебирая скорбные останки из шахты у Четырех Братьев, он причитал: «Но детей-то за что? Детей?». Жильяр покинул Россию в обществе горничной великих княжон, Александры Теглевой, которую все звали Шура. Вернувшись в 1919 году в родную Швейцарию, он женился на ней, а позднее преподавал в университете Лозанны.

Когда Пьер Жильяр получил письмо великой княгини Ольги, он немедленно с женой отбыл в Берлин. Женщину, увиденную им в госпитале Святой Марии, была лихорадка; она бредила, в горячке бормоча что-то непонятное. Туберкулезная инфекция в ее левой руке, осложненная стафилококковым заражением,

давала о себе знать мучительной зияющей раной. Рука распухла до «бесформенной массы», в то время как сама пациентка превратилась в ходячий скелет. Пока Жильяр сидел у ее постели, Шура попросила его взглянуть на ноги больной. Дело в том, что великая княжна Анастасия страдала деформацией суставов основания больших пальцев обеих ног, то есть состоянием, известным как *hallus vulgus*, в результате чего создавалось впечатление, будто увеличенные косточки немного отогнуты в стороны.

«Ее ступни похожи на ступни великой княжны, — сказала Шура, стащив с пациентки одеяло. — У Анастасии было точно так же — правая ступня выглядела хуже левой».

Поскольку пациентка была прикована к постели, Жильяр настоял, чтобы ее перевели в больницу лучше.

«Самое важное в настоящий момент, — сказал он, — чтобы она осталась жить. Мы оба вернемся к ней, как только ее состояние улучшится».

В одной из частных клиник русский хирург удалил ей часть мускула и кусочек левой локтевой кости, вставив на ее место серебряный сустав, отчего сама кость осталась торчать наружу. В течение нескольких недель пациентка боролась с невыносимой болью при помощи инъекций морфина. Вес ее упал до семидесяти пяти фунтов.

Спустя три месяца Жильяр с женой вернулись. Сначала Жильяр один сел у ее кровати и сказал:

— Пожалуйста, поговори со мной хоть немножко. Расскажи мне все, что тебе известно о твоём прошлом.

Претендентка не на шутку рассердилась.

— Я не знаю, что такое «поговорить», — возразила она. — Неужели вы думаете, что если кто-то хотел вас

убить, как это случилось со мной, то потом вы бы помнили многое из того, что было раньше?

Жильяру пришлось уйти. В тот же день в комнату вошла женщина в сиреновом плаще — подойдя к кровати, она улыбнулась и протянула руку. То была великая княгиня Ольга. Она снова появилась на следующее утро, и обе женщины продолжили свой разговор. Ольга по-русски, пациентка клиники — по-немецки. Чуть позже к ним присоединилась Шура. Когда пациентка подушилась одеколоном, Шуре припомнилось, что великая княжна Анастасия «страсть как любила духи и частенько делала то же самое». Наблюдая с балкона за этой сценой, Ольга сказала одной из подруг претендентки:

— Наша малышка и Шура, кажется, несказанно счастливы оттого, что снова нашли друг друга. Я тоже очень счастлива, что все же приехала сюда, несмотря на то, что мама была против. Она ужасно на меня рассердилась... И потом, моя сестра (великая княгиня Ксения) дала мне из Англии телеграмму, чтобы я ни при каких обстоятельствах не смела навещать нашу маленькую.

Когда Жильяр вернулся, он тоже, казалось, поддался общему чувству, будто состоялось воссоединение семьи.

— Я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы только помочь великой княжне, — заявил он. Повернувшись к оперировавшему ее хирургу, бывший учитель поинтересовался: — Каково состояние ее императорского высочества?

Врач отвечал, что ее жизнь по-прежнему в опасности.

На следующий день, во время своего третьего по счету визита, Жильяр попытался расспросить пациентку о ее прошлом, особенно о жизни в Сибири.

Однако попытки его не увенчались успехом, и гости предпочли удалиться. Когда великая княгиня Ольга собралась уходить, пациентка разрыдалась. Ольга расцеловала ее в обе щеки, пообещав при этом:

— Не плачь. Я тебе напишу, а ты обязательно должна поправиться. Это самое главное.

Уходя, великая княгиня Ольга сказала сопровождавшему ее датскому послу:

— Мой ум отказывается это понять, но сердце подсказывает мне, что это наша маленькая Анастасия.

Шура тоже уходила из больницы вся в слезах.

— Как я ее любила! — рыдала она. — Как я ее любила! Ну почему, скажи, я точно так же люблю и эту пациентку? Ты можешь мне это объяснить?

Жильяр держал свои чувства и суждения под контролем и поэтому произнес лишь следующее:

— Мы уходим от нее и при этом пока не способны утверждать, что это не великая княжна Анастасия Николаевна.

Продемонстрированные во время этого визита забота и участие продолжали подбадривать пациентку на протяжении еще семи месяцев. Из Копенгагена великая княгиня Ольга написала ей пять писем, неизменно проникнутых заботой и вниманием. Самое первое из них задавало тон остальным: «Я посылаю тебе всю мою любовь, я все время думаю о тебе. Это так печально, что я должна была от тебя уехать, зная, что ты больна, одинока и ужасно страдаешь. Но не бойся. Теперь ты не одна, и мы тебя не оставим. Ешь побольше и пей сливки». Третье письмо Ольги сопровождалось подарком: «Я посылаю моей маленькой пациентке собственную шелковую шаль. Она очень теплая. Я надеюсь, ты обернешь ею плечи и руки, и она будет согревать тебя во время

зимних холодов. Я купила эту шаль в Ялте еще до войны».

Шаль была чистейшего шелка, розового цвета, шесть футов в длину и два в ширину.

Пятое письмо оказалось последним. Истина заключалась в том, что Ольга, добрая, отзывчивая и легко поддающаяся влиянию, все-таки не была до конца уверена. В тот вечер, когда она вернулась в Копенгаген, Ольга написала загадочной пациентке в Берлин свою первую записку, однако одновременно она отправила письмо одному из тех, кто уверовал в рассказанную госпожой Чайковской историю, а именно посланнику царя:

«У меня состоялось несколько долгих разговоров о нашем маленьком друге с моей матерью и дядей Вольдемаром. Я не в состоянии выразить, как я привязалась к ней — кем бы она ни была. Чувство подсказывает мне, что она не та, кем сама себе кажется; одновременно нельзя утверждать и обратное, поскольку еще не прояснилось множество странных и необъяснимых фактов».

Спустя тридцать лет, оглядываясь назад, великая княгиня Ольга была настроена более решительно и негативно:

«Когда я в последний раз видела ее в 1916 году, моей возлюбленной Анастасии было пятнадцать. В 1925 году было бы двадцать четыре. По-моему, миссис Андерсон выглядела гораздо старше. Разумеется, следовало принимать во внимание ее долгую болезнь. Тем не менее черты лица моей племянницы не могли измениться до неузнаваемости. Нос, рот, глаза — все было совершенно другим».

Однако задолго до того, как великая княгиня Ольга сделала это заявление, претендентка первой поставила точку в их отношениях.

«Теперь я ни за что не приму ее у себя, — заявила госпожа Чайковская».

Непризнание претендентки, пусть даже подразумеваемое, такой близкой родственницей Романовых, каковой являлась великая княгиня Ольга, подрубило под корень многие из ее требований. Ведь Ольга была одной из немногих, кто лучше других знал Анастасию, единственной, кто не поленился приехать, чтобы взглянуть на претендентку. Не удивительно, что мнение тетушки большинством представителей Романовых и практически всеми русскими эмигрантами было воспринято как резко негативное. Пьер Жильяр только подлил масла в огонь. Он читал лекции, писал статьи и в конечном итоге издал книгу «Лже-Анастасия». В ней заявлялось, будто он с первого взгляда понял, что претендентка не являлась его бывшей ученицей:

«У пациентки был длинный нос, заметно вздернутый на конце, очень крупный рот, толстые, мясистые губы; великая княжна, напротив, имела короткий остренький носик, гораздо меньший рот и тонкие губы... За исключением цвета глаз, мы не смогли обнаружить ничего такого, что заставило бы нас полагать, что перед нами великая княжна.

Все известное претендентке об укладе жизни императорской семьи, заявил Жильяр, она могла прочитать в мемуарах или же увидеть на фотографиях. В конечном итоге бывший учитель заклеил госпожу Чайковскую, назвав ее «вульгарной авантюристкой» и «первоклассной актрисой».

После того как великая княгиня Ольга отвернулась от претендентки, лишь двое Романовых остались в числе сторонников последней. Один из них —

двоюродный брат Николая II, великий князь Андрей, который изредка видел Анастасию во время семейных обедов. Обеспокоенный заявлениями фрау Чайковской, он попросил у императрицы Марии согласия взять на себя расследование этого дела. В январе 1926 года он провел два дня в обществе претендентки. После первой их встречи, он радостно воскликнул: «Я видел дочь нашего Ники! Я видел его дочь!».

Позднее он написал великой княгине Ольге:

«Я внимательно наблюдал за ней с близкого расстояния и с чистой совестью должен признать, что Анастасия Чайковская — это не кто иной, как моя племянница великая княжна Анастасия Николаевна. Я моментально узнал ее, и мои дальнейшие наблюдения лишь подтвердили мое первое впечатление. Лично для меня не существует никаких сомнений — это Анастасия».

Тогда же с претенденткой встретилась и супруга великого князя Андрея, бывшая прима-балерина Матильда Кшесинская. В 1967 году, уже после смерти князя, его девяностопятилетней вдове, которая три четверти века тому назад была возлюбленной Николая II, был задан вопрос о претендентке.

«Я все еще уверена, что это была она, — отвечала мадам Кшесинская. — Понимаете, когда она смотрела на меня, то эти глаза — в них было все. Это был император. Это был его взгляд. Любой, кто хоть раз взглянул императору в глаза, уже не мог забыть этот взгляд».

Другой представительницей Романовых, поддержавшей претендентку, стала двоюродная сестра Анастасии, княгиня Ксения. В восемнадцать лет она вышла за богатого американца, наследника оловодобывающей промышленности, Уильяма Б. Лидса, и

переехала к нему на Лонг-Айленд, в поместье «Ойстер-Бей». Ксения была на два года младше Анастасии и в последний раз видела ее в Крыму в 1913 году, когда самой ей было десять, а Анастасии — двенадцать. С тех пор минуло четырнадцать лет, однако Ксения, пригласив фрау Чайковскую к себе и близко наблюдая за ней на протяжении шести месяцев, заявила: «Я твердо убеждена».

Старшая сестра Ксении, княгиня Нина, которая также встречалась с претенденткой, проявила большую осторожность.

«Кем бы она ни была, — сказала княгиня, — она из хорошего общества».

Высшим арбитром в семье Романовых была вдовствующая императрица Мария. Несмотря на неизменно подчеркнутую враждебность старой женщины, фрау Чайковская не теряла надежды, что та изменит свое отношение к ней.

«Бабушка наверняка узнает меня», — утверждала претендентка.

Именно Татьяне Боткиной выпало на долю сообщить претендентке, что императрица никогда не согласится признать ее. «Бабушка» не желала иметь никаких дел с «внучкой», так что фрау Чайковской лучше оставить всякую надежду на то, что ее когда-либо примут в Копенгагене.

— Но почему они отвергают меня? Что я такого сделала? — горестно воскликнула претендентка.

Ей объяснили, что частично — из-за ее внебрачного ребенка.

«Но я же не видела своего ребенка с тех пор, как ему исполнилось три месяца! — протестовала фрау Чайковская. — Неужели вы думаете, что я бы позво-

лила какому-то незаконному младенцу объявить себя царским внуком и российским императором?»

Однако вдовствующая императрица Мария не желала сдаваться и, к великому горю претендентки, скончалась в октябре 1928 года, так ни разу и не взглянув на «Анастасию».

За этим событием тотчас последовали перемены к худшему. Не прошло и суток с момента похорон, как свет увидел документ, впоследствии названный «Романовской декларацией». Наряду с братом императрицы Александры и двумя ее сестрами его подписали двенадцать представителей Русского императорского семейства. Ими в частности заявлялось об их единодушной убежденности в том, что живущая ныне в США женщина (фрау Чайковская гостила в ту пору у княгини Ксении на Лонг-Айленде) не является дочерью царя. Этот документ, в котором цитировалось мнение великой княгини Ольги, Пьера Жильяра и баронессы Буксгевден, в целом убедил широкую публику, что все без исключения представители Романовых тщательно взвесили все за и против и отвергли самозванку. Однако подобное утверждение оказалось далеко от истины. Из сорока четырех здравствующих в ту пору Романовых документ подписали лишь двенадцать. Те двое из них, что поверили заявлениям фрау Чайковской, то есть великий князь Андрей и княгиня Ксения, вообще не получили никаких предложений поставить свою подпись. Из пятнадцати подписавшихся (обе сестры императрицы Александры, принцессы Виктория Баттенбергская и Ирина Прусская, а также их брат, великий князь Эрнст Гессенский, позже поставили подписи под этим документом) лишь двое — великая княгиня Ольга и принцесса Ирина видели претендентку.

«Романовская декларация» была впервые опубли-

кована не в Копенгагене, где скончалась вдовствующая императрица, а в Гесс-Дармштадте, вотчине великого князя Эрнста-Луи Гессенского. Из всех предполагаемых родственников претендентки Эрнст был настроен к ней наиболее враждебно. Те же, кто поддерживал ее, полагали, что эта враждебность происходит из его желания во что бы то ни стало сохранить свою репутацию. Иным могло даже показаться, что герцог не остановится ни перед чем, лишь бы доказать необоснованность любых притязаний единственного из оставшихся в живых ребенка его сестры.

Дело же обстояло следующим образом. В 1925 году претендентка сказала кому-то из своих друзей, будто ждет не дождется, когда ее навестит «дядя Эрнст», которого она не видела с 1916 года, когда он приезжал в Россию. В действительности же в 1916 году война между Россией и Германией была в самом разгаре, и Эрнст, генерал германской армии, командовал войсками на западном фронте. Приезд в Россию, совершенный без ведома германского правительства или генерального штаба, для того, чтобы навестить сестру и шурина, легко мог быть сочтен за государственную измену. И хотя эта миссия, согласно слухам, была предпринята с высочайшего одобрения самого кайзера с целью заключения сепаратного мира, самого великого князя эта история ставила в неловкое положение. Будучи низложенным после войны со своего крошечного трона, он все еще не терял надежды получить его обратно, и заявления о том, будто во время войны он являлся с врагом, делали шансы на его реставрацию еще более призрачными.

Истина об этой секретной миссии осталась нераскрытой. История так и не сохранила на этот счет никаких свидетельств. Дневники великого князя Эрнста за этот период посвящены делам на западном

фронте, а его письма жене имеют почтовый штемпель той же местности. Несомненно, в тот период как в России, так и в Германии поговаривали о том, что пора начать переговоры, дабы положить конец кровопролитию. По словам одного из советников великого князя Эрнста, на этот счет даже имелся план. Великий князь представил его на рассмотрение кайзера и получил отказ. Свидетелю не известно, подчинился ли герцог или все-таки решил действовать на свой страх и риск. Другой свидетель, британский посланник Джордж Бьюкенен, писал, будто во время войны великий князь Эрнст отправил в Россию эмиссара в лице некой русской женщины, чтобы она передала царю, что кайзер готов предложить России щедрые условия мира. Николай велел арестовать ее. В 1966 году пасынок кайзера клятвенно заявил в суде: уже в изгнании кайзер признался ему, что в 1916 году великий князь Эрнст действительно побывал в России с тем, чтобы обсудить возможность сепаратного мира. То же самое, под присягой, заявила и крон-принцесса Цецилия.

Истина оказалась недоказуемой, однако правда то или неправда, но заявление фрау Чайковской несло в себе провокацию. И оказись так, что описанная ею поездка «дяди Эрни» в Россию соответствует действительности, ее притязания на роль великой княжны Анастасии получили бы новое подкрепление: кому, как не дочери царя знать подобные секреты? И даже если ее заявление было ложью, остается только удивляться, как несчастная, прикованная к постели юная женщина в Берлине смогла изобрести столь хитроумную как с династической, так и с дипломатической точки зрения историю.

Великий князь Эрнст с пеной у рта опровергал рассказанную фрау Чайковской историю и предпри-

нял яростную атаку на женщину всеми имеющимися у него средствами. Он объявил ее «самозванкой», «ненормальной», «бесстыдным созданием». Он грозился подать на нее в суд за клевету. Великий князь Андрей получил предупреждение, что любое дальнейшее расследование личности претендентки было бы «опасным». Эрнст нашел себе союзника в лице Пьера Жильяра, и вскоре тот начал проводить в Дармштадте ничуть не меньше времени, чем у себя в Лозанне. Бывший учитель присоединился к компании — говорили, что он и есть ее главный инициатор и спонсор, — поставившей целью не только доказать, что фрау Чайковская не является великой княжной Анастасией, но и раскрыть ее подлинную личность.

В марте 1927 года одна берлинская газета заявила, что фрау Чайковская, мнящая себя великой княжной Анастасией, в действительности — некто Франциска Шанцковска, польская фабричная работница, происходящая из крестьянской семьи. Источником этой сенсации стала некая женщина по имени Дорис Вингендер, утверждавшая, что до своего исчезновения в марте 1920 года Франциска жила в качестве постоянной в доме ее матери. Летом 1922 года, то есть более чем через два года отсутствия, сообщила Дорис, Франциска неожиданно снова объявилась у них и поведала, что все это время жила в семьях нескольких русских монархистов, «которые явно принимали ее за кого-то еще». Франциска прожила у них три дня, — рассказывала дальше Дорис, — и пока она была там, женщины обменялись одеждой. Франциска взяла у Дорис темно-синий костюм, отделанный черным кружевом, с пуговицами из рога буйвола, а также небольшую синего цвета шляпу с полями, отделан-

ную шестью желтыми цветами. Взамен она отдала розовато-лиловое платье, кое-что из белья, причем с монограммами, и пальто верблюжьей шерсти. После чего снова бесследно исчезла.

Для проверки этой истории газета наняла детектива Мартина Кнопфа — тот отнес одежду Франциски, оставленную ею в доме у Вингендеров, в одну из русских эмигрантских семей, где фройляйн Унбеканнт гостила в 1922 году. Барон и баронесса фон Клейст тотчас узнали эту одежду.

«Я лично купил ей это пальто», — заявил барон.

«А вот и белье! Я собственноручно вышивала на нем монограммы!» — воскликнула баронесса.

На радость читателям газеты, «загадка» Анастасии наконец разрешилась. Дорис Вингендер помогла тем, что дала свидетельские показания относительно внешности Франциски Шанцковской. «Коренастая», «ширококостная», «грязная и нечистоплотная», с «огрубевшими от работы руками», «гнилыми пеньками вместо зубов». Великий князь Эрнст Гессенский остался доволен. Он признался автору статей, что после этой серии газетных публикаций «у него с души свалился огромный камень».

Однако история на этом не закончилась. Вскоре выяснилось, что Вингендер начала с того, что позвонив в газету, поинтересовалась, на какую сумму потянет ее история. Ей предложили полторы тысячи марок за то, что она поведаст свою историю, а также встретится с претенденткой и лично опознает ее. Роль великого князя Гессенского в этом деле обозначилась более заметно: до того как поступить в газету, собранная детективом Кнопфом информация проделывала путь в Дармштадт.

«Теперь известно, что детектив был нанят Дарм-

штадтом, а не «Нахтаусгабе», — заявил великий князь Андрей.

Герцог Лейтенбергский, у которого в то время жила фрау Чайковская, услышал от автора этих статей, что великий князь Гессенский заплатил газете двадцать пять тысяч за проведение «расследования» по делу «Анастасии». Это заявление, напечатанное другой берлинской газетой, повлекло за собой не одно судебное разбирательство. Тем временем состоялась встреча между Дорис Вингендер и бывшей «постоялицей» ее матери. Фрау Чайковской не оставалось выбора — ведь ей грозило обвинение в том, что она выдает себя за другую. По словам репортера берлинской газеты «Нахтаусгабе», присутствовавшего при этой встрече вместе с Мартином Кнопфом, произошло следующее:

«В комнату входит свидетельница фройляйн Дорис Вингендер. Франциска Шанцковска лежит на диване, ее лицо наполовину закрыто одеялом. Не успела свидетельница произнести «здравствуйте», как Франциска Шанцковска вскакивает и выкрикивает, причем в голосе ее слышен сильный акцент: «Эта (тварь) должна убраться отсюда!». Внезапное возбуждение, дикая ярость в голосе, ужас во взгляде не оставляют никаких сомнений: она узнала свидетельницу Вингендер.

Фройляйн Вингендер стоит словно окаменевшая. Она мгновенно узнала в лежащей на диване особе Франциску Шанцковску. Это то самое лицо, которое она изо дня в день видела на протяжении нескольких лет. Тот же самый голос, то же самое нервное движение руки, комкающей носовой платок, та же самая Франциска Шанцковска!»

Через несколько недель для придания весомости этим выводам и опознания претендентки, приехал Феликс, брат Франциски Шанцковской. Они встре-

тились в Баварском пивном саду. Увидев «Анастасию», Феликс тотчас воскликнул: «Это моя сестра Франциска!».

Фрау Чайковская подошла к нему и заговорила. В тот вечер Феликс передал письменное заявление, что претендентка «вне всякого сомнения» является его сестрой, однако отказался поставить свою подпись: «Нет, я этого не сделаю. Она мне не сестра».

(Через одиннадцать лет, в 1938 году, претендентка еще раз предстала перед семьей Шанцковских. Нацистское правительство в Берлине потребовало, чтобы она явилась в полицию, где ее поджидали четверо Шанцковских, два брата и две сестры. Фрау Чайковская нервно расхаживала по комнате, в то время как Шанцковские таращились на нее во все глаза и тихо переговаривались между собой. Наконец один из братьев заявил: «Нет, эта женщина выглядит немного по-другому».

Казалось, что на этом встреча окончилась, однако внезапно Гертруда Шанцковская, стукнув кулаком по столу, воскликнула: «Ты моя сестра! Ты моя сестра! Я знаю! Ты, конечно, узнала меня!».

Присутствовавший при этом полицейский уставился на фрау Чайковскую. Та, не дрогнув, встретила его взгляд. «Что, по-вашему, мне сказать на это?» — спросила она.

Было видно, что оба брата и вторая сестра чувствовали себя крайне неловко и пытались утихомирить Гертруду. Та же, распаясь, кричала все громче: «Признайся! Признайся!».

Через несколько минут все разошлись по домам.)

Двадцатые годы приближались к концу, и семейные распри в целом утихли. Обе стороны заметно

подустали. Принц Вальдемар Датский, брат вдовствующей императрицы Марии, который несмотря на возражения сестры оплачивал пребывание фрау Чайковской в больницах и санаториях, под давлением семьи был вынужден прекратить помощь. Датский посол в Германии, Херлуф Цале, самый активный из официальных берлинских сторонников претендентки, получил от правительства распоряжение закончить свою деятельность по поддержке самозванки.

«Я сделал все, что в моих силах, так что (датское) королевское семейство останется незапятнанным в глазах истории, — с горечью заметил Цале. — И если русская императорская семья предпочитает, чтобы одна из их представителей умерла в сточной канаве, что же тут я бессилён».

Лишившись поддержки со стороны Цале, претендентка нашла пристанище у Георга Лейтенбергского, дальнего родственника Романовых и владельца замка Зееон в Верхней Баварии. Герцог занял компромиссную позицию. «Не берусь сказать, является ли она дочерью царя или нет. Но покуда у меня есть чувство, что человек, принадлежащий к моему узкому общественному кругу, нуждается в моей помощи, мой долг — оказать эту помощь».

Супруга герцога, Ольга, отнюдь не разделяла его чувства. На протяжении одиннадцати месяцев она то и дело ссорилась с их гостьей из-за подаваемой пищи, слуг, постельного белья, из-за того, как подается чай и какие цветы ставятся в вазы.

«Кто, по ее мнению, она такая?» — гневно вопрошала герцогиня.

«Я дочь вашего императора», — следовал высокомерный ответ.

Симпатии семьи Лейтенберг разделились: старшая дочь, Наталья, страстно верила в то, что их гостья —

царская дочь; сын Димитрий и его жена Екатерина проявляли к претендентке не менее яростную враждебность. Разгуливающая по залам и коридорам замка английская гувернантка Фейт Лэвингтон «ежедневно встречалась с «больной» леди» и неизменно восхищалась «ее чистейшим, безукоризненным английским произношением». Мнение мисс Лэвингтон было следующим: «Я уверена, что это она».

Когда княгиня Ксения предложила фрау Чайковской погостить и набраться сил в ее владениях на Лонг-Айленде, та охотно приняла приглашение. Спустя полгода между княгиней и ее гостьей уже вспыхивали постоянные ссоры, и пианист Сергей Рахманинов был вынужден снять для претендентки комфортабельный гостиничный люкс в Гарден-Сити, тоже на Лонг-Айленде. Там, во избежание назойливых газетчиков, фрау Чайковская поселилась под именем миссис Андерсон. Позднее она добавила к фамилии имя Анна, и о фрау Чайковской больше никто не слыхивал. В начале 1929 года она переехала к Энни Б. Дженнигс, богатой старой деве с Парк-авеню, которой очень хотелось поселить под своей крышей царскую дочь. На протяжении полутора лет бывшая фройляйн Унбеканнт находилась в центре внимания нью-йоркского общества, превратившись в непременный атрибут бесконечных обедов, завтраков, танцев и оперных спектаклей. Однако вскоре ее ужасное поведение дало о себе знать с прежней силой. Миссис Андерсон вновь принялась поносить приютивших ее и нередко устраивала безобразные сцены. Она кидалась на слуг с палками и голышом бегала по крыше. Она швыряла из окна вещи. Как-то раз, стоя в проходе универмага, Андерсон громко пожаловалась толпе на дурное обращение с ней мисс Дженнигс. Наконец судья

Питер Шмун из Верховного суда Нью-Йорка подписал ордер, и двое мужчин, взломав дверь, увезли претендентку в психиатрическую клинику. Более года она оставалась в санатории «Фор Уиндз» в Катоне, штат Нью-Йорк.

Пока Анна Андерсон жила в Америке, поползли слухи о том, что в Английском банке хранятся деньги царской семьи.

Путешествие претендентки в Америку состоялось, главным образом, по инициативе Глеба Боткина, младшего сына царского лейб-медика, погибшего вместе с императорской семьей. Работая на Лонг-Айленде журналистом и иллюстратором, Глеб получил предложение от нескольких газет написать серию статей о младшей дочери царя, с которой он был знаком в детстве. Принцесса Ксения, прочтя эти статьи, пригласила к себе в Ойстер-Бей женщину, которая вполне могла оказаться ее кузиной. Пока претендентка гостила у Ксении, Глеб превратился в ее главного советчика и часто навевался к ним. К тому времени Глеб и его старшая сестра Татьяна, встречавшаяся с претенденткой в Европе, уже были твердо убеждены, что имеют дело с великой княжной. Глеб еще в детстве проявил себя как одаренный художник, рисовал карикатуры животных, главным образом свиней, одетых в пышное придворное платье, что неизменно приводило юных великих княжон в восторг, особенно Анастасию. Когда он впервые навестил претендентку в замке Зееон, та, перед тем как принять его, заявила:

«Спросите у него, захватил ли он с собой своих смешных зверюшек».

Оказалось, он захватил, и, взглянув на рисунки и, судя по всему, вспомнив прошлое, женщина рассме-

ялась. После чего, будучи абсолютно уверенным в том, что перед ним Анастасия, Глеб убеждал претендентку махнуть рукой на враждебно настроенных родственников в Европе и перебраться в Америку.

В Америке Глеб отдал делу «Анастасии» все силы. Когда была опубликована «Романовская декларация», он в ответ отослал язвительное письмо великой княгине Ксении, старшей из двоих теток Анастасии:

«Ваше Императорское Высочество!

Не прошло и двадцати четырех часов с момента смерти вашей матери... как вы поспешили совершить очередной шаг в заговоре, дабы обогатить вашу племянницу.

Перед тем злом, какое совершает Ваше Императорское Высочество, блекнет даже чудовищное убийство большевиками Императора, его семьи и моего отца. Легче понять преступление, совершаемое бандой обезумевших и пьяных дикарей, нежели спокойное, систематичное, бесконечное преследование одной из вашей собственной семьи... великой княжны Анастасии Николаевны, чья единственная вина состоит в том, что будучи законной наследницей покойного Императора, она стоит на пути жадных и не порядочных ее родственников».

Письмо Глеба окончательно подорвало долгое терпение Романовых. Великий князь Андрей был в шоке.

«Все потеряно, — писал он сестре Глеба Татьяне. — Неужели он не понимает, что он наделал? Он все погубил!»

«Великий князь также заметил, что дело начало приобретать новый оборот, перерастая в интригу из-за царского наследства, — писала Татьяна Боткина. — Это совершенно оскорбило великого князя, и он более не желал, чтобы его имя было замешанным в этой истории».

Действительно, Глеб Боткин проявил озабоченность о деньгах — по его мнению, принадлежавших претендентке, — и даже нанял адвоката помочь ей добиться их получения. О романовском наследстве ходили упорные слухи — будто в Английском банке хранятся миллионы царских рублей золотом. В июле 1928 года, когда претендентка гостила в Ойстер-Бей, Боткин попросил американского адвоката, Эдварда Фэллоуза, чтобы тот расследовал это дело. Фэллоуз ответил согласием и, приняв на себя обязанности поверенного претендентки, занялся поисками, которые в конечном итоге отняли у него двенадцать лет жизни. Для начала он попросил свою клиентку подписать заявление о том, будто незадолго до гибели семьи в Екатеринбурге царь Николай II объявил всем своим дочерям, что на имя каждой из них он положил в Английском Банке по 5 миллионов рублей. Далее, с тем чтобы оплатить свои собственные гонорары и обеспечивать необходимые для ведения дела суммы, Фэллоуз образовал в Дэлавере некую корпорацию под названием «Гранданор» — то есть «Великая российская княжна Анастасия Николаевна». Богатые друзья миссис Дженнигс получили предложение вложить в корпорацию деньги. Обеспечив себе мощную поддержку, Фэллоуз далее направился в Лондон вести переговоры с Английским Банком*.

* В Европе Фэллоуз где только мог разыскивал деньги, а также доказательства того, что младшая дочь царя действительно спаслась. 7 октября 1935 года он написал германскому канцлеру Адольфу Гитлеру: «Чудом она спаслась от Юровского и других свресв, убивших ее семью», добавив при этом, что в гитлеровском Министерстве внутренних дел наверняка имеются папки с «признаниями этого еврея Юровского, возглавлявшего банду еврееубийц». Гитлер, к которому Фэллоуз обращался как «высокочтимый» и «глубокоуважаемый сэръ», не удостоил его ответом.

Банк ответил адвокату, что не имеет права разглашать информацию о частных вкладах, даже касающихся того, существуют ли эти вклады или нет. Во-первых, сказали в Банке, мистер Фэллоуз должен обратиться в суд лорда-канцлера и получить там официальное свидетельство, что его клиенткой действительно является великая княжна Анастасия. Фэллоуз метался из Америки в Европу, тратя суммы, предоставленные миссис Дженнигс и собранные ее корпорацией «Гранданор», а затем и вообще был вынужден вкладывать собственные средства — для чего обналичивал страховки, продавал акции и облигации и в конце концов даже продал собственный дом и переселился с семьей в квартиру. В конечном итоге, как выразилась его дочь, «работа его доконала».

Спор о (якобы хранящихся в Английском банке) романовских капиталах продолжался и после смерти Фэллоуза, скончавшегося в 1940 году. В 1951 году мадам Лили Ден, бывшая когда-то одной из ближайших подруг императрицы Александры, заявила под присягой, что после ареста императорской семьи в Царском Селе, пока Романовы ждали, когда их отправят в Англию, императрица сказала ей: «По крайней мере, нам не придется просить милостыню, ведь у нас в Английском банке целое состояние».

Это состояние так никогда и не было найдено. По имеющимся свидетельствам, Николай во время первой мировой войны перевел в Россию все деньги, которые они с женой хранили в Англии, с тем чтобы использовать их на обустройство госпиталей и санитарных поездов. Многие представители русского дворянства и просто зажиточные семьи последовали его примеру.

После революции мать Николая II и две его сестры жили тем, что сумели выручить от продажи дра-

гоценностей, а также на подачки датской и английской родни. Сторонники Анны Андерсон доказывали, что деньги, отложенные Николаем II для дочерей — по всей видимости приданое, — не могли быть возвращены в Россию или розданы в семье. Эта надежда, что деньги, предназначенные для дочерей, все еще ожидают своего часа в сейфе какого-либо из банков, была сильно подорвана в 1960 году, когда сэр Эдвард Пикок, директор Английского банка с 1920 по 1946 год, сделал следующее заявление:

«Я уверен, что ни в Английском банке, ни в каком-либо другом британском банке никогда не было никаких денег императорской семьи. Разумеется, нелегко произнести это «никогда», однако я берусь утверждать, что по крайней мере после первой мировой войны и в долгую мою бытность директором банка там уже не было никаких денег».

Однако даже теперь британские банкиры не удивляются, когда публика отказывается верить их заявлениям. Джон Орбелл, работник архива банка «Бэринг Бразерс», частного лондонского банка, в котором после революции хранились средства русского императорского правительства, на вопросы «о романовском фамильном состоянии отвечает с вежливой сдержанностью.»*

* В банке «Бэринг Бразерс» не отрицали, что на протяжении семидесяти лет там хранились миллионы фунтов стерлингов российских денег. 7 ноября 1917 года, в день захвата власти большевиками, британское правительство заморозило 4 млн фунтов, размещенных в банке «Бэринг Бразерс» императорским правительством. За годы хранения благодаря процентам эта сумма выросла до 62 миллионов фунтов. 8 июля 1986 года, в эру «гласности и перестройки», правительства Михаила Горбачева и Маргарет Тэтчер решили позабыть старые обиды и использовать эту сумму на выплату компенсаций британским держателям облига-

«Люди постоянно спрашивают, — говорит он. — Они не желают слышать «нет». Это просто невыносимо. Послушайте, если бы деньги действительно имелись, этот факт уже давно бы всплыл. Ведь тогда наверняка нашлась бы какая-нибудь бумажка, банковское заявление, ну что угодно. Какой-нибудь самый мелкий клерк наверняка уже давно бы откопал ее и сделал себе целое состояние, рассказывая свою историю газетам. Но ничего так и не обнаружилось».

В период между 1987 и 1990 годами все эти заявления были тщательно рассмотрены, определен размер ущерба и вычислен обменный курс. В конечном итоге бывшие держатели облигаций и владельцы собственности получили компенсацию из расчета 54,78 процента первоначальной стоимости. Вполне возможно, что существование столь крупных сумм «царского правительства» привело к возникновению слухов о

ций Российского банка и также тем гражданам Британии и Содружества, которые вследствие Октябрьской революции лишились в России собственности и других ценностей. Список подавших на компенсацию оказался длинным — 37 тысяч заявлений. Перечисление потерянной собственности оказалось еще больше — 60 тысяч пунктов. По значимости ущерба оно варьировалось от нефтяных скважин, фабрик, страховых компаний, судов, золотых приисков, месторождений меди и угля до личных драгоценностей, мебели, автомобилей и банковских счетов. Один истец потребовал денежной компенсации за пять дюжин оставленных в России чулок, другой — за сезонный билет в оперу, который он так и не смог использовать из-за революции. Один британский гражданин, которому в России принадлежал фруктовый сад, заявил: проснувшись однажды утром, он обнаружил, что его сад заполнили солдаты, а «материальные ценности», как значилось в его заявлении, «употреблены». Другой британец потребовал денежной компенсации за потерянного попугая.

«фамильном состоянии Романовых». Даже сегодня еще находятся те, кто утверждает, что «поскольку царь именовался Самодержцем Всея Руси, то лично владел Россией — ее землей, недвижимостью, банковскими счетами — буквально всем». Следовательно, вклады в банке «Бэринг Бразерс», рассуждают эти люди, принадлежали ему и наследникам. Российское законодательство не разделяет этого мнения.

В августе 1932 года в запертой на ключ каюте океанского лайнера «Германия» в сопровождении частной сиделки в Европу вернулась Анна Андерсон. Энни Б. Дженнигс, ее благодетельница с Парк-авеню, заплатила за этот вояж из своего кармана — как, впрочем, и те двадцать пять тысяч долларов, которые ей пришлось выложить за годовичное пребывание претендентки в санатории «Фор Уиндз», и как деньги, какие еще предстояло выплатить за дополнительное шестимесячное лечение в психиатрической клинике Ильтен близ Ганновера. Когда курс лечения подошел к концу, миссис Андерсон пустилась в очередные семилетние странствия. Несколько лет она жила в Ганновере, затем переезжала в Баварию, Померанию, Вестфалию, Саксонию, Тюрингию и даже в Гессен. Вторая мировая война застала ее в Ганновере, где ей пришлось пережить массированные бомбардировки авиации союзников. Когда город, по существу, превратился в руины, она нашла приют в старинном замке на востоке страны. В конце войны эту территорию заняли советские войска и претендентка благодаря содействию какого-то немецкого князя и шведского Красного Креста бежала на запад, в будущую ФРГ.

В 1949 году князь Фредерик Заксен-Альтенбург-

ский на свои скудные средства поселил ее в бывшей казарме в деревне Унтерленгенхардт на краю Шварцвальда. В этом скромном жилище, окруженном со всех сторон разросшимся кустарником, виноградной лозой, шиповником и высокой травой, охраняемая четырьмя огромными псами — помесью сенбернара с волкодавом, Анна Андерсон провела последующие девятнадцать лет. Несколько образованных пожилых немки по очереди заботились о ней и исполняли ее прихоти. Разговаривала она с ними исключительно по-английски — именно с того времени и до конца жизни она предпочитала говорить на этом языке. Но и тут судьба сыграла с ней злую шутку: ее пристрастие к английскому — как и полное нежелание говорить по-русски — в конечном итоге обернулось против нее.

«Это не тот английский, который ребенок усваивает еще в детстве — как, например, Анастасия, — заметил английский писатель Майкл Торнтон, впервые посетивший Унтерленгенхардт в 1960 году. — Акцент был явно немецкий, предложения построены по-немецки, грамматика — жуткая. В Лондоне я был знаком с великой княгиней Ксенией, тетей Анастасии. Ее английский был прост, чист и изящен, как и у всех Романовых».

За годы, проведенные претенденткой в Унтерленгенхардте, на первый план выступили два важных свидетеля. Лили Ден, подруга императрицы, и Сидней Гиббс, бывший учитель английского языка царских детей. Их показания были взаимоисключающими.

«Я узнала ее, физически и интуитивно, по признакам, которые не обманут», — заявила мадам Ден.

Гиббс разошелся с ней во мнениях: «Если она великая княжна Анастасия, то я китаец», — заметил он в разговоре с другом. В письменном свидетельстве

он изложил свое мнение сухим языком юридического документа.

«Она никоим образом не напоминает мне истинную великую княжну Анастасию, которую я когда-то знал... Я совершенно уверен в том, что это самозванка»*.

В эти годы появились пьеса и фильм «Анастасия», в результате чего Анна Андерсон пережила новый всплеск популярности, уже в международном масштабе. Когда создатели сценария, которые до этого

* Одна свидетельница, знавшая великую княжну Анастасию лучше, чем Лили Ден, баронесса Буксгевден, Пьер Жильяр или Сидней Гиббс, или, во всяком случае, не хуже чем великая княгиня Ольга или Шура Теглева, ни разу не удостоилась приглашения дать свидетельские показания — ни от сторонников претендентки, ни от ее врагов. Речь идет о близкой подруге Александры, Анне Вырубовой, чья роль при императрице являла собой нечто среднее между младшей сестрой и старшей дочерью.

Анна жила в Царском Селе в небольшом особняке на другой стороне улицы от Александровского дворца и проводила дни в обществе императрицы, а вечера — вместе с семьей. Она сопровождала их на отдых в Крым и в вояжах по Балтийскому морю на борту императорской яхты. Вырубова несомненно последовала бы за семьей в Сибирь, если бы, арестованная Александром Керенским, не провела пять месяцев в заключении в Петропавловской крепости.

В конечном итоге ее выпустили. Вырубова уехала из России и поселилась в Финляндии, где прожила до самой своей смерти, скончавшись в 1964 году в возрасте восьмидесяти лет. Ее не приглашали свидетельствовать по делу Анны Андерсон, поскольку она была другом и последовательницей Григория Распутина, опозорившего Россию в глазах всего мира.

«Мы полагали, — призналась Татьяна Боткина, — что участие в этом деле мадам Вырубовой нанесет серьезный урон делу Анастасии в глазах русской эмиграции, которая, по большей части, глубоко презирала Распутина».

не догадывались, что она все еще жива, прониклись к ней сочувствием, добровольно заплатили ей тридцать тысяч долларов из 400 тысяч, полученных ими от киностудии «Двадцатый век — Фокс», — миссис Андерсон использовала эти деньги на то, чтобы на месте рушащейся казармы построить небольшое шале.

Публика, увидев фотографии Анны Андерсон, принялась жаловаться, что она не похожа на Ингрид Бергман.

Ее внешность в эти годы с фотографической точностью была описана мадам Доминик Оклер, корреспонденткой парижской газеты «Фигаро», впервые навестившей претендентку в Унтерленгенхардте в 1960 году и впоследствии ставшей ее горячей сторонницей.

«Неожиданно дверь открылась и моему взгляду предстала самая странная женщина из всех, кого я встречала за всю свою жизнь. Это была крошечная мадам Баттерфляй, переодетая в уроженку Тироля. На ней было японское кимоно, поверх которого накинута австрийский плащ, а потом еще черный макинтош. Поверх заостренного капюшона она водрузила тирольскую зеленую фетровую шляпу. Волосы ее были светло-каштановыми, с проседью, коротко подстриженные по линии ушей. На руках черные кожаные перчатки. Походка же ее казалась какой-то парящей, отчего эта женщина-привидение выглядела еще более нереальной. Я разглядела слегка заостренный и вздернутый нос (я видела ее в профиль) и глаза, скорее серые, нежели голубые. Ее зятая в перчатку рука сжимала небольшой бумажный веер, прикрывавший ее рот, и этот веер ни разу не шелохнулся за время моего визита».

Перед самым уходом мадам Оклер, улучив момент, сумела разглядеть рот хозяйки дома, «деформи-

рованный верхней челюстью, слегка перекошенной вправо». Интервью велось на английском языке, хотя в какой-то момент, когда журналистка по забывчивости заговорила по-французски, хозяйка дома тотчас ответила гостье на ее родном языке. Ее акцент, заверяет мадам Оклер, был безукоризненным.

Дело Анны Андерсон вылилось в самое долгое судебное разбирательство в Германии на протяжении XX века. Началось оно в 1938 году, когда миссис Андерсон обратилась в суд, оспаривая присвоение германскими родственниками Александры Федоровны ее небольшого немецкого поместья. Этот процесс был прерван второй мировой войной и возобновился в Гамбурге в пятидесятые и шестидесятые годы, окончательно завершившись в 1976 году, когда Верховный суд Германии в Карлсруэ отказался рассмотреть ее апелляцию. Противниками требований Анны Андерсон на всех этих процессах выступали представители Гессенского Дома, твердо вознамерившиеся опорочить претендентку во что бы то ни стало. Великий князь Эрнст уже отошел в мир иной, однако его сын, князь Луи, продолжил дело отца, взяв в союзники племянницу, княгиню Барбару Мекленбургскую. Финансовую поддержку гессенцам оказывал сам лорд Луис Маунтбеттен, британский герой, бывший вице-король Индии и дядя супруга нынешней королевы, принца Филиппа. Дело в том, что лорд Маунтбеттен тоже был гессенцем. Его мать, принцесса Виктория Баттенбергская, доводилась императрице Александре родной сестрой. Прусская принцесса Ирина приходилась ему теткой, а великий князь Гессенский Эрнст — родным дядей. И случись Анне Андерсон доказать суду, что она дей-

ствительно великая княжна Анастасия, как Маунтбеттену пришлось бы признать ее как свою кузину. Вот почему лорд твердо вознамерился ни в коем случае не допустить подобного развития событий и даже пошел на то, чтобы тысячи фунтов, унаследованные им после смерти его богатой супруги, перекочевали в карманы адвокатов.

В пятидесятые-шестидесятые годы внимание немецкого правосудия привлекло к себе одно веское доказательство, которое в начале разбирательства по делу Анны Андерсон практически никто не принимал в расчет. Это было мнение науки и медицины, и, как ни странно, оно свидетельствовало в пользу притязаний Анны Андерсон. В первые годы после появления претендентки врачи — большей частью психологи — склонялись к тому, чтобы поверить рассказанной ею истории. В 1925 году доктор Лотар Нобель, директор Моммзенговской клиники в Берлине, выразил убежденность в том, что у пациентки не наблюдается психического расстройства: «... Невозможно себе представить, чтобы ее знание мельчайших подробностей было следствием не личного опыта, а чего-то еще. Более того, с точки зрения психологии, практически невероятно, чтобы кто-то, кто играет роль другого человека, вел себя так, как она».

То же самое мнение, будто пациентка была бы просто не в состоянии долго играть роль другого человека, снова прозвучало в 1927 году. После того, как претендентка провела восемь месяцев в санатории в Баварских Альпах, его директор, доктор Заатхоф заявил: «По моему мнению, просто невероятно, чтобы фрау Чайковская была самозванкой, даже в самые критические моменты она всегда держала себя совершенно противоположным образом, нежели можно было ожидать от самозванки».

Подобное, хотя и не профессиональное мнение, было высказано княгиней Ксенией, после того как она довольно долго наблюдала за претенденткой в своих владениях на Лонг-Айленде: «Одним из наиболее убедительных моментов ее личности было полное и безусловное восприятие себя как великой княжны Анастасии. Она ни разу не производила даже малейшего впечатления человека, играющего роль».

Во время гамбургских разбирательств суд вынес решение получить физические доказательства, основанные на научных данных, и посему назначил двух весьма заслуженных экспертов: доктора Отто Рехе, патологоанатома и криминалиста с мировым именем, основателя Общества немецких патологоанатомов, и графолога доктора Минну Беккер, которая помогала определить авторство дневника Анны Франк. Оба этих заслуженных деятеля науки не искали себе ни денег, ни славы — они лишь, как профессионалы, дали заключение по поводу претендентки.

Рехе собрал более сотни фотографий великой княжны Анастасии, а затем под тем же самым углом и при том же самом освещении фотографировал Анну Андерсон. Сравнивая миллиметр за миллиметром оба лица, он пришел к заключению, что «подобное совпадение двух человеческих лиц возможно лишь в случае, если это лицо одного и того же человека или же однойцевых близнецов».

Беккер отыскала более ста образцов почерка великой княжны Анастасии и сравнила их с почерком Анны Андерсон.

«Мне еще ни разу не доводилось видеть два почерка, принадлежащих якобы двум разным людям, которые бы обнаруживали между собой столь разительное сходство, — заявила графолог. — Здесь не может быть никакой ошибки. Имея тридцатичеты-

рехлетний опыт свидетельствования в германских судах, я готова клятвенно заявить — как под присягой, так и по долгу чести, что миссис Андерсон и великая княжна Анастасия — одно и то же лицо.

Несмотря на сделанные доктором Рехе и доктором Беккер заявления, суд объявил дело *non liquet*, то есть незаконченным за отсутствием доказательств.

Пока Анна Андерсон была жива, она стала свидетелем еще одной научной победы, одержанной в 1977 году ведущим немецким патологоанатомом доктором Морицем Фуртмайером. Фуртмайер изобрел систему картографирования человеческого черепа при помощи специальной сетки, в результате чего ему удалось получить так называемый «отпечаток головы», который никогда не бывает одинаков у двух людей. Используя этот свой метод, который, кстати, признан и применяется в немецких судах при рассмотрении уголовных дел, Фуртмайер доказал, что анатомические точки и особенности строения тканей правого уха Анны Андерсон совпадают с аналогичными у правого уха великой княжны Анастасии в семнадцати пунктах, что на пять пунктов больше, чем требуется германским судом для опознания личности.

Доклад Фуртмайера явился неприятным шоком для лорда Маунтбеттена. Несмотря на крупные судебные расходы, Маунтбеттен ни разу не встречался с претенденткой. Однако в 1977 году Майкл Торнтон, захватив с собой копию фуртмайерского доклада, посетил графа Маунтбеттена в его загородном имении Бродлэндс.

«Сев напротив меня, он дважды прочитал бумагу — по-немецки и в английском переводе. Пока он читал, мне было прекрасно видно его лицо. И я сумел разглядеть на нем осознание того, что, к его

ужасу, не исключена возможность, что эта полубезумная женщина — эксцентричная, невообразимая, безоговорочно отметаема подавляющим большинством людей, видевших ее, — вполне может оказаться его кузиной, великой княжной Анастасией».

Тем не менее в конечном итоге суд не сделал окончательных выводов. Суд не стал выносить решения, что Анна Андерсон не является великой княжной Анастасией, ограничившись постановлением, что она не сумела доказать, что является таковой. Восемь тысяч страниц свидетельских показаний были переплетены в сорок девять томов, поставлены на полки и забыты.

У себя в Унтерленгенхардте Анна Андерсон заявила, что ей теперь все равно: «Мне прекрасно известно, кто я такая. И мне нет ровно никакой необходимости доказывать это в суде».

Тем временем ее жизнь заметно пошла под уклон. Она отгородилась от мира, отказавшись принимать даже самых близких друзей, и жила в полном одиночестве, если не считать ее шестидесяти котов. Когда сдох третий из ее сторожевых псов, она собственными руками предала его земле, закопав в яме — настолько неглубокой, что зловоние начало распространяться по всей деревне и вызвало нареkanie со стороны местных санитарных властей. Оскорбившись, миссис Андерсон неожиданно решила принять приглашение своего давнего друга Глеба Боткина, не раз выручавшего ее на протяжении сорока лет.

Боткин, который теперь поселился в Шарлотсвилле, штат Вирджиния, подружился с одним зажиточным генеалогистом, доктором Джоном Мэнаханом. По подсказке Боткина старый холостяк Мэнахан

предложил претендентке погостить у него в Вирджинии — сколько та сочтет нужным. 13 июля 1968 года, не сказав никому в Европе ни единого слова, Анна Андерсон неожиданно вылетела в аэропорт имени Даллеса — между прочим, за счет Мэнахана. В Америке ее встретили Боткин и Мэнахан и на машине отвезли в Шарлотсвилл. В декабре 1968 года претендентка в очередной раз повергла своих европейских друзей в шок, выйдя замуж за розовошекого, подстриженного под «ежик» Мэнахана, который был младше ее по меньшей мере на восемнадцать лет. Это брак по расчету, сказали они себе, ведь у миссис Андерсон истекала американская виза. Мэнахан же, хотя и казался слегка смущенным, тем не менее был доволен: «Интересно, что бы подумал царь Николай, случись ему увидеть своего зятя?» — спросил Мэнахан у шафера. «Я думаю, он остался бы благодарен», — ответил ему Глеб Боткин.

Анастасия и Джон Мэнахан прожили вместе более пятнадцати лет. У них были отдельные спальни в классически элегантном доме на одной из тихих улиц Шарлотсвилла, лишь в нескольких кварталах от университета и знаменитой библиотеки Томаса Джефферсона. Она звала его — неизвестно почему — Ганс, он же ее величал Анастасией. Каждый день они выезжали на машине на его огромную ферму в окрестностях города и частенько обедали в Фармингтонском загородном клубе. Там Анастасия — хрупкая фигурка с крашеными каштановыми волосами, как правило одетая в блузку и мешковатые ярко-красные брюки — аккуратно собирала объедки с тарелок и, завернув их в фольгу, забирала домой, чтобы кормить свою растущую не по дням, а по часам кошачью семью. Неудивительно, что вскоре и дом и сад стали до боли напоминать шале в Унтерленгенхардте. Раз-

росшиеся кусты, плющ и трава заполонили двор, полностью загородив фасад дома. Внутри особняка на полу гостиной высились стопки книг и лежали разбросанные газеты, которые были призваны закрывать собой кошачьи испражнения. Когда одна представительница кошачьего племени сдохла, миссис Мэнахан кремировала ее в камине. Казалось, Мэнахан не имел ничего против.

«Так нравится Анастасии», — объяснял он.

Соседи же, наоборот, имели повод для возражений, и в 1978 году чета Мэнаханов получила повестку в суд из-за дурного запаха, исходившего от их дома.

«По-моему, будет уместнее назвать его вонью, — признался один из друзей».

Мэнахану нравилось играть роль мужа Анастасии. Иногда он называл себя «великим князем на побегушках». Его супруга, казалось, проявляла полное равнодушие.

«Это было так давно, — говорила она. — Все мертво, все в прошлом. России больше нет».

Постепенно супружеская чета деградировала, от эксцентричности к полному помешательству. Как-то раз Мэнахан прилюдно заявил, что его супруга — потомок Чингисхана. Впоследствии он прибавил к ее родословной Фердинанда и Изабеллу. В 1974 году он составил Рождественское поздравление длиной в девять тысяч слов, в котором обвинял Франклина Делано Рузвельта в том, что тот якобы помогал марксистскому заговору с целью обращения всего мира в коммунизм. Там же он описал один из эпизодов в конце второй мировой войны как появление в Европе «американских негров с автоматами наперевес». Он и его супруга, заявил Мэнахан, находятся под постоянным наблюдением ЦРУ, КГБ и Британской секретной службы. Анастасия заявила одному из гос-

тей, что в Ипатьевском доме их всех, за исключением царевича, неоднократно изнасиловали, причем всех заставляли смотреть, когда насилию подвергался кто-то другой. В ноябре 1983 года миссис Мэнахан поместили в психиатрическую клинику. Через несколько дней супруг выкрал ее оттуда, и они еще три дня разъезжали взад-вперед по вирджинской глубинке, останавливаясь, чтобы перекусить в придорожных заведениях. Полиция тринадцати штатов Восточного побережья была поставлена на ноги — в результате беглянку удалось перехватить и заново препроводить в психиатрическую клинику.

Спустя три месяца, 12 февраля 1984 года, Анастасия Мэнахан скончалась от пневмонии. В тот же день тело ее было кремировано, а с наступлением весны пепел предан земле на кладбище замка Зееон. Джон Мэнахан пережил жену на шесть лет.

Когда Анна Андерсон скончалась, спор о том, кто же все-таки она такая, оставался неразрешенным. Сама того не ведая, Андерсон, оставила после себя одно свидетельство, способное сказать миру, кем же все-таки она была.

ДЕЛО ЧЕСТИ ВСЕЙ СЕМЬИ

За четыре с половиной года до смерти Анастасия Мэнахан пережила серьезный медицинский кризис. 20 августа 1979 года, после того как в течение нескольких дней она испытывала приступы тошноты и упрямо отказывалась от помощи, ее срочно доставили в больницу имени Марты Джефферсон в Шарлотсвилле. Доктор Ричард Шрам приступил к операции немедленно. Он обнаружил непроходимость и гангрену в тонкой кишке, вызванные образованием яичниковой опухоли, и удалил почти один фунт кишки. Затем Шрам наложил швы. Миссис Мэнахан была очень тяжелой пациенткой. Первое время после операции она то и дело вытаскивала трубки из своего тела. В конце концов ее поведение улучшилось. «Миссис Мэнахан оставалась замкнутой, не любила разговаривать с людьми и редко улыбалась, — вспоминал Шрам. — Она обычно сидела, держа у носа платок, словно боялась заразиться чем-нибудь».

Сразу же после операции Шрам, следуя принятому в больнице порядку, отправил удаленную им

ткань в лабораторию патологии, где оставили для исследований пять дюймов кишки. Эту ткань разделили на пять сегментов размером в один дюйм, и каждую окунули в раствор формалина, а затем запечатали в парафиновые кубики размером дюйм на полдюйма, которые положили в маленькую белоголубую коробочку. Эту коробочку поставили на полку вместе с другими такими же коробочками, содержащими образцы тканей. Удаленная ткань сохраняется после операции чисто в медицинских целях: если у пациента вновь возникнут такие же или сходные симптомы, то ткань, удаленная ранее, может оказать неоценимую помощь в постановке диагноза. В 1979 году больница имени Марты Джефферсон имела совершенно новую лабораторию патологии, открывшуюся лишь за год до описываемого события. «Мы храним все с тех пор, как она открылась, — сказал служащий больницы, — все образцы от всех пациентов, вне зависимости от того, кем является пациент».

Будучи положенными на хранение, образцы тканей, так же как и истории болезней, в юридическом отношении становятся собственностью больницы, которая, соблюдая обязательство перед пациентом, его семьей и наследниками, обеспечивает надежную сохранность этих материалов. Любая выдача истории болезни или образцов кому бы то ни было помимо пациента, его семьи, наследников или душеприказчиков возможна лишь на основании распоряжения суда.

После того как заявление, сделанное доктором Уильямом Мейплсом в июле 1992 года о том, что в екатеринбургской могиле не обнаружено трупа вели-

кой княгини Анастасии, получило международную известность, больница имени Марты Джефферсон сразу же оказалась в фокусе внимания некоторых лиц, пытавшихся выяснить, обладает ли данное медицинское учреждение образцами крови или ткани Анастасии Мэнахан. Впрочем, в этом, пожалуй, не было ничего удивительного. 22 сентября Сид Мандельбаум, эксперт по анализу крови с Лонг-Айленда, имевший связи с несколькими крупными лабораториями, сообщил в больницу, что он намеревается написать книгу об использовании анализов ДНК в области судебной медицины и хотел бы включить в нее главу об Анне Андерсон.

«Несмотря на то, что это не имеет прямого отношения к делу, — говорилось в письме Мандельбаума, — нам хотелось бы получить генетический образец... в форме образца крови, фолликулярных волос или тканевой культуры для анализа в лаборатории Колд-Спринг-Харбор или в Гарвардской медицинской школе».

Д. Д. Сэндридж, заместитель главного врача больницы имени Марты Джефферсон по административно-хозяйственной части, ответил Мандельбауму, что «у нас здесь нет ничего, что могло бы вам быть полезным». Позже мне в больнице объяснили, что в ответе была допущена неточность: «Дело было поручено некомпетентному лицу».

Компетентным же лицом оказалась Пенни Дженкинс, заведующая регистрационно-архивной частью; именно ей и пришлось иметь дело со следующими двумя просителями, интересовавшимися тканями Анастасии Мэнахан. Первой из них, написавшей в ноябре 1992 года, была Мэри Девитт, которая представилась «студенткой, изучающей судебно-медицинскую патологию в Техасском университете» и сказа-

ла, что хотела бы получить ткань, поскольку она «пишет курсовую работу». Дженкинс приняла Девитт за молодую студентку, «пишущую работу, как и моя дочь, которая учится в средней школе». Здесь не шла речь об «удовлетворении запроса медицинского характера» или «уходе за пациентом», решила Дженкинс, поэтому я сказала, «нет, я не могу вам помочь». Мэри Девитт, однако, не успокоилась на этом. Она установила контакт с Джеймсом Блэром Лавеллом, писателем из Вашингтона, автором последней биографии Анастасии, и объяснила ему, что, по ее сведениям, в больнице имеется ткань Анастасии, но что для получения требуемого судебного распоряжения ей необходима поддержка со стороны семьи Мэнаханов. Предложив Лавеллу работать вместе, она также согласилась оплатить услуги адвоката, если Лавелл найдет подход к Мэнаханам. Лавелл принял ее предложение и обзавелся письмом от Фреда Мэнахана, кузена Джона Мэнахана, которое наделяло его правом распоряжаться тканью. Девитт же наняла в Шарлотсвилле адвоката. Весной 1993 года, однако, Девитт написала Пенни Дженкинс, что впредь она, Мэри Девитт, будет иметь дело с больницей по всем вопросам, касающимся ткани, в то время как Джеймсу Лавеллу отводилась скромная роль историка, описывающего ход событий. Лавелл, услышав об этом письме, пришел в ярость и сказал Дженкинс: «От меня хотят отделаться!».

Дженкинс была поставлена перед необходимостью сделать выбор: «Поскольку чутье подсказывало мне, что Джимми выглядит в этом деле чуточку посolidнее, я решила, что мы больше не будем иметь никаких отношений с Мэри Девитт». Но позднее ей сказали, что Девитт, жене частного следователя, было уже за сорок.

Через два дня после того, как пришло первое письмо от Мэри Девитт, Дженкинс позвонил доктор Вилли Корте, который представился юристом и историком из Германии, занимающимся историческими исследованиями. Он сказал ей, что связан с институтом судебной медицины при Мюнхенском университете и работает в составе международной комиссии по идентификации костей, найденных близ Екатеринбурга. Комиссия эта, по его словам, поставила также перед собой задачу разрешить загадку Анастасии.

«У него был приятный, вкрадчивый голос, — вспоминала Дженкинс. — Он так и сыпал авторитетными именами, среди которых были: доктор Мейплс из Флориды... доктор Баден из Нью-Йорка и другие. Он сказал мне, что работа его заключалась в том, чтобы странствовать по свету в поисках образцов тканей для сравнительного анализа. Он поинтересовался, есть ли у нас такие образцы. Я ответила: «Да, у нас есть один образец». Вскоре после этого позвонил некий Томас Клайн, вашингтонский адвокат, работающий на фирму «Эндрюс энд Курт» и спросил насчет той самой ткани. Клайн сказал, что Корте, с которым он работает, находится в отъезде. Я повторила ему: «Да, у нас есть ткань». Больше никто из них мне не звонил, — сказала Дженкинс. — Я никогда не видела Корте, пока мы не оказались с ним вместе в зале суда. Но тогда он не стал разговаривать со мной».

В январе 1993 года Томас Клайн установил контакт с Фредом Мэнаханом, который, как полагал Клайн, имел право распоряжаться тканью. Мэнахан переадресовал Клайна к Джеймсу Лавеллу. 16 апреля, после нескольких телефонных разговоров, Клайн составил письмо на трех страницах, являвшееся формальной просьбой об оказании содействия в получении

нии доступа к образцам ткани Анастасии Мэнахан на предмет их анализа на ДНК, который должен был производиться институтом судебной медицины в Мюнхене. Он сказал также, что этот институт уже связался с некоторыми из ныне здравствующих родственников императорской семьи, чью кровь можно было бы использовать для сравнения ДНК.

Чтобы его обращение выглядело посолиднее, Клайн привел цитаты из двух научных статей, посвященных проблемам ДНК-анализа. Одной из них была работа группы ученых под руководством доктора Питера Гилла из научного отдела Британской судебно-медицинской службы. 18 июня Клайн снова написал Лавеллу письмо с целью пролить больше света на ту роль, которую играет доктор Вилли Корте в расследовании, проводимом мюнхенским институтом. Корте, по словам Клайна, был опытным исследователем, а не врачом. Клайн добавил также, что мюнхенский институт установил рабочие отношения с американскими учеными, занимающимися судебной медициной, «в частности, с доктором Мэри-Клэр Кинг, которая согласилась сотрудничать с институтом судебной медицины».

Настойчивость и даже нахрапистость, с какой действовал Томас Клайн, встревожила Джеймса Лавелла и заставила его предположить, что дело здесь нечисто. Ввиду неясности своего собственного юридического статуса Лавелл решил проконсультироваться с Ричардом Швейцером, адвокатом из Вирджинии, который, как и Лавелл, верил в истинность утверждений миссис Мэнахан о том, что она является дочерью царя. Заговорив о Клайне, Лавелл сказал Швейцеру: «Он до смерти замучил меня своими приставаниями, то и дело повторяя: „Мы обязаны получить ответ! Мы не можем оставить этого просто так!»

Мы должны действовать! Мы должны получить ответ от вас сейчас же!»».

Лавелл спросил Швейцера, что ему делать. «Джимми, тебе не нужно ничего делать, — посоветовал Швейцер. — Тебе не нужно даже разговаривать с ним по телефону».

«Итак, — рассказывал позже Швейцер, — в следующий раз, когда позвонил этот человек, Джимми, по своей инициативе, я вовсе не говорил ему поступать так, сделал лучшее, что он мог придумать в данной ситуации. Когда он услышал в трубке: «Вы должны ответить прямо сейчас, да или нет!», сказал: «Тогда мой ответ — нет» и положил трубку. Потом Джимми сказал мне: «Как ты думаешь — я поступил правильно? Что они могут сделать еще?». И я ответил ему: «Джимми, они ничего не могут сделать. Они не обладают процессуальной правоспособностью и не могут выступить стороной в судебном споре в штате Вирджиния, если у них нет процессуальной правоспособности. Единственное известное мне лицо, которое является постоянным жителем этого штата и которое может явиться в суд и иметь связь с этим делом — это Марина».

Марина Боткина-Швейцер, дочь Глеба Боткина — вирджинская дама со спокойными манерами и мягким южным акцентом. Ее внешность не сразу выдает в ней для посторонних русское происхождение, которым она очень дорожит. Ее прадедушка, доктор Сергей Боткин был отцом русской клинической медицины, а также другом и личным врачом царя Александра II; ее дедушка, доктор Евгений Боткин играл ту же роль при Николае II и вследствие своей преданности царю погиб вместе с императорской семьей в екатеринбург-

ском подвале. Она читает и говорит по-русски и по-немецки и каждый день садится к телевизору специально чтобы посмотреть московскую программу новостей, которую передают по кабельному телевидению. Всего у Глеба было четверо детей, и среди них лишь одна дочь, Марина, которая родилась в Бруклине и выросла на Лонг-Айленде, а образование получила в колледже Смита. Со своим будущим мужем Ричардом Швейцером она познакомилась, работая в адвокатской конторе в Шарлотсвилле.

Швейцер, который от лица своей жены должен был в одиночку вести битву в суде с известной во всей стране адвокатской фирмой, где работали 250 адвокатов, имел швейцарское происхождение. Его предки прибыли в Америку из Базельского кантона в начале девятнадцатого века. Они были религиозными миссионерами, обращавшими индейцев в христианство в Висконсине. Сам Швейцер окончил Вирджинский университет и четыре года во время второй мировой войны нес службу в Северной Атлантике, гоняясь за немецкими подводными лодками. Некоторое время он служил в секретном подразделении ВМС США, в задачу которого входило уничтожение укрытий для немецких подлодок. В своей адвокатской практике Швейцер специализировался в области международного перестрахования и финансов и ушел на пенсию в 1990 году. В свои семьдесят три года он отличается дородностью и, если его разозлить, становится агрессивным. У него прямая осанка, резкие черты лица, редящие седые волосы, он носит очки без оправы. Швейцер по привычке пересыпает свою речь юридическими терминами, но под ними угадываются ирония и чувство юмора. На судебном процессе, который затем состоялся, оппоненты Ричарда Швейцера вели себя свысока, пренебрежительно,

обращаясь с ним как с мелким адвокатишкой из захолустья. И в этом допустили ошибку.

Женщина, которую звали Анна Андерсон, вошла в жизнь Марины Швейцер, когда той было всего лишь пять лет. Это случилось во время посещения истицы ее отцом в замке Зееон. Марина немного знала претендентку, когда Анна Андерсон приезжала в Америку в конце двадцатых годов. В 1950-х, говорила Швейцер, «когда она прозябала в бедности в Блэк-Форест, мы вкладывали деньги в конверты и посылали ей заказной почтой. Наконец кто-то написал Глебу: «Пожалуйста, скажите миссис Швейцер, чтобы она перестала посылать деньги, потому что Анна тратит их на покупку мяса для собак, а вовсе не на продовольствие для себя». Мы, однако, не вняли этому предупреждению. И поэтому она знала, что мы — люди, которые хотели помочь ей».

«После того как Анна Андерсон вернулась в Америку в 1968 году и стала Анастасией Мэнахан, — продолжала свой рассказ Марина Швейцер, — мы видели ее два-три раза в год. Но у нее были более тесные отношения с моим отцом, чем с нами».

В действительности Марина Швейцер всегда относилась к Анастасии Мэнахан с некоторой опаской. «Она часто и подолгу разговаривала с нами по телефону... особенно если у нее были нелады с Джоном. Я намеренно держала ее на расстоянии, потому что за ней укрепилась репутация человека, который ссорится со всеми, кто с ней сближается. И все же мы никогда не ссорились. Она называла меня «Марина», а Дика — «мистер Швейцер». Была и еще одна причина, по которой мы не часто ходили туда. Я не могла выносить самого вида Джона и то, как он с ней обращался. Для него она была лишь вещью, ценным приобретением, которым можно похвастаться. Ду-

маю, что он нанес ее делу больше вреда, чем все ее враги вместе взятые. Она была ему нужна, чтобы поддержать его самомнение. Особенно меня возмутило то, что перед тем как жениться на ней, он отвез моего отца и ее в свой банк и заставил ее поклясться, что она — Анастасия, а затем заставил моего отца поклясться в том, что он знает наверняка, что она — Анастасия».

Чтобы она ни делала — а в последние годы своей жизни, признают Швейцеры, она подчас была не-сносна, — Марина и Ричард Швейцеры никогда не сомневались, что женщина, которую они знают, является дочерью царя. Ее поведение, полагали они, не было ненормальным для женщины, которой пришлось пройти через такие жестокие испытания. Ее личность оставалась загадкой. «Для нас, — говорил Ричард Швейцер, — знавших Анастасию все эти годы, было делом семейной чести изо всех сил стараться выполнить ее сокровенное желание, которое она пронесла с собой через всю свою жизнь и которое заключалось в том, чтобы ее признали великой княжной Анастасией».

Семья Мэнаханов и Джеймс Блэр Лавелл в начале 1993 года еще и не подозревали, что по законодательству штата Вирджиния они не имеют права распорядиться тканью Анастасии Мэнахан. В Вирджинии в случаях отсутствия завещания, а также если у умершего не осталось в живых ни супруга, ни детей, право наследования имущества переходит к ближайшим кровным родственникам. Ближайшими родственниками жены Джона Мэнахана были его кузены, но это было не кровное родство, и когда администрация больницы имени Марты Джефферсон узнала о вы-

движении претензий на право владения тканью, то вежливо уведомила Мэнаханов о существовании данного закона. Если Мэнаханов не обладали таким правом, то, следовательно, не могли распространить его действие на Джеймса Лавелла, а тот в свою очередь не мог уступить это право ни Мэри Девитт, ни Томасу Клайну, ни кому бы то ни было еще.

Пенни Дженкинс, узнав об этом от адвокатов, чьими услугами пользовалась больница, начала беспокоиться. Она уже имела разговор с Ричардом Швейцером, когда Девитт, пытаясь заполучить образцы ткани, наняла шарлотсвиллского адвоката. В то время Швейцер сказал: «Послушайте, если эти люди придут к вам, и вы не захотите им ничего давать, немедленно свяжитесь со мной. Я приеду в Шарлотсвилл и подам в суд заявление от имени Марины о вступлении ее в процесс как стороны, в котором буду настаивать на том, чтобы никаких материалов не выдавалось, если не будут защищены должным образом интересы больницы и оставлена часть образцов». Сторона, вступающая в процесс — юридический термин, обозначающий вмешательство в тяжбу третьей стороны с разрешения суда. Поскольку Марина была как гражданкой штата Вирджиния, так и прямым потомком одной из жертв массового убийства, совершенного в доме Ипатьевых, Швейцер питал уверенность, что ей будет предоставлено такое разрешение.

После того как Мэри Девитт исчезла, Швейцер и Дженкинс продолжили разговор на данную тему. Дженкинс поняла, что на больницу может обрушиться целая лавина требований о выдаче ткани. И опять Швейцер предложил свою помощь. Он выискал в своде законов статут, который распространялся на данный случай и в сотрудничестве с Дженкинс

и адвокатами больницы начал составлять прошение в суд о том, чтобы больнице имени Марты Джефферсон разрешили передать ткань лаборатории, где есть все условия для проведения анализа на должном уровне. Работа продвигалась медленно. Адвокаты больницы, вспоминал Швейцер, были «юристы-крючкотворы, из тех, что всегда держат сторону попечителей; старомодные юристы, занимавшиеся подготовкой дел к слушанию, привыкшие вести дела конфиденциально в тиши своих кабинетов. Они всю жизнь работали с завещаниями и делами, связанными с оформлением прав на имущество, и никогда не появлялись в суде. Это были люди кропотливые, придирчивые к мелочам и медлительные. Они постоянно меняли свои позиции, и я только и делал, что переписывал заново проект петиции, стремясь удовлетворить их требования. Наконец они передали дело в руки опытного адвоката, Мэтью Мюррея, который часто выступал тяжущейся стороной, и мы с ним быстро нашли общий язык и закончили составление нашего документа. Времени на все это ушло уйма — с мая по сентябрь, но если бы Мэт занимался этим делом с самого начала, у нас все было бы готово уже в июне». К сентябрю Швейцер наконец написал такой документ, который не вызывал ни у кого возражений, и о котором больница могла сказать: «Да, мы хотим, чтобы вы подали в суд именно такую петицию».

Еще во время работы над составлением проекта петиции Швейцер приступил к поискам лаборатории, которая могла бы произвести анализ ткани сразу же, как только образцы ткани окажутся в его распоряжении. Он обратился в Институт патологии Вооруженных Сил в Мэриленде, но не смог договориться с ними об условиях. Вдобавок это учреждение не рас-

полагало в наличии какими-либо образцами, взятыми у представителей романовской или гессен-дармштадской династии, которые можно было бы использовать для сравнения с тканью Мэнахан. Тогда Швейцер обратился к доктору Питеру Гиллу и Британской службе судебно-медицинской экспертизы, которая, конечно же, обладала не только образцами, взятыми от екатеринбургских останков, но и пробой крови принца Филиппа, давшей возможность установить связь между ним и костями, вероятно принадлежавшими императрице Александре. Летом Швейцер начал переговоры с представителем британского Министерства внутренних дел об условиях выполнения одним из их учреждений работы для частного лица. Наконец такое соглашение было выработано и подписано. Швейцер произвел уплату первоначального взноса размером в пять тысяч фунтов стерлингов и депонировал в одном из английских банков еще пять тысяч фунтов на случай, если расходы превысят предполагаемую цифру.

30 сентября Швейцер подал в суд Шестнадцатого округа штата Вирджиния заявление от имени своей жены о выдаче образцов ткани тела покойной Анастасии Мэнахан. Марина Швейцер, говорилось в заявлении, имеет правоспособность в суде по трем пунктам: как гражданка Вирджинии, как внучка доктора Евгения Боткина и как единственная постоянная жительница Вирджинии, имевшая длительную, серьезную связь с жизнью и личностью Анастасии Мэнахан. Иск его жены, объяснил Швейцер суду, основывался на том, что, как внучка доктора Боткина, она имела право знать, что случилось с ее дедом: «Идентификация человека, которому, возможно, удалось остаться в живых после казни (то есть великой княжны Анастасии), могла бы помочь в более точной

идентификации всех, включая дедушку подательницы иска, доктора Боткина».

В заявлении Швейцер не просил суд санкционировать выдачу образцов ткани его жене: он только просил, чтобы суд разрешил доктору Питеру Гиллу получить часть образцов для исследований. Марина Швейцер, указывая на мужа в конце заявления, была готова оплатить все издержки и расходы, связанные с проведением ДНК-анализов.

Больница имени Марты Джефферсон не заняла никакой определенной позиции. Ее представители заявили суду, что больница выполнит любое постановление суда. Мэтью Мюррей заявил: «Если истица может доказать, что она имеет право на ткань, а это то, что требует от нее суд, никаких проблем не будет. Мы здесь ничего не теряем и не выигрываем». Швейцер считал, что все идет гладко.

«Я даже заготовил проект судебного распоряжения, чтобы судья подписал его в такой форме, как требовалось больнице, — вспоминал он. — Судья назначил слушание на 1 ноября. Я думал, что все пройдет без сучка и задоринки».

Днем 1 ноября 1993 года окружной судья Джей Т. Светт, молодой блондин, подобрав складки своей черной мантии, уселся в кресло и, возвышаясь над всеми остальными присутствующими, приготовился начать слушание по делу об образцах ткани Анастасии Мэнахан, находящихся в больнице имени Марты Джефферсон. Впереди и чуть ниже его сидели три адвоката: Ричард Швейцер, защищавший интересы своей жены Марины, добивавшейся разрешения на отправку этих образцов в Англию для ДНК-анализов; Мэтью Мюррей, адвокат больницы, который не воз-

ражал против этого при условии соответствующего постановления суда; и адвокат газеты «Ричмонд Таймс», желавший удостовериться, что слушание будет открытым для прессы и публики. С этим последним вопросом разобрались сразу же, когда Швейцер согласился, чтобы все слушания велись в открытом суде и чтобы ни один документ, который будет фигурировать в ходе слушаний, не был засекречен. Казалось, что больше не о чем и говорить, и судья Светт приказал Швейцеру и Мюррею вместе составить проект судебного распоряжения, которое он мог бы подписать. Дело, судя по всему, было уже почти закончено; образцы тканей должны вскоре оказаться в распоряжении доктора Гилла.

— Нет ли еще каких-либо обстоятельств, связанных с этим делом, о которых суду надлежит знать, прежде чем мы вынесем вердикт? — спросил судья Светт.

— Ваша честь, здесь находятся люди, которые хотят, чтобы их выслушали, поскольку они думают, что имеют к этому касательство, — ответил Мэтью Мюррей.

В этот момент с места в задних рядах зала суда поднялась молодая шатенка с прической «конский хвост». Она представилась как Линдси Кроуфорд, адвокат вашингтонской конторы фирмы «Эндрюс и Курт», где работал также Томас Клайн.

— Ваша честь, у нас есть клиент, который желает и заслуживает того, чтобы его выслушали, — сказала она. — Я только что получила письмо от князя Николая Романова, главы Ассоциации семьи Романовых, которого большинство здравствующих ныне потомков царской семьи считает законным претендентом на трон. Он только что, буквально этим утром, попросил меня прийти сюда и разузнать, что

здесь происходит и какие последствия это может иметь для его семьи.

Она попросила судью Светта приостановить слушания, чтобы дать ей время «защитить интересы клиента и фамилии Романовых». Кроуфорд добавила также, что ее фирма представляет и другого клиента, имеющего заинтересованность в деле об образцах ткани Анастасии Мэнахан. Этим клиентом была нью-йоркская корпорация «Союз русского дворянства».

— У вас есть с собой петиция для регистрации в суде? — спросил судья Светт.

— Нет, ваша честь, потому что наш клиент говорил со мной только сегодня утром.

Услышав знакомое название — «Эндрюс энд Курт», Ричард Швейцер возразил против приостановки слушаний.

— Настоящим клиентом этой юридической фирмы, — заявил он суду, — является не какой-либо член семьи Романовых, и не Союз русского дворянства, а некий мистер КORTE.

Швейцер затем предъявил копию письма, которое Томас Клайн написал в июне Джеймсу Лавеллу и где он рассказывал о работе Вилли КORTE.

— Фирма «Эндрюс энд Курт» представляла интересы мистера КORTE задолго до того, как начались эти слушания, — сказал Швейцер судье. — Они пытаются заполучить образцы тканей, которые мистер КORTE намеревается использовать в своих целях и помешать доступу к ним других.

Размышления судьи Светта длились несколько минут. Затем он сказал Кроуфорд, что приостанавливает слушания на три дня с тем, чтобы она смогла составить заявление и подать его в суд. Пенни Дженкинс, сидевшая неподалеку от Линдси Кроуфорд,

услышала, как та с сомнением произнесла «Мы никак не успеем управиться с этим за три дня». Дженкинс также заметила высокого курчавого человека с острым носом, в возрасте приблизительно сорока лет, который сидел рядом с Кроуфорд. Он был без галстука, в сандалиях и с маленьким рюкзачком за спиной. Дженкинс вдруг поняла («Я не знаю как. Просто я почувствовала», — рассказывала она позже), что это и есть сам Вилли Корте. Прежде чем судья успел объявить судебное заседание закрытым, Корте встал и быстро покинул зал суда.

Обращаясь к прошлому уже после того, как все перипетии дела остались позади, Ричард Швейцер выстроил свою гипотезу относительно того, что произошло до описанного только что момента судебного заседания.

— «Эндрюс энд Курт» хотела заблокировать Марине доступ к ткани и обеспечить право эксклюзивного распоряжения этой тканью своему истинному клиенту. Я полагал тогда, что этим клиентом был Вилли Корте. Ведь он уже в течение нескольких месяцев настойчиво пытался заполучить ткань, но, потерпев неудачу с Мэнаханами и Джимми Лавеллом, не знал, что делать. Он не мог обратиться в вирджинский суд, поскольку не обладал процессуальной правоспособностью. Следовательно, ему понадобился подставной клиент, которому разрешили бы вступить в процесс по праву третьего лица. И тогда-то его адвокатам удалось разыскать Николая Романова и «Союз российского дворянства».

Один из помощников Корте, Морис Филипп Реми, находившийся в Европе, прилагал большие усилия, чтобы втянуть в это дело князей Романовых. Князь Николай, проживавший в Риме, позвонил своему кузену князю Ростиславу, который жил в

Лондоне, и сказал, что на него оказывается сильное давление с целью вовлечь в вирджинское дело. Ростислав позвонил в Нью-Йорк князю Алексею Щербатову, президенту Союза российского дворянства, с которым он не был знаком, и поинтересовался, что же конкретно происходит. Их телефонный разговор продолжался полчаса, а затем Ростислав телефонировал своему лондонскому приятелю Майклу Торнтону. «Когда Рости закончил беседовать со Щербатовым, — вспоминал Торнтон, — он тут же позвонил мне и сказал: «О боже! Что произошло там у этого человека?». Затем он пересказал мне все то, что сообщил ему Щербатов: Швейцер, мол, проходи-мец... у него очень сомнительное прошлое... в его биографии, дескать, имеются такие факты, от которых, будь они нам известны, у нас волосы стали бы дыбом... Они видели во всем этом зловещий заговор с целью признать справедливость притязаний лица, выдававшего себя за уцелевшую дочь последнего русского императора.

Щербатов также сказал Ростиславу, что ткань Анны Андерсон не должна подвергаться анализу в Англии. «Единственное место, где эти анализы могут быть выполнены на должном уровне, — добавил Щербатов, — это калифорнийская лаборатория, которой руководит некая доктор Мэри-Клэр Кинг».

Реакция Торнтона на рассказа Ростислава была эмоциональной, но логичной: «Все это чушь собачья! Ради бога, пошли факс Николаю и скажи ему, чтобы он оставил это дело в Шарлотсвилле в покое, иначе наступит хаос». Затем Торнтон сам написал за Ростислава письмо, которое тот передал по факсу Николаю. В нем говорилось о том, что вмешательство в это дело чревато катастрофическими последствиями для репутации Романовых.

«Я сказал, что их подвергнут очень серьезной критике за то, что они всю жизнь отвергали Анну Андерсон. И это случится только потому, что они начнут заявлять о своих претензиях на обладание останками после ее смерти, — подробно излагал события Торнтон. — Средства массовой информации просто распяли бы их на кресте. Я сказал, что это будет означать сдвиг в позиции Романовых, которую они занимали в течение многих лет, отрицая подлинность личности Анастасии Мэнахан как царской дочери и своей родственницы. Если вы начнете сейчас требовать части ее тела, все станут думать, что вы ошибались. Так что самое лучшее остаться в стороне от всей этой истории».

Послание Майкла Торнтонна оказало должное воздействие. Князь Николай Романов немедленно отказался выступать клиентом фирмы «Эндрюс энд Курт», и в дальнейшем в судебных документах не встречается никакого упоминания ни о нем, ни о других Романовых.

В четверг, 4 ноября, Линдси Кроуфорд была готова, как и предписывал ей судья Светт, подать заявление о вступлении в процесс на правах третьего лица. В этом документе указывался лишь один клиент — Союз российского дворянства. Под ним стояли подписи самой Кроуфорд, а также ее коллеги по работе в той же фирме, Томаса Клайна, и Пэджа Вильямса, шарлотсвиллского адвоката. В заявлении Союз представлялся «исторической и филантропической организацией, чьей целью является защита аутентичности линии родства российской императорской фамилии и событий, происшедших до 1917 года в России». Союз подвергал

сомнению правомочность Марины Швейцер вести в суде тяжбу по делу, касавшемуся ткани Анастасии, поскольку она, Марина, не была связана узами кровного родства ни с «Анастасией Романовой (дочерью царя), ни с Анастасией Андерсон (претенденткой). Отрицалось также и то, что идентификация образцов ткани, хранящихся в больнице имени Марты Джефферсон, может оказать помощь в опознавании останков доктора Боткина. В заявлении выражалось согласие с тем, что митохондриальный ДНК-анализ может оказаться полезным для определения подлинной личности Анастасии Мэнахан, но далее там утверждалось, что «обязательным условием является проведение исследований на высшем научном уровне, чего нельзя достичь способом, рекомендуемым Швейцером» (то есть в лаборатории доктора Питера Гилла).

В меморандуме, приложенном к заявлению, Союз российского дворянства вываливал на голову доктора Гилла кучу вздорных, клеветнических обвинений; его лаборатория, говорилось там, представляет вчерашний день в науке и может делать анализы лишь второсортного качества. Кроме того, образцы, хранящиеся у него, могли подвергнуться «загрязнению». И наконец, Союз выдвигал следующий аргумент, который оказался ложным: «Науке не известны способы расщепления таких образцов ткани, что делает невозможным проведение параллельных исследований в двух лабораториях». Союз российского дворянства пытался доказать, что если суд передаст образцы в распоряжение доктора Гилла, то тем самым будет утерян всякий шанс установить подлинную личность претендентки. Единственно правильным решением, по мнению Союза, было бы передать образцы «ведущему ученому в области генетики в

Соединенных Штатах» доктору Мэри-Клэр Кинг из Беркли.

К заявлению Союза российского дворянства были приложены affidavits* князя Алексея Щербатова, президента этой организации, и доктора Уильяма Мейплса. Affidavit Щербатова почти дословно повторял заявление. Немаловажным было то обстоятельство, что рекомендации и утверждения научного характера в трех документах — заявлении Союза, его меморандуме и affidavite князя Щербатова — основывались на affidavite доктора Мейплса, в котором восхвалялись достижения доктора Кинг и очернялся доктор Гилл. Там утверждалось, что установление Гиллом факта принадлежности екатеринбургских останков Романовым с вероятностью в 98,5 процента «в научном отношении не имеет серьезного значения». Обнаружение Гиллом и его коллегами гетероплазмии в ДНК Николая II относилось на счет «неточности анализа из-за загрязнения образцов примесями посторонних веществ».

В заявлении делалась косвенная попытка запугать суд тем, что все образцы в результате исследований в Англии будут израсходованы и, следовательно, исчезнет возможность установить объективную историческую истину: «Если пробы крови или образцы ткани, взятые у Анастасии Мэнахан, подвергнутся митохондриальному ДНК-анализу, то в ходе его они весьма вероятно будут полностью израсходованы... Расщепление имеющихся в наличии образцов ткани не даст генетического материала в количестве, достаточном для проведения исследований параллельно в двух разных лабораториях».

* Affidavit (*англ.*) — письменное показание под присягой.

Союз российского дворянства является собранием потомков аристократических семей, которые когда-то помогали править императорской Россией. Теперь, в 90-е годы двадцатого века, он состоит из примерно ста членов, платящих взносы и в подавляющем своем большинстве являющихся детьми и внуками мужчин и женщин, эмигрировавших из России во время революции. Если бы они продолжали жить в России и там сохранился бы царский режим, то многие из них носили бы титулы князей и княгинь или графов и графинь. В Америке эти почетные звания бывают в ходу довольно редко, лишь во время проведения различных благотворительных мероприятий, для придания им блеска и привлечения тем самым американцев из числа тех, на кого вся эта мишура производит особое впечатление.

В финансовом отношении эта организация с трудом сводит концы с концами. Главным источником ее доходов является ежегодный бал, проводимый обычно в мае, который приносит чистую прибыль в размере от двенадцати до восемнадцати тысяч долларов. Большая часть этих денег уходит на оплату аренды за помещение на третьем этаже здания на Первой авеню, где находится библиотека Союза, состоящая в основном из книг, посвященных генеалогии русского дворянства. Остаток денег тратится на помощь детям, нуждающимся пожилым людям и больным.

В настоящее время пальма первенства по части установления линий кровного родства русской знати принадлежит восьмидесятипятилетнему Алексею Щербатову. Всю свою сознательную жизнь этот человек помнит себя эмигрантом. В революцию его семья потеряла все, кроме жизней. Сначала Щербатовы ока-

зались в Болгарии. Сам Алексей жил в Италии, учился в Бельгии в Брюссельском университете, а в 1938 году переехал в Соединенные Штаты. Во время второй мировой войны он служил сержантом в американской армии. После войны преподавал историю в университете в Нью-Джерси и занимался переводом документов с русского и латинского для других историков и писателей. Его взгляды типичны для многих русских его поколения: он ненавидит коммунизм, подозрительно относится к посткоммунистической России и презирает Англию («Все англичане — свора лгунов»). Он никогда не принимал всерьез утверждение Анны Андерсон, что она — великая княжна Анастасия. В качестве аргумента Щербатов приводит тот факт, что он лично видел великую княжну в 1917 году, когда ему было пять лет от роду.

Реакция Ричарда Швейцера на вмешательство Союза российского дворянства в судебную тяжбу, которую вела его жена, выразилась следующими словами: «Проблема состоит не в сравнительных достоинствах научных учреждений, о которых идет спор. Суть дела в том, обладает ли Союз российского дворянства какой-либо правоспособностью в отношении участия в выборе научного учреждения. Навряд ли они могут представить суду доказательства такой правоспособности». Он указал, что Союз не зарегистрировал сертификат своих должностных лиц или заверенную в установленном порядке резолюцию его директоров или попечителей, в которой выражалось бы согласие на то, чтобы шарлотсвиллский суд распространил свою юрисдикцию на ее действия в ходе рассмотрения дела. Про себя Швейцер полагал, что должностные лица Союза российского дворянства и его члены

понятия не имели о том, что происходит. Он был также убежден, что кто-то еще оплачивает счета, предъявляемые Союзу адвокатской фирмой*.

Швейцер обрушил на суд вал документов. Он заявлял, что никогда не добивался от суда эксклюзивного права на доступ к ткани. Он выражал сомнение в том, что образцы ткани подвергнутся серьезной эрозии; ему сказали, что ученым понадобится лишь тончайший срез, толщиной всего в 0,0024 дюйма от каждого из образцов толщиной в дюйм, заключенных в парафиновые кубики. 16 ноября Швейцер заявил суду, что не возражает против проведения анализов доктором Кинг; он возражает лишь против того, чтобы эти анализы проводились исключительно доктором Кинг. Одновременно он не упускал из виду и другого аспекта, указав, что не следует предоставлять статут процессуальной правоспособности Союзу российского дворянства для участия в данной тяжбе, поскольку Анастасия Мэнахан никогда не утверждала, что принадлежит к титулованному дворянству; она всегда говорила, что является членом семьи российского императора. Ричард и Марина Швейцеры презирали Алексея Щербатова за то, что он на своем заверенном нотариусом аффидевите подписался «князь». «Когда он стал американским гражданином, он дал присягу, которая обязывала его отказаться от

* В действительности, как и подозревал Швейцер, и члены, и должностные лица Союза российского дворянства оставались в полном неведении относительно действий, предпринятых их президентом. Оправдалось и другое подозрение Швейцера — счета Союза за юридические услуги оплачивал не сам Союз. В ноябре 1994 года Алексей Щербатов признал, что судебные процессы, в которых Союз российского дворянства выступал номинальным клиентом и которые длились восемь месяцев, не стоили его организации ничего. «Ни цента! Ни цента! Ни цента!» — выдавил он из себя, задыхаясь от смеха.

иностранных титулов, — сказал Швейцер. — Я нахожу для себя затруднительным поверить клятвенным показаниям человека, который своей подписью на аффидевите, также клятвенно заверенном, заявляет о притязаниях на иностранный титул, если этот же человек при натурализации поклялся отказаться от всех иностранных титулов и прежних гражданств. Либо одна клятва, либо другая имеют весьма спорную юридическую силу с точки зрения закона».

Объектом презрения Швейцера стал и Уильям Мейплс. «Аффидевит Мейплса не является заслуживающим доверия основанием (в вопросе выбора лаборатории для проведения исследований), — сказал он суду. — В своем выступлении по некоммерческому телевидению Мейплс категорически утверждал, что великая княжна Анастасия не могла остаться в живых, а значит, он не является незаинтересованным ученым. Мейплс — антрополог, а не генетик. Он не может претендовать на роль квалифицированного эксперта и определять критерии, по которым следует оценивать работу генетиков».

Ричард Швейцер не был единственным, кто сразу же подверг критике аффидевит доктора Мейплса. Прочитав аффидевит через несколько дней после того, как он был зарегистрирован в суде, Мари-Клэр Кинг также расстроилась и вознегодовала. 19 ноября она телефонировала Питеру Гиллу в Англию и, полностью отмежевавшись от замечаний Мейплса о некомпетентности Гилла, сказала, что будет рада сотрудничать с английским ученым в исследованиях образцов ткани Анастасии Мэнахан. В тот же день, позже, она разговаривала по телефону с Мариной и Ричардом Швейцерами. Отправив Кинг факс, Швейцер в тот же день

постарался изложить в нем позицию свою и своей жены: они нанимают доктора Гилла выполнить работу по частному заказу, не ставящему никаких условий. Результаты, полученные Гиллом, к какому бы он ни пришел заключению относительно претензий миссис Мэнахан на то, что она является Анастасией, поступят напрямую в суд и в больницу, но не к Швейцерам. Касаясь роли, которую могла бы сыграть доктор Кинг, Швейцер сказал: «В наши намерения совсем не входит преградить вам путь к участию вместе с доктором Гиллом в том, что должно стать чисто научными и свободными от влияния посторонних факторов исследованиями, в результате которых вы сможете прийти к полностью объективным выводам».

Он предложил включить Кинг в поданное им судебное заявление.

— К сожалению, — сказал он ей, — ваше имя фигурирует в суде в связи с попытками одного нью-йоркского генеалогического общества юридическим путем помешать доступу доктора Гилла к образцам тканей, чего, наоборот, добиваемся мы. С нашей точки зрения, это на самом деле акция юридической фирмы «Эндрюс энд Курт», действующей по поручению анонимного клиента, который ищет подходы к образцам ткани с марта или апреля 1993 года.

В ходе их беседы Кинг попросила Швейцера поговорить с Линдси Кроуфорд и выяснить, нельзя ли устроить так, чтобы она и доктор Гилл работали в тесном сотрудничестве или, по меньшей мере, параллельно. На следующий день Швейцер передал это пожелание Кроуфорд и предложил включить имя доктора Кинг в петицию его жены. Одновременно он сделал и другое предложение — самой фирме «Эндрюс энд Курт», чтобы та устранилась от дальнейшего

участия в деле. В течение двух недель от фирмы не было никаких известий; затем 4 декабря Швейцер узнал, что «Эндрюс энд Курт» не имеет никакого намерения отзываться свой иск. 6 декабря ему сообщили, что Томас Клайн жаловался на создание им, Швейцером, помех в деятельности «его» эксперта. Швейцер немедленно позвонил Клайну, который взял назад свои утверждения и признал, что доктор Кинг не связана с ним никакими обязательствами и что Швейцер в своих контактах с ней действовал строго в рамках закона.

В последующем, однако, Кроуфорд написала Швейцеру письмо с просьбой выслать копии «всех шести факсимильных передач в адрес доктора Кинг». Неделью спустя Кроуфорд написала снова, требуя в суровом тоне, чтобы копии всех шести факсимильных передач были высланы ей «немедленно, по получении этого письма».

«Этот инцидент, — продолжала она, — подчеркивает необходимость координировать через меня все связи, касающиеся данного судебного процесса прямо или косвенно».

Швейцер послал копии своих факсов судье Светту, а Линдси Кроуфорд так никогда и не дождалась их.

Тем временем Мэри-Клэр Кинг решила изложить свои взгляды в письменной форме. 7 декабря 1993 года она написала и заверила у нотариуса affidavit, в котором опровергала обвинения в некомпетентности, выдвинутые доктором Мейплсом в адрес доктора Гилла. Хотя ее affidavit был написан по требованию фирмы «Эндрюс энд Курт» и должен был укрепить позиции Союза российского дворянства, Кинг встала на независимую точку зрения. «В течение последних семи месяцев мною проводились исследования с целью идентификации останков скелетов

девяти лиц, предположительно царя Николая II и членов его семьи, — писала она. — Я также получила пробы крови и образцы тканей, взятые у потомков* царя Николая и его жены Александры. В настоящее время я готовлю доклад о результатах своих изысканий. Я знакома с исследованиями останков из Екатеринбурга, которые проводились доктором Питером Гиллом. Если в наличии имеется достаточное количество материала для проведения митохондриального ДНК-анализа, то было бы идеальным решением вопроса поручить двум квалифицированным лабораториям выполнить этот анализ и сравнить полученные результаты. Я говорила с доктором Гиллом и приветствовала бы возможность сотрудничать с ним в работе по анализу образцов».

Поскольку аффидевит доктора Кинг камня на камне не оставлял от научной аргументации, лежавшей в основе иска фирмы «Эндрюс энд Курт», эта фирма решила поприветствовать его, вследствие чего суд и адвокаты противной стороны получили возможность прочитать этот документ лишь три месяца спустя.

Тем временем количество сторон, пытавшихся принять участие в судебном процессе по иску Ричарда Швейцера, росло. 10 ноября заявление о вступлении в процесс подала Элен Маргарет Тереза Адам Кайлинг, пятидесятишестилетняя жительница Маллена, штат Айдахо, родившаяся в Германии 23 октября 1937 года и до сих пор сохранившая немецкое гражданство. Она клятвенно уверяла, что является

* Вне всякого сомнения, Кинг имеет в виду родственников царя и его жены; все их потомки в момент казни находились с ними в подвале дома Ипатьевых.

«давно потерявшейся дочерью» великой княжны Анастасии и принца Генриха Ройсского и в январе 1993 года, за десять месяцев до подачи заявления, изменила в официальном порядке свое имя на Анастасию Романову. Аргумент у нее был простой: «Если миссис Мэнахан окажется великой княжной Анастасией Романовой, то я, Анастасия Романова, в качестве ее дочери являюсь членом семьи российских императоров». Следовательно, развивала она дальше свою мысль, лишь ей одной принадлежит право распоряжаться образцами тканей тела ее матери и лишь она одна может решать, где и кем будут производиться анализы.

Миссис Кайлинг-Романова объяснила, что ее мать, ставшая позднее миссис Мэнахан, не воспитывала ее, поскольку родственники считали великую княжну, перенесшую тяжелейшую психическую травму, недееспособной. Миссис Кайлинг-Романова сказала, что ее спасли от отправки в концентрационный лагерь и устроили в немецкую семью: «В 1964 году мне сказали... что я — принцесса».

Она перебралась в 1968 году в Соединенные Штаты, вышла замуж за американца и обзавелась детьми. «Правда о моей личности оставалась скрытой от меня до 10 июня 1990 года, когда мать Александра, игуменя православного Преображенского монастыря в Эллвуд-Сити, штат Пенсильвания, сообщила мне, что я являюсь дочерью Анастасии Романовой. Когда я увидела фотографии в книге Питера Курта, то поняла, что все это имеет ко мне прямое отношение... Лавелл в своей книге выдал нужную информацию. Теперь картина оказалась полной и все стало на свои места. Последние сведения я почерпнула из книги Эдварда Радзинского».

Чтобы усилить свои позиции, миссис Кайлинг-

Романова обратилась к одной шарлотсвиллской компании под названием «Локаторс Инк», на чьих фирменных бланках стоит шапка «Поиски пропавших людей – Действуем быстро – Поразительные результаты». Контракт об оплате услуг этой компании предусматривал, что в случае вынесения решения в установленном законом порядке о признании прав истицы на долю в имуществе, принадлежавшем Николаю Романову, Александре Романовой и Анастасии Романовой, «Локаторс Инк» получит 33 процента доли истицы. Далее говорилось, что «в случае, если будет установлено, что истица является законной наследницей Николая II и это в свою очередь приведет истицу к такому положению, когда она будет обладать реальной государственной властью в России», – дополнительная компенсация за услуги последует в виде погашения облигаций займа Российского правительства, выпущенных в 1916 году «вместе с накопившимися процентами, что должно стать первым официальным актом правительства», которое будет сформировано истицей.

Затем, однако, миссис Кайлинг-Романова решила, что ей не следует доверять «Локаторс Инк», и контракт остался неподписанным.

Впоследствии миссис Кайлинг-Романова сделала суду другие заявления: «В настоящее время я поправляюсь от последствий отравления мышьяком. Мой доход ниже уровня бедности». Она попросила, чтобы даты судебных заседаний назначались заранее, потому что «подательница иска не пользуется авиасообщениями, будучи не в состоянии себе это позволить, и добирается сюда поездом или автомобилем. Она живет в Айдахо более чем за 2000 миль отсюда и на то, чтобы добраться до Шарлотсвилла на поезде, уходит более трех суток. Царский сан возлагается Богом,

над которым земные власти бессильны. Я, Анастасия Романова, имею сына, и он продолжает наш род».

Ричарду Швейцеру все больше начинало казаться, что Союз российского дворянства и миссис Кайлинг-Романова превращают судебный процесс, начатый по иску его жены, в настоящий цирк. Заявив, что петиция миссис Кайлинг-Романовой изложена «слишком путано и непоследовательно и не заслуживает рассмотрения», он предложил, чтобы суд определил «дееспособность подательницы петиции представлять свои или чьи-либо другие интересы» и просил суд немедленно отказать ей в удовлетворении ее заявления о вступлении в процесс. И опять — так же как и в случае с заявлением Союза российского дворянства, больница имени Марты Джефферсон, надеясь покончить со всеми судебными тяжбами одним махом, воспротивилась и попросила, чтобы миссис Кайлинг-Романову допустили к участию в процессе.

7 декабря, к вящему неудовольствию Ричарда Швейцера, судья Светт объявил, что как Союз российского дворянства, так и миссис Кайлинг-Романова допускаются к участию в процессе в качестве третьих лиц.

У ЭТИХ ЛЮДЕЙ НИКАКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Все заинтересованные стороны получили официальные судебные извещения, в которых сообщалось о решении судьи Светта допустить Союз российского дворянства и Анастасию Кайлинг-Романову к участию в процессе, возбужденном по петиции Швейцеров. Решение судьи обязывало все стороны провести между собой встречу, посоветаться и решить, как и где будут подвергнуты исследования образцы ткани. В нем также указывалось, что анализы должны проводиться параллельно в лабораториях доктора Гилла и доктора Кинг при условии наличия достаточного материала. Стороны должны были достичь согласия по вопросу об оплате стоимости исследований и о порядке, в каком их результаты станут достоянием гласности. Урегулировав все вышеуказанные вопросы, они должны были представить судье на подпись проект судебного постановления.

Ричард Швейцер и Линдси Кроуфорд разошлись во мнениях в самом начале этого переговорного про-

цесса. Швейцер хотел начать со встреч и совещаний, а Кроуфорд вместо этого быстро начала составлять ее собственную версию судебного постановления. Швейцер несколько раз написал ей, требуя встречи: «Я готов сам явиться в вашу контору в любое удобное для вас время, но желательно, чтобы это произошло как можно раньше, предпочтительнее всего на этой неделе, до рождественских праздников». Так говорилось в его письме от 20 декабря.

Кроуфорд ответила: «Мы находимся в процессе подготовки проекта постановления и надеемся, что сможем разослать его всем сторонам в течение следующих нескольких дней. Я проконсультируюсь с Вами относительно даты нашей встречи после того, как разошлю этот проект».

Получив проект, составленный Кроуфорд, и ознакомившись с ним, Швейцер, к немалому своему удивлению, обнаружил, что в нем содержался серьезный сдвиг в позиции его оппонентов. Ранее «Эндрю энд Курт», взяв за основу своего аргумента мнение доктора Мейплса, подвергала лабораторию Питера Гилла нападкам, утверждая, что там материалы анализов оказались загрязненными и что научно-техническое оснащение лаборатории не позволяет выполнить анализы на высоком научном уровне. Теперь же в проекте Кроуфорд предлагалось, чтобы образцы ткани были предоставлены в распоряжение как доктора Гилла, так и доктора Кинг. Тем не менее Швейцер был раздражен. Ему пришлось не по вкусу та заносчивая, высокомерная манера, с которой Кроуфорд излагала детали, относящиеся к научной стороне дела. Не нравилось ему и ее требование, чтобы Кинг и Гилл работали безвозмездно (Швейцер знал, что Британская судебно-медицинская служба не будет работать без вознаграждения); Швейцер настаивал

вал также, чтобы каждому из ученых предоставили право предать огласке результаты исследований, как только они будут закончены.

Адвокатам больницы Швейцер написал: «Эти документы являются вполне достаточным доказательством необходимости для нас провести встречу и обсудить на ней все спорные вопросы, как и было предложено судом, а не ограничивать себя попыткой советника Кроуфорд монополизировать право составления проектов».

На следующий день после Рождества Швейцер, еще более разозлившийся, опять сел за факс и сообщил адвокатам больницы, что «советник Кроуфорд проигнорировала наши требования о встрече в соответствии с предписанием судьи и вместо этого предпочла подготовить и распространить проект, который в ее понимании претендует на то, чтобы стать судебным постановлением». Он добавил также, что желает встретиться с больничными адвокатами вне зависимости от того, «будет на ней присутствовать советник Кроуфорд или нет».

Это привлекло внимание Линдси Кроуфорд. Она решила провести совещание с участием всех адвокатов, принимающих участие в процессе, дабы обсудить ответ на письмо судьи Светта. Совещание назначили на 10 января 1994 года в шарлотсвиллской конторе Пэйджа Вильямса, местного юриста, чьими услугами в данном деле пользовалась фирма «Эндрюс энд Курт». Швейцеры, узнав из метеопрогноза о предстоящем ненастье, предпочли приехать загодя, вечером предыдущего дня. Днем 10 января в положенный час на месте оказались Швейцеры, Пэйдж Вильямс и больничный адвокат Мэтью Мюррей, но Линдси Кроуфорд, созвавшей это совещание, там не было. Погода стояла ужасная и она не смогла вести машину,

объяснил Вильямс. Однако эта «ужасная погода» не помешала появлению другой фигуры, которая приехала в тот день из Вашингтона в Шарлотсвилл.

Когда адвокаты уже взяли себе по копии согласованного проекта судебного постановления, регулировавшего распределение ткани между лабораториями, в кабинет Вильямса вошел доктор Вилли Кортэ. Швейцер поинтересовался, чем вызвано его присутствие. Вильямс объявил, что Кортэ прибыл, чтобы «представлять Союз российского дворянства». Швейцер потребовал предъявить документы, удостоверявшие его полномочия, и Кортэ вытащил из своего портфеля доверенность, подписанную Алексеем Щербатовым в этот же день, 10 января: «Сим удостоверяется, что Вилли Кортэ уполномочивается оказывать помощь Союзу российского дворянства и его адвокатам в ходе тяжбы в суде». Полномочия давали доктору Кортэ право работать с адвокатами Союза на всей территории США при ведении переговоров, ревизии документов, даче юридической консультации и в любой другой области, если это потребуется для принятия должных мер в защиту интересов Союза».

По мере продолжения процесса у Ричарда Швейцера создавалось впечатление, что он борется с многоголовой гидрой. Оппоненты появлялись один за другим. В течение многих месяцев он ощущал присутствие за кулисами доктора Вилли Кортэ, но до 10 января в глаза его не видел. И даже после этого Швейцер не много узнал о нем. Джулиан Нотт, британский кинорежиссер, работавший над созданием телевизионного документального фильма об Анастасии, узнал больше.

«Кортэ нарочно подпускает побольше тумана, —

сказал Нотт через несколько недель после разговора Корте со Швейцером. — О себе он говорит мало, а о тех, кто ему платит, вообще помалкивает. Он — немец, но живет близ Вашингтона. Он очень хороший исследователь. Его работа заключается в том, чтобы не привлекая ничего внимания, втихую, отыскивать следы украденных произведений искусства. Несколько лет назад с его помощью было установлено местонахождение квадлинбургских сокровищ, оценивавшихся суммой от 200 миллионов долларов и до бесконечности. Они были украдены сразу же после окончания второй мировой войны лейтенантом армии США и спрятаны в Техасе. Занимаясь делом Романовых, я столкнулся с ним сначала в Бостоне, на конференции ученых, работающих в области судебной медицины. Он в этот момент слушал доклад Авдонина. Затем он повстречался мне в Гарварде, где разглядывал документы Соколова, и в Лондоне. Обладая отличным даром убеждения, Корте сумел найти подход к некоторым из этих семейств, в особенности к гессенскому, и впутал их в это дело, заставив помогать ему».

Нотт продолжал: «Он пугал их примерно так: «Послушайте, вы знаете, что здесь происходит? Вы осознаете, что зять Глеба Боткина, Ричард Швейцер, и Джеймс Лавелл собираются совершить грандиозное мошенничество, надуть всех вас? И вот я тут как тут, стою на страже исторической истины. Почему бы вам не помочь мне?». «У меня такое чувство, что Корте — именно тот человек, который дергает всех за веревочки, мозговой центр и движущая сила одновременно. Он настроен очень решительно и не пойдет ни на какой компромисс. Ему нужно все или ничего; вся эта чертова штукавина. Он не хочет участия Швейцера в этом деле ни под каким видом. Однако теперь он

заварил такую кашу, что и сам не разберется во всей этой кутерьме».

Нотт, однако, ошибался; Вилли Корте не был главной закулисной фигурой. Лишь к январю из-за Корте начали выплывать неясные очертания другой фигуры. Морис Филипп Реми, германский телепродюсер из Мюнхена, как и Джулиан Нотт, был заинтересован в съемках фильма об Анастасии. Спустя несколько недель Нотт отправился в Мюнхен повидаться со своим соперником.

«Он состоятельный человек из аристократической семьи, и его телевизионная компания процветает, — заявил Нотт по возвращении. — И он хочет разрешить загадку возрастом в семьдесят шесть лет в одном телешоу. К сожалению, у него больше денег, чем приличия. Он наметил себе цель и намерен достичь ее во что бы то ни стало. Он подтвердил, что стоит за Корте; он говорил о нем в таком тоне, словно Корте по своему положению ниже его дворецкого: «Я послал Корте сделать то, я послал его сделать это». Говоря о Союзе российского дворянства, он проявлял гораздо большую осторожность. «Я пользуюсь у них большим авторитетом», — сказал он мне».

По отношению к Анне Андерсон Реми занял откровенно враждебную позицию.

«В его задачу не входит быть объективным, — объяснял Нотт. — Он намерен доказать, что Андерсон была самозванкой. Он в союзе с гессенцами, которым заявил, что презирает Анну Андерсон».

Реми привлек также на свою сторону очень ценного союзника, доктора фон Беренберг-Госслера, адвоката, который защищал ранее интересы Маунтбеттена и гессенцев и который в возрасте восьмидесяти пяти лет отзывается об Анне Андерсон как об «аферистке» и «шарлатанке».

Постепенно Нотту стало ясно, что целью Реми является поставить дело Анны Андерсон полностью под свой контроль. Он заблокирует иск Ричарда и Марины Швейцер, заполучит себе образцы ткани, организует проведение их анализов, а затем будет выдавать информацию в таких дозах, какие сулят ему наибольшую выгоду. Он и его агенты исколесили всю Европу, они не только перерыли все архивы, просмотрели всю частную переписку, фильмы, любительские киносюжеты, прослушали аудиоматериалы — пластинки, пленки, интервью, радиопередачи, но и пытались скупить их. «Никакая обычная телевизионная программа или станция этим бы не занялась, слишком дорого, — сказал Нотт. — Но Реми отстаёт в этой гонке, поэтому он хочет остановить Швейцеров и Гилла или хотя бы притормозить их, пока не будет готов к тому, чтобы начать выдавать информацию. При этом с его стороны будут делаться ссылки на интересы науки и на то, что все материалы исследований должны стать достоянием гласности, как своего рода контроль общественности за работой ученых. Истинная причина другая — коммерческая выгода. А пока он тихо и незаметно пытается перекрыть все каналы информации для остального мира. Затем он объедет все телесети и станции в Европе и мире и попытается убедить их купить еще не снятый фильм с эксклюзивным правом на сведения об анализах ткани Анны Андерсон. Он скажет им, что владеет тайной Анны Андерсон».

В январе в деле появилась еще одна фигура. Это был восьмидесятишестилетний барон Ульрих фон Гинант, бывший германский дипломат, который стал другом Анны Андерсон после войны и в годы, про-

веденные ею в Унтерленгенхардте, управлял ее скудными финансами. В своих пяти завещаниях, написанных между 1949 и 1957 гг., претендентка называла фон Гинанта одним из своих четырех душеприказчиков (остальными, уже умершими к 1994 году, были ее друг принц Фредерик Заксен-Альтенбургский и ее гамбургские адвокаты Курт Фермерен и Пауль Леверкуэн). 21 января 1994 года в Бад-Либенцелле близ Маннгейма, где он жил, барон фон Гинант подписал декларацию, что в качестве единственного из всех четверых оставшегося в живых душеприказчика он принимает на себя функции исполнителя последней воли Анны Андерсон.

Декларация фон Гинанта, в случае, если бы она была признана судом, в корне изменила бы ход дела. Ведь петиция Марины Швейцер основывалась на факте отсутствия близких родственников, наследников и душеприказчиков. Если бы суд признал притязания фон Гинанта имеющими юридическую силу, то статус барона имел бы правовой приоритет над статусом Швейцер, а значит, и всех третьих лиц, то есть Союза российского дворянства и Анастасии Кайлинг-Романовой. Тем не менее Ричард Швейцер увидел в этом возможность выхода из юридического тупика и решил воспользоваться ею. Узнав, что фон Гинант высказывался в пользу проведения параллельных исследований ткани в лабораториях доктора Гилла и доктора Кинг, Швейцер подал в суд петицию с просьбой признать барона душеприказчиком претендентки в Вирджинии. Швейцер знал, что в случае положительной реакции суда его собственный иск несостоятельного характера к больнице, вернее, дело, начатое по этому иску, будет прекращено. Но точно так же будет аннулировано и участие в этом деле фирмы «Эндрюс энд Курт» и Анастасии Кайлинг-Романо-

вой. Пытаясь предотвратить такой исход событий, фирма подала в суд ходатайство о нерассмотрении декларации фон Гинанта.

В этот момент оппоненты Швейцера либо неправильно поняли его цель, либо недооценили его юридическую дальновидность. 22 февраля Швейцер, Мэтью Мюррей, Линдси Кроуфорд и Пэйдж Вильямс предстали перед судьей Светтом как будто бы для того, чтобы он смог назначить дату слушания по неразрешенным вопросам, упомянутым в его письме от 7 декабря: к какому согласию пришли обе стороны относительно лабораторий для проведения исследований и в каком порядке будут преданы гласности их результаты. Судья взглянул на них со своего возвышения и спросил:

— Вы согласовали между собой проект постановления?

Швейцер ответил просто:

— Нет.

Судья изумленно уставился на адвокатов, сидевших перед ним. Затем Мюррей произнес: «Ваша честь, мы полагаем, что первое слушание должно быть посвящено рассмотрению вопроса о наличии еще одного лица (фон Гинанта), о существовании которого нам недавно стало известно и которое утверждает, что удовлетворяет требованиям статута. Все решения, принятые до проведения такого слушания, окажутся спорными. Мне бы хотелось предъявить вам документ, полученный нами от человека, который претендует на роль душеприказчика».

— Этот человек уже подавал какие-либо заявления в суд в связи с данным делом? — спросил судья.

— Нет, — ответил Мюррей.

— Он является стороной в этом деле?

— Нет, — сказал Мюррей. — Но если он тот, за

кого себя выдает, то больница имеет право просить о прекращении дела и мы сможем договариваться с ним напрямую.

— Ну, что ж, мистер Мюррей, — сказал судья. — Стало быть, больница должна подать ходатайство о прекращении дела и в качестве основания приложить эти новые документы. Настоящий суд не может принять решения, потому что у нас нет никакого ходатайства о прекращении дела.

И в этот момент заговорил Швейцер:

— Ваша честь, в деле находится просьба о прекращении разбирательства. Я подал ее в ответ на последнюю состязательную бумагу Союза российского дворянства.

Лицо судьи выразило неподдельное изумление.

— Вы понимаете, что если я прекращу производство дела, то это будет означать, что вы аннулируете свой собственный иск? — спросил он. — Вы сознаете, что факт несовершения вами процессуальных действий означает автоматическое прекращение дела по вашему же иску?

— Да, — ответил Швейцер.

— Вы желаете отказаться от иска?

— Да, — еще раз ответил Швейцер.

— Советник, вы делаете официальное заявление об отзыве своего иска перед настоящим судом.

— Да.

— Дело объявляется прекращенным, — объявил судья Светт.

Противная сторона была в полном шоке. Наступила кратковременная пауза. Первой опомнилась Линдси Кроуфорд и попыталась спасти положение.

— Ваша честь, мы, являясь участниками данного процесса на правах третьей стороны, возражаем против принятия такого решения, — запротестовала она. — У

нас есть заинтересованность в этом деле и правопритязания на предоставление нам образцов ткани.

— Ну что ж, если у вас имеются правопритязания или заинтересованность, вы можете вчинить свой собственный иск, — сказал судья Светт и, чуть помедлив, добавил, — если вы обладаете процессуальной правоспособностью.

Услышав это, Ричарду Швейцеру, в течение вот уже многих месяцев оспаривавшему наличие таковой правоспособности у Союза российского дворянства, захотелось громко расхохотаться.

В результате этого слушания и вынесения судьей Светтом решения о прекращении дела барон фон Гинант 1 марта, по крайней мере временно, оказался распорядителем образцов ткани. Он немедленно написал в больницу имени Марты Джефферсон письмо, в котором просил передать образцы в распоряжение доктора Гилла, чтобы тот мог выполнить заказ Швейцера. Фон Гинант также написал Линдси Кроуфорд, призывая ее выработать соглашение, по которому часть образцов могли бы быть переданы доктору Кинг. Учитывая этот факт, дальнейшее поведение «Эндрюс энд Курт» нельзя не признать странным. Несмотря на то, что барон предлагал поступить именно так, как предлагала Линдси Кроуфорд в своем проекте судебного постановления, теперь она предприняла лихорадочные усилия, стремясь подвергнуть сомнению его полномочия.

«Эндрюс энд Курт» наняли адвоката в Германии и узнали, что завещание Анны Андерсон никогда там не утверждалось в надлежащем порядке, поскольку на момент своей смерти она не жила в Германии и не владела там имуществом. Более того, завещание уполномочивало «любых двух из моих душеприказчиков» предпринимать какие-либо действия, связанные с

распоряжением ее имуществом, и, как сообщила Кроуфорд Вильямсу, поскольку лишь один из них остался в живых, завещание «не было и по германским законам не могло быть утверждено... и, возможно, не может быть утверждено в Вирджинии». Это привело к тому, что Вильямс проинформировал Мэттью Мюррея о нижеследующем:

«Для того чтобы быть назначенным душеприказчиком, барон фон Гинант должен появиться лично... утвердить завещание и получить признание правомочности своей роли как его исполнителя».

Фон Гинанту же, престарелому и глухому, совсем не хотелось лететь на самолете в Америку.

Тем временем фирма «Эндрюс энд Курт» неожиданно для себя потерявшая свой статут третьего лица в результате отзыва Ричардом Швейцером иска своей жены, обратилась к судье Светту с просьбой вновь вернуться к своему решению о прекращении дела и внести в него изменения. Рассмотрение этого ходатайства состоялось 4 марта, именно тогда к делу и был наконец приобщен аффидевит Мэри-Клэр Кинг, написанный 7 декабря. Судья отказал «Эндрюс энд Курт» в удовлетворении ходатайства, поскольку, как он заявил ее представителям, налицо несовершенство истцом процессуальных действий, свидетельствующее об отказе от иска, вас в этом деле больше нет, так же как нет встречного иска или же иска третьей стороны, то есть это дело закрыто. Если Марина Швейцер хочет прекратить его и оставить вас ни с чем, она имеет полное право сделать это».

Для Линдси Кроуфорд и ее клиентов это означало, что больница имени Марты Джефферсон может теперь счесть себя вправе передать образцы ткани барону фон Гинанту, который затем передаст их доктору Гиллу.

— Ваша честь, — поинтересовалась Кроуфорд, — не можем ли мы внести ходатайство о судебном запрете на какие-либо действия больницы в отношении образцов на то время, пока не будет рассмотрен наш иск к больнице?

— Если вам нужно постановление о судебном запрете, — сказал судья, — значит, подайте в суд соответствующее ходатайство.

На этой стадии адвокаты Союза российского дворянства, потерпевшие полный провал в результате внезапного прекращения дела, решили помешать выдаче образцов ткани кому бы то ни было и начали осыпать Мэтью Мюррея письмами, в которых говорили, что больнице имени Марты Джефферсон следует и чего не следует делать. 18 марта, почти через три недели после отзыва Швейцерами их несостоятельного иска к больнице, Союз вчинил свой собственный иск, добиваясь судебного запрета на выдачу образцов ткани Анастасии Мэнахан до того, как суд вынесет постановление о действительности полномочий фон Гинанта. В заявлении повторялось прежнее утверждение о том, что «необходимо, чтобы исследования выполнялись на самом высоком научном уровне, исключая возможность загрязнения образцов примесями посторонних веществ». Однако заявление содержало и весьма существенную поправку о том, что Союз теперь выступает за «проведение параллельных исследований в двух имеющих соответствующее оборудование лабораториях» (конкретно была поименована лишь одна — лаборатория доктора Кинг в Калифорнии). Вместе с тем, утверждало заявление, выдача образцов ткани, всех или их части, на данной стадии может причинить

Союзу «большой и непоправимый ущерб», потому что возможность обеспечить максимальную степень точности научной экспертизы при проведении митохондриального анализа может быть утеряна навсегда... и потомство, вероятно, так и не узнает подлинную личность Анны Мэнахан».

К несчастью для Союза российского дворянства, этот документ, подписанный Линдси Кроуфорд, содержал серьезную ошибку в фактах, которая в конечном счете фатально сказалась на ее деле. «В предположении правильности сделанного заявления, — написала Кроуфорд, — правомочного душеприказчика наследства Анны Мэнахан не существует».

И опять Ричард Швейцер оказался впереди своих соперников. Приблизительно 8 марта он раскопал старый, забытый вирджинский закон, касавшийся имущества, которое осталось без владельца, то есть бесхозного.

«Он относится по большей части к земле, принадлежащей фермеру, — сказал Швейцер. — Если вдруг умер или исчез какой-то фермер и оставил свою ферму без присмотра, скот некормленным и тому подобное, любой человек — не обязательно связанный с исчезнувшим родственными отношениями, — который узнал об этом, может явиться в суд и попросить, чтобы шерифу поручили взять это имущество под опеку до тех пор, пока не появится человек, который по закону должен распоряжаться этим имуществом. Затем закон изменили — причем в той части, на которую я раньше не обращал особого внимания, — шерифы оказались перегруженными заботами по присмотру за имуществом, да еще и страховочные взносы нужно было платить, и все это

из бюджета шерифа, весьма скромного. Так вот, новый закон говорит, что любой может подать в суд петицию с просьбой назначить не шерифа, но любого другого постоянного жителя данного графства или города управляющим бесхозным имуществом.

И вот я поговорил со своим коллегой и товарищем по учебе на юридическом факультете вирджинского университета, который мы окончили в 1953 году, Эдом Дитсом. Эд согласился, чтобы я вписал его имя, и я сказал ему: «Я буду твоим адвокатом, так что тебе это не будет стоить ни цента, и внесу залог», — который составлял что-то около семидесяти пяти долларов, поскольку имущество не носит физического характера. Так 16 марта с согласия судьи Светта мой бывший коллега по адвокатской практике Эд Дитс был приведен к присяге в качестве душеприкащика и администратора наследства Анастасии Мэнахан в Вирджинии.

Мэт Мюррей был в курсе того, что я делал. Его уже тошнило от всей этой тягомотины, которая уже обошлась больнице в кругленькую сумму, и он сказал: «Черт возьми, да! Давай действуй!».

Барон фон Гинант тоже знал об этом и, поскольку его полномочия оспаривались, он тоже одобрил мой план. По закону администратор наследства имеет право распоряжаться всей медицинской документацией, включая сюда пробы крови и образцы ткани. Эд тут же подал просьбу о пересылке образцов доктору Гиллу».

Назначение Эда Дитса дало в руки Мэтью Мюррея мощное оружие для атаки на ходатайство Линдси Кроуфорд о наложении судебного запрета. Приобшив 24 марта к делу два документа, Мюррей нанес сильный удар по ее позициям, сославшись прежде всего на отсутствие у Союза российского дворянства про-

цессуальной правоспособности. Эта организация, указывал он, не давала на регистрацию в суд заверенных копий своего устава и сертификата юридического лица. Он охарактеризовал нью-йоркский союз как «очевидно... простое генеалогическое общество», которое не имеет никакого отношения к «личности Анны Мэнахан».

«Далее, — продолжил Мюррей, — Союз не смог представить никаких фактов или оснований в поддержку своего утверждения, что он «понесет какой-либо ущерб, не говоря уже о непоправимом ущербе, если образцы ткани поменяют место своего хранения».

И наконец Мюррей нанес нокаутирующий удар: 16 марта, за два дня до подачи Союзом ходатайства о наложении судебного запрета, Эд Дитс был назначен администратором наследства Анастасии Мэнахан. Стало быть, теперь он, а не больница, несет ответственность за распоряжение тканью.

«Если вам нужен судебный запрет, — сказал Мюррей, — судитесь с Эдом Дитсом».

Мюррей надеялся, что дело наконец-то скоро закончится.

«Если судья вынесет благоприятное для нас решение, то до рассмотрения ходатайства о судебном запрете дело так и не дойдет, — говорил он в то время. — Очень скоро Союз российского дворянства вылетит в форточку. Эд Дитс подаст документ, как и я, в котором будет сказано: «Судья, у этих людей нет никакой процессуальной правоспособности, а у вас нет юрисдикции». Тогда судья должен будет принять по этому вопросу решение. Они (Союз российского дворянства) могут подать апелляцию, но я сомневаюсь в этом. Если это произойдет, то им придется внести залог, чтобы помешать нам расстаться с тканью.

Они должны будут обратиться в Верховный суд Вирджинии, а добиться от него вынесения постановления о судебном запрете — все равно что искать снежок в аду. Весь вопрос в том — кто они и что они делают в Вирджинии».

Днем 30 марта 1994 года в кабинете судьи, находящемся в выстроенном в колониальном стиле здании окружного суда в Шарлотсвилле, собралась группа людей. Адвокаты Мэтью Мюррей, представлявший больницу, а также Пэйдж Вильямс и Линдси Кроуфорд, защищавшие интересы Союза русского дворянства, сидели впереди за противоположными столами. Рядом со своими юристами сидел и Алексей Щербатов, глава Союза. Позади на скамьях у стены с одной стороны сидели Марина и Ричард Швейцеры, Эд Дитс, Пенни Дженкинс, английский кинодокументалист Джулиан Нотт, репортер местной газеты Дон Хансен и я. С другой стороны сидели доктор Вилли Корте и один из редакторов научного журнала «Природа генетики», доктор Адриан Ивинсон.

Предметом слушания должно было стать ходатайство дворянского союза о наложении судебного запрета, но Мюррей сразу же попросил судью вынести решение о процессуальной правоспособности Союза на основании выдвинутых им, Мюрреем, возражений, изложенных в поданных им ранее документах. Судья Светт решил, однако, что новая роль Эда Дитса и тот факт, что Дитс еще не объявил о своей позиции и не приобщил к делу никаких бумаг, являлись достаточным основанием для отсрочки рассмотрения вопроса о процессуальной правоспособности.

В этот день, сказал судья, он будет слушать лишь аргументы за и против наложения временного судебного запрета.

Весьма показательным событием явилось изменение позиции фирмы «Эндрюс энд Курт» по вопросу о Питере Гилле и параллельных исследованиях. У Вашингтонских юристов не было выбора.

Аффидевит Мэри-Клэр Кинг, который они в свое время попридержали, теперь был приобщен к делу. В нем убедительно доказывалась несостоятельность нападок Уильяма Мейплса на доктора Гилла. Теперь, когда право распорядиться тканью принадлежало Дитсу, «Эндрюс энд Курт» встали перед тем фактом, что в ближайшем будущем Питер Гилл должен был получить ткань тела Анастасии Мэнахан и начать исследования.

Лучшее, на что могла теперь надеяться Кроуфорд, была бы отсрочка пересылки ткани Гиллу до тех пор, пока часть образцов не отправилась бы к доктору Кинг. Тем самым она, решительно выступая вначале против параллельных анализов, стала теперь их сторонницей.

Инструментом защиты этих изменивших свою полярность взглядов стал Адриан Ивинсон, молодой англичанин, написавший докторскую диссертацию по вопросам клинической и молекулярной генетики человеческого организма. Он выступал в качестве эксперта по приглашению Союза российского дворянства. Заняв свидетельское место для дачи показаний, доктор Ивинсон заявил, что проведение параллельных исследований в двух лабораториях вместо одной в научном отношении имело бы гораздо большее значение.

Судья Светт попросил Ивинсона высказать свое мнение об обоих знаменитых ученых. «Насколько я понимаю, вы считаете доктора Кинг одним из авторитетнейших ученых в данной области», — сказал он.

«Да», — ответил Ивинсон.

Затем судья Светт поинтересовался у Ивинсона, ставит ли он доктора Питера Гилла и лабораторию Службы судебной медицины на один уровень с лабораторией доктора Кинг.

«Да», — ответил Ивинсон второй раз*.

Слушание завершилось тем, что судья Светт не принял постановление о введении временного судебного запрета, о котором ходатайствовал Союз русского дворянства, потому что во время слушания Мэтью Мюррей пообещал, что убедит администрацию больницы задержать у себя образцы ткани на время, которое потребуется для завершения тяжбы — «на несколько дней или недель». Тем временем, указал судья, все вопросы, которые могут возникнуть у Союза, он должен решать с Эдом Дитсом, администратором наследства Анастасии Мэнахан.

Дитс немедленно сосредоточился на отношениях дворянского Союза с Мэри-Клэр Кинг. Он спросил Пэйджа Вильямса, имеется ли у Союза письменное соглашение с Кинг, а если да, то каковы его основные пункты. Он также попросил копию доклада Кинг о работе, проделанной ею по анализу екатеринбургских останков. Вильямс ответил, что у Союза русского дворянства нет никакого письменного согла-

* Впоследствии доктор Кевин Дэвис, главный редактор журнала «Природа генетики» и начальник Ивинсона, сделал еще более выразительное заявление: «Лаборатория Гилла, очевидно, является ведущей в мире в этой отрасли науки». Дэвис также рассказал, что фирма «Эндрюс энд Курт» намеревалась по предложению Мэри-Клэр Кинг пригласить его на слушание в шарлотсвиллский суд в качестве своего эксперта. Поскольку в тот день его не оказалось на месте, в Шарлотсвилл отправился Ивинсон. Дэвис был очень удивлен тем, что «Эндрюс энд Курт» не только не оплатили его коллеге и подчиненному услуги экспертизы, но «даже не угостили его ленчем».

шения с Кинг. Тогда Дитс попытался дозвониться до доктора Кинг. Сначала на его звонки никто не отвечал. Затем, когда разговор все же состоялся, стороны остались недовольны друг другом. Дитс сказал, что если Кинг собирается проводить анализы тканей, то, по его мнению, следовало бы выработать точный график. Кинг, очевидно обиженная этим предложением и расценивая его как попытку диктовать ей какие-то условия, просто положила трубку.

Последнее слушание в суде по вопросу о ткани Анастасии Мэнахан имело место 11 мая 1994 года. К тому времени как больница имени Марты Джефферсон (Мэтью Мюррей), так и администратор наследства Анастасии Мэнахан (Эд Дитс) приобщили к делу документы с требованием прекратить судебное разбирательство по иску Союза российского дворянства в связи с тем, что суд не обладал соответствующей юрисдикцией, а Союз — процессуальной правоспособностью.

Отвечая на возражение по иску, Линдси Кроуфорд из «Эндрюс энд Курт» аргументировала свою позицию тем, что заинтересованность Союза в родословных титулованного дворянства и «защите истории императорской России от попыток фальсифицировать ее» автоматически предоставляла ей правоспособность...* Несмотря на это заявление, судья Светт принял аргументы больницы и Дитса и прекра-

* Этот интерес к истории России сильно подвел Кроуфорд, когда она написала в своем последнем меморандуме в суд, что Анастасия Мэнахан утверждала, что «вместе со своим братом Николаем ей удалось выжить после расстрела в подвале». В действительности же Анастасия Мэнахан никогда не говорила, что уцелел какой-нибудь другой член императорской семьи помимо нее. И, конечно, брата великой княжны Анастасии звали Алексеем.

тил дело. Его судебное постановление было занесено в производство 19 мая 1994 года. Союзу российского дворянства отводилось тридцать дней на подачу апелляции. В случае отсутствия таковой дело считалось прекращенным.

Ричард Швейцер ждал, пока не выйдет срок, установленный для подачи апелляции на решение судьи Светта Союзом российского дворянства. Затем 19 июня в Шарлотсвилл за образцом ткани тела Анастасии Мэнахан прибыл Питер Гилл. Его приезд держался в тайне, ибо Швейцер все еще опасался, что Вилли Корте или «Эндрюс энд Курт» могут попытаться перехватить Гилла или же каким-то другим образом воспрепятствовать его доступу к ткани. «Против Гилла может быть возбужден процесс, чтобы помешать ему действовать, — писал Швейцер Мэту Мюррею, возражая против намерения больницы предать факт визита Гилла гласности. — Они могут попытаться помешать ему вывезти эти материалы из США, сославшись на какой-нибудь пункт наших сложных до бестолковости таможенных правил. Кроме того, он или образцы могут стать объектом физического воздействия, хотя я уже устроил так, что его будет сопровождать охрана».

В тот день Гилл был приглашен на ленч к Швейцерам, после чего отправился в больницу за образцами ткани. Там его приветствовали Эд Дитс, Мэтью Мюррей, Пенни Дженкинс и доктор Хант Макмиллан, заведующий лабораторией патологии. Пока юристы и те, кто не имел непосредственного отношения к науке, наблюдали издали за происходящим, съемочная группа кинодокументалистов приступила к съемкам. Макмиллан, Гилл и Бетти Эппард, техник-гис-

толог, которая делала срезы ткани, появились в стерильных масках, халатах и перчатках. Из коробки, взятой с полки, были вынуты пять парафиновых кубиков, содержавших образцы ткани Анастасии Мэнахан, и пять раз повторялась одна и та же процедура: Макмиллан передавал Гиллу кубик и идентифицировал его. Гилл производил стерилизацию и передавал образец Эппард, которая устанавливала его на микротом — аппарат, похожий на беконную ломтерезку, и очень ловко манипулируя им, делала от трех до шести срезов, темно-коричневых пластинок толщиной в два человеческих волоса. Гилл щипчиками осторожно поднимал каждый срез и помещал его в стерилизованную пробирку. Затем Макмиллан положил пробирки в защищенные от неумелого обращения прозрачные пластиковые мешочки, запечатал, и снабдил бирками. Прежде чем положить на микротом очередной кубик, Эппард протирала аппарат этиловым спиртом и меняла лезвие. Позднее, на наспех созванной пресс-конференции, Гилл предупредил, что «не уверен в настоящий момент, удастся ли нам выделить из образцов ДНК». У него не было представления, сказал он, о том, какое воздействие на ДНК могли оказать возраст ткани или использование консервирующего раствора формалина. Гилл надеялся, что если процесс по извлечению пройдет успешно, то ему удастся завершить работу по сравнению ДНК Анастасии Мэнахан и ДНК-профилями, извлеченными из екатеринбургских костей, принадлежавших императору Николаю II и членам его семьи, за 3—6 месяцев.

29 июня, через десять дней после того, как Питер Гилл забрал образцы тканей из Шарлотсвил-

ла, Морис Реми написал Ричарду Швейцеру весьма примечательное по своему откровению письмо. В нем, в последующем пресс-релизе и в массе других документов, также направленных Швейцеру, Реми раскрыл все, что происходило в его лагере до и во время долгой баталии. Он утверждал, что все началось с его встречи в 1967 году в Москве с Гелием Рябовым. Именно тогда у него и начал созревать замысел снять документальный фильм об убийстве царя и его семьи. В июле 1992 года Реми присутствовал на екатеринбургской конференции, где были предъявлены останки членов императорской семьи. Там он познакомился с доктором Мейплсом и его специалистами, которые сообщили ему, что скелетов Алексея и Анастасии обнаружить не удалось. В тот момент, объяснял Реми, он решил сосредоточить усилия на поисках пропавшей великой княжны, в ходе которых его люди вышли на Анастасию Мэнахан. Встал вопрос о проведении исследований ее ткани на ДНК.

Узнав, что Анастасию Мэнахан кремировали, Реми начал поиски проб крови или образцов ткани, которые, возможно, после нее остались. Он попросил доктора Вилли Корте навести справки в больнице имени Марты Джефферсон в Шарлотсвилле. Установив, что такие образцы действительно существовали, Реми затем попросил Томаса Клайна из фирмы «Эндрюс энд Курт» договориться с семьей Мэнаханов и Джеймсом Лавеллом о разрешении на анализ ткани. Усилия Клайна не увенчались успехом. Тем временем, по поручению Реми, Корте рыскал по Германии и Греции, собирая образцы крови для сравнительного анализа. Объектами его изысканий по этой части стали принцесса Софья Ганноверская и Ксения Сфирис. В этот же период был разработан и альтернатив-

ный вариант поисков, в ходе которых Реми вышел на племянницу Франциски Шанцковской и убедил ее сдать пробы крови.

Реми объяснил причины нападок Уильяма Мейплса на Питера Гилла. В июне 1993 года Корте, действуя от имени Реми, подписал соглашение-контракт с Мейплсом и Лоуэллом Левином. Последние двое обещали договориться с доктором Кинг о проведении исследований ДНК сравнительных материалов представителей династий Романовых и Гессенской, поставку которых должен был обеспечить Корте. Они также обещали не разглашать сведений о деятельности Корте*. Единственным вознаграждением, которое обещал им Корте, была оплата дорожных издержек, но в письме при этом говорилось, что «все поездки должны согласовываться заранее с доктором Корте». Таким образом Мейплс вошел в команду Реми. Когда же в ноябре 1993 года понадобилось свидетельство авторитетного ученого в поддержку петиции Союза российского дворянства о вступлении

* Хотя в соглашении Мейплса с Корте не содержалось ничего, что запрещало бы Мейплсу открыто упоминать об их профессиональных отношениях, антрополог предпочитал держать все в тайне. Впервые я услышал о Вилли Корте от доктора Майкла Бадена в одном из моих первых интервью, посвященных созданию этой книги. «Вам следует побеседовать с Вилли Корте, — сказал мне Баден. — Он знает все, что происходит». Когда в январе 1994 года я поинтересовался **насчет** Корте у Мейплса, тот показался мне встревоженным: «Корте — невероятно информированный человек, но он не будет разговаривать с вами. Он придет в бешенство, если узнает, что Майкл разговаривал с вами. Он и немецкая компания, на которую он работает, чрезвычайно скрытны». После окончания процесса мне стало известно о существовании соглашения с Корте и я спросил об этом документе у Мейплса. Он сказал, что такого соглашения не существовало.

в шарлотсвиллский процесс, Мейплс был тут как тут со своим агрессивным, лживым аффидевитом.

Узнав, что Ричард и Марина Швейцер подают в суд заявление с целью получить ткань из больницы имени Марты Джефферсон и передать ее для анализа доктору Гиллу, Реми призвал на помощь Щербатова и Союз российского дворянства. В ходе последующих двух судебных разбирательств номинальным клиентом фирмы «Эндрюс энд Курт», который значился во всех судебных документах, был Союз российского дворянства, хотя Реми утверждал, что князю Щербатову не говорили буквально, что надлежит делать в тот или иной момент. Но общее направление дела задавалось Реми, и оплата всех расходов также осуществлялась им через Корте.

Реми также рассказал Швейцеру о своих отношениях с доктором Кинг: летом 1993 года институт судебной медицины при мюнхенском университете отказался от дальнейшего участия в расследованиях, и в качестве замены Мейплс предложил лабораторию доктора Кинг. Было достигнуто устное соглашение с Кинг, в дополнение к письменному соглашению между Корте и Мейплсом, и Корте затем доставил в Калифорнию пробы крови Софии Ганноверской и Ксении Сфирис. Но, поскольку вопрос о ткани тела Анастасии Мэнахан все еще решался в ожесточенных судебных баталиях, Реми не располагал материалом для сравнительного анализа, взятым у претендентки, из-за которой и разгорелся весь сыр-бор. А именно ее личность и интересовала его в первую очередь.

В своем покаянном письме к Швейцеру Реми пытался сгладить неприятные впечатления, оставшиеся от сражений в суде, которые шли предыдущей зимой. По словам Реми, все это стало возможным в результате недоразумения, недобросовестных юри-

дических консультаций и плохой организационной дисциплины. Сообщение Корте о том, что происходило в Америке, писал Реми, отличались неточностью, и он, Реми, брал на себя вину за недостаточно жесткий контроль за действиями своих сотрудников. В заключение Реми уведомлял, что порвал отношения с Корте.

Срезы ткани отправились в Англию, и это означало конец хитрым юридическим маневрам и ожесточенным спорам, которые шли в здании шарлотсвиллского суда с различными перерывами в течение семнадцати месяцев. Вновь обращаясь к этим событиям совсем недавнего прошлого, следует сказать, что один важный вопрос, относившийся к ним, так и остался неразрешенным. Имеется в виду роль доктора Мэри-Клэр Кинг. Первоначально доктор Кинг, знаменитая ученая, занимавшаяся изучением причин возникновения рака груди, поддалась уговорам доктора Мейплса и доктора Левина и согласилась исследовать кости и зубы екатеринбургских скелетов, чтобы попытаться установить, являются ли они действительно останками членов императорской семьи. Отчет об этой работе, несмотря на частые телефонные звонки Мейплса, так и не был передан ею в органы массовой информации. Тем не менее Кинг взялась выполнить еще одно исследование точно такого же характера, касавшееся семьи Романовых. Она дала устное согласие принять, подвергнуть анализу и сравнить срез ткани Анастасии Мэнахан с материалом, взятым у родственников и потомков Романовых, который был доставлен ей Корте. Казавшаяся бесконечной грызня адвокатов в Шарлотсвилле, очевидно, надоела ей, а, возможно, даже и вызвала у нее отвра-

шение. Кинг так и не пожелала дать письменное обязательство в отношении того, как будут выполняться анализы, и как, где и когда их результаты будут преданы гласности.

Возникает вопрос: почему, несмотря на всю свою занятость архиважными исследованиями болезни, уносящей жизни миллионов женщин во всем мире, Кинг все же согласилась на какое-то время переключиться на работу по идентификации Романовых, настоящих и мнимых? Деньги тут были ни при чем. Чтобы сохранить независимость и исключить возможность какого-либо влияния на объективность исследований, Кинг в делах такого рода отказывается от оплаты. Если она пошла на это, дабы еще больше укрепить и возвысить свою репутацию или же будучи заинтригована подоплекой этого сенсационного дела, то почему же она не сдержала своего обещания и не стала выполнять исследования? Дело в том, что, не имея за собой имени Кинг и ее репутации, а главное, ее согласия провести анализы срезов ткани, Союз русского дворянства и «Эндрюс энд Курт» оказались бы не в состоянии предпринять попытку сорвать исследования, порядок проведения которых был согласован между Ричардом Швейцером, Питером Гиллом и больницей имени Марты Джефферсон. В конце концов, многие люди потратили много времени и много тысяч долларов, ожидая веского слова доктора Кинг, но она так им и не разродилась.

ТОЧНО ТАКАЯ ЖЕ, КАК ЛЮДИ,
КОТОРЫЕ ЕЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ

В течение лета 1994 года, пока Питер Гилл и его коллеги из судебно-медицинской службы трудились над извлечением ДНК из срезов ткани тела Анастасии Мэнахан, доставленных Гиллом из Шарлотсвилла, Морис Филипп Реми все еще пытался заполучить образец этой же ткани также для извлечения ДНК. Прекращение дела, возбужденного по иску Союза российского дворянства к больнице имени Марты Джефферсон, не помешало Реми получить из больницы срезы ткани, идентичные тем, которые забрал с собой Гилл. Решение судьи Светта о прекращении дела побудило Реми обратиться напрямую к Эду Дитсу, официальному администратору наследства Мэнахан, с просьбой выдать ему образец ткани для пересылки в Калифорнию, Мэри-Клэр Кинг. Реми, однако, начали одолевать сомнения в отношении надежности доктора Кинг. Стоя на распутье, он неожиданно обратился к своему недавнему противнику Ричарду Швейцеру. Какой подход, по мнению Швейцера, сле-

дует избрать к Кинг? Швейцер не держал зла и решил помочь. «С этими материалами работала не Мэри-Клэр Кинг, — сообщил он Реми, — а ее сотрудник, ученый, которого зовут Чарлз Гинтер. Теперь он персона нон грата в ее лаборатории. Он, однако, продолжает исследования, но в другой лаборатории, и я могу дать вам номер его телефона». Реми позвонил Гинтеру, но тут его поджидали новые трудности.

Чарлз Гинтер, молодой ученый, занимавшийся исследованиями ДНК в лаборатории доктора Кинг, извлек митохондрические ДНК из екатеринбургского материала, доставленного Уильямом Мейплсом, из проб крови Ксении Сфирис и принцессы Софии, предоставленных Реми. Гинтер, объясняя Кинг Ричарду Швейцеру, «закончил составление отчета о проделанной работе и подал его мне, но я не могу предать этот документ гласности. Он — хороший ученый, но отчеты составлять совершенно не умеет. Мне пришлось вернуть этот отчет для доработки, чтобы мы могли затем выпустить его в свет как обычный периодический отчет нашей лаборатории». Возможно, это и соответствует истине, но нежелание доктора Кинг предать гласности отчет, о котором идет речь, могло быть вызвано и другим обстоятельством. Результаты исследований екатеринбургских костей в лаборатории Кинг по качеству ничуть не были лучше тех, которые получил доктор Гилл, если даже не уступали им. Если дело обстояло именно так, то, как указывал другой ученый, исследовавший ДНК, не могла же Кинг сказать «Вот наши результаты. Они похуже, чем у доктора Гилла». Возможно, она пришла к выводу, что лучше вообще ничего не говорить.

Но как бы то ни было, а в то время, когда процесс в Шарлотсвилле завершался, у Кинг и Гинтера возникли серьезные разногласия, и Гинтер пере-

брался в лабораторию доктора Джорджа Сенсабо, находившуюся в том же здании. «Доктор Кинг изложила причины их расхождения в самых резких выражениях, — сказал Ричард Швейцер. — Мне еще никогда не приходилось слышать, чтобы один ученый так поносил другого. Она, по сути дела, сказала, что ей пришлось выставить Чака Гинтера из своей лаборатории. Мне, как человеку, не посвященному во все тонкости их профессии, было весьма странным услышать такое от ученого». Гинтер, учившийся в том же университете, что и Кинг, но позже, говорит об их отношениях с большей осмотрительностью: «Мэри-Клэр Кинг очень знаменита как ученый. Пожалуй, она именно тот человек, которому в наше время следует заниматься исследованиями этой болезни. Она очень удачно и своевременно нашла точку приложения своим выдающимся способностям. Она — женщина, исследующая женские болезни в знаменитом университете. И очень многие люди желают ей успеха. Но у нее очень трудный характер».

Именно в этом контексте Реми и обратился к Швейцеру. «Реми не знал, как быть с договорным письмом от лаборатории, — вспоминал Швейцер. — Перед ним также встала проблема забрать у Мэри-Клэр Кинг екатеринбургские образцы и передать их Гинтеру. И вот я помог ему, составив проекты соответствующих документов». С какой стати Швейцеру, который только что завершил изматывающий, стоивший ему огромного нервного напряжения многомесячный поединок с Реми в суде, захотелось помочь своему бывшему противнику договариваться с Гинтером? «Потому что я желал проведения еще одного исследования на сравнение ткани Мэнахан с образцами гессенцев, — объяснил Швейцер. — Я знал, что Чарлз Гинтер пользуется репутацией прекрасного

ученого и техника в этой области. У меня не было никаких возражений против того, что организацию этого дела берет на себя Реми. Ранее вся проблема с ним и его людьми заключалась в том, что они шли к своей цели напролом, не заботясь об ущербе, который могли причинить их действия.

Они не понимали, что всего этого можно достичь другим, вполне приемлемым путем. Вот об этом главном их недостатке я и сказал Реми».

В июне Реми — с помощью Швейцера — обратился к Гинтеру с предложением дать формальное согласие на выполнение исследования. Дело было в том, что лишь заручившись документом, где такое согласие было бы официально выражено, он мог подать ходатайство Эду Дитсу о выделении ему для экспертизы срезов ткани. Их-то и недоставало Гинтеру, все остальное у него было. Работу по профилям ДНК, принадлежавшим Романовым и гессенцам, он выполнил еще раньше, в лаборатории Кинг. Данные для сравнения у него также имелись. Отчет о тех же профилях был уже опубликован Питером Гиллом в журнале «Природа генетики». Получи сейчас Гинтер ткань из Шарлотсвилла, и заказ Реми был бы выполнен без каких-либо затруднений.

Но Гинтер (работавший в данном случае безвозмездно) выдвинул два предварительных условия. Во-первых, он хотел, чтобы Мэри-Клэр Кинг сделала письменное заявление, где в четкой и ясной форме был бы выражен ее недвусмысленный отказ взяться за выполнение данных исследований. Она также должна была заявить, что не возражает против того, чтобы за эту работу взялся Гинтер. Помимо этого, Гинтер просил Реми, чтобы тот договорился с Кинг о передаче ею сравнительных материалов по Романовым и гессенцам, хранившихся в ее лаборатории, в распоряжение

Гинтера. Выполняя эту просьбу, Реми позвонил доктору Кинг. С огромным трудом ему удалось добиться, чтобы она подошла к телефону, но когда разговор все же состоялся, все попытки Реми убедить ее сделать то, о чем просил Гинтер, оказались тщетными.

Вслед за этим Реми прибег к услугам лос-анджелесской юридической фирмы «О'Мелвени энд Майер». Адвокаты сообщили ему: когда они позвонили Кинг, она сказала, что с радостью отдаст пробы крови, если сможет найти их... она не знала, где они... в ее лаборатории выполняется столько исследований. ...Она также пожаловалась на Реми, который, по ее словам, разговаривал с ней по телефону в совершенно непозволительном тоне, пытаясь диктовать ей условия. Она не собиралась тратить свое время на таких типов. «Я не понимаю, о чем она говорит», — такова была реакция Реми.

В конце концов Кинг все же передала образцы для сравнения Гинтеру. В последующем, однако, Реми пожаловался Швейцеру, что Гинтер получил от нее буквально крохи рабочего материала.

«Она просто выбросила почти все то, что мы доставали с таким трудом», — сказал он. То ли и в самом деле Кинг халатно отнеслась к хранению проб крови, то ли она хотела утаить их часть в своих целях, об этом трудно было судить. Реми считал, что она стремилась сделать все назло, чтобы как-то досадить им. Швейцер не согласился: «Не думаю, чтобы ее это больше волновало. Просто она уже занялась другим делом и на все остальное ей было наплевать».

Гинтер, как и Реми, был разочарован тем, что Мэри-Клэр Кинг не позволила ему взять достаточно материала по весу или объему. Гилл, объяснял Гинтер Швейцеру, работал с полутора граммами материалов для выделения ДНК, в то время как у него самого

было меньше одного грамма. Тем не менее Гинтер приступил к работе. Большую часть ее он выполнил еще раньше, работая в лаборатории Кинг, но ему хотелось выполнить все заново, дабы избежать обвинения в присвоении результатов чужого труда. Еще раз он извлек митохондрические ДНК из материалов, взятых у родственников Николая II и Александры по романовской и гессенской линиям. Затем Гинтер повторно извлек митохондрические ДНК из проб крови, присланных Реми, которые были взяты у женщины по имени Маргарет Эллерик (миссис Эллерик была племянницей Франциски Шанцковской, польки, которая исчезла в Берлине примерно в то же время, когда тело фройляйн Унбеканнт выудили из канала). Тем не менее при проведении этих исследований в июле 1994 года у Гинтера все еще не было никаких материалов — ни ткани, ни крови, ни кости или волос, из которых можно было бы извлечь ДНК женщины, чью личность ему было поручено установить — Анастасии Мэнахан.

Реми, доведенный до отчаяния неудачей, которую потерпела его попытка добиться хоть каких-нибудь результатов от Мэри-Клэр Кинг, и тем обстоятельством, что у него слишком много времени уходило на урегулирование всех спорных вопросов, решил поискать обходные пути. Он понял, что хотя в различных выступлениях в суде на все лады воспевались преимущества параллельных исследований, какие бы результаты ни получил Гинтер в ходе анализа шарлотсвиллской ткани, они будут являться всего-навсего дубликатом анализов, проведенных Питером Гиллом. Занять в этой гонке второе место вовсе не входило в планы Реми.

«Я думаю, что именно в то время у Реми и созрел замысел обойти Гилла, отыскав где-нибудь еще свой собственный образец», — сказал Гинтер.

Реми и его помощники начали поиски проб крови Анны Андерсон, которые могли остаться на хранении в различных немецких больницах, санаториях и клиниках частнопрактикующих врачей после многочисленных медосмотров, которым она не могла не подвергнуться, прожив в Германии четыре или пять десятилетий. Одному из сотрудников Реми удалось обнаружить след крови в пробирке, оставшейся после регулярного медицинского осмотра, проведенного в конце 50-х годов. Участковый врач, у которого Андерсон стояла на учете вместе с другими жителями, сохранил эту пробирку из любопытства. Однако никакой пользы из этой находки извлечь не удалось.

В июле Реми отыскал профессора Штефана Зандкулера, работавшего ранее в Гейдельбергском университете и специализировавшегося там в области гематологии. Анна Андерсон проходила у него медосмотр 6 июня 1951 года. Ее доставили к нему для проверки на заболевание гемофилией. Это должно было послужить косвенным доказательством утверждения Андерсон, что она является дочерью императрицы Александры. Взяв пробу крови на анализ, Зандкулер выполнил обычную процедуру, размазав каплю крови по стеклянной пластине, на которой она засохла и в таком виде сохранилась. Профессор нашел эту пробу крови и отдал ее Реми. Единственным подтверждением того, что этот кусочек стекла когда-то имел отношение к Анне Андерсон, была нацарапанная на нем надпись «Анастасия». Тогда, в 1951 году, анализ ее крови так и не дал определенного ответа на вопрос, является ли Андерсон носителем гемофилии, объяснил Реми профессор.

Реми разделил мазок крови, добытый у профессора, на две части. Одну он послал профессору Бернду Германну, специалисту по идентификации ДНК, работавшему в институте антропологии Геттингенского университета. Другая половина мазка отправилась к доктору Гинтеру в Беркли. Единственным указанием на принадлежность этой половины была выцарапанное имя Анны Андерсон (а не «Анастасия», как сообщил Реми).

Гинтер попытался извлечь ДНК из засохшей крови, но это ему не удалось. А вот Германн оказался более удачливым и получил ДНК из своей половины мазка. Затем он послал этот материал Гинтеру для дальнейшей обработки и получения профиля, и тот обнаружил, что эти ДНК не совпадают с гессенским профилем (то есть донор этой крови не состоял в родственных отношениях с императрицей Александрой), а также и с профилем Шанцковской. Поскольку кровь мазка не совпадала с кровью, как выразился Гинтер «ни одного из лиц, представлявших интерес», происхождение мазка и его сохранность вызвали у ученого определенные сомнения.

«Это был открытый мазок, который мог подвергнуться загрязнению. На нем не было даже никакого чехольчика или другой защитной оболочки. Кто-то просто размазал кровь по стеклу, и она затем высохла», — сказал Гинтер.

В течение всего лета 1994 года обитатели английских дворцов и немецких замков, затаив дыхание, ждали объявления результатов исследований образцов ткани из Шарлотсвилла, проводимых Питером Гиллом. Промелькнувшее ранее сообщение о том, что в екатеринбургском захоронении не оказалось

скелета Анастасии, возбудило чувство неловкости и тревоги в династических семьях обеих стран. За редким исключением царственные бритты и германцы всегда отвергали претензии Анны Андерсон на роль царской дочери. В королевской семье Великобритании, с легкой руки лорда Маунтбеттена, дяди принца Филиппа со стороны отца, о миссис Мэнахан отзывались не иначе как о «фальшивой Анастасии». Гессенские кузены принца Филиппа пользовались гораздо более сильными выражениями. Теперь, когда вот-вот должен быть опубликован отчет Гилла, эти семьи вдруг замерли в оцепенении — каким страшным ударом по их репутации окажется то, что все эти годы по отношению к беспомощной царственной кухне творилась чудовищная несправедливость.

В течение нескольких лет Морис Реми делал все от него зависящее, дабы вовлечь гессенцев — то есть потомков семьи императрицы Александры и ее брата великого князя Эрнста Луи, в свои планы воспрепятствовать Швейцерам распорядиться образцами ткани миссис Мэнахан. Старшая сестра принца Филиппа, принцесса София Ганноверская, которой уже был восемьдесят один год, предоставила пробу своей крови в распоряжение Реми, и тот отослал ее для сравнительных анализов Мэри-Клэр Кинг. Реми также обратился к принцессе Маргарет Гессенской, восьмидесятидвухлетней вдове принца Луи Гессенского, чей отец, великий князь Эрнст, был ярким противником претендентки в 1920-е годы. Урожденная Маргарет Геддес из Шотландии, принцесса Маргарет унаследовала Вольфсгартен, замок на Рейне, где императрица Александра провела свое детство. В ее распоряжении находились также частные архивы гессенской семьи, в которых она на некоторое время разрешила поработать исследователям Реми.

Третьим гессенцем, которого все это непосредственно касалось, стал принц Мориц. Он должен был унаследовать замок Вольфсгартен после смерти бездетной принцессы Маргарет.

Усилия Реми натолкнулись на непреодолимое сопротивление принца Филиппа и его личного секретаря, сэра Брайана Мак-Грата. Принц не возражал против того, чтобы его сестра сдала пробу крови — в конце концов, он тоже сдал кровь Питеру Гиллу, чтобы помочь опознать екатеринбургские останки. Но когда Реми перешел рамки допустимого и попытался втянуть Софию, Маргарет и Морица в судебную тяжбу в Шарлотсвилле, Мак-Грат, выступая от имени принца Филиппа, сурово предостерег германских родственников, посоветовав им держаться подальше от этой истории. Британская королевская семья не испытывала какой-то серьезной озабоченности по поводу того, что претендентка и в самом деле может оказаться Анастасией, — вовсе нет. Все они были непоколебимо уверены в обратном. Их беспокоило другое. Судебный процесс, проходивший в Шарлоттсвилле, придал спору о личности Анастасии Мэнахан оттенок скандальности, что могло в известной мере нанести ущерб репутации королевы Елизаветы II в свете ее предстоящего визита в Россию. Никому не хотелось, чтобы это важнейшее дипломатическое событие омрачило известие о том, что Анна Андерсон действительно являлась дочерью царя Николая II. Особенно неприятно, если бы это случилось непосредственно во время пребывания королевы в России. Советникам королевы поэтому хотелось, чтобы в вопросе о личности претендентки все точки над *i* были расставлены еще до отбытия Ее Величества в Москву, намеченного на 17 октября.

В начале сентября Питер Гилл сообщил Швейцеру о том, что его работа близится к завершению. Швейцер и Служба судебной медицины согласовали между собой дату пресс-конференции, на которой Гиллу предстояло выступить с заявлением о результатах своих исследований. Эту пресс-конференцию наметили на 5 октября. Одновременно Эд Дитс должен был зарегистрировать эти результаты в суде и провести пресс-конференцию в Шарлотсвилле. Служба судебной медицины объяснила Швейцеру, что он, а не они, несет ответственность за устройство и проведение пресс-конференции.

Ни Гилл, ни Швейцер никогда не отстаивали ту позицию, что исследования должны проводиться исключительно доктором Гиллом. Наоборот, Швейцер сказал:

«Когда Питер Гилл прибыл в Шарлотсвилл за образцами ткани, он настаивал на проведении параллельных исследований в Институте патологии Вооруженных Сил для перепроверки результатов. Перед тем как публично выступить со своим отчетом, Гилл хотел иметь их заключение. И вообще, он питал надежду провести конференцию совместно с другими учеными.

В тот же самый период Швейцер, с одобрения Гилла, стал договариваться о проведении исследований ткани Мэнахан еще в одной лаборатории, у доктора Марка Стоункинга, специалиста в области митохондрических ДНК из университета штата Пенсильвания. Договоренность с Институтом патологии Вооруженных Сил была окончательно достигнута 21 сентября, всего лишь за две недели до проведения пресс-конференции в Лондоне. Сьюзен Баррит, со-

трудница института, приехала в Шарлотсвилл и забрала два набора срезов ткани Анастасии Мэнахан, один для ИПВС, а другой для доктора Стоункинга. После этого доктор Гилл сделал все, что мог, для оказания помощи ученым ИПВС, ибо их исследования должны были быть проведены в максимально сжатые сроки. В распоряжении американских ученых вначале находились лишь официально опубликованные результаты предыдущих исследований Гилла. Не удовлетвовавшись этим, Гилл поспешил направить новейшие данные сразу по двум адресам — в Мэриленд и доктору Стоункингу. Такая кооперация действий ученых в международном масштабе чрезвычайно обрадовала Швейцера, и он от всей души одобрил предложение Гилла о совместном опубликовании результатов их исследований.

Морис Реми по-прежнему делеял надежду играть ведущую роль в разрешении загадки Анастасии. После того как Швейцер помог ему в июне выработать соглашение с Чарлзом Гинтером, Реми не поддерживал связь с адвокатом. Тем не менее до Швейцера и Гилла окольными путями дошли слухи о том, что Реми договорился о проведении еще одного исследования мазка крови 1951 года, а Реми из сообщений средств массовой информации узнал, что пресс-конференция Гилла назначена на 5 октября. Реакция Реми на эту новость была двойственной: во-первых, он начал оказывать давление на Швейцера с тем, чтобы добиться от него разрешения не только присутствовать, но и принять участие в пресс-конференции, а во-вторых, он готовился предать гласности новую информацию, полученную доктором Германом из мазка крови 1951 года.

Просьба Реми об участии в лондонской пресс-конференции встретила одобрение со стороны Швейцера, который, оплатив работу Гилла, имел право принять такое решение.

«Я сказал ему, что буду очень рад, если он придет, — говорил Швейцер, — я сказал ему о нашем намерении признать тот факт, что именно он был первооткрывателем образцов ткани, хранившихся в больнице имени Марты Джефферсон, и что он посвятил этим делам многие годы упорного и кропотливого труда. И еще я сказал, что объявлю о его желании ответить на вопросы в конце пресс-конференции. Но эта пресс-конференция не должна была превратиться в совместную».

Однако пребывание на вторых ролях не могло устроить Реми. В случае неудовлетворения его требований, предупредил он, результаты исследований, уже имевшиеся у него, могут быть опубликованы еще до 5 октября. Он упомянул, что лондонская «Санди Таймс», платившая обычно тысячи фунтов за эксклюзивные права на сенсационные материалы, уже заинтересовалась его предложением. Тем не менее Швейцер и Гилл все же не пожелали идти на уступки, требуемые Реми.

В воскресенье 2 октября «Санди Таймс» с триумфом возвестила о своем улове. «Анна Андерсон разоблачена как крупнейшая аферистка XX века, — заявила газета. «Данные генетических анализов вне всяких сомнений свидетельствуют о том, что Анна Андерсон... была одной из самых великих самозванок, каких когда-либо знал мир... Это известие поступило, когда подошла к концу гонка, имевшая глобальный характер. Ее участники, соревнуясь друг с другом, спешили разгадать тайну... Результаты, полученные вчера, означают, что коллектив британских ученых,

возглавляемый доктором Питером Гиллом, который должен в среду объявить об итогах своих исследований, пришел к финишу вторым... На данный образец в ходе своих поисков наткнулся Морис Филипп Реми, германский телепродюсер, потративший пятьсот тысяч фунтов на то, чтобы подобрать генетические ключи к двери, за которой скрывается прошлое Анастасии».

Далее в «Санди Таймс» сообщалось, что анализы были выполнены профессором Берндом Германном из института антропологии университета в Геттингене. Подробности научного характера в этой статье отсутствовали. В тот же уикенд появилась и вторая статья об открытии профессора Германна, на этот раз в немецком еженедельнике «Дер Шпигель». По содержанию обе статьи мало чем отличались друг от друга.

Вся остальная лондонская пресса проигнорировала «Санди Таймс» и заполонила зал, где проходила пресс-конференция доктора Гилла. За столом на возвышении вместе с Гиллом и его коллегой, доктором Кевином Салливаном, сидели Ричард и Марина Швейцеры. Напротив них в первом ряду сидел князь Ростислав Романов, внучатый племянник Николая II. Рядом с ним находился его приятель, Майкл Торнтон, однажды оказавший Анне Андерсон юридические услуги в Великобритании. А рядом с Торнтоном сидел Ян Лильберн, сторонник претендентки, который не пропустил ни одного заседания в серии ожесточенных сражений, проходивших в гамбургском суде в шестидесятые годы. У боковой стены сидел высокий блондин в очках с бледным лицом и прилизанными волосами. Это и был Морис Филипп Реми.

Швейцер представился сам и представил свою жену, а затем, прежде чем перейти к главной теме конференции, отдал должное заслугам Реми, обнаружившего образцы ткани в больнице имени Марты Джефферсон. После него выступил Питер Гилл, который с помощью фотографий и схем, проецируемых на экран за возвышением, описал проделанную им работу: он извлек как нуклеарные, так и митохондрические ДНК из шарлотсвиллской ткани, которая (и здесь он предпочитал выразаться очень осторожно), «как утверждалось, была взята у Анны Андерсон». Он сравнил профиль ДНК шарлотсвиллской ткани с профилями ДНК — которые, как предполагалось, принадлежали царю и императрице и были извлечены из екатеринбургских костей, — с пробой крови, сданной принцем Филиппом, и с пробой крови, взятой у немецкого фермера по имени Карл Маухер, внучатого племянника Франциски Шанцковской. Применяв к нуклеарным ДНК способ краткой тандемной дубликации, Гилл определил: «Если принять за аксиому, что эти образцы ткани были взяты из тела Анны Андерсон, то следует утверждать, что Анна Андерсон не могла быть связана родственными отношениями ни с царем Николаем, ни с императрицей Александрой». Гилл затем сравнил митохондрические ДНК, извлеченные из ткани Андерсон с последовательностью оснований ДНК, полученных из крови принца Филиппа. Если бы Анна Андерсон была великой княжной Анастасией, то последовательность оснований ее митохондрических ДНК совпадала бы с последовательностью оснований ДНК Филиппа. В данном случае в одной гиперберрантной области четко видны шесть разных пар. Этого для Гилла было достаточно, чтобы сделать заключение, что «образец, который, как утверждается, был взят у Анны Андер-

сон, не мог принадлежать человеку, находившемуся в родственной связи с императрицей Александрой или принцем Филиппом. Это совершенно определено».

И наконец, Гилл сравнил профиль митохондрических ДНК шарлотсвиллской ткани с таким же профилем внучатого племянника Франциски Шанцковской, Карла Маухера. У Гилла получалась «стопроцентная совместимость, абсолютная идентичность». И опять, выражаясь весьма осторожно, Гилл заявил: «Это позволяет предположить, что Карл Маухер может являться родственником Анны Андерсон».

На пресс-конференции Питер Гилл ни разу не сказал прямо, что Анна Андерсон не являлась великой княжной Анастасией, или что она была Франциской Шанцковской. Он объяснил, что пользовался своей собственной базой данных, состоящей из трехсот моделей последовательностей оснований ДНК, взятых у лиц белой расы, а также данными, предоставленными в его распоряжение Институтом патологии Вооруженных Сил США и Марком Стоункингем. Он сказал, что обнаружив полную идентичность профилей ДНК у Маухера и Андерсон, в то же время не сумел найти похожих профилей в данных, которыми он располагал. Исходя из этого, заключил Гилл, шансы на то, что Анна Андерсон являлась членом семьи Шанцковских, была равна тремстам к одному, а возможно и более*.

* Язык, которым пользуются ученые, изобилует оговорками, отчего его смысл бывает часто не совсем ясен непосвященным. В этом случае Гилл фактически сказал следующее: «Шансы найти профили, подтверждающие, что Анна Андерсон и Карл Маухер не являются родственниками, равны менее чем одному на триста». Позднее в отчете, который был опубликован, Гилл выразился более определенно: «Это открытие поддерживает гипотезу о том, что Анна Андерсон и Франциска Шанцковска — одно и то же лицо».

У журналистов имелись и другие вопросы. Гилла спросили, в какой степени он уверен, что исследованная им ткань принадлежала Анне Андерсон. Он облек свой ответ в осторожную, уклончивую форму:

— Я не могу нести ответственность за качество подобных процедур, производимых в больнице имени Марты Джефферсон. Но когда я был там, то убедился, что вся документация находится в образцовом порядке; номера парафиновых кубиков строго соответствуют номерам историй болезней.

Затем его спросили, что он думает о безупречности метода профилирования ДНК.

— Любая техника хороша лишь настолько, насколько подготовлены люди, ею пользующиеся, — ответил он. — Но если вы всегда рассматриваете полученные данные в правильном контексте, тогда, да, этот метод безошибочен.

Гилла попросили сравнить свою работу с исследованиями, произведенными в Германии.

— Когда я сравнил наши результаты с их результатами, оказалось, что они... — здесь Гилл немного замялся, подыскивая нужное слово, — разнятся. Из чего я сделал вывод, что образец, анализировавшийся мною, и образец, который анализировали они, почти наверняка принадлежали разным людям.

Это оказалось полной неожиданностью. Майкл Торнтон сразу же встал с места и устался через весь зал на Мориса Реми. Торнтон был другом Ричарда Швейцера и ему вовсе не по душе пришлась попытка Реми принизить значение исследований доктора Гилла и пресс-конференции. Открытие Гилла, что ДНК, извлеченные из пробы крови, предоставленной Реми, не совпадала с ДНК, извлеченными из шарлотсвиллской ткани, означало, как заявлял Торнтон, что «проба крови, на анализе которой базировались статьи

в «Санди Таймс» и в «Шпигеле», была взята не у Анны Андерсон».

Реми, лицо которого заметно покраснело, также встал и выступил в защиту организованных им исследований и аутентичности пробы крови. Очевидно, еще до своего отлета в Лондон он был осведомлен о том, что профиль ДНК, полученный его ученым, отличался от профиля, имевшегося у Питера Гилла.

— Я не хочу утомлять вас долгими и сложными рассуждениями, та ли эта проба крови или не та, — сказал он аудитории. — Мы выполнили нашу работу должным образом. Я полагаю, что самое лучшее сейчас, — предоставить ученым разобраться во всем этом. Когда я улетал вчера из Германии, мои ученые сказали мне, что существует десять причин, почему ДНК могли оказаться разными. Происхождение образца — лишь одна из десяти, а девять других могли возникнуть в ходе исследований. Я являюсь посредником между учеными и мы наведем ясность в этом вопросе. Но у меня происхождение пробы крови, которой мы воспользовались, не вызывает сомнений.

Торнтон стоял на своем.

— Тогда почему же у вас получились иные ДНК? — спросил он.

— Я не ученый и поэтому не смогу ответить на этот вопрос, но мы постараемся выяснить, в чем дело, — ответил ему Реми. — Но как бы то ни было, а результаты получились одинаковые.

— Нет, — непримиримо сказал Торнтон, — они не одинаковые. ДНК — разные.

— Нет, ДНК не сильно разнятся между собой. И кроме того, я думаю, что этот спор уже изрядно надоел всем.

— ДНК — разные, — повторил Торнтон. Он повер-

нулся к Питеру Гиллу: — Вы можете подтвердить, что это совершенно разные ДНК, доктор Гилл?

— Мне показалось, что они в значительной степени отличались друг от друга, — признал Гилл.

— Значит, ДНК разные и проба крови фальшивая? — сказал Торнтон.

Реми опять попытался спасти лицо:

— Оставим решение этого вопроса на усмотрение ученых и не будем начинать войну между образцом кишечной ткани и пробой крови.

— Никто и не собирается воевать, — возразил Торнтон. — Это вопрос истины.

Реми, лицо которого уже пошло пятнами, не знал, как отделаться от Торнтона.

— Мы все выясним в конце концов, — поспешно произнес он. — Мы передадим это дело ученым. Нам нечего скрывать. После окончательной обработки все наши результаты будут преданы гласности. Они будут опубликованы. И тогда нам все станет ясно.

— Будем с нетерпением ждать этого момента, — ледяным тоном произнес Торнтон и сел на место.

После завершения пресс-конференции многие журналисты остались чтобы взять интервью у ее организаторов. В беседе с одной группой газетчиков Швейцер заявил, что, полностью принимая на веру научность выводов доктора Гилла, он может лишь сказать, что «у всех тех, кто знал Анну Андерсон, разговаривал с ней и регулярно бывал в ее обществе, просто не укладывается в сознании мысль о том, что она была польской крестьянкой». Реми шнырял по залу и раздавал всем пятистраничный пресс-релиз, где утверждалось, что он и его немецкий ученый достигли «прорыва... результата с почти стопроцентным значением. Ни одна из четырех частиц ДНК, извлеченных из ядра клетки, не совпала с ДНК царя

и его жены». В другом углу зала Торнтон продолжал критиковать Реми:

— Он пытался подорвать интерес к выступлению доктора Гилла, обнародовав до его выступления результаты своих исследований, которые не выдержали серьезной проверки. К тому же этот человек просто дурно воспитан, если у него хватает наглости являться на чужую пресс-конференцию и распространять прославляющий его пресс-релиз, изобилующий фактическими ошибками.

УЦЕЛЕВШИЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ
ОТПРЫСКОВ

«Гейм, сет, матч! Анна Андерсон в ауте! Корабль, на котором находились все ее сторонники, получил огромную пробоину ниже ватерлинии и идет ко дну!» — с воодушевлением воскликнул сэр Брайан Мак-Грат, который был вместе с принцем Филиппом в Сандрикгеме в тот момент, когда эта новость разнеслась по всему миру.

«Все кончено», — объявил князь Ростислав Романов в Лондоне.

«Давно пора», — отозвался князь Николай Романов из Швейцарии.

Однако никто не казался более счастливым, нежели князь Алексей Щербатов.

«Я отмщен, — ликовал он в Нью-Йорке. — С самого начала я знал, что она мошенница».

Наоборот, приверженцы Анны Андерсон и друзья Анастасии Мэнахан испытали сильнейшее потрясение и разочарование. Они просто не могли в это поверить.

«Я знал ее лично двенадцать лет, — говорил Питер

Курт, автор книги «Анастасия: Загадка Анны Андерсон». На протяжении почти тридцати лет я внимательно следил за всеми перипетиями ее жизни. И из-за каких-то там анализов я не могу, в одночасье изменив свою позицию, взять и сказать: «О да, я ошибался». Все не так просто. По-моему, остается лишь сожалеть, что великая легенда, чудесное приключение, изумительная история, вдохновлявшие столько людей, включая меня самого, внезапно оказались сжатыми в несколько граммов материи, упрямой в стеклянную пробирку».

Брайан Хорен, адвокат из Коннектикута, который впервые познакомился с Анной Андерсон в 1970 году, а впоследствии издал никогда до этого не публиковавшееся досье, содержащее все данные за и против, объявил, что он поражен до глубины души тем, что она оказалась вовсе не той, за кого себя выдавала.

«Вы должны простить меня, — сказал он. — Я узнал о результатах исследований совсем недавно, так что после столь многих лет мне просто невозможно переварить всю эту информацию. Однако совершенно невероятно, что какая-то польская крестьянка в двадцатые годы, задолго до того, как телевидение сделало всех нас такими похожими, смогла превратиться в эту женщину. Мне было бы гораздо легче поверить во все это, если бы они просто обнаружили, что она — не Анастасия. Но заявить о том, что она была польской крестьянкой — да у меня такое в голове не укладывается!»

Ричард и Марина Швейцеры, как и Брайан Хорен, отказались принять на веру утверждение об идентичности Шанцковской.

«Одно известно мне наверняка, — сказал Швейцер сразу же после лондонской пресс-конференции. — Анастасия не была польской крестьянкой».

Он, однако, дал ясно понять, что ни в коем случае не подвергает сомнению заключение Питера Гилла, что шарлотсвиллская ткань, исследованная им, не могла принадлежать лицу, находившемуся в родственной связи с императрицей Александрой, и, возможно, принадлежала лицу, происходившему из семьи Шанцковских. Вместо этого Швейцер выразил сомнение по поводу происхождения образцов ткани, которые анализировал Гилл.

«Сказать, что Гилл был прав, но Анна Андерсон не Шанцковска, означает, что исследованная ткань не принадлежала Анне Андерсон, — объяснил Швейцер, все еще находясь в Лондоне. — У нас такое чувство, что произошла какая-то подтасовка или подмена образцов. Это означает, что каким-то образом кто-то проник в больницу имени Марты Джефферсон и подменил ткань. Когда я вернусь, то первым делом наведаюсь в больницу и проверю документацию по всем вопросам технического характера: как больница хранила свои архивы, насколько надежна была их система безопасности и уверены ли они в том, что ее нельзя было нарушить. Затем я хочу расследовать различные возможные сценарии. Когда Вилли Корте приезжал повидаться с Пенни Дженкинс в ноябре 1992 года, сколько материала было у нее на столе в то время? Лежали ли у нее там дела, на которых можно было рассмотреть номера? Находились ли они в таком положении, чтобы кто-нибудь посторонний мог прочитать номера в перевернутом виде? А может быть, папки с историями болезней лежали у нее в кабинете и кто-нибудь мог незаметно проскользнуть туда, выдвинуть соответствующий ящик картотеки и легко установить номера образцов? Пенни сказала мне, что когда доктора в первый раз стали искать эту ткань, то не могли найти ее, и Пенни

самой пришлось вставать с места, и вместе они нашли нужную коробку в той ячейке, где ей и полагалось быть. Затем больница поместила ее в тщательно охраняемое помещение».

Каким мотивом могли руководствоваться организаторы такой махинации, если она действительно имела место? Швейцер выдвинул две версии: «Когда им показалось, что Лавеллу удастся сорвать их попытки завладеть тканью законным способом, они забрали ее тайком, а взамен положили туда что-нибудь еще (это «что-нибудь еще» могло быть тканью одного из членов семьи Шанцковских). Затем, после симуляции долгих и трудных поисков, они могли вытащить на свет пропавший образец ткани, настоящей ткани, произвести анализы и приписать себе заслугу в раскрытии этой тайны. Или, если они задались целью добиться того, чтобы ее признали Шанцковской, подмена образца позволяла достичь этого без особого труда. Кто могли быть эти «они»? У многих людей имелись многие причины — семейные, наследственные, нежелание официального признания ее великой княжной Анастасией. Деньги для этих людей не проблема».

Швейцер намеревался поставить и другие вопросы: «Можем ли мы определить пол и возраст лица, у которого была взята ткань? (Гилл впоследствии сообщил Швейцеру, что ткань действительно принадлежала женщине). Можем ли мы определить, сколько лет хранилась эта ткань в качестве образца? То есть было ли этому образцу пятнадцать лет, если считать, что он появился в результате операции, сделанной в 1973 году? Из какой части человеческого тела была взята эта ткань, из кишечника или откуда-то еще? Использовался ли больницей в то время этот тип консерванта? Значился ли в истории болезни тот

факт, что извлеченная ткань имела гангренозный характер?

Друзья Ричарда Швейцера, даже те, кто разделял его взгляды, полагали, что у него практически нет шансов доказать правоту своих предположений. Брайан Хорен, верный сторонник Анны Андерсон, сказал: «Теорию заговора не следует принимать всерьез. Трудно даже вообразить, чтобы можно было осуществить подмену. От этого немудрено и рехнуться!»

Но Швейцер не сдавался. Когда его спросили, не возражает ли он против того, что его называют теоретиком заговора, адвокат ответил:

— Мне семьдесят лет. И мне все равно, что и кто может подумать. У меня нет теории. Все, что у меня есть, это ряд предположений. Я хочу установить истину.

Пенни Дженкинс, которая отвечала за хранение медицинской документации в больнице имени Марты Джефферсон, включая пробы крови и образцы тканей, питала искреннее и глубокое уважение к Ричарду Швейцеру, так же как и он к ней. Узнав, что он выдвинул предположение о возможности подмены ткани в больнице, Дженкинс позвонила ему и сказала:

— Это не могло произойти и вот почему.

Позднее она пересказала содержание своего разговора с ним:

«У нас есть система дублирования. В 1979 году, когда доктор Шрам сделал операцию миссис Мэнахан, мы сделали срезы ткани, в дополнение к консервации в парафине больших по размеру порций ткани. Срезы в ходе хирургической операции — дело обычное. Вы делаете срез, изучаете его и определяете, есть

ли там рак или нет, или же это инфекция, или что-то еще. Мы храним эти срезы в одном месте, а ткань в парафине — в совершенно другом.

Далее, когда мы по просьбе врачей в начале 1993 года достали из хранилища образцы этой ткани, доктор Томас Дадли, ассистент патолога, сделал еще несколько новых срезов с одного из кубиков. Мы сравнили эти новые срезы, сделанные в 1993 году, с первыми срезами 1979 года. Они оказались совершенно идентичными. Если бы кто-то подменил их в хранилище за последнюю пару лет, то они не совпали бы. Чтобы кто-то смог проникнуть в оба хранилища и произвести подмену ткани, не имея при этом доступа к картотеке с номерами образцов, — нет, это исключено. Не думаю, чтобы Дику хотелось это услышать, но я должна была сказать ему».

Во время своего пребывания в Лондоне Ричард Швейцер узнал о результатах двух других исследований на ДНК ткани и волос, которые, как утверждалось, принадлежали Анастасии Мэнахан. Ни один из них не был утешительным для Швейцера в его убеждении, что эта женщина действительно являлась великой княжной Анастасией. Образец ткани анализировался в Институте патологии Вооруженных Сил. Тамошние ученые извлекли митохондрические ДНК из ткани, доставленной Сьюзен Баррит из Шарлотсвилла. Этот профиль сравнили с профилем принца Филиппа, который был опубликован Питером Гиллом. Результат оказался таким же, как и у Гилла: никакого сходства. Таким образом, ткань, с которой работали ученые ИПВС, также не могла принадлежать лицу, находившемуся в родственной связи с принцем Филиппом и императрицей Александрой.

Сравнения с польским профилем, полученным от Карла Маухера, в институте не производилось, и поэтому в их отчете не указывалось, кем мог быть донор, говорилось только о том, кем она не могла быть.

Еще одно подтверждение правильности выводов Гилла пришло оттуда, откуда его совсем не ожидали. Сьюзен Буркхарт, 31-летний инспектор организации «Синий Крест — Синий Щит» в Дареме, Северная Каролина, была заинтригована тайной Анастасии еще с двенадцатилетнего возраста. В 1992 году, узнав, что огромная библиотека Джона Мэнахана продана в книжную лавку букиниста на Чейпл-Хилл, она стала рыться в книгах, лежавших в ящиках, которыми было уставлено все подвальное помещение магазина. Однажды владелец магазина, Барри Джоунз, обнаружил в одном из этих ящиков конверт, на котором рукою Мэнахана было написано карандашом «Волосы Анастасии». Внутри находился слежавшийся ком волос, очевидно взятый из женского гребня после расчесывания. По некоторым признакам удалось установить, что когда-то Анастасия была шатенкой, но теперь казалось, что эти волосы кто-то густо посыпал солью и перцем. Очень важным оказалось то обстоятельство, что в их корнях до сих пор сохранились фолликулы. Буркхарт, будучи женой ученого, исследовавшего ДНК, понимала значение волосяных мешочков и купила конверт вместе с содержимым за двадцать долларов. Вскоре Питер Курт помог Буркхарт установить контакт с энтузиастом-исследователем ДНК Сидом Мандельбаумом, который договорился с доктором Марком Стоункингом из университета штата Пенсильвания насчет анализа этих волос на ДНК.

7 сентября 1994 года Сьюзен Буркхарт послала шесть прядей волос Стоункингу, которому удалось

извлечь митохондрические ДНК. Он подтвердил, что его ДНК имеют ту же последовательность оснований, что и ДНК, полученные доктором Питером Гиллом из шарлотсвиллской ткани. Затем Стоункинг сравнил профиль, полученный Питером Гиллом из пробы крови, взятой у герцога Эдинбургского. Стоункинг обнаружил, что оба профиля не совпадают; следовательно, не являясь родственницей принца Филиппа, обладательница этих волос не могла быть и родственницей императрицы Александры. Стоункинг пришел к выводу, что «если образцы волос принадлежали претендентке Анне Андерсон, то этот анализ указывает, что она не могла быть великой княжной Анастасией*».

Результаты, полученные доктором Стоункингом при исследовании волос, еще больше укрепили Питера Гилла в уверенности, что его собственные анализы ДНК были точными. В Институте патологии Вооруженных Сил использовался тот же источник — ткань из Шарлотсвилла — и результаты были получены те же. Марк Стоункинг, пользуясь иным источником, получил ту же последовательность оснований ДНК и те же результаты. Для теории Ричарда Швейцера о подмене ткани итоги исследований Стоункинга оказались губительными: уж совсем невероятным казалось, что махинаторы не только проникли в боль-

* Марк Стоункинг не анализировал образец ткани Андерсон, присланный ему из Шарлотсвилла. После того как доктор Гилл и ученые Института патологии Вооруженных Сил США получили одинаковые результаты, Стоункинг отсоветовал Ричарду Швейцеру проводить еще одно исследование той же ткани, сказав, что результат навряд ли будет другим. Эта ткань до сих пор хранится в лаборатории доктора Стоункинга в законсервированном и замороженном состоянии, вполне пригодная для будущих исследований.

ницу имени Марты Джефферсон, чтобы подменить ткань Анастасии Мэнахан на ткань Шанцковской, но и вложили пук волос в конверт с надписью, сделанной Джоном Мэнаханом, и устроили так, чтобы его нашли много лет спустя в подвале книжного магазина в Северной Каролине.

Так как Швейцер продолжал бороться, его стали критиковать за отказ признать непреложную истину. Лондонская «Ивнинг Стандарт» отзывалась о нем как о человеке, «проявляющем неустанный энтузиазм сродни тому, благодаря которому до сих пор функционирует «общество плоской Земли». «Природа Генетики», авторитетный журнал, заявлял в редакционной статье: «Почему Швейцер и те, кто разделяет его взгляды, отказываются принять результаты и даже теперь пытаются найти способы доказать справедливость притязаний Анны Андерсон? Что, учитывая такое недоверие, должно сделать научное сообщество, чтобы убедить публику, что оно знает, о чем говорит?»

К сожалению, эта редакционная статья сослужила дурную службу репутации «Природы генетики». Ее автором был тот самый доктор Адриан Ивинсон, который давал свидетельские показания от имени Союза российского дворянства на судебном процессе в Шарлотсвилле. Помимо явно предвзятого отношения к Швейцерам (о Ричарде Швейцере в статье говорилось, что он «женат на женщине, которая утверждает, что является внучкой доктора Боткина») статья изобиловала ошибками в отношении лиц, которых это дело непосредственно касалось; последовательности событий; данных, полученных различными учеными и самой науки генетики. Вскоре журнал извинился за эту статью.

Всю зиму и весну 1995 года Морис Филипп Реми продолжал искать способ внести свой собственный вклад в разрешение загадки о личности Анны Андерсон. По иронии судьбы получалось так, что чем больше усилий он прилагал за последние два с половиной года, тем меньшую отдачу они давали. Ему так и не удалось получить доступ к образцам ткани, хранившимся в Шарлотсвилле. Не достались ему и волосы, найденные в Северной Каролине. Единственным источником ДНК Анны Андерсон (может быть, и не Анны Андерсон, но Реми думал именно так), оказавшимся в его распоряжении, был мазок крови, сделанный еще в 1951 году. Чарлзу Гинтеру в Беркли так и не удалось извлечь из него ДНК. Ученый, работавший на Реми — доктор Бернд Германн из геттингенского университета, — все же нашел в мазке нуклеарные ДНК. Сравнив краткие tandemные дубликации (КТД), полученные из мазка крови, с уже известными КТД Николая и Александры, Германн объявил, что Анна Андерсон никак не могла быть Анастасией. К несчастью Реми, Питер Гилл 6 октября на лондонской пресс-конференции заявил, что ДНК из мазка крови и из шарлотсвиллской ткани не совпадали. Никому не было известно, кто являлся донором крови. Вдобавок Гилл осторожно выразил сомнения по поводу техники доктора Германна.

Попытка извлечь ДНК из мазка крови, который почти наверняка подвергся загрязнению, по мнению Гилла, неизбежно должна была привести к ложным результатам. В этом случае ученый скорее извлечет ДНК из своего собственного дыхания или слюны. Наконец, доктор Гилл сказал, что пока это имя не возникло в связи с притязаниями Реми на триумф на

страницах лондонской газеты «Санди Таймс», он вообще никогда не слышал о докторе Германне*.

Тем не менее в мае 1995 года Реми все еще заседал на своих ученых, требуя, чтобы они извлекли дополнительное количество ДНК из мазка. Он хотел послать этот препарат Гинтеру — для сравнения с профилями гессенцев. Если бы у Гинтера получилось совпадение профилей (означавшее, что донор находится в родственной связи с императрицей Александрой), это вызвало бы сенсацию и все предыдущие результаты анализов пришлось бы подвергнуть переоценке. Ирония состояла в том, что такой поворот дела привел бы в восторг былых противников Реми — Швейцеров — и жестоко разочаровал бы его прежних союзников — представителей гессенской династии и князя Щербатова.

Новый результат на этой стадии уже навряд ли вызвал бы интерес у доктора Вилли Корте, который после того, как Реми отказался от его услуг, вернулся к старому занятию — выслеживанию украденных произведений искусства. Отношения между ними фактически оказались прерванными. Корте, как профессиональный поисковик, конечно же не был доволен тем, что Реми присвоил себе все заслуги в интеллектуальном обеспечении данной операции. (Корте рассказал на страницах мюнхенской газеты «Абентцайтунг», что идея идентифицировать Анну Андерсон путем анализа образцов ткани или проб крови, которые могли остаться в больнице, пришла к нему в августе 1992 года, когда он сидел в фойе московской

* Павел Иванов также не знаком с работой доктора Германа. «Знаете, мы читаем все, что публикуется по нашей части и неплохо осведомлены, кто и что делает, — сказал он, — но я никогда о нем не слышал».

гостиницы «Славянская». Реми же авторство этой идеи присвоил себе.)

«Короче говоря, — сказал КORTE, — я раскрутил всю эту сложную карусель. Но это дело не принадлежит к числу тех, результатами которых я горжусь. Оно просто развалилось. Слишком много любителей начали совать сюда свои носы. А ближе к концу некоторые люди потеряли самообладание и засуетились, пытаясь спасти свои шкуры».

Кто же такая была Франциска Шанцковска, женщина, в течение более чем шестидесяти лет утверждавшая, что является великой княжной Анастасией? Она родилась в 1896 году в прусской провинции Позен, на границе с Польшей, которая тогда являлась частью Российской империи, в семье, двести лет назад относившейся к мелкой польской шляхте, но к концу девятнадцатого века окончательно перешедшей в крестьянское сословие. Отец Франциски, разорившийся алкоголик, умер, когда его дети еще не успели встать на ноги. Франциска росла замкнутой и мало походила на других детей. Она не обзаводилась друзьями и старалась держаться подальше даже от своих сестер, приняв в отношениях с ними вычурные, жеманные манеры, более свойственные высшему классу. В жаркую пору жатвы или сенокоса, когда вся деревня спозаранку выходила на луга или поля, Франциска валялась где-нибудь в телеге, читая книги исторического содержания.

«Моя тетушка Франциска была самой умной из четырех детей, — говорила Вальтрауд Шанцковска, жительница Гамбурга, — она не хотела до самой своей смерти оставаться в захолустье. Ей хотелось выйти в свет, стать актрисой, словом, быть не такой как все».

В 1914 году, незадолго до начала первой мировой войны, Франциска в возрасте восемнадцати лет уехала из провинции в Берлин. Там она стала работать официанткой, познакомилась с одним молодым человеком и готовилась выйти за него замуж. Уже состоялась помолвка, но тут ее жениха призвали на военную службу. Затем Франциска перешла на работу на военный завод. В 1916 году ее жених погиб на Западном фронте. Вскоре после этого печального события случилось другое несчастье. Ручная граната, которую собирала Франциска, выскользнула у нее из рук и, упав на сборочный стол, взорвалась. Девушка получила множество мелких ранений в голову и другие части тела. Однако ей еще повезло. Мастеру, стоявшему рядом, взрывом разворотило весь живот, и он скончался у Франциски на глазах. Ее отправили в санаторий; физические раны залечили, но глубокая душевная травма осталась. Франциску объявили «неизлечимой, но неопасной» и уволили с завода. Фрау Вингендер, сжалившись над несчастной, приютила ее у себя в квартире за плату, которую по тем временам можно было считать символической. Франциска периодически лечилась в санатории; в перерывах между лечениями она проводила время, лежа на кровати в своей комнате у Вингендеров. Она жаловалась на сильную головную боль, глотала таблетки и читала исторические книги, взятые в местной библиотеке. 20 февраля ее любимый брат Феликс получил от нее последнее письмо. 17 февраля 1920 года она исчезла.

По мнению Питера Гилла, метод профилирования ДНК безошибочен, и, следовательно, мы можем с полной уверенностью сказать, что фройляйн Унбекант, Анна Чайковская, Анна Андерсон и Анаста-

сия Мэнахан, все они брали свое начало от Франциски Шанцковской. Ее польским происхождением объясняется главный уязвимый пункт в ее притязаниях, то есть она понимала русский, но не могла говорить на нем как на родном языке. Тем не менее ее исполнение этой роли было на удивление блестящим. Мысль о том, чтобы стать самозванкой, наверняка не сразу пришла ей в голову. Два года она провела в приюте в Дальдорфе; она имела сильное внешнее сходство с одной из дочерей царя и потом люди, окружавшие ее, хотели верить в эту прекрасную легенду. Затем она вышла из приюта и жила среди эмигрантов. Эта жизнь обогатила ее массой новых интересных впечатлений. Люди обращали на нее внимание; некоторые кланялись и приседали и называли ее «Ваше императорское высочество». Со временем ее разум вобрал в себя эту альтернативную личность и она трансформировалась.

После пресс-конференции Питера Гилла некоторые сторонники Анны Андерсон говорили, что, возможно, она и не является дочерью царя, но совсем невероятно, чтобы она могла быть польской крестьянкой. И все же многие профессиональные актрисы из числа тех, кто также не мог похвастать своим знатным происхождением, вполне убедительно исполняли роли величественных гранд-дам, и многомиллионные зрительские аудитории воспринимали их именно такими. Великосветская леди, чтобы казаться таковой, не обязательно должна быть женщиной с древней родословной и усвоить безупречные манеры и стиль поведения в дорогостоящих пансионах для избранных. Нет, она может быть кем-то, кто долгое время вращался в определенной окружающей среде и привык к ней настолько, что ее собственное положение уже не вызывало у нее никакого сомне-

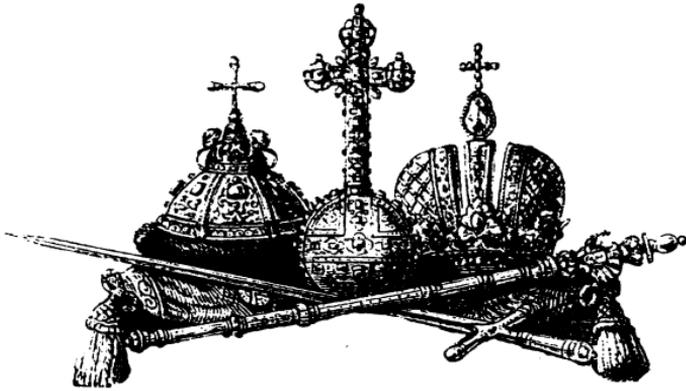
ния. Она была яркой, выразительной личностью, с сильным характером и была уверена в той роли, которую для себя выбрала. Времени, чтобы совершенствоваться в этой единственной роли, у Анны Андерсон имелось предостаточно — шестьдесят три года. Даже ее противник, доктор Гюнтер фон Беренберг-Госслер, который годами противостоял притязаниям Анны Андерсон в германских судах, отдал должное этому «исключительному качеству и ее успехам и достижениям на данном поприще».

«Будьте готовы, — сказал он молодому человеку, который должен был впервые встретиться с Андерсон. — Она завоюет вас. Из всех людей, с кем мне приходилось когда-либо встречаться, у нее самый необыкновенный дар убеждения».

И действительно, после первых лет вхождения в образ Анастасии она перестала прилагать какие-либо усилия, чтобы убедить людей в подлинности ее легенды. Наоборот, посторонние люди сами охотно становились ее приверженцами, отстаивали ее притязания в судах и требовали от всего мира ее признания.

Теперь, когда минуло уже более десяти лет после ее смерти, тайна ее личности наконец раскрыта. Женщина, которую вытащили из берлинского канала, не являлась великой княжной Анастасией, она оказалась самозванкой, имевшей поразительное внешнее сходство с девушкой, погибшей в екатеринбургском подвале в 1918 году. Тем не менее она прожила исключительную жизнь. Если она когда-то, давным-давно, и была полькой, фабричной работницей, то затем, выстроив свой особый, внутренний, воображаемый мир, она стала в нем и в воображении своих приверженцев принцессой. Ее игра произвела настолько яркое впечатление, что некоторые люди до сих пор не могут стряхнуть с себя наваждение, будто

они действительно общались с Анастасией Романовой. Жизнь этой женщины придала дополнительный колорит всему двадцатому веку. Многим настоящим великим князьям и княгиням удалось пережить революцию, но затем они жили и умирали в относительной неизвестности. И на этом сером фоне Анна Андерсон кажется единственной яркой кометой, которая навсегда врезалась в память нескольких поколений.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ОНИ УЦЕЛЕЛИ

РОМАНОВЫ В ЭМИГРАЦИИ

Физическое уничтожение Романовых началось не с царской семьи и не кончилось на ней одной. После захвата Лениным власти первым погиб шестидесяти-восьмилетний великий князь Николай Константинович, сосланный в Центральную Азию еще царем Александром II и почти всю свою жизнь проживший в Ташкенте. Здесь он был убит при неизвестных обстоятельствах большевиками в феврале 1918 года. Вторым убитым из этой династии стал младший брат Николая II, великий князь Михаил. Арестованных в Гатчине, близ Петрограда, Михаила и его секретаря, англичанина Брайана Джонсона вывезли на Урал, в Пермь, где их поселили в гостинице. В течение полугода отношение к брату бывшего царя было довольно либеральным: ему предоставили все права гражданина республики и позволили свободно гулять по городу и посещать церковь. Затем в ночь на 13 июля 1918 года — за три дня до убийств в Екатеринбурге — три человека ворвались в гостиничный номер Михаила, схватили его вместе с секретарем и, затолкав в два небольших экипажа, повезли за город.

Свернув с дороги в лес, они остановились и предложили великому князю папиросу. Когда тот закурил, один из похитителей вытащил револьвер и выстрелил Джонсону в висок. Потрясенный Михаил с распростертыми руками бросился к своему секретарю и другу, как бы пытаясь запоздало защитить его. И тут в него было сделано три выстрела. Тела забросали ветками, а позднее закопали. Андрей Марков отправился в Москву, где по предложению Якова Свердлова его отвели к Ленину, которому Марков и доложил о содеянном.

Меньше чем через двадцать четыре часа после расстрела царской семьи еще шесть Романовых были умерщвлены в Алапаевске, расположенном в 120 милях от Екатеринбурга. В их число входили великая княгиня Елизавета в возрасте пятидесяти четырех лет — сестра императрицы Александры; великий князь Сергей Михайлович сорока девяти лет; три сына великого князя Константина: князь Иван, тридцати двух лет; князь Константин, двадцати семи лет; и князь Игорь, двадцати четырех лет; последним был князь Владимир Палей, двадцати одного года, сын дяди Николая II великого князя Павла от мorganатического брака.

Великая княгиня Елизавета, как и ее сестра, являлась урожденной германской принцессой Гессен-Дармштадтской. Овдовев после того, как эсерами в 1905 году был убит ее муж, великий князь Сергей Александрович (дядя Николая II), она стала монахиней и, казалось, сама искала мученичества. После отречения царя и даже после захвата власти большевиками Елизавета отклоняла все предложения о бегстве за границу. В марте 1917 года Временное правительство попросило ее оставить монастырь и укрыться в Кремле. Она отказалась. В начале 1918 года кайзер Вильгельм II, который был влюблен в Елизавету еще до того, как он

женился, а она вышла замуж, несколько раз пытался по дипломатическим каналам вывезти ее в Германию, но она опять-таки отказалась. Перевезенная большевиками в Алапаевск на восточном Урале, она провела зиму 1917—18 гг. в бывшей школе, которую называли «дом на полях». На следующий день после смерти ее сестры Елизавета и другие Романовы, интернированные вместе с ней, были посажены на крестьянские телеги и вывезены за город к открытому стволу заброшенной шахты.

Существуют различные версии относительно того, как они окончили свои жизни. До недавнего времени основной считалась версия Николая Соколова: жертвам надели на глаза тугие повязки и приказали идти вперед к стволу шахты, в 60 футов глубиной, у края которого было положено бревно. Подчинились все, за исключением великого князя Сергея, бывшего артиллериста, который стал сопротивляться и был застрелен. Остальные, будучи не в состоянии рассмотреть дорогу, натыкались на бревно и падали в яму. Для верности те, кто производил экзекуцию, бросили вниз несколько ручных гранат и тяжелые бревна. Однако не все жертвы умерли сразу. Один крестьянин, который украдкой подполз к краю ямы после того, как убийцы уехали, сообщал, что слышал, как со дна шахты доносилось пение религиозных псалмов. Когда белые обнаружили тела, то рана на голове одного из молодых людей оказалась перевязанной носовым платком великой княгини. Вскрытия, пишет Соколов, показали, что рты и животы некоторых жертв были набиты землей — доказательство того, что они скончались от жажды и голода. Теперь, однако, эта версия опровергается доказательствами, собранными офицером Владимиром Соловьевым.

Как он полагает, великую княгиню, великого князя

и четырех молодых князей просто подводили к краю пропасти, стреляли в голову, и те падали в шахту уже мертвыми.

Шесть месяцев спустя, 28 января 1919 года, в Петрограде во дворе Петропавловской крепости казнили еще четырех великих князей, включая дядю царя — Павла (который был отцом князя Палея, убитого в Алапаевске). Их тела были погребены в общей могиле, выкопанной на одном из бастионов крепости. (В то время в этом месте расстреливали так часто, и кости так перемешались, что попыток идентифицировать останки князей не предпринималось и навряд ли таковые будут когда-либо предприниматься.) Одним из этих умерщвленных великих князей был Николай Михайлович, видный ученый-историк либерального направления. Ссылаясь именно на это обстоятельство, писатель Максим Горький упрасивал Ленина пощадить этого великого князя. Ленин отказался.

«Революция не нуждается в историках», — произнес он.

Помимо царя Николая II и императрицы Александры большевики уничтожили семнадцать других представителей этой династии, в том числе восьмерых из шестнадцати великих князей, живших в то время, пятерых из семнадцати великих княгинь и четырех принцев крови. После этой бойни в живых оставались только вдовствующая императрица, восемь великих князей и двенадцать великих княгинь, причем четверо из них были иностранками, которые получили этот титул, выйдя замуж за русских великих князей.

К 1919 году наибольшее число Романовых, избежавших расправы, находилось в Крыму, проживая в летних дворцах императорской семьи. Это были для

них привычные места обитания, так как туда они приезжали на отдых почти каждое лето. Мать царя, вдовствующая императрица Мария, занимала императорский дворец в Ливадии, возвышавшийся над черноморским курортным городом Ялтой. Вместе с Марией находилась ее дочь, великая княгиня Ольга, новый муж Ольги, полковник Николай Куликовский, и их маленький сын Тихон. В Ай-Тодорском дворце жила семья старшей дочери императрицы — великая княгиня Ксения, ее муж, великий князь Александр, и шесть из семи их детей. Поблизости, в своем собственном дворце, жил великий князь Николай Николаевич, который в самом начале войны являлся главнокомандующим русской армией. С ним находился его брат, великий князь Петр, а также их жены, родные сестры из Черногории, великие княгини Анастасия и Милица. У великого князя Николая не было детей, но сын великого князя Петра, князь Роман, которому исполнился 21 год, жил с ними.

В течение восемнадцати месяцев обитатели роскошных дворцов, принадлежавшие к самой высшей знати, жили с комфортом, но в тревожном, напряженном ожидании. В стране всюду полыхала гражданская война, и безопасность Крыма была относительной. Все тревоги кончились в апреле 1919 года с прибытием в Ялту британского линкора «Мальборо». Его командир предложил вдовствующей императрице покинуть Крым на борту линкора. Мария согласилась, но при условии, что «Мальборо» заберет всех Романовых, их слуг, а также некоторых посторонних лиц, не желавших оставаться под властью большевиков.

Когда огромный военный корабль отошел с рейда Ялты и взял курс на Мальту, его просторные палубы были битком набиты русскими, которым уже было не суждено вновь увидеть родину. Сойдя с «Мальборо»,

эти беженцы рассеялись затем по всей Европе и миру. Вдовствующая императрица вернулась в свою родную Данию, где королем был ее племянник Кристиан X. Великая княгиня Ксения после развода со своим мужем перебралась в Лондон, где с 1936 по 1960 год обитала в небольшом особняке, предоставленном в ее распоряжение британской короной и получившем название «дом запустения». Великая княгиня Ольга и ее муж оставались в Дании до самого конца второй мировой войны, после чего переехали в Канаду. После смерти мужа Ольга стала снимать квартиру вместе с одной русской супружеской парой. Квартира эта находилась прямо над парикмахерской в Торонто. Ольга умерла там в ноябре 1960 года, пережив на семь месяцев свою сестру Ксению.

Еще одна семья Романовых спаслась потому, что революция застала ее в Кисловодске, на Кавказе. Это были великая княгиня Мария Павловна, уроженка Германии, вдова старшего дяди Николая II, великого князя Владимира, и ее два младших сына, великий князь Борис и великий князь Андрей. Обоих братьев сопровождали любовницы; Бориса — Зинаида Рачевская, а Андрея — Матильда Кшесинская, бывшая прима-балерина, которая являлась первой и единственной добрачной любовницей Николая II.

Оказавшись за пределами России, оба великих князя женились на своих спутницах и обосновались в Париже и его окрестностях.

Их старший брат, великий князь Кирилл, его жена — англичанка, великая княгиня Виктория, — и две их юные дочери были единственными Романовыми, покинувшими Россию по северному маршруту. Это оказалось совсем нетрудно, потому что они уехали в июне 1917 года, когда у власти все еще стояло умеренное Временное правительство. Они испросили

разрешение на выезд у влиятельного Александра Керенского, получили заграничные паспорта, сели в Петрограде на поезд и отбыли в Финляндию. Позже, тем же летом, когда они все еще находились в Финляндии, у них родился сын Владимир.

Великий князь Дмитрий, двадцатилетний убийца Распутина, приходившийся двоюродным братом как Николаю II, так и великому князю Кириллу, бежал из России по самому южному пути. За участие в убийстве «святого старца» его сослали на Кавказ и вскоре после отречения царя от престола Дмитрий, совершив переход по горным тропам, оказался в Персии.

За последние семьдесят пять лет уцелевшие Романовы разделились на пять подкланов, каждый из которых по русскому обычаю носит имя родоначальника. Это — Михайловичи, Владимировичи, Павловичи, Константиновичи и Николаевичи. Михайловичи ведут свой род от Михаила, сына Николая I, и по крови ближе всего к царю Николаю II. Их группировка — самая многочисленная. Это были и есть дети и внуки сестры Николая, великой княгини Ксении и ее мужа, великого князя Александра, сына вышеупомянутого Михаила. У Ксении было семь детей, родившихся на рубеже веков. Самой старшей среди них являлась Ирина, которая вышла замуж за одного из убийц Распутина, князя Юсупова. Юсуповы обосновались в Париже, где и прожили без малого пятьдесят лет, до самой смерти. У них был лишь один ребенок, дочка, у которой также родилась дочь. Внучка Юсуповых, Ксения Сфирис, и была той женщиной, чья проба крови помогла Питеру Гиллу идентифицировать большую берцовую кость Николая II.

У великой княгини Ксении имелось также и шесть сыновей. Эти мальчики и юноши выросли на Западе. Сначала они жили с матерью в Дании и Лондоне, а затем разъехались по всему белому свету — в Париж, Биарриц, Канны, Чикаго и Сан-Франциско. Германия, исстари поставлявшая дому Романовых невест, после первой мировой войны утратила эту привилегию, так что молодым князьям пришлось жениться на девушках из аристократических русских семей. Они породнились с Кутузовыми, Голицыными, Шереметьевыми, Воронцовыми-Дашковыми — старейшими, блистательными именами русской знати. Сыновья Ксении отличались изысканностью речи и манер, получили отличное образование, одевались со вкусом, но у них напрочь отсутствовали какие бы то ни было амбиции. Полная инертность и безучастность ко всему — эти качества превалировали в них и роднили их всех.

— Они знали шесть языков, — сказал Ростислав Романов, чей отец, также Ростислав, был одним из этих шести братьев. — Но никто из них никогда ничего не говорил, поэтому на их счет остряли, отзываясь, что они умеют молчать на шести языках. Я помню, как я отвез своего отца повидаться с его братом Никитой. Они поздоровались и на этом их беседа прекратилась. Затем как-то раз один из сыновей Никиты предложил: «А почему бы нам не поехать навестить дядю Ростислава?». Никита сказал: «Зачем? Я уже знаю его».

Младший сын великой княгини Ксении, князь Василий, который родился в 1907 году и уехал из России с родителями в двенадцать лет, провел большую часть своей жизни в Вудсайде, штат Калифорния, близ Сан-Франциско. Он занимался выращиванием помидоров, которые получали призы на

различных сельскохозяйственных выставках, и поменял много работ. Одно время он продавал шампанские вина с доставкой на дом. Его излюбленной шуткой было подкатить на машине к черному ходу особняка какого-нибудь своего приятеля, выгрузить ящики с заказанным вином, а затем надеть нарядный фрак и галстук, подъехать к парадному входу, позвонить в дверь, и, предъявив свою визитную карточку, где указывался его титул, спросить, дома ли мадам.

Князь Василий умер в 1987 году. Внукам и внучкам Ксении теперь уже за шестьдесят, а некоторым и за семьдесят. Мужчины, о которых в обществе и прессе упоминали как о князьях Романовых, избрали себе разные карьеры. Князь Андрей, служивший в королевском военно-морском флоте и участвовавший в проводке арктических конвоев в СССР во время второй мировой войны, сейчас художник и живет в Инвернесе, штат Калифорния. Князь Михаил, у которого оба дедушки были великими князьями, занимается кинорежиссурой во Франции и сейчас живет в Париже и Биаррице. Князь Никита, историк, окончивший Стэнфордский университет и имеющий ученую степень доктора философии, живет в Нью-Йорке, так же как и его брат Александр. Самым младшим и наиболее деятельным из всех этих князей является Ростислав, говорящий по-английски с сильным американским акцентом. Это неудивительно, поскольку он родился и вырос в Чикаго, ходил в американскую школу и окончил Йельский университет. В Нью-Хейвене никому из его товарищей по классу и дела не было до родословной Ростислава. Сейчас он — лондонский банкир, специализирующийся на кредитовании торговли, и каждый день добирается на работу из Сассекса подземкой, выходя на станции Ватерлоо. Хотя он проработал в

Англии уже четырнадцать лет, британская королевская семья — как и его товарищи по Йельскому университету — не заметила его присутствия. Ростислав, однако, не обижается. Он — англофил. Он не желает возвращаться в Россию, разве что съездить туда в качестве туриста.

«Жизнь в Англии вполне устраивает меня», — говорит он.

После сестер, племянников и племянниц Николая II ближайшими его родственниками, оставшимися в живых, были Владимировичи, три двоюродных брата царя, великие князья Кирилл, Борис и Андрей, и их сестра, великая княгиня Елена. Все они были детьми самого старшего дяди Николая II, великого князя Владимира. Случись это в обычное время, почти одновременные смерти царя, его сына и его брата согласно правилам о престолонаследии автоматически сделали бы старшего из кузенов, Кирилла, которому в 1918 году было сорок два года, единственным законным претендентом на императорский престол. Однако в 1918 году уже не существовало ни империи, ни трона, и, следовательно, никакой автоматической процедуры престолонаследия произойти не могло. основоопределяющим принципом порядка наследования русского трона был закон, который означал, что корона могла переходить только к лицам мужского пола, через мужчин, пока в живых были представители мужской линии. В случае смерти императора и возникновения ситуации, когда трон по тем или иным причинам не могли занять ни его сын, ни брат, право престолонаследия переходило к старшему лицу мужского пола, принадлежащему к ближайшей к покойному монарху ветви семьи. В этом случае по ста-

рому закону таковым лицом являлся Кирилл. После Кирилла следующими в очереди к царскому трону стояли его братья Борис и Андрей, а после них — единственный оставшийся в живых представитель линии Павловичей, их двоюродный брат, великий князь Дмитрий, сын самого младшего дяди Николая II, великого князя Павла. Шесть племянников Николая II, сыновья его сестры Ксении, были ближе по крови к покойному царю, чем Кирилл, но прав на трон не имели, поскольку престолонаследие не могло идти по женской линии.

Кирилл, живший во Франции, проявлял большую осторожность в вопросе о заявлении своих притязаний на престол. Вдовствующая императрица Мария не могла поверить, что Николай II и его семья мертвы, и отказывалась посещать заупокойные церковные службы по усопшим. Публичное объявление Кириллом о принятии на себя функций наследника российского престола именно в этот момент глубоко шокировало бы и обидело престарелую императрицу. Кроме того, был и еще один претендент — великий князь Николай Николаевич, бывший главнокомандующий русской армией. Он происходил из Николаевичей, более отдаленной ветви Романовского древа, но среди русских пользовался куда большим уважением и популярностью, нежели Кирилл. Николай Николаевич отличался вспыльчивым, властным характером и имел репутацию храброго и искусного полководца. Кирилл же был военным моряком, который отказался когда-либо еще выходить в море, после того как потонул корабль, находившийся под его командованием. Тем не менее, когда видные представители русской эмиграции стали вести с Николаем Николаевичем переговоры о принятии им на себя сана престолонаследника или императора в изгна-

нии, он отказался, мотивируя это своим нежеланием разрушать надежды вдовствующей императрицы. Кроме того, этот великий князь согласился с Марией в том, что если Николай II, ее сын и его брат, действительно мертвы, то русскому народу надлежит самому выбрать себе нового царя из династии Романовых, или любого другого русского, который им придется по вкусу.

В 1922 году, за шесть лет до смерти Марии, когда старому вояке Николаю Николаевичу осталось прожить пять лет, Кирилл наконец решил больше не ждать. Он объявил себя местоблюстителем престола, а затем, в 1924-м, царем всея Руси, предупредив, однако, что в повседневном обращении сохраняет за собой менее пышный титул великого князя. Он учредил свой двор у себя на маленькой вилле в деревне Сен-Бриак в Бретани, стал выпускать манифесты и раздавать титулы. Хотя в техническом плане его дочери и сын являлись обычными княжнами и князем, Кирилл, воспользовавшись своим положением, сделал их великими княжнами и великим князем. Когда его кузен, великий князь Дмитрий, поддержал его притязания, Кирилл в знак благодарности возвел американскую жену Дмитрия Одри Эмери в княжеское достоинство, дав ей титул княгини Романовской-Ильинской; в 1929 году Дмитрий и Одри передали это имя и княжеский титул своему младенцу Павлу.

Когда Кирилл скончался в октябре 1938 года в Париже, ему было шестьдесят два года. Притязания же на трон перешли к его сыну, Владимиру, которому исполнился двадцать один год. Этот молодой человек, получивший образование дома, а затем в русском лицее в Париже, в летнее время обычно ковырлся в своих мотоциклах или гонял на них по узким

дорогам Бретани. Однажды он шесть месяцев отработал на заводе в Англии с «целью приобрести опыт из жизни рабочего класса». В 1946 году он переехал в Мадрид, а еще через два года, когда ему уже исполнился 31 год, женился на грузинской княгине Леониде Багратион-Мухранской. До этого Леонида была замужем за пожилым, состоятельным американцем, экспертом Сампером Муром Кирби, от которого у нее родилась дочь Елена. В 1937 году Леонида, в возрасте двадцати трех лет, развелась с Кирби. Ее бывший муж остался во Франции и после начала второй мировой войны. После прихода немцев его забрало гестапо, и он погиб в немецком концентрационном лагере.

Четыре с половиной десятилетия супружеской жизни Владимира и Леониды протекали под знаком мира и спокойствия и не были отягощены никакими семейными раздорами. Зимой они жили на вилле в Мадриде, а на лето переезжали в Сен-Бриак. В Париже они снимали квартиру. Время от времени посещали Нью-Йорк, где их промонархистски настроенные друзья брали для них напрокат шикарные лимузины, давали в их честь обеды, на которых Владимир обращался к ним с краткими речами на английском, русском, французском и испанском языках. На них он изъяснялся безупречно. Несколько раз на таких обедах доводилось присутствовать и мне. Владимир был приятным человеком с симпатичной, располагающей к себе внешностью и негромким голосом. Его речи, составленные в традициях царской семьи, не содержали ничего примечательного. Главной страстью Владимира было возиться с различного рода механическими двигательными аппаратами: сборка и управление автомобилями, мотоциклами, вертолетами. Он не был ни ученым, ни историком; когда

его друг детства Алистер Форбс стал настаивать на расследовании Владимиром личности Анны Андерсон, тот с приятной улыбкой ответил: «О да, Али, осмелюсь сказать, все, что ты говоришь, — сушая правда, но все же я не могу показать тебе хранящихся у меня документов, которые имеют к этому делу непосредственное отношение, а потому, давай поговорим о чем-нибудь еще».

У Владимира не было иного занятия, как быть претендентом. Почти все знавшие его люди сходились во мнении, что средства к существованию эта пара получала от Елены Кирби, унаследовавшей состояние своего отца-американца и проживавшей вместе с матерью и отчимом.

У великого князя Владимира и Леониды родился лишь один ребенок, дочь Мария, которая появилась на свет в 1953 году, когда ее матери было уже тридцать девять лет. В 1969 году, когда стало ясно, что сына у Владимира уже не будет, он предпринял действия, направленные на сохранение права на престол за своей семьей. Он выпустил манифест, в котором — к огромному неудовольствию большинства других Романовых — провозглашалось, что после его смерти его дочь станет блюстительницей престола. Мария с детства воспитывалась в надлежащем духе, готовясь к выполнению важной династической роли. Она получила образование в Мадриде и Париже и в течение нескольких семестров изучала в Оксфордском университете русскую историю и литературу. В 1978 году она вышла замуж за Франца-Вильгельма Прусского, принца из династии Гогенцоллернов, правнука кайзера Вильгельма II. Перед свадьбой Франц-Вильгельм перешел в православие и принял русское имя Михаил Павлович, а тесть наделил его титулом великого князя. В 1981 году у Марии и ее мужа родился един-

ственный на момент написания этой книги ребенок, Георгий. Дедушка Георгия возвел и его в сан великого князя.

Владимир никогда не питал особых надежд на то, что ему удастся вернуться в Россию в качестве царя. Однако он часто заявлял о своей готовности к такому повороту событий. Ко времени «гласности» и «перестройки» ему уже исполнилось семьдесят лет, а когда Ельцин был избран президентом, Владимиру было уже семьдесят четыре года. Внезапно события ускорились. Через несколько недель после инаугурации Ельцина в июле 1991 года президент и претендент обменялись письмами. В ту осень население Ленинграда проголосовало за возвращение городу его прежнего наименования — Санкт-Петербург. На празднество по этому случаю мэр города Анатолий Собчак пригласил и претендента. Владимир и Леонида прилетели в бывшую столицу империи и с балкона бывшего Зимнего дворца, где сейчас размещается музей Эрмитаж, наблюдали за шестидесятитысячной ликующей толпой, заполнившей Дворцовую площадь. Когда Владимир вошел в зал, где должна была проводиться пресс-конференция, триста журналистов, русских и иностранных, встали, повинувшись какому-то единому порыву. Пять месяцев спустя Владимир отправился в Майами, где должен был выступать перед полуторами тысячами воротил промышленного и финансового мира. Отвечая на вопросы в ходе пресс-конференции, он вдруг обмяк в своем кресле и потерял сознание. Через несколько часов последовала смерть. Два дня спустя Ельцин подписал указ, по которому впервые за последние семьдесят пять лет в России разрешалось устроить похороны для представителя династии Романовых. 29 мая 1992 года Владимир был погребен в усыпаль-

нице российских императоров в Петропавловском соборе Петербурга.

Похоже на то, что статус Владимира как претендента не подвергался сомнению ни со стороны Собчака, ни, возможно, даже со стороны Ельцина, но большинство Романовых яростно оспаривали его. Раскол, глубокой трещиной разделивший все многочисленное семейство Романовых и преследовавший, как чума, Владимира до конца его дней, и сегодня неотступным кошмаром следует за его дочь. Однако он начался не с них, а с отца Владимира, первого претендента, великого князя Кирилла. Российский закон о престолонаследии, принятый императором Павлом в 1797 году, устанавливал пять критериев для того, кто собирался возложить на себя корону самодержца: во-первых, монарх должен быть православным; во-вторых, монарх должен быть мужчиной, пока существуют лица мужского пола в императорском доме; в-третьих, мать и жена монарха или наследника должны до свадьбы перейти в православие, если они исповедовали другую веру. В-четвертых, монарх или наследник должны заключить «равный брак» с женщиной из другого «правлящего дома»; неравный брак с женщиной, в чьих жилах не текла королевская кровь, даже будь она по своему происхождению из самых высших кругов аристократии, закрывал этой паре и их отпрыскам путь к царскому трону; и, в-пятых, будущий монарх мог жениться лишь с разрешения правящего царя. (Не в пример Британии, в России наличие развода в биографии женщины не являлось препятствием для ее брака с членом императорской семьи. Бывали случаи, когда такие женщины даже становились любовницами ца-

рей.) Кандидатура великого князя Кирилла не соответствовала двум из пяти вышеперечисленных условий. Ни его мать, ни его жена к моменту свадьбы не приняли православия. И женился Кирилл без разрешения, даже вопреки воле царя Николая II.

Мать Кирилла, великая княгиня Мария Павловна, немецкая принцесса из Мекленбурга-Шверина, выходя замуж за отца Кирилла, великого князя Владимира, не пожелала отказываться от своей лютеранской религии и в течение тридцати четырех лет после свадьбы оставалась лютеранкой. В 1908 году ее наконец озарило, что из-за болезни маленького царевича Алексея ее муж и ее сын Кирилл имеют вполне реальный шанс взойти на престол. И чтобы этот шанс стал еще более реальным, Мария Павловна перешла в православие. К тому времени, однако, Кирилл сам подпортил себе будущее, запутавшись в любовных делах. В молодости он влюбился в свою кузину Викторию-Мелиту, внучку королевы Виктории. Но старая королева, любимым занятием которой было устраивать браки своего многочисленного потомства, решила, что Виктория-Мелита должна выйти замуж за ее внука с другой стороны, герцога Эрнста Гессенского. Виктория-Мелита, хотя и отвечала взаимностью на любовь Кирилла, не могла послушаться воли бабушки. Ее брак с Эрнстом оказался несчастливым — чувства Эрнста к женщинам носили противоречивый характер, и Виктория-Мелита стала проводить целые недели в обществе Кирилла то в России, то в Германии. С расстояния лет трудно понять, чем мог Кирилл так привлекать гессенскую герцогиню; ведь сестра Виктории-Мелиты, ставшая позднее румынской королевой Марией, отзывалась о нем как о «человеке из мрамора... чрезвычайно холодном и эгоистичном... в его присутствии начинаешь замерзать. Ко всем окружающим он относился с не-

скрываемым высокомерием и презрением». Тем не менее не прошло и нескольких месяцев после смерти королевы Виктории в 1901 году, как Виктория-Мелита и Эрнст развелись, и получившая свободу герцогиня стала с нетерпением ждать свадьбы с Кириллом. Однако путь к свадьбе оказался загроможден препятствиями. Династические данные Виктории-Мелиты были в полном порядке: она принадлежала к Саксон-Кобургскому дому, представители которого занимали английский трон. И хотя Русская православная церковь запрещала браки между лицами, состоявшими в такой степени родства, в какой находились Кирилл и его невеста, все же Виктория-Мелита вступила в лоно православия лишь спустя три года после свадьбы. По иронии судьбы получилось так, что миновав благодаря этому шагу одну беду, она угодила в другую: оказалось нарушенным правило российского императорского дома, согласно которому потенциальные наследники престола не имели права жениться на женщинах, которые в момент заключения брака не являлись православными. Наибольшее значение имело, однако, то обстоятельство, что брак этот не получил одобрения правившего в то время царя. Проблема заключалась в том, что бывший муж Виктории-Мелиты, Эрнст Гессенский, был братом жены Николая II. Императрица, стоявшая в вопросах нравственности и морали на пуританских позициях, чувствовала себя уязвленной. Была задета фамильная честь. Ведь эта дерзкая Виктория-Мелита осмелилась отвергнуть ее брата ради Кирилла и открыто состояла с ним во внебрачной связи. Александра, располагавшая почти неограниченным влиянием на мужа, была преисполнена решимости не дать этому браку состояться.

Можно лишь посочувствовать Николаю II, который, взвалив на свои плечи тяготы управления ог-

ромнейшей империей, принужден был еще заниматься и различными передрягами и скандалами, затрагивавшими представителей многочисленного императорского дома; устраивать их брачные дела. Браки по любви, какой выпал на долю самого царя, были редкими исключениями. Некоторые Романовы женились на флегматичных, лишенных всяких эмоций немецких принцессах и вели скучную, размеренную жизнь; другие, как, например, Борис, Андрей и Сергей Михайловичи, обзаводились красивыми, темпераментными любовницами и редко меняли их; ну а третьи, к которым следует отнести брата царя великого князя Михаила и его дядю, великого князя Павла, женились на разведенных русских женщинах более низкого происхождения. У Михаила был сын, родившийся еще до того, как он вступил в морганатический брак со своей любовницей. Павел также обзавелся двумя детьми.

Кирилл и Виктория-Мелита, с точки зрения царя, совершили проступок, поскольку в 1905 году они сочтались тайным браком в Германии. Когда Кирилл вернулся домой, надеясь поставить всех перед свершившимся фактом и уйти от наказания, то оказалось, что он жестоко просчитался. Его лишили чина и должности в военном флоте, а также особого денежного содержания, выплачивавшегося всем членам императорского дома. Он получил предписание выехать из России в течение сорока восьми часов, а его жене было отказано в праве носить титул великой княгини. Незадачливой чете пришлось ютиться в маленькой квартирке на авеню Генриха-Мартина в Париже до 1909 года, когда по случаю смерти отца Кирилла царь счел возможным разрешить Кириллу вместе с женой вернуться в Россию. Тем не менее, несмотря на официальное примирение, в отношении-

ях между этими семьями существовал глубокий антагонизм.

Во время первой мировой войны Кирилл, получив чин контр-адмирала не за боевые заслуги, а лишь благодаря своему происхождению, оставался в Санкт-Петербурге, где командовал гвардейским экипажем — элитным подразделением, поставлявшим матросские кадры для комплектования экипажей императорских яхт. В момент кризиса в феврале 1917 года Николай II находился в своей ставке, расположенной в пятистах милях от столицы. Императрица Александра вместе с пятью детьми, которые все кроме Марии болели корью и лежали в своих комнатах с задернутыми шторами, находились в Александровском дворце в Царском Селе в пятнадцати милях от Петрограда. В городе хозяйничала толпа разнузданной солдатни, настроенной крайне враждебно по отношению к императрице. Шел повальный грабёж магазинов. Пьяные солдаты орали во всю глотку, не скрывая своих намерений схватить «немку» и ее сына. Самой надежной частью, охранявшей дворец, был батальон гвардейского экипажа. Матросы грелись у костров, разведенных во дворе. Там же стояли полевые кухни. В ночь на 13 марта Александра, накинув на плечи плащ, отправилась в сопровождении Марии к морякам.

«Это была незабываемая сцена, — писала баронесса Буксгевден, которая наблюдала из окна сверху. — Было темно. На снег падал отблеск костров. Тускло отсвечивали начищенные стволы винтовок. Войска застыли недвижно в боевом порядке... фигуры императрицы и ее дочери двигались от шеренги к шеренге. Чуть поодаль смутной, почти неразличимой массой высился белый дворец, казавшийся каким-то зловещим призраком».

Переходя от одного матроса к другому, Алексан-

дра говорила, что полностью доверяет им и что в их руках находится жизнь наследника. Возвратившись во дворец, она излучала радостную уверенность.

— Они все наши друзья, — сказала она. По ее настоянию матросов поочередно, небольшими группами отвели во дворец и напоили горячим чаем.

Тридцать шесть часов спустя, 15 марта, когда императрица выглянула в окно, ее взору предстал обезлюдевший, пустынный двор. Великий князь Кирилл приказал гвардейскому экипажу вернуться в Санкт-Петербург. Супруга царя и его дети остались без всякой защиты. Днем накануне Кирилл, по словам французского посла Мориса Палеолога, «открыто выступил на стороне революции». Нацепив красный бант на свою адмиральскую шинель, он во главе своего экипажа промаршировал по Невскому проспекту к Думе, где предложил свои услуги председателю Думы Михаилу Родзянко. Николай II еще не отрекся от престола, и Родзянко прилагал все усилия к тому, чтобы спасти монархию в любой форме. Возмущенный тем, что Кирилл нарушил присягу, данную царю, он сказал великому князю: «Уходите. Ваше место не здесь».

Неделю спустя Кирилл подтвердил факт своей измены. В интервью, данном одной из петроградских газет, он заявил:

— Я несколько раз спрашивал себя, не является ли бывшая императрица сообщницей Вильгельма (кайзера), и каждый раз мне стоило огромного труда уверить себя в обратном.

В то бурное время послу Палеологу случилось как-то проезжать по улице Глинки, где жил Кирилл, и он увидел издали «как что-то развевалось над дворцом (великого князя Кирилла): это был красный флаг». Этим своим поведением в те февральские дни Ки-

рилл в глазах многих русских монархистов покрыл себя несмываемым позором на всю оставшуюся жизнь. Даже те, кто допускал, что он может быть законным претендентом, несмотря на лютеранство его матери, считали, что такие факты, как оставление императрицы и ее детей на произвол судьбы, нарушение присяги государю-императору, дефилирование по Петрограду с красным бантом и красный флаг над дворцом, навсегда лишают Кирилла права претендовать на трон российского императора.

Жизнь великого князя Владимира была отмечена печатью позора, легшего на его отца, но и в ней хватало спорных моментов. Женитьба Владимира также не соответствовала одному из правил императорской семьи. Леонида Багратион-Мухранская, безусловно, исповедовала православную веру. Было у нее и дозволение «царя» на вступление в брак, ибо «царем» был сам Владимир. Она уже побывала замужем и была разведена, но церковь не возражала против подобного обстоятельства, так же как и в случае с Кириллом. Главным уязвимым местом этого брака было происхождение Леониды. Принадлежала ли она к «правлящему дому»? Этот вопрос у многих вызывал сомнения. Аргумент, оспаривавшийся остальными родственниками, заключался в том, что Леонида Багратион-Мухранская происходила от ветви семьи, которая правила грузинским царством в течение трех веков. В 1800 году император Павел присоединил Грузию к своей империи, и, по мнению Берна, автора книги «Королевские династии мира», «грузинское царство прекратило свое существование... принцы королевской крови (царевичи) были вывезены в Россию, и их потомки ассимилировались с русской ари-

тократией». Багратионы быстро стали одной из влиятельнейших семей российского титулованного дворянства; генерал Петр Багратион покрыл свое имя неувядаемой славой, воюя против Наполеона, и получил смертельную рану в Бородинском сражении. Более ста лет Багратионы, подобно Голицыным, Шереметьевым и другим, служили царям в русской армии и при императорском дворе. Владимир и Леонида настаивали на том, что Багратионы остались «правлящим домом». Таким образом, утверждали они, Леонида полностью удовлетворяет всем требованиям, выдвигающимся к жене человека, который притязает на трон, и имеет право носить титул русской великой княгини и производить на свет детей, которые смогут стать монархами, ну если не сами, то их дети, внуки Леониды и Владимира, кому возможно, больше повезет на этом поприще.

Владимир и Леонида, чувствуя шаткость своих позиций, всегда были настроены агрессивно в отношении вопросов «равного брака» и «правлящих домов», когда эти критерии примерялись к другим Романовым. Они считают, что со времен революции ни один мужчина из дома Романовых, за исключением Владимира, не вступил в равный брак с женщиной из правящего дома. Заключив неравные браки, все эти другие не только лишили своих детей права претендовать на престол, но и права быть членами императорской семьи, пользоваться великокняжеским титулом и даже называться Романовыми. С точки зрения Владимира, именно эта ровная линия пустынного династического горизонта, где не видно ни одной мало-мальски подходящей мужской кандидатуры, и дала ему право сделать блюстительницей престола свою шестнадцатилетнюю дочь.

Это решение, о котором было объявлено в

1969 году, вызвало оппозицию нескольких человек, для которых известие о том, что они не являются ни князьями, ни Романовыми, явилось весьма неприятной неожиданностью. Ведущие представители трех других ветвей императорского дома — князь Всеволод Константинович, князь Роман Николаевич и князь Андрей Михайлович, все родившиеся в России еще до революции (Владимир родился за границей), объединились и совместными трудами составили письменный протест. В этом письме они при обращении к Владимиру исключили из его титула слово «великий» и назвали его просто князь, как и следовало бы его называть в дореволюционные времена. Они заявляли, что Леонида, вступив в неравный брак с Владимиром, не обладает статусом более высоким, чем жены других князей Романовых, и что она не имеет права называться великой княгиней. Они сказали, что не признают Марию великой княжной и объявили провозглашение ее будущей блюстительницей российского престола и главой российского императорского дома незаконным.

Внутрисемейная война продолжилась в 1976 году, когда Мария вышла замуж за принца Франца-Вильгельма Прусского и Владимир возвел своего зятя в сан великого князя. Ситуация еще более обострилась в 1981 году, когда у Марии родился сын Георгий и Владимир присвоил внуку титул великого князя. Князь Василий, племянник Николая II, заявил по этому поводу следующее:

«Ассоциация семьи Романовых настоящим извещает, что радостное событие в прусском королевском доме не имеет никакого отношения к Ассоциации семьи Романовых, поскольку новорожденный князь не является членом ни российского императорского дома, ни семьи Романовых. Все вопросы династиче-

ской важности могут решаться лишь великим русским народом на русской земле».

Поскольку юному Георгию могло сильно повредить (особенно в России) утверждение, что он принадлежит к династии Гогенцоллернов, Владимир, выполнив необходимые юридические процедуры, оформил изменение фамилии своего внука на Романов и зарегистрировал его во Франции как великого князя Георгия Российского. Это взбесило отца Георгия, принца Франца-Вильгельма, который развелся с Марией. («Однажды он явился домой и обнаружил свои вещи в коридоре», — объяснил один из его друзей.)

В марте 1994 года Франц-Вильгельм, потерявший свое русское имя и титул великого князя, сказал о своем сыне: «Его немецкий паспорт у меня вот здесь». И похлопал по нагрудному карману своей куртки: «Я всегда ношу этот документ с собой. В нем говорится, что он — князь Георгий Прусский».

Окрашенный в тона горечи семейный спор о том, кто обладает правом предъявлять притязания на несуществующий трон, а кто такового права лишен, и о том, кто является, а кто не является великим князем, князем или просто Романовым, ведется с обоюдным ожесточением, но наибольшую агрессивность до сих пор проявляли все же Кирилл, Леонида, Владимир и Мария. Со времен революции все претенденты на престол происходили из этой ветви семьи. Других не было. Но для них этого недостаточно. Они требовали безусловного признания справедливости своих притязаний и поддержки, а когда им в этом отказывали, начинали мстить. В 1992 году великая княгиня Мария написала президенту Ельцину по поводу захо-

ронения останков расстрелянной императорской семьи. Упоминая о кузнах, которые по крови были ближе к Николаю II, чем она, великая княгиня проинформировала Ельцина, что «члены семьи Романовых, отпрыски от мorganатических браков, не будучи связанными никакими узами с императорским домом, не имеют ни малейшего права высказывать свои мнения или пожелания по этому вопросу. Они могут лишь приходить к могиле и молиться, на что, впрочем, имеет право и всякий другой русский человек, если он того пожелает».

В то лето семь старших князей Романовых из родов Михайловичей и Николаевичей собрались в Париже для того, чтобы основать благотворительный Фонд семьи Романовых, целью которого будет оказание России медицинской и другой помощи. Проникшие на пресс-конференцию, где было объявлено о создании этого фонда, приверженцы Марии сновали в кулуарах, раздавая их собственный пресс-релиз, подписанный Марией. В нем объявлялось, что «все другие живые члены дома Романовых утратили всякие права на престолонаследие в результате мorganатических браков их родителей».

В 1994 году четыре князя Романовых, а также Мария, были приглашены в Санкт-Петербург на открытие выставки в Эрмитаже, посвященной Николаю и Александре. Мария отклонила это приглашение. А в послании, написанном секретарем Леониды, указывалось, что ее императорское высочество великая княгиня российская Леонида была шокирована неправильным употреблением титулов и нарушениями протокола, которыми изобиловали приглашения, направленные князьям. Ранее, на пресс-конференции в Екатеринбурге, где в президиуме на возвыше-

нии сидели Мария, Леонида и Георгий, ведущий воскликнул:

— Во всем мире существуют лишь три Романовых. И все они находятся сейчас в этом зале*.

Великая княгиня Мария, сорокадвухлетняя блюстительница российского престола, живет вместе со своим сыном на вилле, расположенной в горах, поросших лесом, близ Мадрида. Помимо них там живет также и сестра Марии, Елена Кирби, возраст которой уже приближается к шестидесяти. Мать Марии и Елены, Леонида, обитает по большей части в Париже. Во входном холле этой мадридской виллы висит портрет прапрадедушки Марии, царя Александра II, на фоне которого великая княгиня любит сниматься с гостями. В гостиной над камином висит портрет мисс Кирби.

* Разумеется, на самом деле Романовых не трое, а гораздо больше. Одним из них является Поль Р. Ильинский, американский гражданин, бывший полковник корпуса морской пехоты США и теперешний мэр города Палм-Бич, штат Флорида. Факт его существования приходится не по нраву некоторым другим Романовым.

Ильинский, которому сейчас шестьдесят семь лет, — сын великого князя Дмитрия и американки Одри Эмери. Он родился в Англии и получил свой титул князя Павла Романовского-Ильинского от претендента Кирилла, который приходился кузеном его отцу. Когда ему исполнилось девять лет, его родители развелись. Отец умер, когда Павлу было четырнадцать лет, и поэтому все свои юношеские годы он провел с матерью.

В Вирджинии он ходил в школу, а затем посещал и вирджинский университет. Вступив на стезю самостоятельной жизни, он принял имя Поля Р. Ильинского, поступил добровольцем в корпус морской пехоты (что дало ему право на американское гражданство, принимая которое он обязан был отказаться от своего иностранного титула), где быстро продвинулся по службе и стал

Мария — центральная фигура в этом доме. Она невысокая и довольно полная. Ее округлое лицо обрамлено темными вьющимися волосами. По-английски она говорит бегло и с оксфордским акцентом. Так же хорошо владеет и русским. Когда у нее берут интервью, она высказывается очень осторожно; чувствуется, что все ее ответы заранее отрепетированы. Случается, что иногда вся эта округлая, осторожная, почти ничего не значащая фразеология, в которой

офицером. В его послужном списке значится и участие в корейской войне. В звании полковника он остался в резерве. В Палм-Бич он женился, нажил четырех детей и множество внуков. Ильинский подвизался в области продажи недвижимости и как профессиональный фотограф. Его хобби — коллекционирование. Начав с небольшой коллекции оловянных солдатиков, оставшейся в наследство от отца, он владеет теперь огромнейшей армией, а в крыле, пристроенном к его дому на берегу океана, размещается одна из самых больших в мире частных коллекций моделей электропоездов.

Павел Ильинский поддерживал дружеские отношения со своим покойным кузеном Владимиром, который посещал его в Палм-Бич, и чувствовал себя вполне непринужденно в отношениях с другими князьями Романовыми. Сам он совершенно не интересуется российским престолом. Тем не менее, как бы он себя ни величал, он — Романов. И, интерпретировав старые российские законы о престолонаследии в свою пользу — как это практикуют все другие ныне здравствующие Романовы, — он мог бы тоже стать претендентом. Он, являясь лицом мужского пола, имел бы предпочтение перед дочерью Владимира, Марией. Ильинский — правнук царя Александра II по мужской линии, в то время как князь Николай Романов — праправнук царя Николая II. Отец Ильинского получил титул великого князя еще до революции, чем не может похвастаться ни один мужчина из теперешних Романовых. Единственным уязвимым местом в его биографии является происхождение от неравного брака. Но здесь, судя по всему, он находится в равном положении со всеми остальными Романовыми. Размышляя об этом, Павел (Поль) Ильинский улыбается и говорит: «Я — американец, и у меня уже есть общественная должность, на которую я был избран. Я — мэр».

она вышколена, слетает как шелуха, и под ней обнаруживается ясный, живой и незаурядный ум, и тогда она высказывается более открыто. Многие русские эмигранты и их потомки хоть и не поддерживали Владимира в его притязаниях на трон, тем не менее симпатизировали ему как личности. То же самое можно сказать и о его дочери.

Она отвечает прямо, что не может сказать, когда русское правительство и народ возродят монархию, и вообще неизвестно, произойдет ли это событие.

— Не знаю. Трудно сказать, — говорит она. — Наверное, они говорят: «Может быть она вернется, а может и нет. Давайте будем поддерживать с ними связь и оказывать им знаки внимания. Кто знает, что нас ждет в будущем». Когда мы бываем в России, к нам всегда относятся доброжелательно, с почтением. Летом 1993 года мы совершили двухмесячное путешествие по Волге и останавливались в тридцати городах. Встречать нас выходило много народа. Все причалы и берег были усеяны людьми так, что яблоку негде было упасть. Многие спрашивали: «Когда вы вернетесь?» и «Вы простите нас?». Думаю, что где-то на задворках их сознания все же крепко засела идея о необходимости монархии. Но я не пророк. Наше возвращение может состояться через несколько месяцев, в следующем году или через десять лет. Поэтому мы ездим туда просто для того, чтобы узнать побольше о нашей стране и выяснить, чем мы можем помочь. У нас нет желания — пока что нет желания — принять корону...

Мария не хочет вспоминать о прошлом только лишь ради того, чтобы беречь старые раны.

— Необходимо простить, но не забыть, — заявляет она.

Что же касается захоронения екатеринбургских

останков, то Мария говорит, что примет результаты работы правительственной комиссии и решение российского правительства такими, какими они будут:

— Надеюсь, что патриарх вскоре канонизирует всех членов царской семьи, а также всех мучеников революции.

У Марии установились неплохие отношения с нынешним патриархом русской православной церкви Алексием II.

— В каждое наше посещение России он оказывает нам теплый прием, — говорит она. — По-моему, он думает, что мы можем прекрасно сработать.

Ее вовсе не беспокоит продолжающаяся вражда между Русской православной церковью в изгнании и церковью в России. Первая обвиняет вторую в том, что ее ряды наспигованы бывшими агентами КГБ.

— В то тяжелое время кто-то должен был взвалить на себя заботы по спасению Церкви, и именно благодаря тем церковным деятелям, которые жили тогда в России, там до сих пор присутствует Церковь, — объясняет свою точку зрения Мария. — И если какая-то горстка священников, отсиживавшихся за границей, полагает, что теперь может сказать им: «Можете уходить. Мы вернемся и займем ваше место», то это абсурдно. Полагаю, что в свое время у зарубежной православной церкви были веские причины выступать против церкви внутри России, однако теперь эти причины больше не существуют.

Когда заходит речь о схизме в семействе Романовых, Мария начинает нервничать.

— Если они хотят соблюдать семейные законы, тогда никто не будет отрицать, что они являются Романовыми, — говорит она, имея в виду своих кузенов. — Они — Романовы. Есть у них титулы или нет, это совсем другое дело. Если они хотят быть Романо-

выми и носить эту фамилию с достоинством, что ж, прекрасно, но для этого вовсе не нужно никакого титула. Фамилии семьи вполне достаточно. Я понимаю, что они оказались в очень печальной ситуации, но повинны в этом лишь их родители, и больше никто. Они сказали, что им на все наплевать, и вступили в эти неравные браки. Затем их жены стали миссис Романовы, а их дети мистеры и мисс Романовы. Вот и все. Я не могу изменить наши законы. У меня такое чувство, что теперь, когда в России происходят эпохальные события, они вдруг встрепенулись, словно только что очнувшись от какого-то оцепенения, и сказали «Эге! А нельзя ли из этого извлечь какую-то выгоду?».

Пока мы разговаривали, мисс Кирби и великий князь Георгий сидели с нами и спокойно слушали нас, не вмешиваясь в разговор. Затем Георгию принесли покушать — чай и пирожное. Поев, он встал и, вежливо извинившись, удалился. Из залитой солнцем гостиной я видел, как он гонял туда-сюда на велосипеде в саду. Я поинтересовался насчет его будущего.

— Он часто разговаривает со мной об этом. В настоящий момент он обучается в английской школе в Мадриде. Там учатся дети дипломатов и бизнесменов. Я попросила, чтобы с ним обращались как с обычным мальчиком. Сверстники зовут его Джорджем. Когда подойдет время, он отслужит воинскую службу в России.

Неожиданно разоткровенничавшись, Мария говорит, что Георгию, возможно, придется долго ждать своей очереди, чтобы взойти на российский престол.

— Как вам известно, главой семьи являюсь я, — продолжает она свою мысль. — Мы должны сначала узнать, в чем нуждается наша страна. В настоящее время это место должна была бы занять я. Так что

(прежде чем Георгий унаследует трон) моя страна может заявить: «Женщина нам не нужна».

В теплый погожий денек ранней весной на перроне железнодорожной станции в Гстааде, Швейцария, стоит высокий, пышущий здоровьем, улыбающийся мужчина и протягивает мне руку. Это князь Николай Романов, которого в его семье все, за исключением Марии и Леониды, признают главой императорского дома.

— Нам понадобится такси, чтобы добраться ко мне домой, — говорит он. — И вот оно, стоит здесь: такси «Романов».

Мы забираемся в изрядно потрепанный, старенький красный автомобиль, такой маленький, что Николай заполняет собой почти целиком оба передних сидения. Он везет меня в небольшую горную деревушку, куда они с женой переехали из Италии. Перебравшись сюда, Николай обнаружил, что в этой квартире не хватает места для его библиотеки, и тогда он купил однокомнатную студию этажом ниже, которая теперь вся забита книгами. Большая часть из них — работы по истории России.

Если великая княгиня Мария не является законной претенденткой на российский трон, то значит таковым является семидесятитрехлетний Николай Романов. Его родители заключили между собой неравный брак, но, как он считает, такой же упрек можно бросить и в адрес родителей Марии. И если по этому пункту они квиты, то в остальном положение Николая выглядит предпочтительнее, и прежде всего потому, что он мужчина. Однако ирония состоит в том, что Николай, во-первых, не имеет ни малейшего намерения претендовать на престол, а, во-вторых, он

считает, что монархия как форма государственной власти не подходит России в ее теперешней ситуации. Когда комментатор Санкт-Петербургского телевидения спросил его, какой из него мог бы, по его мнению, получиться царь, Николай ответил:

— А вы разве не слышали, что я республиканец?

Он родился на юге Франции в 1922 году, неподалеку от дома, где жил его дядя-полководец, великий князь Николай Николаевич, отличавшийся огромным ростом. Великий князь не имел детей, и Николай со своим братом Дмитрием, который был на четыре года младше, стали единственными мужчинами их поколения в этой ветви Николаевичей семьи Романовых. В 1936 году вся семья переехала в Рим. Дело в том, что сестра его бабушки была королевой Италии. Когда в 1940 году Италия вступила в войну, Николаю исполнилось восемнадцать лет, однако, поскольку у него был паспорт без гражданства, в армию его не призвали. В 1944 году, когда Рим заняли войска союзников, Николай поступил на службу в англо-американскую часть, которая занималась ведением психологической войны.

«Послушай, Романов, а почему бы тебе не выучить английский?» — сказал ему как-то раз полковник-англичанин. Николай, знавший к тому времени французский и итальянский, рьяно взялся за дело.

В 1946 году перед самым референдумом, после которого Италия трансформировалась из королевства в республику, Николай вместе с родителями и братом уехал в Египет. Здесь он влюбился в египтянку, которая помимо родного арабского языка умела разговаривать лишь на английском.

— И тогда я значительно усовершенствовался в английском, — вспоминает он.

В 1950 году по пути в Женеву, где он намеревался

поискать работу в каком-нибудь из недавно открывшихся здесь учреждений ООН, Николай остановился по старой памяти на несколько дней в Риме и познакомился с графиней Зевой Делла Герардеска. Через месяц знакомства он сделал ей предложение. Она ответила согласием, но отец графини сказал Николаю: «Сначала устройся на работу».

И Романов стал продавать в Риме автомобили фирмы «Остин». Три года спустя почти одновременно скончались его тесть и шурин (последний и жена Николая были близнецами). Виноградные плантации в Тоскании остались бесхозными.

— Они не очень обширные, но вино там производится отменное, — говорит Николай. — Итак, я взял все на себя и на практике, тяжелым трудом познал азы и премудрости виноградарства. С тех пор оно стало главным занятием моей жизни.

Помимо фермерства, другим занятием Николая Романова, отнимавшим у него много времени, было чтение исторической литературы. Размышляя о прошлом, он испытывает глубокую симпатию к своему тезке, Николаю II.

— Он был очаровательным, исключительно вежливым и предупредительным человеком и в то же время очень несчастным, — говорит князь Николай. — Его нерешительность, склонность легко поддаваться чужому влиянию и менять уже принятые решения стали притчей во языцах. Он почти никогда не держал свое слово. Частично виноват в этом был его характер, а частично вся тогдашняя система. Вот, допустим, вы министр образования и приходите к царю на прием.

— Ваше величество, — говорите вы ему. — Мы должны построить в Таджикистане дюжину школ с преподаванием на русском языке, иначе все мальчишки там будут слушать только своих мулл.

И Николай скажет:

— Отличная идея. Правильно. Давайте так и сделаем.

Следующим на приеме у царя министр финансов, и Николай говорит:

— Да, кстати, я приказал построить двенадцать новых школ в Таджикистане.

А министр финансов отвечает:

— Идея, конечно, неплохая, но где взять деньги?

— А, ладно, — говорит царь, — где-нибудь найдем.

— Все не так просто, ваше величество, — возражает министр. — Ведь вы же знаете, что наступает срок платить проценты по французским займам. И вспомните, мы решили начать переоснащение артиллерийского парка. По правде сказать, денег у нас нет ни капли.

Царь в отчаянии:

— Вы хотите сказать, что мы не сможем сделать это?

— Во всяком случае, не сейчас, — говорит министр финансов. — Возможно, некоторое время спустя. А идея — просто великолепная.

На следующей встрече с министром образования царь говорит ему:

— Ах, кстати, замечательная идея эти ваши школы, но в настоящее время мы просто не можем себе позволить этого из финансовых соображений.

И министр образования, удрученный, выходит от него и пишет в своем дневнике, а позже и в мемуарах, что царь опять не сдержал своего слова.

— Проблема, — продолжает Николай Романов 1990 годов, — заключалась в системе. Если бы Николай II председательствовал на заседании Совета министров, он одновременно узнал бы и о необходимости построить школы и о том, что денег для этих целей нет. Возможно, тогда бы он сказал:

— Давайте начнем пока с трех школ, а там посмотрим.

Но в условиях самодержавия Николай должен был знать все и принимать каждое решение сам. В России самодержавие было вполне логичным во времена Петра I, но в царствование Николая II оно уже себя изжило.

Это подводит Николая Романова к рассуждению о возможности установления монархии в наши дни.

— Все, что я могу сказать, — это то, что говорящий о монархии в России сегодня не знает, о чем он говорит. Это просто немыслимо. Прежде всего потому, что это полный анахронизм. Идея, что монархия могла бы стать символом, который объединил бы всех русских — настоящая чушь. Да, русские действительно могут объединиться вокруг этого символа, но на очень короткое время. Как только возникнут проблемы, — а они обязательно возникнут, и очень скоро, — все это рухнет. И во всех бедах народ будет винить того, кто будет стоять во главе государства, но избавиться от этого человека уже будет нельзя. Вот почему я лично стою за президентскую республику, как наиболее рациональную форму правления для теперешней России. Потому что мы должны иметь возможность периодически менять человека, стоящего на самом верху. Так уже случилось с Горбачевым, так произойдет и с Ельциным. Самое главное — чтобы при всех этих заменах не травмировалась страна, чтобы не было кровопролития.

А как насчет конституционной монархии?

— Нет, я не думаю, что конституционный монарх, являющийся простым символом единства нации, смог бы принести какую-то пользу. Дело в том, что Россия не имеет конституционной традиции, — мы, Романовы, позаботились об этом в свое время, и наши

преемники-коммунисты продолжили эту линию после нас. Эта конституционная традиция рождается сейчас, она только начинает пускать корни. Проводятся выборы. В парламенте идет обсуждение законов, и принимаются они в ходе ожесточенной политической борьбы. Да, иногда туда избирают не тех людей, но это и есть демократия. Все досадуют на то, что какой-то сумасшедший по фамилии Жириновский внезапно набрал 25 процентов голосов и начинает делать заявления, от которых мороз по коже идет. А понимает ли кто-нибудь на Западе, почему у него появилось так много сторонников? Все очень просто. Возьмите русского моего возраста, семидесяти трех лет. Солдатом в двадцать два или двадцать три года он разгромил самую мощную армию в мире — немецкий вермахт. Он прошел с боями путь от Москвы до Берлина, вскарабкался на Бранденбургские ворота и водрузил там красный флаг. Всю свою жизнь он этим гордился. Сегодня, через пятьдесят лет, где этот старый солдат? Живет на пенсию, которой хватает лишь на два-три дня. И вы думаете, что он радуется, видя, как Россия выклянчивает займы у Германии и как по улицам в шикарных «мерседесах» и «БМВ» раскатывают иностранцы и русские мафиози?

— Чего я действительно хочу, — говорит Николай Романов, — так это того, чтобы моя страна побыстрее вышла из этого исторического периода. Я готов сказать, что мне безразлично, кто отдал приказ о расстреле моих родственников — Ленин, Свердлов, Смит или Джонс. Кто-то сделал это. Проклятье лежит на всех, кто жил в ту эпоху. Но, ради бога, прошло семьдесят пять лет, и теперь мы живем в новой России. Перед нами стоят колоссальные проблемы, давайте забудем о политическом аспекте прошлого. Давайте оставим это

чрезвычайно важно знать, и я вовсе не выступаю за то, чтобы предать эти дела забвению, но давайте не будем выпячивать значимость этой проблемы по сравнению с тем, что происходит сегодня и произойдет завтра.

А как же быть с захоронением екатеринбургских останков?

— Полагаю, что найденные кости человеческих скелетов действительно являются останками тех, кого казнили в подвале дома Ипатьева, но здесь самым важным моментом является вовсе не это. Главное, это то, что мы сегодня — весь русский народ — совершаем символический жест покаяния в этом преступлении. Мы идем и выражаем это чувство раскаяния у могилы жертв. Если кто-то вдруг скажет: «Послушайте, да ведь вы оплакиваете не те кости и не ту могилу», разве от этого мое раскаяние станет менее искренним? Суть этого явления в покаянии, а не в могиле. И когда со всем этим будет покончено, Россия сможет двинуться вперед.

При упоминании о расколе в семье Николай задумчиво покачивает головой.

— Послушайте, ведь Владимир женился на женщине ниже себя по происхождению, — говорит он. — Леонида родилась в самой знатной семье на Кавказе, которая принадлежит к числу самых почтенных, авторитетных семей русской титулованной знати, но в ее жилах не течет царская или королевская кровь. Она не представляет правящую династию. Ну и что? Мы все женились на женщинах менее знатного происхождения, и что из этого? Никто не требовал от нас отказа от наших прав, значит, мы женились, сохраняя их за собой и, следовательно, и мы, и наши дети все еще обладаем правами на российский престол. Такова наша позиция. Кирилл не желал признать этот факт, так же как Владимир и Мария. Но нам

наплевать на это, потому что мы не желаем царствовать в России. Однако мы утверждаем, из чувства справедливости, что Марии, которая добивается трона, не дано решать вопроса о том, кто мы и что мы. Она не обладает никакими достоинствами, которые делали бы ее особу более предпочтительной по отношению к нам, ко всем остальным. Если Марии удастся настоять на том, чтобы во время церемонии захоронения останков императорской семьи ей одной оказывались исключительные знаки почтения, тогда мой совет ко всем остальным Романовым будет таков — не ездите туда и не участвуйте в этой церемонии. Ибо религиозный акт всенародного примирения и раскаяния превратится в политическое событие.

— Знаете, во всем этом я усматриваю злую иронию судьбы, — я имею в виду наш русский закон о неравных браках. Наша семья, находясь в изгнании, проявляет в данном отношении куда большую придирчивость и строгость, чем королевские династии, которым до сих пор удалось усидеть на своих тронах. В Англии, Швеции, Бельгии, Нидерландах и Дании, если монарх или наследник престола женится на девушке ниже его по своему социальному статусу, большинство народа считает такой поступок весьма разумным и здравым в политическом плане.

К концу беседы выясняется, что Николай разделяет взгляды, высказывавшиеся в свое время вдовствующей императрицей Марией и великим князем Николаем Николаевичем о том, что конечным арбитром в этом вопросе должен стать русский народ.

— Только он может решить, нужен ему монарх или нет, а если нужен, то кто должен стать этим монархом, — говорит Николай. — Если люди захотят продолжить царствование династии Романовых, им следует предоставить возможность выбрать любого

следует предоставить возможность выбрать любого Романова, какой им больше понравится. Если же они предпочтут кого-то из другой семьи, ничего не поделаешь, воля народа свята. Решать не нам.

Николай, который считает себя князем Николаем Романовым, — глава семьи, президент Фонда Романовых, историк и бывший фермер. Но мысль о том, что он мог бы стать кем-то еще, гораздо более значительной персоной, видимо разделяет еще одна особа, весьма сведущая в вопросах монархической генеалогии и протокола. По традиции королева Англии встает в присутствии других монархов или глав государств. Не так давно в Лондоне на выставке изделий Фаберже произошел весьма примечательный случай. Когда Николай Романов приблизился к Елизавете II, чтобы быть представленным ей, королева встала.

В России образца 1995 года вновь широко используется царская символика. Российский флаг — это флаг Петра Великого. Двуглавый орел Романовых красуется на визах, выдаваемых российскими правительственными учреждениями, и на фуражках российских генералов. В Копенгагене при встрече с одним из князей Романовых российский посол, бывший советский дипломат, воздел кверху руки и произнес: «Только подумать! Они убили не только царя и императрицу, но и всех детей! Не пожалели даже их! Как ужасно!».

На обеде в Чикаго Анатолий Собчак, мэр Санкт-Петербурга, сообщил соседям по столу, что он поддерживает притязания великой княгини Марии и что установление в России конституционной монархии под эгидой великого князя Георгия — вопрос времени.

Несмотря на возрождение символов и оживление интереса ко всему, что связано с монархией, время,

о котором говорит Собчак, наступит еще не скоро. Русские в своем большинстве не желают реставрации власти Романовых.

— Романовы никого здесь не интересуют, — сказал Гелий Рябов, кинорежиссер, принимавший участие в поисках захоронения императорской семьи. — Почему? Люди устали. Устали! Они хотят жить спокойно, есть, пить, одеваться, отдыхать, спать и не думать о том, что завтра еще раз кто-то будет стрелять по правительственным зданиям.

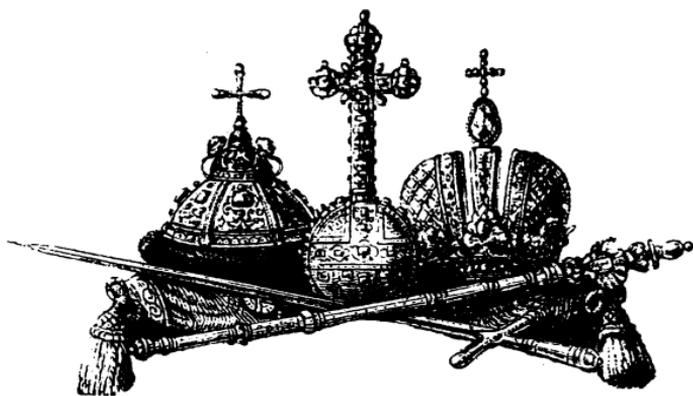
Павел Иванов, эксперт по ДНК, который оказывал помощь в идентификации останков Романовых в Англии, соглашается с ним.

— Зная, какова нынче жизнь в России, я могу лишь смеяться, — сказал он по поводу реставрации монархии. — У русского народа другие заботы, другие проблемы. Жить в Москве сейчас стало опасно; самый прибыльный бизнес в этом городе — продажа стальных дверей. Жизнь в России стоит пять тысяч долларов; за эту цену можно заказать убийство любого неугодного вам человека. Болтовня о царских семьях и тронах просто смехотворна.

Ирина Поздеева, профессор истории религии в Московском университете то же самое мнение выразила в более философской форме:

— Поверьте мне, для людей в России сегодня идея монархизма совершенно не существует. Сегодня люди не помнят батюшку-царя. Три поколения, даже четыре, выросли без этого образа. Он остался лишь в сказках и в исторической памяти. Для интеллигенции, для определенных кругов интеллектуального духа эта идея сохранилась, она имеет чудесную, романтическую окраску, но этого очень мало. Возвращение Романовых? Нет. Это было бы попыткой повернуть течение реки вспять.

Говоря языком дела, реставрация российской монархии потребовала бы, чтобы президент России и парламент — две инстанции, которые в настоящее время почти ни о чем не могут договориться между собой, — объединили свои усилия в осуществлении сложной, тонкой операции по созданию третьей инстанции — монархии, и водрузили бы ее на самый верх слабой, шатающейся правительственной структуры. Диктатор, русский Франсиско Франко мог бы это сделать, но Франко удерживал абсолютную власть в Испании в течение сорока лет. Кроме того, он подготовил свою страну к тому, что в конце концов и произошло, объявив о своем намерении реставрировать монархию за много лет до этого события. У России нет Франко, и она не нуждается в нем; ее эксперимент с демократией еще не завершен. Но демократия наделила Россию слабым и разобщенным правительством, находящимся в состоянии неустойчивого равновесия на краю пропасти, и любой неосторожный шаг может поколебать это хрупкое равновесие. Обнаруженные останки остаются незахороненными из страха, что акт погребения возбудит политический антагонизм. Труп Ленина, плавающий в растворах консервирующих веществ, лежит нетронутым в мавзолее на Красной площади. Его не предадут земле из опасений вызвать гнев коммунистов; останки императорской семьи лежат на столах екатеринбургского морга и не удостоиваются должного погребения из страха вызвать неудовольствие православной церкви. Правительство, бессильное даже предать упокоению эти останки свергнутой монархии, навряд ли сможет найти в себе силу воссоздать новую монархию. Ожидать от него каких-либо активных действий в этом направлении не приходится.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ

СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ДНЕЙ

В течение семидесяти восьми дней царь, его семья и сопровождавшие их лица находились в заключении в доме Ипатьева, где занимали часть помещений верхнего этажа. Николай и Александра жили в угловой спальне, стены которой были оклеены полосатыми одноцветными бледно-палевыми обоями. Там стояли две кровати, кушетка, два стола, этажерка и гардероб с двумя дверками, в котором хранилась вся одежда императорской четы. Их четыре дочери и тринадцатилетний сын разместились в другой комнате, оклеенной светло-серебристыми с розовато-зеленоватыми цветами обоями (вскоре кровать Алексея перенесли в спальню родителей). Служанка, Анна Демидова, спала в столовой; доктор Боткин спал в гостиной, а Трупп и Харитонов — в большой прихожей. На главном этаже с царской семьей всегда находились два-три вооруженных охранника, и, чтобы пройти в ванную или уборную, пленники должны были миновать этих людей. Дом был окружен деревянным забором высотой около 14 футов, закрывавшим даже окна, выходившие

на улицу, так что узники, выглядывавшие из них, могли видеть лишь верхушки деревьев.

Жизнь царской семьи вошла в скучное, монотонное русло. Вставали они в девять часов, а в десять пили чай с черным хлебом. Каждое утро и вечер они возносили молитвы господу и поочередно читали вслух Евангелие. Второй завтрак накрывали в час дня, а обед подавали между четырьмя и пятью, затем в семь вечера пили чай и, наконец, ужинали в девять часов вечера. Желаящим разрешалось выходить на прогулки два раза в день, по полчаса, утром и после обеда.

В Сибири в это время весна начинала вступать в свои права. Когда Николай, Александра и Мария, выехавшие из Тобольска первыми, прибыли в Екатеринбург, императрица очень радовалась тому, что долгая зима закончилась.

«Погода стояла славная, такая теплая и солнечная», — записала она в своем дневнике 30 апреля, в день, когда они впервые переступили порог дома Ипатьева. И в дальнейшем природа продолжала их радовать приятными, погожими деньками: «(Погода) чудесная, теплая, солнечная, но ветреная... славная, солнечная погода... светит солнце и по небу плывут облака... Прекрасное, светлое утро».

Однако 25 мая она отметила, что «был сильный снегопад», а на следующий день — что «все покрыто снегом».

После 15 мая наблюдать из дома за солнцем, облаками или снегом узникам стало весьма затруднительно. «Какой-то старик покрасил все окна снаружи белой краской», — записала Александра в своем днев-

нике в тот день, «так, что только через небольшое пространство наверху можно видеть лишь уголок неба, и теперь кажется, что на улице стоит густой туман». На следующий день другой человек закрасил и наружный термометр, и теперь они не знали даже, какая на улице температура. Четыре дня спустя командир отряда охраны «соскреб краску с термометра, и теперь снова можно видеть его показания», записала императрица.

23 мая из Тобольска прибыли Ольга, Татьяна, Анастасия, Алексей и матрос Нагорный (который пять лет носил царевича на руках, когда тот не мог ходить). «Какая радость снова быть с ними вместе», — записала Александра. В ту ночь не хватило кроватей, и четыре великие княжны спали на полу, расстелив на нем плащи и положив в изголовья диванные подушки.

Радость семьи по поводу воссоединения была вскоре омрачена болезнью царевича. «Бэби просыпался каждый час от боли в колене, он оступился и повредил его, когда ложился в постель», написала императрица. «Теперь он не может ходить. Его носят. Потерял с начала болезни четырнадцать фунтов».

Начиная с этого дня и до самого конца болезнь Алексея доминировала в мыслях его матери.

«Мы с бэби кушали в нашей спальне; его боли меняются... Владимир Николаевич (имеется в виду врач Деревенко, лечивший царевича, которому разрешили жить в городе и регулярно посещать своего пациента) пришел осмотреть бэби и переменить ему компрессы... Бэби спал в комнате с Нагорным... Бэби опять провел ужасную ночь. Опухоль немного спала, но боли то ослабевают, то усиливаются.

27 мая: У бэби опять была плохая ночь. Евгений

Сергеевич (доктор Боткин) просидел часть ночи (с ним), чтобы дать Нагорному выспаться. В целом уже лучше, хотя боли очень сильные. В 6.30 Седнева (повар) и Нагорного увели; не знаю причины*. (Доктор Боткин) провел ночь с бэби.

28 мая: Бэби в целом спал хорошо, хотя и просыпался каждый час — но боли уже менее сильные. Я спросила, когда Нагорного снова пустят к нам, потому что не знаю, как мы будем управляться без него... Бэби некоторое время очень переживал. После ужина Бэби отнесли в его комнату. Боли усилились.

30 мая: Ночью Бэби было лучше, он провел день в нашей комнате. Приступы боли случались очень редко. (Доктор Деревенко) обнаружил, что опухоль в колене уменьшилась на один сантиметр. Перед обедом боли усилились, его отнесли в его комнату.

2 июня: Бэби поспал немного — играла с ним в карты... После ужина Трупп и Харитонов унесли его в комнату.

5 июня: Славное утро. Бэби спал плохо, нога болела, из-за этого.

... (доктор Деревенко) снял вчера гипс, который фиксировал колено... (доктор Боткин) вынес его наружу и посадил его в мое кресло-коляску; Татьяна и я сидели с ним на солнце. Опять лег в постель, потому что нога болела от перевязок и переноски. 6.00 вечера. (доктор Деревенко) пришел и опять наложил ему гипсовую повязку, потому что колено еще больше распухло и опять болит».

После того как кровотечение остановилось и отек на колене Алексея спал, боли уменьшились и его нога стала выпрямляться. Когда погода была хорошая, его

* Четыре дня спустя Седнева и Нагорного расстреляли. Царская семья так и не узнала об этом.

выносили наружу, посидеть на солнышке. «Сидела с Бэби, Ольгой и Анастасией у дома», — записала Александра. «Выходила с Бэби, Татьяной и Марией... выкатила Бэби в сад, и мы все сидели там целый час. Очень жарко, прекрасные кусты сирени и небольшой жимолости».

Большую часть времени Александра, как и Алексей, проводила в бездействии. Не имея возможности ходить из-за частых приступов радикулита, она лежала в постели или же сидела в своем кресле-каталке в спальне с бледно-желтыми обоями, перед окнами, покрашенными белой краской, и вышивала, рисовала или же читала Библию, молитвенные книги или «Жизнь Святого Серафима Саровского». 28 мая она отметила: «Я впервые подстригла Николаю волосы», а 20 июня: «Опять постригла ему волосы». Об Александре заботились ее дочери: «Мария читала мне после чая... Мария вымыла мне волосы... Татьяна читала мне... Анастасия читала мне... другие вышли, Ольга осталась со мной». Императрица страдала от частых мигреней. «Я осталась в постели, потому что у меня сильно кружилась голова и так болят глаза... Лежала с закрытыми глазами, так как голова продолжала болеть... Оставалась весь день с закрытыми глазами, к вечеру голове стало хуже».

Николай II, пожалуй, испытывал те же чувства, что и дикое животное, привыкшее жить на воле, но пойманное и запертое в клетку. Не имевший возможности выходить когда ему хотелось, он то и дело мерял шагами комнату, взад-вперед, взад-вперед. Однажды теплым июньским вечером он записал в своем дневнике: «Невыносимо сидеть вот так, взаперти и быть не в состоянии выйти в сад, когда этого

захочешь, и провести прекрасный вечер на открытом воздухе». Он устал, и мешки у него под глазами увеличились. «Скука, — писал он, — невероятная». Страдая геморроем, он три дня провел в постели, «поскольку так удобнее делать компрессы». Александра и Алексей сидели у его кровати, когда он завтракал, пил чай и ужинал. Через два дня и две ночи он мог уже сидеть, а на следующее утро встал и вышел на прогулку. «Очень пышная и чудесная зелень», записал он в дневнике.

Одолеваемые скукой, изолированные от внешнего мира, неосведомленные даже о таких событиях, как смерть Нагорного, узники находили разнообразие главным образом в наблюдении за тем, как протекали их болезни и менялась погода. Дни рождения проходили серо, буднично; их едва ли замечали, хотя за время пребывания царской семьи в доме Ипатьева случились четыре такие памятные даты: 19 мая Николаю II исполнилось пятьдесят лет; 6 июня — сорок шесть лет минуло со дня рождения Александры Федоровны; 18 июня царь отметил в дневнике: «Дорогой Анастасии исполнилось семнадцать»; 27 июня — «Нашей дорогой Марии исполнилось девятнадцать». Время от времени эта монотонность нарушалась. В начале мая прибыла посылка: «Получили шоколад и кофе от Эллы (сестры императрицы, великой княгини Елизаветы), — записала Александра. — Ее выслали из Москвы, и сейчас она в Перми». На следующее утро императрица написала в дневнике: «Великое лакомство — чашка кофе». Иногда случались перебои с подачей электричества. «Ужин, три свечи в стаканах; карты при свете одной свечи», — писала она. 4 июня она заметила, что новый правитель России

простер свою власть даже на время: «Ленин издал указ, чтобы стрелки часов перевели на два часа вперед в целях экономии электричества, и поэтому в десять часов они объявили нам, что уже двенадцать часов».

По мере того как шли эти тягостные дни, пленники дома особого назначения, все — от императора до повара, — все теснее чувствовали узы, сближавшие их. Ежесекундное дыхание опасности сроднило их, сплотило в единую семью. Боткин, скорее старый друг царской семьи, чем просто врач, часто сидел после ужина с Николаем и Александрой и беседовал с ними или играл в карты. Днем, когда Александра и Алексей не могли выйти из дома, Боткин оставался с ними внутри и помогал им коротать время за картами. После того как забрали Нагорного, Боткин иногда спал в одной комнате с царевичем и по очереди с Николаем, Труппом и Харитоновым выносил Алексея во двор. 23 июня болезнь настигла и самого Боткина. Он слег с жесточайшими коликами, и ему потребовался укол морфия. Прележав пять дней в постели, он немного поправился и смог сидеть в кресле. Александра сидела с ним. Затем заболел Седнев, и императрица следила за его температурой и ходом болезни.

Четыре великие княжны, молодые девушки, делали все, что могли, чтобы хоть как-то разнообразить свою жизнь. Татьяна и Мария читали матери вслух и играли с нею в бридж. Татьяна также играла в карты с Алексеем и в периоды обострения его болезни спала ночью рядом с его постелью. Ольга, особенно привязавшаяся к отцу, дважды в день выходила с ним на прогулку. Все четверо помогали Демидовой што-

пать чулки, белье. В конце июня Харитонов, повар, предложил им помочь ему печь хлеб; «Девочки месили тесто для выпечки», отметила Александра. «Дети раскатали тесто и вылепили хлеб, и теперь он печется... Завтракали: превосходный хлеб... Дети каждый день помогают на кухне».

В июне на них своей жарой обрушилось лето. Это было время внезапно налетавших гроз с громом и молниями и мощными ливнями, а затем опять быстро на небосводе появлялось яркое солнце и начинало нещадно палить. 6 июня Александра записала: «Очень жарко, ужасно душно в комнатах». Положение усугублялось теплом, исходившим из кухни. «Теперь еду для нас приходится готовить Харитонову», — записала она 18 июня. «Очень жарко и душно, потому что не велят открывать ни одно окно. Запахи из кухни распространяются повсюду». 21 июня в ее дневнике сделана такая запись: «В саду страшно жарко, сидели под кустами. Они разрешили нам побыть во дворе лишнего полчаса. Жара и духота в непроветриваемых комнатах — невыносимые».

Двойные окна были закрыты наглухо по приказу Уралсовета в целях предотвращения попыток узников к бегству и связи с возможными сообщниками снаружи путем подачи сигналов из дома. Николай стал добиваться отмены этого постановления. «Сегодня за чаем вошли шесть человек, наверное, из областного Совета, чтобы выяснить, какие окна можно открыть, — записал он в своем дневнике 22 июня. — Для решения этого вопроса потребовалось почти две недели! Часто разные люди приходили и молча в нашем присутствии проверяли окна». В данном вопросе царь все же восторжествовал. «Пришли два солдата и вынули одну раму в

нашей комнате, — написала Александра 23 июня. «Такая радость, наконец-то свежий, ароматный воздух и одно окно больше не закрашено белым». «Аромат из всех городских садов — изумителен», — писал Николай.

Алексей, которого выносили из дома, обычно сидел на солнышке, пока царь с дочерьми гуляли под надзором охранников, не спускавших с них глаз. Со временем у этих малообразованных людей стало складываться иное впечатление о семье царя...

«Эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе впечатление о них всех, — сказал Анатолий Якимов, бывший охранник дома особого назначения, попавший в плен к белым. — Царь был уже не молодой. В бороде у него пошла седина... На нем была солдатская гимнастерка, подпоясанная офицерским поясом с пряжкой... Пряжка была желтого цвета... гимнастерка — цвета хаки, такого же, как и его шаровары, и старые изношенные сапоги. Глаза у него были хорошие, добрые... Вообще он на меня производил впечатление доброго человека, простого, откровенного, разговорчивого. Так и казалось, что вот-вот он заговорит с тобой, и, как мне казалось, ему охота была поговорить с нами.

Царица, как по ней заметно было, совсем на него не похожа. Взгляд у нее был строгий, фигура и манеры как у женщины гордой, важной.

Мы, бывало, в своей компании разговаривали про них, и все мы думали, что Николай Александрович — простой человек, а она не простая, и как есть, похожа на царицу. На вид она была старше его. У нее в висках заметна седина, лицо у нее было уже женщины не молодой, а старой...

От моих мыслей прежних про царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому: мне стало их жалко. Я говорю вам сущую правду. Вы можете верить мне или не верить, но я все время говорил себе: „Пусть они спасутся... Боже сделай что-нибудь, чтобы они спаслись!“».

4 июля стояло «прелестное утро, чудесный воздух, не слишком жарко». В это утро в доме Ипатьева появился человек, которого Николай называл «темный господин». Он стал распоряжаться охраной дома особого назначения. Этим человеком с черными глазами, черной шевелюрой и черной бородой и одетым в черную кожаную тужурку был чекист Яков Юровский. По иронии судьбы именно в этот день Александра написала, что Алексей поправляется: «Бэби кушает хорошо и теперь остальным стало тяжелей носить его. Он легче двигает ногой. Как жестоко, что нам не хотят отдать Нагорного».

С прибытием Юровского в быте заключенных высоких особ произошли некоторые незначительные перемены к лучшему. Новые охранники, которых он привел с собой, отличались лучшей дисциплиной, прекратилось приставание к великим княжнам, когда те следовали в туалет. Запись в дневнике Александры от 13 июля заканчивалась на оптимистической ноте: «Прекрасное утро. Как и вчера, я весь день провела лежа на постели, потому что от движения у меня болит спина. Остальные выходили дважды. Анастасия после обеда осталась со мной. Говорят, что Нагорного... выслали из (области), вместо того, чтобы вернуть нам. В 6.30 Бэби впервые после отъезда из

Тобольска принял ванну. Он сам, без посторонней помощи, забрался в нее и вылез, так же как сам теперь встает с постели и ложится в нее, но стоять он может пока лишь на одной ноге».

В воскресенье 14 июля Александра записала в дневнике, что извела «радость вечерней молитвы — во второй раз нас посетил молодой священник. Отец Сторожев уже приходил до этого в мае, и Юровский дал согласие на его вторичный приход. Священник обнаружил, что вся семья уже собралась вместе и ждала его: Алексей сидел в кресле-каталке своей матери; Александра, в сиреновом платье, сидела рядом с сыном; Николай в гимнастерке защитного цвета, шароварах и сапогах стоял в окружении своих дочерей, которые были одеты в белые блузки и темные юбки. Когда началась служба, Николай встал на колени.

Знакомая Александры прислала в Тобольск стихотворение, посвященное Ольге и Татьяне. В доме Ипатьева Ольга переписала его на отдельный листок, который затем вложила в одну из своих книг. Эта книга была найдена в доме белыми:

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И Крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленье,
Христос Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов.

В четверг 16 июля рассеялось серое утро и выглянуло солнце. Семья собралась вместе, помолилась и села пить чай. Прибыл Юровский производить свою обычную проверку и в качестве особого угощения принес корзину свежих яиц и молоко. Алексей слегка простудился. Николай, Ольга, Мария и Анастасия вышли на получасовую утреннюю прогулку, а Татьяна осталась в доме почитать матери из книги пророка Амоса. В четыре часа дня Николай вместе со своими четырьмя дочерьми опять вышел в сад. В восемь часов семья поужинала, помолилась, а затем все разошлись. Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия прошли в свою комнату; Алексей отправился спать в комнату родителей. Александра и Николай еще некоторое время играли в безик. В 10.30 вечера Александра сделала запись в дневник. Было прохладно, и она записала: «15 градусов». Затем она выключила свет, легла рядом с мужем и заснула.

БИБЛИОГРАФИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Большая часть письменных источников, которые способствовали моему пониманию Николая II и его семьи и помогли мне проникнуться духом той эпохи, перечислена в библиографии к моей предыдущей книге «Николай и Александра». При работе над этой книгой я внимательно перечитал книги Николая Соколова «Убийство царской семьи» и Павла Быкова «Последние дни Романовых». К сожалению, в процессе написания первой книги дневник Юровского был мне недоступен, и я, как и многие другие, слишком много полагался на заключение Соколова о том, что тела были уничтожены. Отчет Юровского об убийствах, впервые обретший широкую известность в 1989 году благодаря Эдварду Радзинскому (позднее включившему его в свою книгу «Последний царь»*), описывал то, что случилось в действительности. Именно благодаря этому документу Александр Авдо-

* В русском издании — «Господи... спаси и усмири Россию» Николай II: жизнь и смерть. М., «Вагриус», 1993

нин и Гелий Рябов сумели обнаружить места захоронения тел.

В основном источником сведений для создания этой книги послужили не материалы, публиковавшиеся в периодической печати и книгах, а около сотни интервью, взятых у людей в Екатеринбурге, Москве, Лондоне, Бирмингеме, Париже, Копенгагене, Мадриде, Ульме, Нью-Йорке, Гейнсвилле, Палм-Бич, Остине, Фениксе и Беркли. В написании первой части этой книги, «Останки», большую помощь мне оказали многие русские, среди них доктор Сергей Абрамов, Александр и Галина Авдонины, доктор Павел Иванов, Николай Неволин, Гелий Рябов, Владимир Соловьев, Сергей Мироненко, князь Алексей Щербатов, митрополит Виталий, архиепископ Лавр, епископ Илларион, епископ Василий Родзянко и отец Владимир Шишков. Я всем им очень благодарен. Я хочу также поблагодарить доктора Питера Гилла, Карен Пирсон, князя Ростислава Романова, Майкла Торнтона, Джулиана Нотта, Нейджела Мак-Крери и Барбару Уайтхолл, которые помогали мне в Англии. В Соединенных Штатах помощь мне оказывали Джеймс А. Бейкер III, Маргарет Татуайлер, Грейс и Рон Моу, Билл Дэбни, Майк Мэрроу, доктор Уильям Мейплс, доктор Майкл Баден, доктор Лоуэлл Левин, доктор Уильям Хэмилтон, Уильям Гоца, Кэтрин Оукс, доктор Чарлз Гинтер, доктор Алка Мансукхани, доктор Уолтер Роу, доктор Ричард Фреде, доктор Билл Родригес, Мэт Кларк, Марк Столяров, Мэрилин Свези и Роберт Атчинсон.

В работе над материалом о самозванцах, использовавших имя Романовых, в целом я получил помощь от Александра Авдонина, Эдварда Радзинского, Владимира Соловьева, князя Николая Романова, Рикар-

до Матеоса Сайнца де Медрано, Павла Иванова, епископа Василия Родзянко и Мэрилин Свези, которые предоставили мне весьма интересные сведения.

В «Заговорах Романовых» Михаил Оклешов описывает побег и последующую жизнь Ларисы Федоровны Тюдор.

Собрать материалы по Михаилу Голеневскому и Евгении Смит мне помогли графиня Дагмара де Брантес, Брайан Хорен, Виктор Дрикс, епископ Григорий (ранее отец Георгий Граббе), отец Владимир Шишков, доктор Ричард Розенфельд, Дэвид Мартин, Дэвид Грайс, Лерой А. Дизик и Денис В. Гредлейн. В книгах Давида Мартина «Зеркальный лабиринт» и Гая Ричардса «Охота на царя» содержалась полезная информация о Михаиле Голеневском.

Существует весьма обширная литература об Анне Андерсон, список которой, несомненно, будет пополняться новыми работами. Прежде всего следует упомянуть фальсифицированную автобиографию «Я — Анастасия», о существовании которой Анна Андерсон не имела никакого представления, пока ее не ознакомили уже с готовой книгой. Большая часть свидетелей и участников этого диспута выразили свои мнения в письменном виде. Среди этих работ много прочитанных, — «Анастасия» Хэрриэт Рэтлиф-Кейлман; «Фальшивая Анастасия» Пьера Жильяра и Константина Савича; «Настоящие Романовы» и «Женщина, которая возрадилась снова» Глеба Боткина; «Последняя великая княжна» (Ольга, сестра Николая II) Яна Ворреса; «Анастасия, кто вы?» Доминика Оклерса и «Дом особого назначения» Дж. К. Тревина (написанную на основе воспоминаний Чарлза Сиднея Гиббса, английского гувернера царских детей. Относительно недавно вышли еще две биографии Анны Андерсон: «Анастасия: загадка Анны Андер-

сон» Питера Курта и «Анастасия: Потерянная принцесса» Джеймса Блэра Лавелла. По глубине исследования, стилю речи и серьезности цели книга Курта явно выделяется среди остальных. Брайан Хорен любезно согласился предоставить мне экземпляр своей еще не опубликованной рукописи, где рассматриваются все факты за и против в деле Анны Андерсон.

Я благодарю доктора Гюнтера фон Беренберг-Госслера за то, что он позволил мне взглянуть на главу его неопубликованной работы о Франциске Шанцковской.

Майкл Торнтон проявил истинную щедрость: он консультировал меня не считаясь со временем, а также предоставил в мое распоряжение свою обширную коллекцию писем Анны Андерсон и достопамятных вещей. Подобную же помощь оказал мне и Брайан Хорен, хорошо знающий историю Анны Андерсон и историю раскола в семье Романовых. Джон Орбелл из «Бэринг Бразерс», Уильям Кларк, автор «Исчезнувших сокровищ царя» и Х. Лесли Казенс из Прайса, Уотерхаус, помогли мне разобраться в противоречивой истории с деньгами Романовых в английских банках.

Отчет о судебном процессе в Шарлотсвилле составлен исключительно на основании интервью и бесед. В этом отношении незаменимыми для меня оказались Ричард и Марина Швейцер, чьей честностью и бескорыстностью мотивов я не мог не восхищаться, хотя и не разделял их убеждений. Помимо этого я хочу поблагодарить Сьюзен Буркхарт, Мэри Девитт, Милдер Ивелл, барона Эдуарда фон Фальц-Фейна, доктора Питера Гилла, доктора Чарлза Гинтера, Владимира Голицына, Рона Хансена, Пенни Дженкинс, доктора Вилли КORTE, Питера Курта, Сида Мандельбаума, Мэтью Мюррея, Энн Никельс, Джулиана

Нотта, Мориса Филиппа Реми, Дина Робинсона, Ронду Роби, князя Алексея Щербатова и Майкла Торнтона.

При написании главы о потомках Романовых и о возможности возрождения династии в России я опирался на беседы, которые имел с Мариной Бидлсон, князем Дмитрием и княгиней Доррит Романовыми, великим князем Георгием, великой княгиней Леонидой, великой княгиней Марией, князем Михаилом Романовым, князем Николаем и княгиней Зевой Романовыми, князем Ростиславом Романовым, Полем и Анжеликой Ильинскими, Ксенией Сфирис, князем Францем Прусским, князем Джованни Бурбоном Сицилийским, князем Георгием Васильчиковым, профессором Ириной Поздеевой, доктором Павлом Ивановым, Гелием Рябовым, Хосе Луисом Лампреди Эсколаром, Рикардо Матеосом Сайнцем де Медрано и Альбертом Бартриджем.

Неоценимую помощь оказали мне Эдвард Казинек, заведующий славянско-балтийским отделом нью-йоркской публичной библиотеки, и его коллега Сергей Глебов. Дебора Бейкер была первой, кто рассказал мне о роли, которую играет анализ ДНК в идентификации останков. Эдмунд и Сильвия Моррис гостеприимно встретили меня в Вашингтоне и на время оставили работу над своими книгами, чтобы помочь мне в написании моей. Ханна Пакула одолжила мне редкую книгу из своей библиотеки, Ян Лильберн позволил мне использовать его снимки. Говард Росс бросил все на несколько дней, чтобы помочь с другими снимками. Анник Меско, Жак Ферран, Джулия Корт, Виктория Льюис и Петра Хентонен комментировали написанное мною и обеспечивали перевод материалов со многих языков. Когда у меня возникали затруднения, тут же мне протягивали руку помощи Кен Бэрроуз, Джереми Нессбаум и Нэнси Фелтсен. Я

многим обязан Долорес Карл, потратившей несколько сот часов на прослушивание записанных на пленку интервью, которые ее усилиями превратились в несколько тысяч страниц аккуратного машинописного текста. Вдобавок она спасала меня всякий раз, когда я терпел поражение в схватке с моим новым (и первым) компьютерным процессором текстовой обработки.

До того как я приступил к работе над этой книгой, я не знал Машу Толстую Сарандинаки и Питера Сарандинаки. Мы с Питером вместе ездили в Екатеринбург, где жили с Александром и Галиной Авдониными, ходили по величественным сосновым и березовым лесам, видели места, где случилось то, что невозможно передать словами, и смотрели на непогребенные останки семьи российского императора. Как только мы вернулись домой, Маша взялась за перевод пленок с русскими текстами на английский, отвечала на вопросы, предлагала свои варианты и постоянно держала связь с Россией по телефону, чтобы я не отстал от событий. Им, а также Ольге Толстой — моя сердечная благодарность.

Я благодарен также Гарри Эвансу из издательства «Рэндом Хаус», который с энтузиазмом воспринял идею создания этой книги, и Роберту Лумису, чьи терпение, искусство и опытный глаз, сразу же выхватывавший недостатки, помогали многим авторам в течение почти сорока лет. Дэн Франклин, Кэролайн Мичел, Арнольф Конради и Элизабет Руж верили в эту книгу с самого начала.

Многие друзья оказывали мне имевшую большое значение моральную поддержку во время написания этой книги. Среди них я в особенности хотел бы поблагодарить Арта и Франсуазу Шпигельман, Гарольда Бродки и Элен Швамм, Мелани Джексон и

Томаса Пинчона, Фреда Карла, Шелдона и Хелен Атлас, Эльзу Джобити, Джэнет Бирн, Ивана Золотарева, Джеффа Сероя, Дуга Штумпфа, Яна и Карла Рамиресов, Кристину и Паоло Алимонти, Стива и Энн Хэллиуэллов, а также Джовани и Корнелию Багаротти. Я также помню вечер в Нэшвилле в ноябре 1993 года, когда мои друзья терпеливо выслушивали мои аргументы за и против написания этой книги. За единственным исключением, с их стороны последовало одобрение. За этот совет я благодарен Джеку и Линн Мэй, Гербу и Мэй Шейнам, Джилу и Робин Мериттам, Джорджу и Офелии Пэйнам и Генри Уолкеру.

На плечах моей жены, Деборы Карл, являющейся также моим литературным агентом, лежал главный груз забот о том, чтобы из всей этой истории получилась книга. Она решительно поддержала мою идею в самом начале и заключила контракт с издательством. Я приступал к работе над следующей главой только после того, как она прочитывала уже написанную главу. Я запаздывал со сдачей рукописи и испытывал определенный прессинг со стороны издательства, но моя жена стойко защищала мои интересы. Конечно, не все в жизни бывает гладко. Когда работа уже близилась к концу, мы с ней неожиданно получили удар ниже пояса от одного из моих братьев по писательскому ремеслу. В течение довольно значительного времени в моих мыслях царили разброд и ярость, и жажда мщения облекалась в сотни всевозможных форм, но все же моей жене своим безграничным терпением и рассудительностью удалось вернуть мне работоспособность и уверенность в своих силах, и лишь благодаря ей я закончил эту книгу.

ОБ АВТОРЕ

Роберт К. Масси — автор книг *«Николай и Александр»*, *«Петр Великий: Его жизнь и мир»* (которая завоевала Пулитцеровскую премию в категории биографий) и *«Дредноут: Британия, Германия и Грядущая Великая война»*. Он также является соавтором *«Путешествия»*.

С 1987 по 1991 год он был президентом Писательской гильдии.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая.</i> ОСТАНКИ	5
ДВАДЦАТЬ ТРИ СТУПЕНИ ВНИЗ	7
СОГЛАСОВАНО С МОСКВОЙ	19
«ТОЛЬКО БЫ Я НИЧЕГО НЕ НАШЕЛ!»	37
ГОГОЛЕВСКИЙ ПЕРСОНАЖ	56
ГОССЕКРЕТАРЬ БЕЙКЕР	72
«ТАЙНЫ СМЕРТИ МАНИЛИ ЕГО»	79
ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	103
НА ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	116
ДОКТОР МЕЙПЛС ПРОТИВ ДОКТОРА ГИЛЛА	142
ЕКАТЕРИНБУРГ СМОТРИТ В ЛИЦО СВОЕМУ ПРОШЛОМУ	159
СЛЕДОВАТЕЛЬ СОЛОВЬЕВ	166
ПОХОРОНЫ ЦАРЯ	191
<i>Часть вторая.</i> АННА АНДЕРСОН	201
САМОЗВАНЦЫ	204
ПРЕТЕНДЕНТКИ	231
ДЕЛО ЧЕСТИ ВСЕЙ СЕМЬИ	281
У ЭТИХ ЛЮДЕЙ НИКАКОГО ПОЛОЖЕНИЯ	312
ТОЧНО ТАКАЯ ЖЕ, КАК ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ЕЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ	339
УЦЕЛЕВШИЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ОТПРЫСКОВ	359

Часть третья. ОНИ УЦЕЛЕЛИ	375
РОМАНОВЫ В ЭМИГРАЦИИ	377
Часть четвертая. ИПАТЬЕВСКИЙ ДОМ	419
СЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ДНЕЙ	421
БИБЛИОГРАФИЯ И ВЫРАЖЕНИЕ	
 ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	433
ОБ АВТОРЕ	440

Научно-популярное издание

Масси Роберт К.

РОМАНОВЫ

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

Художник А. А. Шуплецов
Технический редактор Е. В. Михалкина
Корректор Г. П. Быкова

Подписано в печать 27.06.97. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура
«Times». Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 11 000 экз. Зак. 1284.

Фирма «РУСИЧ». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.
OCR - Давид Титиевский, февраль 2017 г., Хайфа

РОМАНОВЫ

ПОСЛЕДНЯЯ
ГЛАВА

81

III.8

И

* 6 6 4 5 *

0.50

30,00